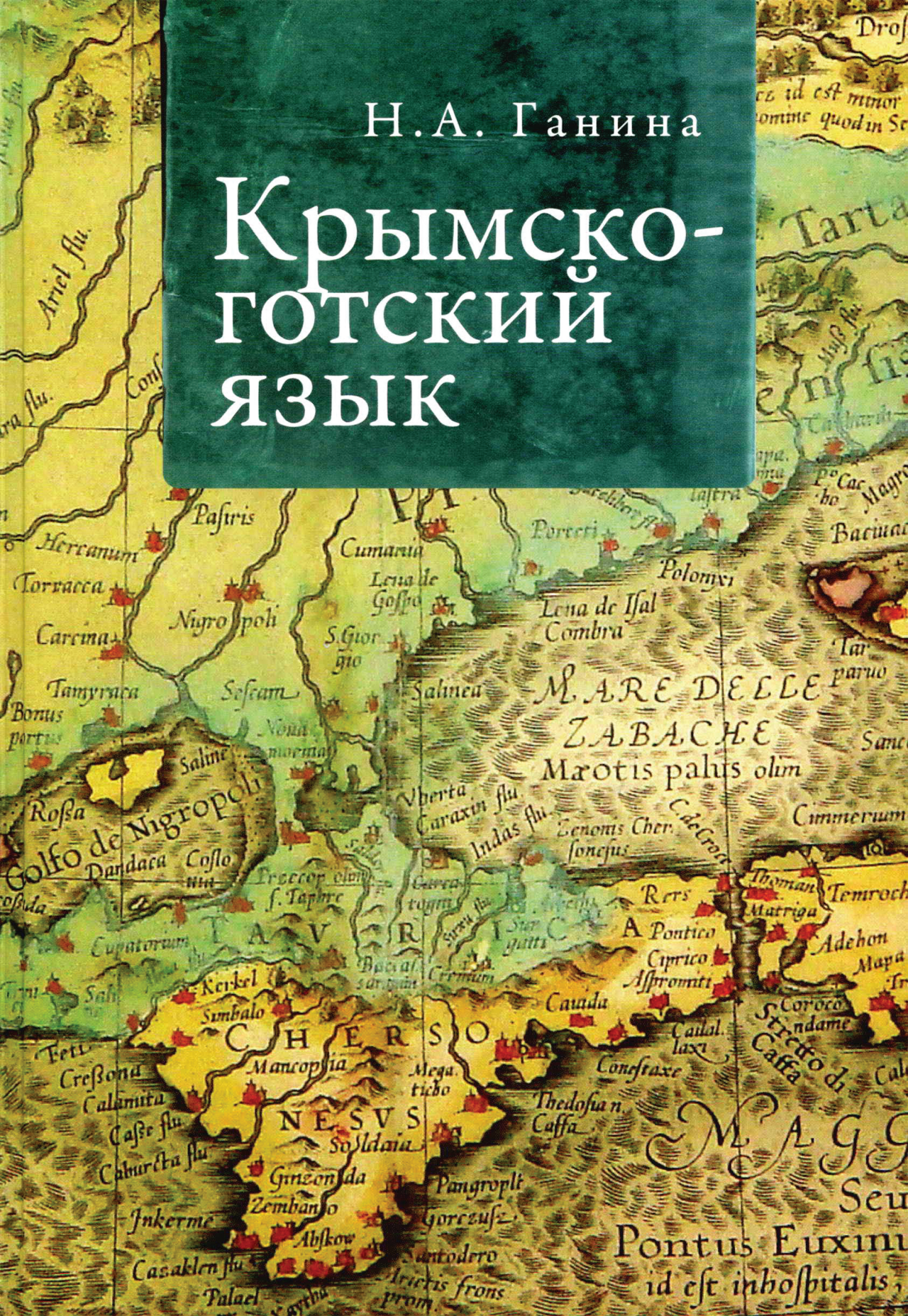

Н.А. Ганина

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

~ V ~

Институт славяноведения РАН
Центр славяно-германских исследований

Н.А. Ганина

Крымско- готский язык

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 811.11(09)
ББК 81.2-03
Г19

Рецензенты:

Член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*
Доктор филологических наук, профессор *Е. Р. Сквайрс*

Ответственный редактор серии *Ф. Б. Успенский*

Ганина Н. А.

Г19 Крымско-готский язык. — СПб. : Алетейя, 2011. — 288 с., ил. -
(Серия «Славяно-германские исследования», т. V).

ISBN 978-5-91419-419-9

В монографии представлен всесторонний анализ бытования, письменной фиксации и структурных уровней одного из германских реликтовых языков — крымско-готского. Этот язык совершил уникальный исторический путь — от проникновения германцев в Северное Причерноморье в конце III в. до письменной фиксации стараниями О. Г. де Бусбека во второй половине XVI в. Пребывание готов в Крыму — обширная проблема, до сих пор не получившая должного междисциплинарного освещения. В данном исследовании обобщаются как историко-археологические, так и лингвистические аспекты крымско-готской проблемы, а также решаются вопросы, являющиеся смежными для истории, лингвистики и краеведения. Книга предназначена для историков, филологов и всех, кто интересуется историей древних германцев и Крыма.

УДК 811.11(09)
ББК 81.2-03

ISBN 978-5-91419-419-9

© Ганина Н. А., 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Светлой памяти

*Марины Григорьевны Нецецкой
Ирины Александровны Ершовой
Олега Николаевича Трубачева
Владимира Николаевича Топорова
Марка Борисовича Щукина,*

знавших и любивших эти места.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крымско-готский язык известен по единственной письменной фиксации, осуществленной в 1560–1562 гг. фламандским дипломатом-гуманистом Ожье Гисленом де Бусбеком. Пребывание готов в Крыму — обширная проблема, с давних пор привлекающая внимание ученых. Так исторически сложилось, что в России всегда был наиболее известен ее историко-археологический аспект, тогда как западноевропейская наука сосредоточилась на интерпретации реликтов крымско-готского языка. Однако специфика крымско-готской проблемы этим не ограничивается.

Еще в конце XX века, когда эта работа только задумывалась, было очевидно некоторый разрыв между источниками, сообщающими о готах в Крыму, и данными археологии. Свидетельства источников излагались в обобщающих работах (ср. [Васильев 1921, 1927, Vasiliev 1936]), а результаты раскопок и мнения археологов — в отдельных публикациях, требующих последующей оценки специалистов. Сейчас мы наконец располагаем целым рядом обобщающих трудов [Айбабин 1999, Харитонов 2004, Щукин 2005], по которым вполне можно судить о состоянии крымско-готской археологии. Однако разрыв между историко-археологической и филологической областью по-прежнему не преодолен. Историки не обращаются к подробному анализу крымско-готского языка — ср. обширные труды Х.-Ф. Байера и М. Б. Щукина [Байер 2001, Щукин 2005], где по вполне понятным причинам лингвистические проблемы не затрагиваются. Однако без рассмотрения крымско-готских лексических данных сумма наших знаний о крымских готах всегда будет неполной. В свою очередь, филологи, анализирующие крымско-готский язык, весьма смутно представляют себе основные достижения крымской археологии. В лучшем случае дело ограничивается анализом источников, а поскольку до сих пор крымско-готским языком детально занимались лишь зарубежные филологи, то указания на источники обычно приводятся по нескольким известным исследованиям (в частности, [Loewe 1896, Vasiliev 1936]).

Аспекты крымско-готской проблемы, являющиеся смежными для истории, лингвистики и краеведения, также разработаны недостаточно. Даже в крупных работах, посвященных крымско-готскому языку [Stearns 1978, Grønvik 1983], остается без обсуждения проблема наличия или, наоборот, отсутствия

германских реликтов в крымской топонимике и ономастике (хотя эта тема была рассмотрена О. И. Трубачевым [Трубачев 1989, Трубачев 1999]).

Таким образом, исследование крымско-готских языковых реликтов представляет значительный междисциплинарный интерес.

Имеющиеся в настоящее лингвистические интерпретации крымско-готского материала также требуют нового обсуждения и дополнения по целому ряду позиций. После труда М. Стернса [Stearns 1978], основополагающего в этой области, появился целый ряд новых трактовок материала — от новых этимологий, предложенных в разных работах О. И. Трубачева (ср. [Трубачев 2004]), до крайне дискуссионной книги О. Грёнвика [Grønvik 1983]. Многие вопросы крымско-готской этимологии и фонетики до сих пор остались нерешенными, и новые трактовки материала предлагаются в настоящей работе. Существенно, что до сих пор в России не было ни одного лингвистического исследования по данной теме, хотя мысли о необходимости обращения к ней высказывались уже давно (ср. [Топоров 1983]). С целью заполнения указанных лакун и была создана эта работа.

Исследование крымско-готского языка находится в рамках общей проблематики изучения древнегерманских реликтовых языков (ср. [Germanische Rest- und Trümmersprachen, 1989, Ганина 2006, Ганина 2008]). Интерпретация древнегерманских лексических реликтов не как разрозненных осколков, но как значительных свидетельств, в своей совокупности образующих целую сферу лингвистических и исторических фактов, в настоящее время получила общее признание в науке, а исследование древнегерманских реликтовых языков принадлежит к перспективным направлениям германистики. Крымско-готский — во всех смыслах реликтовый язык. Прежде всего, он известен в единственной и весьма специфической письменной фиксации. Далее, он совершил уникальный исторический путь от проникновения германцев в Северное Причерноморье в конце III в. до письменной фиксации в XVI в. И наконец, этот язык оказался неожиданно устойчивым и бытовал в качестве реликтового даже в позднюю эпоху. Крымско-готский материал имеет большое значение как в собственном смысле, так и во многих прикладных аспектах: в целях исследования германских древностей, наблюдений над бытованием древнегерманского языка в истинном окружении, равно как и для уяснения обстоятельств пребывания германцев в Крыму и особенностей этнокультурной ситуации в этом регионе.

Автор приносит глубокую благодарность д.ф.н. профессору Е. Р. Сквайрс (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, кафедра германской и кельтской филологии), старшему научному сотруднику ИМЛИ РАН к.ф.н. М. Р. Иснароковой и свящ. Н. Иснарокову за предоставление ряда ценных материалов и неизменную поддержку в работе и руководителю Центра германо-славянских исследований Института славяноведения РАН д.ф.н. Ф. Б. Успенскому за деятельное участие в издании книги. Особая благодарность Отделу редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова и заведующей ОРКиР И. Л. Великодной за любезное разрешение фотографирования редких изданий.

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

1.1. Археологические данные

1.1.1. Проблемы археологии Крымской Готии

В настоящее время наука пополнилась рядом трудов по археологии раннесредневекового Крыма в целом и по готской проблеме в частности [Пиоро 1990, Айбабин 1999, Харитонов 2004, Щукин 2005]. Общие оценки «готского следа» в Крыму колеблются от позитивных [Пиоро 1990] до весьма сдержанных [Айбабин 1999, Харитонов 2004]. Исследователи отмечают парадоксальное несоответствие многочисленных сведений о Крымской Готии и крымских готах в средневековых письменных источниках (см. 1.2) и скудных археологических материалов [Харитонов 2004, 6, Щукин 2005, 420]. А. В. Харитонов считает даже, что последние не содержат свидетельств о сколько-нибудь значительном присутствии готов в Крыму в средневековую эпоху [Харитонов 2004, 6]. Однако в осмыслении М. Б. Щукина проблема предстает более многогранной, причем важно, что археолог-практик с огромным опытом не только знает соответствующие находки и работы, но и может дать им адекватную оценку. Потому следующий археологический экскурс опирается на положения его капитального труда [Щукин 2005].

Присутствие готов в Крыму археологически прослеживается на V–VIII в. по Р. Х. В целой серии крупных могильников типа Суук-Су — Лучистое имеются женские захоронения в «готском» костюме с парой огромных серебряных двушлястинчатых фибул с пальметками у основания пластин или с пальчатými фибулами на плечах, в платье, стянутом широким поясом с массивной серебряной пряжкой или квадратной обкладкой (иногда с христианскими сюжетами), или с так называемыми орлиноголовыми пряжками, с серьгами, украшенными полихромной бусиной, со вставками камней. По оценке М. Б. Щукина, это в целом соответствует обычаям вестготов Толедского государства, остготов Италии времен Теодориха, остготов и гепидов Среднего Подунавья [Щукин 2005, 420–421].

Но — и в этом исследователь видит основную археологическую проблему — обряд погребения здесь иной, не встречающийся в Западной Европе.

Это большие и глубокие квадратные склепы, иногда вырубленные в склоне, с более или менее длинным коридором-дромосом, ведущим внутрь, где чаще находятся несколько захоронений. Есть и другие варианты (подбой¹, катакомбы), но склепы преобладают [Щукин 2005, 421]². Как указывает М. Б. Щукин, такой тип погребения, с одной стороны, может быть оценен как продолжение традиций позднескифского населения Крыма (хотя у последнего склепы обширнее и число захороненных, как правило, больше); с другой — подобные погребальные конструкции в разные эпохи с разной интенсивностью представлены в сарматском мире Предкавказья, Поволжья, Приуралья и даже Приаралья и Средней Азии. В таком случае, подчеркивает исследователь, готы V–VIII вв. в Юго-Западном Крыму носили готский костюм, а хоронили по обрядам, свойственным либо местному «позднескифскому» населению, либо, в большей степени, новым поселенцам — появившимся в Западном Крыму выходцам с Востока, из Предкавказья, с территории Боспорского царства или даже из более отдаленных восточных регионов предположительно около середины III в. Закономерный вопрос: так были ли они готами? [ibid.].³

Итак, германская археология в Крыму предстает в виде «двухъярусной» проблемы, где источники обширнее археологических данных, а материалы раскопок обнаруживают собственные противоречия. Потому М. Б. Щукин кратко обобщил археологические свидетельства о появлении и пребывании готов и других германцев в Крыму и на Кавказе, подчеркивая: «При этом не приходится претендовать на воссоздание целостной историко-археологической картины, — это задача крымских и кавказских археологов» [Щукин 2005, 422]. Это позволяет филологу, пусть и давно интересующемуся проблемами крымской археологии, заключить, что последующие задачи в этой области — сутобо специальные. Прослеживание связи письменных и археологических

¹ Подбойная могила — вырытая в земле могила с нишей (подбоем), устроенной в боковой части могильной ямы. Тело умершего помещалось в нишу, которая закрывалась деревянной или каменной плитой, а могильная яма закрывалась землей или камнями. Захоронения в подбойных могилах были распространены на территории Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в период с IV в. до Р. Х. по VIII в. по Р. Х. Захоронения этого типа характерны для сармат и наследников традиций этого народа [Харитонов 2004, 145].

² Здесь и далее при изложении трудов А. И. Айбабина [Айбабин 1999] и М. Б. Щукина [Щукин 2005] отсылки к другим работам, указанным этими авторами, будут даваться лишь в самых необходимых случаях.

³ М. Б. Щукин в связи с этим упоминает гипотезу М. Ю. Брайчевского, предположившего, что изначально готы вообще не были германцами, но скифами и аланами и говорили «на иранском наречии». По Брайчевскому, «остров Скандза», с которого выселились готы по Иордану — Кавказские горы, а германцами готы стали только в Среднем Подунавье, куда попали под влиянием гуннов. Для Щукина ясна археологическая подоплека гипотезы — «советское» (50-е-60-е гг. XX в.) отождествление черняховской культуры с антами-славянами [Щукин 2005, 421]; для германиста очевидно полное игнорирование лингвистических фактов, то есть германской этимологии этнонима *Gut-/*Got-.

свидетельств раннего периода (III–VI вв., эпохи Великого переселения народов) — тоже дело непростое, и здесь (в отличие от «линсийного» обзора источников в разделе 1.2) также следует довериться археологам.

1.1.2. Проникновение германцев в Крым и Приазовье

В эпоху «скифских войн» 240–270 г. по Р. Х. следы пребывания германцев в Крыму немногочисленны. На Южно-Донузлавском городище (западное побережье степного Крыма, за Евпаторией) был найден умбон щита так называемого типа Хорула, характерного для центрально-европейских древностей ступени C₁. По мнению М. Б. Щукина, именно эта находка заставила Л. И. Айбабина склониться к мысли, что первые проникновения германцев в Крым осуществлялись по западному побережью полуострова. Германцы сделали стоянку около озера Донузлав на городище, покинутом скифами еще на рубеже I–II вв., а ставший непригодным умбон выбросили (шишечка на острие у него отбита). Вторым аргументом западного пути продвижения готов в Юго-Западный Крым является клад у села Долинное с последней монетой Деция-младшего, погибшего в битве при Абритте в 251 г., и с «якоревидной» дакийско-карийской фибулой⁴. Клад, очевидно, был укрыт одним из участников событий, происходивших в низовьях Дуная, который затем при каких-то обстоятельствах попал в Крым [Щукин 2005, 423].

По мнению М. Б. Щукина, определенным показателем крымско-западноевропейских контактов периода «скифских войн» (а возможно, и времени проникновения германцев в Крым), осуществляемых, вероятно, через центрально-европейских германцев, могут служить здесь находки монет галльских узурпаторов. Так, в Херсонесе найдена монета Тетрика (270–271 гг.), в Партените — монета Лоллиена (286–289 гг.), а на мысе Ай-Тодор близ Ялты и в составе клада, тезаврированного в конце IV в. — три монеты Тетрика в виде варварских подражаний так называемого лучистого типа. Исследователь указывает, что подобные монеты вряд ли могли иметь хождение на территории Империи, тогда как с германцами, служившими галльским узурпаторам, такими монетами расплачивались, о чем свидетельствуют «княжеские погребения» горизонта Лейна-Хаслебен в Германии (медные подражания из Ай-Тодорского клада при этом остаются загадкой) [ibid.].

И наконец, отмечаемое источниками проникновение в Причерноморье готов и неких боранов или борадов⁵ в 253–255 или 254–256 гг. — пиратство вдоль восточного побережья Черного моря на судах и при содействии моряков

⁴ Подобные фибулы почти не встречаются в Причерноморье, но хорошо представлены в Карпатском регионе [Щукин 2005, 138].

⁵ В дополнение к данным М. Б. Щукина нужно отметить, что в славянском переводе Канонического послания св. Григория, архиеп. Неокесарийского (правило 6) засвидетельствованы формы «ворады и готфы» (с ориентацией на греческую фонетику и орфографию) [Книга Правил 1992, счв].

Боспорского царства⁶ — подтверждается находкой в Керчи-Паптикапес. Там раскопками Т. И. Макаровой в 1991 г. был выявлен мощный слой пожара, в котором погибло также некое производственное помещение — как предполагают, монетный двор. По данным нумизматики, на Боспоре в эпоху готских пиратских набегов было два правителя: царь Рескупорид V, вступивший на престол в 242 г., и некий Фарсанз, который был не то узурпатором не то законным или не совсем законным соправителем. На полу паптикапейского помещения были обнаружены не успевшие побывать в обращении монеты Фарсанза 253–254 гг., а в одной из ям — монета Рескупорида V 254–256 гг. М. Б. Щукин заключает, что здание могло сгореть не только в 256 г., как иногда полагают, но и в 254 или 255 году (хотя расхождение в один год не имеет существенного значения для воссоздания общей картины) [Щукин 2005, 423–424].

Что касается германцев, то, по сообщениям источников (ср. 1.2.2), за десятилетие между 256 и 267 годами последовали почти ежегодные походы готов и других племен на Малую Азию. Однако, по мнению М. Б. Щукина, исходные пункты их не ясны. Нельзя даже заключить, продолжали ли варвары использовать местный (боспорский) флот или уже строили собственные корабли где-то на Меотиде. В. П. Буданова считает, что исходным пунктом германцев был Танаис, но М. Б. Щукин считает возможным говорить лишь о продолжении морских набегов на южное побережье Черного моря и о том, что исходным пунктом похода 267 г. была Меотиде. Центром концентрации крупного варварского флота (2000 или даже 6000 кораблей) перед походом 269–270 гг. стала Тира в устье Днестра; эти события, по мнению исследователей, должны были затронуть и Крым. Последний массированный поход варваров-«меотидов»⁷ вдоль восточного побережья Черного моря датируется 275–276 гг. Однако археологические следы этих набегов в Крыму не очень заметны. Можно лишь констатировать, что, вероятно, в это время прекращают свое существование малые города Боспора — Мирмекий, Нимфей и Тиритака, а также крепость Илураг⁸. На период с 268 по 275 г. на Боспоре прерывается чеканка монет, хотя в 276 г. Рескупорид V всё же успевает выпустить еще один тип своих

⁶ Сообщение Зосима [Архим. Арсений 1873, 61, Schwarz 1951, 35, Буданова 1990, 72, Щукин 2005, 139–140, 424]. Ср. здесь контекст того же Канонического послания о предателях, «указывающих варварам пути» (см. обсуждение обоих источников в разделе 1.2.2).

⁷ Скорее всего, это были готы и герулы [Щукин 2005, 428].

⁸ В. П. Буданова, ссылаясь на работы Д. Б. Шелова и И. Т. Кругликовой, пишет: «Археологический материал подтверждает, что появление их [варваров. — И.Г.] в области Меотиды не сопровождалось разрушением городов и поселений» (причем И. Т. Кругликова полагала, что отношения боспорской аристократии и племенной знати пришельцев не были враждебными и варвары могли войти в соглашение с Фарсанзом) [Буданова 1990, 76, прим. 25]. Однако в свете новейших данных эта реконструкция требует корректив. Морской разбой не всегда выражается в разрушении городов, но и не

монет. Соправитель Рескупорида, Тейран, разбил варваров, возвращающихся из неудачного похода 275–276 гг. и заслужил мраморную статую «за спасение Отечества» [КБН 1965, № 36]. Впрочем, на постаменте статуи нет указаний, каких именно врагов победил Тейран, так что идея о германцах — лишь реконструкция, правда, весьма вероятная [Ицукин 2005, 428].

1.1.3. Герульская проблема

В связи с походом 267 г. источники упоминают герулов. Именно они, по всей вероятности, были инициаторами нового набегу варваров на Балканы и Грецию в 267–268 гг. из Приазовья (по Зонаре, герулы «переправились через Меотийское болото» — [Zonar. Annales, XII, 26])⁹, а в 269–270 гг. участвовали в самом грандиозном и неудачном походе и других племен с попыткой переселения на Балканы [Ицукин 2005, 428]. Вопрос о герулах долгое время был настолько дискуссионным, что указание М. Б. Ицукина на достаточно отчетливый герульский след, наблюдаемый археологически в виде фибул типа Монструозо, железных гребешков и прочего [ibid.], представляется весьма отчаянным. В своем обзоре крымской археологии Ицукин не обсуждает определение герулов как общности; за последние годы историки сказали об этом немало [Лавров 1997, Станг 1999, Лебедев 2005, 131–132 и 135]. Однако поскольку герулы — точнее, эрулы — не раз будут упоминаться в связи с крымскими готами, необходимо пояснить важнейшие аспекты проблемы. Герулы — лат. *Heruli*, греч. *Ἡρούλοι*; германское самоназвание — эрулы (< * *erulaz* / *erilaz*; ср. здесь рун. *erilaR* ‘эриль, знаток рун’, ди. *jarl* ‘представитель высшей знати, ярл’, да. *corl* ‘представитель высшей знати, эрл’). Упоминания в позднеантичных и ранне-средневековых источниках многочисленны (Аммиан Марцеллин, послание блаж. Иеронима, Зосим, Аполлинарий Сидоний, Марцеллин Комит, Иордан, Прокопий Кесарийский). Традиционная историческая точка зрения на герулов как одно из германских племен основывается на тех фактах, что до II в. по Р. Х. герулы размещались на острове Зеландия и Ютландском полуострове, а затем были вытеснены оттуда племенами данов (*Gef.* 23) и начали продвижение на юго-восток. Одна часть герулов ушла в низовья Рейна, другая — в Северное Причерноморье. В III в. (см. выше) герулы достигли границ балканских провинций Римской империи. Вторжения в Империю они осуществляли совместно с другими германскими племенами. Вероятно, после поражений в 268–270 гг. герулы

означает мирных отношений; а о столкновениях на суше свидетельствуют упомянутые выше факты (пожар в Панتيкапее, запустение ряда городов).

⁹ Здесь и далее ссылки на памятники даются с общепринятым сокращением, указаниями книги, главы и т.д. Русские издания соответствующих памятников указаны в библиографии (раздел «Источники»). Там, где это особо не оговорено, перевод цитат дается по русским изданиям.

или часть их были переселены в западные провинции Римской империи. В IV–V вв. герулы служили в войсках Византийской империи в качестве федератов. После поражения от гепидов и лангобардов в 512 г. герулы ушли из Среднего Подунавья в Ютландию [Буданова 1990, 171–172, Лавров 1997, Мельникова 2001, 12].

Герулов (Heruli) знает и неоднократно упоминает Иордан, однако текст «Getica» ставит перед исследователями новую проблему, так как в тексте иногда встречаются также некие элуры (Eluri). Е. Ч. Скржинская считала последних причерноморским негерманским племенем на том основании, что элуры упомянуты в этническом и географическом словаре Стефана Византийского (со ссылкой на двенадцатую книгу хроники Дексиппа; III в. по Р.Х.) как «скифское племя». Говоря об элурах, Иордан сообщает, что, по данным Аблавия, они жили близ Меотиды. Герулов (германцев) Иордан причисляет к племенам, пришедшим из Скандии; сведения о них в «Getica» — выступления их в войсках Алариха (т.е. вместе с везеготами) и в войсках Одоакра (со скирами и торкилингами); участие в междоусобных войнах после смерти Аттилы (вместе с готами, ругами, свавами, гуннами, аланами) [Скржинская 1997, 267]. В. В. Лавров поясняет, что Е. Ч. Скржинская при отнесении элулов к степнякам-кочевникам основывалась на характеристике племени как «легковооружённого» и «быстро-го» [Get. 118]. Однако исследователь указывает на сообщение Иордана о битве близ реки Недао, где герулы описываются как легковооружённые воины (можно было видеть герула «с легким оружием» — *leui armatura* [Get. 261]). О герулах как легковооружённых воинах известно и из сообщения Прокопия Кесарийского, описывавшего реалии VI в. [Bell. Pers. II, § 25].¹⁰ Вслед за О. Гипвантлером и другими В. В. Лавров полагает, что наличие в тексте «Getica» двух названий для одного и того же племени (Heruli — Eluri) может быть объяснено метатезой при построении учёной этимологии («элуры» как «болотные» < греч. ἑλῆ ‘болото, стоячая вода’), причем сама эта этимология, вероятно, принадлежала еще афинцу Дексиппу. Таким образом, заключает Лавров, сообщение Иордана (Кассиодора) о вхождении герулов в «Державу Эрманариха» и их пребывании в этот период в Приазовье или на Боспоре основано как на источниках, восходящих к автору III в. Дексиппу, так и на представлениях о герулах, относящихся к VI в. Возможно, что включение герулов в число племён, покорённых Эрманарихом, имело для Кассиодора — Иордана какую-то политическую подоплёку, обусловленную событиями VI в. Однако в действительности само пребывание герулов в «области Меотиды» (регион Боспора или Северное Приазовье) вполне допустимо; не исключено также, что указанный регион находился под контролем Эрманариха [Лавров 1997]. Впрочем,

¹⁰ Ср. также у Аммиана Марцеллина: «Двинув в путь легкие отряды, то есть эрулов и батавов...» [Res Gestae XX, 1, 3].

Е. Ч. Скржинская сама пишет в комментарии: «τὸ ἔλος, τὰ ἔλη — болото, помятые луга (лат. palum). От этого слова Иордан производит название племени, которое он несколькими строками выше определяет как «племия герулов» («gens Herulorum») [Скржинская 1997, 267]. Тем самым вопрос о соотношении эрулов и элулов решается в пользу «научной этимологии».

Однако куда важнее определить место эрулов-герулов в древнегерманской племенной общности, ибо герулы и сейчас считаются то скандинавским племенем (большинство исследователей), то восточными германцами [Мельникова 2001], то западными германцами [Tomaschek 1881, Loewe 1896, Karsten 1928, Grønvik 1983].

Для Прокопия эрулы — германцы, одно из германских племен. Ср.: «Я хочу сейчас рассказать, что это за племя эрулы... Они жили по ту сторону Истра, к северу, и почитали большое количество богов; они считали делом благочестия ублажать их даже человеческими жертвами». Далее Прокопий сообщает об обычаях эрулов убивать стариков и больных, а также о самоубийстве жены на могиле мужа [Bell. Goth. VI (II), 14, § 1–7]. Он повествует также о «короле эрулов» Родульф, войне их с лангобардами, в которой пал Родульф, о принятии эрулами христианства при Юстиниане, убийстве ими собственного короля Оха и требовании прислать им кого-нибудь из царского рода с острова Фула для поставления королем [Bell. Goth. VI (II), 14, § 41]. И наконец, весьма ценно указание Прокопия о том, что часть эрулов в 512 г. вернулась на родину. Однако по тону сообщений можно видеть, что неизвестный германский информант Прокопия явно сочувствует генидам и всячески поносит эрулов, ср.: «Нет людей более недобросовестных и непостоянных, чем эрулы», «безумные, жадные, насильники, мужеложники...» (§ 38)¹¹. Ономастикон герулов по Прокопию — германский: ср. Аларик, Алуит, Визанд, Родульф, Сватуаз (Свартус), Фанифей, Фара, Филемут. Имена эти — либо восточногерманские, либо дошли через восточногерманское посредство. Неясна языковая принадлежность имен Лорд («эрул царского рода» — Bell. Goth. VI (II), 15, § 29), Аруф (Bell. Goth. VII (III), 26, § 23), Датия (Тодасия) (Bell. Goth. VI (II), 15, § 29), Ох (Bell. Goth. VI (II), 14, § 38), допускающих разные этимологические соотнесения¹².

Как известно, параллели этого этнонима в лексике отдельных древнегерманских языков имеют специфическое значение: руническое erilaR — terminus technicus, обозначение человека, владеющего рунами, а ди. jarl

¹¹ Преимущественное приписывание мужеложства отдельному германскому племени на первый взгляд странно. Но если вспомнить о том, что обозначение мужеложника было страшным оскорблением члена социума (древнеисландские термины argr, ergi, лангобардское arga), а обвинение в «женовидности» — общим местом древнегерманской боевой перебранки («Перебранка Локи», «Первая песнь о Хельги убийце Хундинга»), то изначальная германская прагматика высказывания становится вполне ясной.

¹² Наиболее приемлема германская этимология имени Ох < герм. *Hauh- 'высокий'; остальные имена выглядят сильно искаженными: Аруф < *Hauð-; Лорд < *Hauha-wardaz (?).

и да. corl — обозначение лиц высокого социального статуса. Руническое crilaR встречается не менее чем в 9 надписях; в древнейшей (IV в.) оно образует формулу: sk crilaR + имя собственное в родительном падеже — «я, эриль такого-то», в более поздних — «sk crilaR сделал (написал, раскрасил) руны» [Antonsen 1975]. Согласно традиционной трактовке, «crilaR старшесунических надписей является племенным названием, ставшим обозначением жрецов или группы людей, владеющих знанием письма и потому занимающих в обществе высокое социальное положение» [Мельникова 2001, 12]. Е. А. Мельникова отмечает, что именно в то время, когда герулы вернулись в Ютландию (после середины VI в.) формулы с «crilaR», равно как и само это слово, не распространяются, а, наоборот, выходят из употребления [ibid.]. Впрочем, О. А. Смирницкая указывает, что это исчезновение обычно объясняется в науке на рунологических основаниях¹³, то есть определенными тенденциями внутри рунической традиции, а не отражением каких-либо реалий эпохи Великого переселения народов. Однако в любом случае следует принять во внимание версию О. Хёфлера о том, что «эрул»/«герул» — не один из германских этнонимов, а обозначение социальной группы, соединенной общим культом, эзотерическими знаниями (руны) и, как следствие — воинским товариществом [Höfler 1992].

В настоящее время исследователи приходят к той же точке зрения. По оценке Г. С. Лебедева, герулы — «разноплеменная воинская элита, в бурных условиях IV–V вв. обретающая способность к самоорганизации» [Лебедев 2005, 131]; он считает возможным даже говорить о миграциях «готов, гепидов и прочих «эрулов» [Лебедев 2005, 135], явно употребляя последнее обозначение в собирательном смысле.

Х. Станг выделяет особые черты герулов как народа: замечательно высокий рост и тяжесть (легенды о том, что кони не способны их носить), красная боевая раскраска, способность к быстрому и легкому бегу [Станг 1999]. Однако всё это может рассматриваться и как признаки культового воинского союза. По мнению Станга, герулы называли себя «князьями» из воинской похвальбы, но в таком случае следует предполагать, что у них когда-то было иное наименование (до-кастовое, чисто этническое?). И действительно, исследователь считает герулов сыновьями знатных родов Скандинавии.

Однако некий этнический оттенок в ситуации с герулами всё же прослеживается: в противном случае источники не противопоставляли бы «герула» «готу», «гепиду», Прокопий не описывал бы герулов как племя и т.д. Возможно, герулы были воинской элитой на исконной территориально-племенной основе: трудно представить себе касту, охватывавшую все германские племена, разбросанные на значительном пространстве. Очевидно, для каких-то племен герулы представляли собой чуждую элиту и тем самым — чуждое племя. Впрочем, проблема герулов иногда начинает напоминать задачу с курицей и яйцом, т. е. одни исследователи полагают, что герулы

¹³ Устное указание.

были этносом, ставшим военной и жреческой элитой [Мельникова 2001, 12], другие, напротив, подчеркивают, что элита могла объединять разные племена и в чуждой этнической среде сама стать племенем. Однако в целом тех, кто называл себя «герулами», ныне связывают с южной Скандинавией, что надежно подтверждается фактом их ухода на родину в 512 г.

В заключение выскажем некоторые дополнительные соображения по герульской проблеме. Исследователи обычно не обращают внимания на то, что основа *erul- в источниках не вполне тождественна основе *eril- в древнегерманской лексике. Можно было бы объяснить это обычной вариативностью этнонимов, но вторая основа — не этноним. *Eril- и *erul- — основы с разными аблаутными вариантами: в -il- представлена нормальная ступень, в -ul- — нулевая. При неизменности ударного корневого гласного такое положение указывает либо на суффикс -il-/ul- (уменьшительный), либо на германское продолжение какого-то индоевропейского расширителя, «приросшего» к корню при переходе на германский уровень. В любом случае, за *eril- и *erul- просматривается индоевропейский корень *ēg-, что заставляет вспомнить версию о возведении эрулов к «орлам». В своей этимологии др.-прус. arelis ‘орел’¹⁴ В. Н. Топоров упомянул ди. jarl и др., не делая каких-либо выводов [Топоров 1975, 102]. Если данная этимология верна, то ближе всего к германскому оказывается форма *erelis ‘орел’, восстанавливаемая для прусского и литовского (ср.: [ibid.]), тогда как праслав. *ogъlъ обнаруживает другую огласовку. Семантически эта версия представляется удовлетворительной: обозначение элиты как «орлов» — не только связанных с высшими силами, знатных и неустрашимых, но и легких на подъем — вполне согласуется с фактами. Кроме того, в индоевропейской древности основа *ēg-/ *ōg- (с сонорным расширителем¹⁵) обозначала не только «птица», но и «питомцев, отпрысков», как указывает О. Н. Трубачев (сближение греч. ὄρνις ‘птица’ и ἔρνος ‘отпрыск, потомок’, ὀρνυμαι, ὀρνυμι ‘рождаться, начинаться’) [Трубачев 2004, 118]. Поскольку «орел» в германских языках обозначается производным от той же основы, но с другим расширителем — гот. aga, ди. agi, otn, да. eam, двн. ago, am — о/г *ēg-ul-az (< и.-с. *ēg-l̥-os) даже на общегерманском уровне уже не могло означать «орел», но должно было выступать как застывший термин. Культурно-мифологическая подоплека вполне уместна в случае мужского сакрального и военного союза. Однако о возможной связи герулов с популярным у древних германцев изображением орла трудно судить однозначно.

К сожалению, мы не можем судить о причине, по которой в англо-скандинавском и руническом был закреплён вариант с огласовкой -il-, а в источниках — с огласовкой -ul-. Это очень напоминает классический случай «тервинги — грейтуинги» или «Меровинги — Нибелунги» (аблаутное варьирование патронимического суффикса); О. А. Смирницкая указала на варьирование суффикса при одной основе — ди. konungr ‘конунг’, ‘король’, да. cyning ‘ко-

¹⁴ Конъектура из arelic [Топоров 1975, 103].

¹⁵ Уместно предполагать здесь изначальную гетероклитiku: *er-n-/er-l-.

роль'¹⁶. И всё же для вариантов **cgilaz*/**cgulaz* нельзя прийти к окончательному заключению о произвольности или, напротив, семантической нагруженности варьирования. В любом случае, отраднo, что само это варьирование позволяет выдвинуть этимологию термина.

1.1.4. Рунический камень с горы Опук: проблема артефакта

Итак, герулы — ранние выходцы из Южной Скандинавии, немногочисленные, но имеющие свой археологический след в Причерноморье. С герулами как «руническими мастерами» ныне связывают одну из самых загадочных находок последнего времени — камень с рунической надписью с горы Опук, о чем упоминает М. Б. Щукин [Щукин 2005, 428–429]. Но здесь мы вступаем на крайне шаткую почву. Прежде всего, находка любого старшесрунического памятника не является неспрессленным свидетельством присутствия в этой местности герулов (= военно-культовой общности легковооруженных бойцов с особой боевой раскраской и т.д.). Однако в случае с этим памятником, обнаруженным при раскопках крепости на горе Опук (Керченский полуостров), дело обстоит еще сложнее. Камень — известняковая плита, определяемая как стела — был найден в перестроенном состоянии, в кладке ограды загон для овец, устроенной местными жителями. Камень (см. рис. 24) несет на себе изображение равноплечего креста в круге, под которым помещаются четыре руны старшего футарка. Первый знак представляет собой руну \mathfrak{F} в инверсивном изображении, т. е. справа налево, три последующих — руны \mathfrak{L} , \mathfrak{K} , \mathfrak{H} в традиционном изображении. При этом изображение креста и руническая надпись выполнены в технике барельефа, что не характерно ни для рунических памятников Скандинавии, ни для эпиграфических греческих памятников римского времени (ср. [Щукин 2005, 429]).

То, что надпись является нешифруемой, вполне обычно для старшесрунических памятников. И хотя ни один из ныне известных рунических памятников, языческих и христианских, не снабжен изображением креста в круге, можно было бы принять и эту особенность. Но барельеф — настолько нехарактерная и, если угодно, невероятная для руники техника, что одно это обстоятельство бросает огромную тень на находку. Аналогии с «несколькими церквями Скандинавии», где имеются рунические надписи в технике рельефа, не убеждают: в старшесрунической практике нет надписей в церквях, а в младшесруническом обиходе, когда прагматика надписей существенно расширилась, нет руны \mathfrak{L} . Либо — либо. В двух изданиях фундаментального труда Е. А. Мельниковой [Мельникова 1977, Мельникова 2001], охватывающего самые разнообразные рунические памятники, аналогов «руническому рельефу» нет. Кроме того, и в позднюю эпоху и даже там, где рядом на камне представлен рельефный орнамент, руны неизменно врезаются

¹⁶ Устное указание.

в камень горельефно (ср. оформление крестильной купели из Смоланда, XIII в.: [Наследие варягов 1996, 86]). Само понятие «*rita rúnar*», «резать руны» означает «процарапывать руны».

В. К. Голенко, открывший камень, указывает, что возраст лишайников на камне составляет 30–40 лет. Следовательно, барельеф выполнили не современные поклонники скандинавских древностей — а в 60-е годы, по мнению А. А. Хлєсова, о рунах никто слыхом не слыхивал и такую подделку выполнить не мог [Хлєсов 2001]. Без далеко идущих выводов укажем лишь, что руны были хорошо известны еще русским символистам (хотя я и не подозреваю самого М. А. Волошина в подобной мистификации...) А в 50-е–60-е годы XX в. древняя германистика, по воспоминаниям, уже процветала. Другое дело — если перед нами надпись, сделанная в XX в., то ее автор мог и не рассчитывать на мистификацию. М. Б. Щукин замечает: «Однако считать надпись подделкой-путкой вряд ли целесообразно, уж очень трудоемка техника исполнения в барельефе» [Щукин 2005, 429]. Да, если перед нами мрамор — но перед нами, как следует из описания, мраморный известняк [Хлєсов 2001]. А ко всему сказанному — уж очень ровная, прямо-таки каллиграфическая надпись¹⁷.

Говоря прямо — со спокойной душой признать эту надпись подлинной германист сможет только в том случае, если он сам будет очевидцем исполнения столь неординарного памятника в эпоху старших рунических надписей. Но поскольку этот путь для нас закрыт, остается рассмотреть «побочные обстоятельства».

Сначала примем доводы о рельефе с максимальной суровостью и сочтем хронологически несуразный памятник неаутентичным. Крест в круге на рунических камнях не изображается; предложенные А. А. Хлєсовым и М. Б. Щукиным сравнения с петроглифами Скандинавии и могильниками вельбаркской культуры сами по себе примечательны, но у рунических камней — свои прочные традиции. Зато крест в круге в технике рельефа изображен, к примеру, на стене монастыря св. Екатерины на Синае (VI в.) [Успенский 2005, илл. XX]. И здесь возникает такая гипотеза. Крест в круге, рельефно изображенный на плите (церковной? могильной?), имеет прецеденты в раннем христианстве. Соответственно, эта часть памятника когда-то могла существовать и самостоятельно. И быть может, кто-то, нашедший эту плиту позднее (от эпохи викингов до XX в.) — но только не ранний германец — решил выполнить надпись «в соответствующем стиле».

А теперь отнесемся к находке с последним доверием. И здесь следует учесть версию А. А. Хлєсова. Коль скоро «есть соблазн датировать находку временем развитого или позднего средневековья» [Хлєсов 2001], то нужно искать какие-то объяснения. А. А. Хлєсов полагает, что надпись была выполнена

¹⁷ «Руны прекрасно прорисованы, — так, что не остается ни малейшего сомнения в их идентификации и прочтении; в определенном смысле их можно считать эталонными примерами старшего рунического шрифта, более четкими по своим очертаниям, нежели в большинстве известных случаев нанесения рун на каменную поверхность» [Хлєсов 2001].

резчиком-грском для заказчика-германца. Идея понятная, но надо иметь в виду, что в эпоху старших рунических памятников ни один германец не доверил бы столь важного акта ни одному резчику-греску (к тому же позволив «испортить» руны рельефом!). Но в более поздний (по определению А. А. Хлєсова, «гибридный») период руническая письменность может переживать в чуждой среде показательные метаморфозы. Потому в качестве ближайшей *типологической* параллели следует указать «неправильную» со скандинавской точки зрения надпись на пряслице из Звенигорода (Украина, Львовская обл.), датированную началом XII в. Для скандинаво-славянского поселения в Звенигороде, по мнению Е. А. Мельниковой, было характерно «сохранение архаических традиций рунического письма у коллектива, переселившегося на Русь из Скандинавии в то время, когда эти традиции были актуальны, и утратившего дальнейшие связи с родиной» [Мельникова 2001, 211]. Так что исполнение рунической надписи старшим футарком — не решающий критерий датировки.

Как известно, в Тамани была обнаружена мраморная плита с надписью: «В лето 6576 [1065] индикт 6, Глеб, князь, мерил море по льду от Тмутаракани до Керчи 30 054 сажени» [Паллас 1999]. Отчего бы и варягам того времени не попробовать свои силы в эпиграфике на известняке? И вывод А. А. Хлєсова о «разгерманивании» германцев, способных выполнить подобный памятник [Хлєсов 2001], также *implicite* согласуется с более поздним кругом фактов¹⁸. Но сам артефакт остается крайне спорным, более того — в принципе спорным и потому не имеющим надежного доказательного статуса.

1.1.5. Трупосожжения как свидетельства пребывания германцев в Крыму

Вернемся к археологическим данным ранней эпохи. По указанию М. Б. Щукина, самым достоверным свидетельством присутствия готов и других германцев в Крыму считается появление необычных ранее погребений по обряду трупосожжения. Есть два могильника, где практически без исключения представлены разные варианты этого обряда: первый — на мысе Ай-Тодор под Ялтой, рядом с римской крепостью Харакс, уже покинутой к моменту основания могильника, второй — на склоне горы Чатыр-Даг под Алуштой [Щукин 2005, 429–430]. Кроме того, по информации А. И. Айбабина и В. А. Сидоренко, подобный могильник был разрушен оползнем в Партените [Айбабин 1999, 244], то есть все захоронения находятся на южном берегу Крыма [Щукин 2005, 430].

¹⁸ Ср. также две серебряные подвески с равноплечим крестом в круге, найденные на месте жертвоприношения саамов в Гротреске (Питсо, Норботтен, XI–XIV в.). Собственно, это нагельный крест в виде медальона, очевидно, обычной на ту эпоху формы (в составе клада имеется также ряд нагельных православных крестов, форма которых представлена и в наши дни) [Наследие варягов 1996, 78].

В Юго-Западном Крыму, на могильнике Черная Речка, где преобладали сарматские подбой и скелеты, также были раскопаны 36 сожжений, которые концентрировались в западной части некрополя, перемешаясь с трупоположениями; отмечены случаи помещения урны в могилы с подбоями. Трупосожжения разного рода есть и на могильнике Совхоз 10 близ Херсонеса, а также в некрополе самого Херсонеса (греческое население города практиковало обряд кремации еще в начале нашей эры, но затем от него отказалось). М. Б. Щукин специально не обсуждает этого момента, но очевидно, что смена обряда произошла в связи с принятием христианства. Аналогичным образом, следует считать, что по обряду трупосожжения в Крыму хоронили германцев-язычников.

Кроме упомянутой Черной речки, на прочих сарматских («аланских») ¹⁹ могильниках Крыма трупосожжения присутствуют лишь в качестве небольшой примешки — в Бельбеке I три захоронения в ямках и одно урновое, в Скалистом III — одно урновое конца IV — начала V в. На «аланских» могильниках типа Дружное-Нейзац и на сравнительно более поздних, типа Суук-Су — Лучистое, трупосожжений нет [Щукин 2005, 430].

Погребений с кремациями в Крыму на сегодня насчитывается около 120 (большая часть не содержит надежных хронологических индикаторов). А. И. Айбабин пришел к заключению, что время возникновения некрополей с трупосожжениями в Крыму совпадает с информацией Зосима и Зонары об активности германцев на полуострове в 252–256 гг. [Айбабин 1999а, 244], а окончательно эта традиция прерывается на рубеже IV–V вв. или даже в первой половине V в. [Щукин 2005, 430].

Наиболее репрезентативным является могильник Чатыр-Даг, где открыто 55 погребений ²⁰. Наблюдается два основных типа кремаций. В основном это захоронения сожженного праха покойного в сравнительно небольших ямках, иногда в урне, чаще — без нее. В последнем случае остатки сожжения сыпаны в ямку, где находятся кальцинированные косточки, обломки пережженной и дробленой керамики, лепной или гончарной, краснолаковой или от амфор, обломки разных вещей — браслетов, колец, подвесок, фибул, иногда оружие, ножи и пр. По заключению Щукина, такие погребения соответствуют практике трупосожжений у носителей разных культур Центральной и Северной Европы, в частности, у представителей черняховской культуры, хотя собственно черняховских элементов (за исключением, быть может, некоторых общих типов пряжек) на Чатыр-Даге не отмечено (впрочем, в период «скифских войн» и сама черняховская культура находилась в начальной стадии развития) [Щукин 2005, 431].

¹⁹ Термин «аланский» намеренно дается у М. Б. Щукина в кавычках, поскольку исследователь считает название «аланы» определением сарматской военной прослойки вроде германских «герулов» [Щукин 2005, 357–358, 422–423]. Однако при цитировании работ других авторов кавычки проставляться не будут.

²⁰ Известная работа А. И. Айбабина [Айбабин 1999] ныне дополняется результатами раскопок некрополя Чатыр-Даг и соседнего с ним поселения (Славяно-сарматская экспедиция Государственного Эрмитажа) [Щукин 2005, 431].

Второй тип — захоронения в каменном ящике из песчаниковых плит, внутри которого находились урна-амфора с прахом сожженного, различные вещи его личного убранства, а рядом располагались сосуды-приставки, оружие (иногда согнутое), и, что самое примечательное, сельскохозяйственные орудия — серпы, топоры-тесла и пр. Как подметил М. М. Казанский, подобное сочетание элементов — каменных ящиков с урнами, оружия и сельскохозяйственных орудий — можно найти только в одном уголке Европы — во фьордах Южной Норвегии. Всем остальным культурам Европы такое сочетание несвойственно. По заключению М. М. Казанского и М. Б. Щукина, захороненные на могильнике Чатыр-Даг явно были пришельцами с далекого Севера или их потомками, привнесшими в Крым свои давние традиции погребального обряда [Kazanski 2002, Щукин 2005, 431].

Как эти выходцы звались — другой вопрос. Местным населением их не считает никто²¹. К готам, даже ранним, «до-черняховским» исследователи их прямо не относят. Как неоднократно отмечал М. Б. Щукин, вельбаркская культура характеризуется отсутствием оружия в погребениях [Щукин 2005, 28–29], и в отношении могильника Чатыр-Даг он также говорит: «Если это и были готы, то, скорее всего, совсем не те, что двигались из Польского Поморья вместе с Филимером. У носителей вельбаркской культуры не было в обычае помещать в могилы оружие, да еще в сочетании с топорами и серпами, не было обычая ставить урны с прахом в каменные ящики. Это какая-то иная, сравнительно небольшая, группировка северных германцев, возможно, действительно вышедшая из фьордов Норвегии и двигавшаяся иным путем, чем филимеровские готы, — через Прибалтику и лесную зону восточной Европы» [Щукин 2005, 437].

Может быть, именно эти люди называли себя «герулами» (как было показано выше, такое название отнюдь не противоречит скандинавскому происхождению). М. М. Казанский считает, что в могильниках Чатыр-Даг и Ай-Тодор погребены представители некоей группы германцев, выходцев из Скандинавии, которые именуются в источниках свдосами и свдосианами. Впервые это племя упоминается у Тацита (*Germ.* 40) как жители Скандинавии в конце I в. по Р.Х., во второй раз — в перипле псевдо-Агриппы²² (как принято считать, середина VI в.) на Кавказском побережье Черного моря [Kazansky 2002]. М. Б. Щукин положительно оценивает эту идею как ввиду совпадения имен (кстати, давно уже отмеченного Р. Лёве [Loewe 1896, 29]), так и по причине сходства ряда признаков погребений Чатыр-Дага и Ай-Тодора, с одной стороны, с Норвегией, а с другой — с памятниками типа Дюрсо на Кавказе (см. ниже). Тем самым могильники Чатыр-Даг и Ай-Тодор создают, по определению Щукина, как бы промежуточное звено германской археологии в Крыму [Щукин 2005, 437]. Однако исследователь справедливо указывает, что место-

²¹ Хотя сам вопрос о соотношении каменных ящиков Чатыр-Дага с известными таврскими каменными ящиками не лишен интереса.

²² Описание побережий Черного моря.

положение свдосов по Тациту не очень ясно. При Таците они живут где-то около кимвров — обитателей Кимврского полуострова, нынешней Ютландии, к северу от лангобардов Нижнего Поэльбья и свсов Среднего Поэльбья, и упоминаются в ряду других племен — ревдигнов, авионов, англов, варинов, свардонов, нуитонов. Точного расположения племен не дается, известно лишь, что все они «защищены лесами и реками и ничем не примечательны». Прямых указаний на Южную Норвегию здесь нет [Ицукин 2005, 437].

Здесь самое время вспомнить старое толкование Р. Лёве, по которому *Eudostavoí* (*Peripl.* XI.II, § 22) / *Eudoses*, *Euduses* (*Germ.* 40) сопоставляются с этнонимами *юты* (*Ytas*, по «Видсиду») и *ютунги* [Loewe 1896, 33]. Разумеется, представления о германской археологии Крыма и Северного Кавказа в конце XIX в. были во многом неполными, но источниками тогда владели досконально, и сама версия весьма примечательна. Действительно, свдосы соседствуют в Германии с ютландцами-кимбрами и упоминаются наряду с англами (пусть и плохо известными Тациту), то есть занимают место ютов, давших впоследствии (после ухода кимвров? в германской традиции?) название Ютландии. Сопоставление форм *Eudos(es)* и *Ytas* как будто говорит о том, что в первой еще не проведено первое передвижение согласных *d > t*, но настаивать на этом нельзя, так как само сближение всё же является гипотетическим.

1.1.6. Контакты германцев с другими племенами и смешение традиций

Ряд археологических наблюдений М. Б. Ицукина свидетельствует о том, что германцы, оставившие в Крыму описанные погребения, контактировали с восточнобалтийскими и сарматскими племенами. Так, в комплексе могильника Чатыр-Даг В. Л. Мыц обнаружил пережатый фрагмент бронзовой фибулы, которую М. Б. Ицукин определил как ступенчатую или перекладчатую — то есть, в его формулировке, сугубо прибалтийское продолжение общевропейских маленьких фибул так называемой группы V классификации Оскара Альмгрена. Дериваты достаточно хорошо представлены в Латвии и Литве, а их варианты со вставками выемчатой красной эмали известны и южнее (Мазурия, Среднее Поднепровье и даже Поочье) [Ицукин 2005, 431–432]. Как заключает исследователь, обломок фибулы из могильника Чатыр-Даг более всего соответствует центральной части перекладчатой фибулы с эмалью из с. Нижний Бишкін в Поднепровье [Ицукин 2005, 432].

При этом находка фибулы «круга эмалей» — не единственная в Крыму; в одном из каменных ящиков с урнами из некрополя Херсонеса также была обнаружена пара треугольных ажурных фибул с красной выемчатой эмалью, аналогичная прибалтийским, приднепровским и приокским, в частности, в составе Мощинского кладки на Оке [Ицукин 2005, 432–433]. По мнению М. Б. Ицукина, обе находки — с Чатыр-Дага и из Херсонеса — явно свидетельствуют

о наличии неких восточнобалтийско-крымских контактов III–IV вв. (возможная связь с передвижениями галиндов) [Щукин 2005, 433–434].

Еще один элемент, указывающий на балтийско-черноморские связи — своеобразный «мечевидный» наконечник копья с длинным пером и короткой втулкой, найденный в каменном ящике погребения № 2 могильника Чатыр-Даг вместе с согнутым мечом, ножом и серпом. Подобные наконечники концентрируются в двух весьма отдаленных регионах — с одной стороны, в странах Балтии, с другой — на восточном побережье Черного моря, в Абхазии. М. Б. Щукин указывает, что этот феномен еще не получил своего исторического объяснения; предполагается наличие в Абхазии некоего вспомогательного контингента римских войск из числа пасмников-германцев. И наконец, находка в ямном групопожжении № 14 могильника Чатыр-Даг — шесть небольших бронзовых пластинок с загнутыми краями и чеканным орнаментом и шесть полусферических бронзовых колокольчиков — была определена М. Б. Щукиным как детали головного венчика и сопоставлена с характерными для балтов венчиками-«вайнагами», хотя от проведения прямых синхронных параллелей исследователь отказался [Щукин 2005, 434].

В дополнение к описаниям и интерпретациям находок этого круга у М. Б. Щукина следует указать на интересные выводы археологов, исследовавших могильник «Гора великанов» (Hünenberg)²³ в Самбии (V в. по Р. Х.). Е. А. Тюрин, использовавший материалы отчетов главы Балтийской археологической экспедиции В. И. Кулакова, описал специфические погребальные комплексы этого хорошо изученного могильника — погребения с конями. По формулировке Е. А. Тюрин, в римское время такие захоронения принадлежат культуре эстиев, в эпоху Великого переселения народов они уже определяются как принадлежащие культуре пруссов²⁴ [Тюрин 2006, 153–154]. В погребениях указанного типа содержится конский костяк, нередко (но не всегда) — остатки погребального костра, кальцинированные кости (или прах в урне) и погребальный инвентарь, датированный V–VI вв. В большинстве могил это конские удила, а в некоторых — также пряжки, фибулы, ножницы, косы, скребницы и янтарные бусины (последние встречаются в верхнем горизонте и интерпретируются как погребальный дар). Среди оружия отмечается единственное копьё, однако многие погребения пострадали во время Великой Отечественной войны (ср. [Тюрин 2006, 148–154]. Сочетание кремации воина и помещения в могилу сельскохозяйственного предмета приводит на память описанные М. М. Казанским и М. Б. Щукиным южнонорвежские

²³ Это название может также переводиться как «Гора богатырей» (или «Гора гупнов» — с отсылкой к эпохе Великого переселения народов).

²⁴ Ср., однако, у Кассиодора Сенатора известное упоминание эстиев (айстиев), приславших мечи в дар Теодориху Великому (между 523 и 526 гг.), а также путешествие Вульфстана в страну эстов (tō Ēstum), то есть к древним пруссам. В. Н. Топоров указывает, что название «эсты» вполне могло быть самоназванием древних пруссов [Топоров 1975, 65–66].

и крымские кремации с погребальным инвентарем в виде оружия и серпа, однако это не прямая аналогия, а культурная параллель. Возможно, сама по себе она не была бы столь важной для крымской темы, если бы не другая особенность этих погребений: фибулы имеют множество аналогов в древностях Скандинавии, а пряжки группы II типа *Madyda-Legutko*, по заключению Е. А. Тюриня, обнаруживают поразительное сходство с синхронными им пряжками, найденными в Крыму и Северном Причерноморье. Е. А. Тюрин подчеркивает, что это в очередной раз демонстрирует культурную связь арсала западных балтов с территориями «державы Атиллы» и Скандинавией [Тюрин 2006, 155]. Однако дальнейшие заключения о контактах балтов, теперь уже западных, с Крымом и Причерноморьем, археологам еще предстоит сделать.

Проникавшие в Крым группы германцев должны были смешаться с некоторыми группами выходцев с сарматского Востока, о чем свидетельствует ряд археологических наблюдений. Так, поблизости от Чатыр-Дага находится на склоне горы Демерджи большой раннесредневековый могильник Лучистое, много лет исследуемый А. И. Айбабиным. В этом комплексе нет ни трупосожжений, ни каменных ящиков — преобладают типичные «аланские» склепы, подбои, грунтовые могилы, чаще всего с несколькими погребенными. Почти все погребения достаточно богаты, в них обнаружены большие серебряные двушастинчатые фибулы, орлиноголовые пряжки, пальчатые фибулы и пр. Могильник на склоне Демерджи вряд ли заложен ранее середины, а то и последней трети IV в., так что если демерджицы и сосуществовали с чатырдагцами, то сравнительно короткое время, причем, скорее всего, первые сменили вторых. Однако исчерпывающей интерпретации этих находок М. Б. Шукин не давал [Шукин 2005, 441–442]. При том, что двушастинчатые фибулы и орлиноголовые пряжки нередко интерпретируются как основное, «коронное» доказательство присутствия готов в Крыму, можно видеть, что в действительности ситуация была сложнее.

А. И. Айбабин указывает, что в начале VI в. «Период Понта Евксинского» упоминает алан в числе давних жителей Крыма. По мнению Айбабина, после захвата гуннами крымских степей аланы ушли со склонов Третьей гряды вглубь гор, оставив могильники в Нейзаце, Дружном и Персвальном. В самом начале V в. на склонах горных гряд, заселенных аланами и германцами — Второй гряды в Скалистом, у подножия Баклы и Мангупа, и Первой — в Лучистом возникли новые некрополи с типичными для алан склепами и подбоями. Около середины V в. в низовьях реки Черная на склонах высоты Сахарная Головка обосновалось одно аланское сообщество. Всюду аланы осели в регионе, занятом родственными племенами и германцами, освоили в горах новый тип пастушеско-земледельческой экономики и серьезно изменили свой образ жизни (переход к отгонному скотоводству из-за сравнительно небольших размеров горных пастбищ, уменьшение поголовья животных и изменение состава стада). В Лучистом рядом с могильником обнаружены большие, с каменными изгородями, загоны для скота. Извлечен-

ные из склепов остеологические материалы говорят о развитии птицеводства и овцеводства, о выращивании крупного рогатого скота. Многочисленные захоронения лошадей в склепах на р. Черная, а также наличие во многих аланских погребениях железных удил свидетельствуют о сохранении коневодства. Аланы освоили земледелие и виноградарство. В V в. способные носить оружие аланские мужчины были воинами. В Лучистом и Скалистом во многих захоронениях данного периода находились мечи, накопечники копий, дротиков и стрел [Айбабин 1999, 82]. Таково было племя, с которым сосуществовали и интенсивно общались германцы горного Крыма.

В середине или второй половине IV в. отмечаются контакты жителей Крыма с посетителями черняховской культуры. Это выражается прежде всего в находках на разных крымских памятниках (могильники Черная Речка, Инкерман, Скалистое, Озерное III, Дружное и др., а также в Керчи) некоторого количества типичных черняховских гончарных сосудов — трехручных ваз, мисок с валиками, кувшинов с подгранным туловом и т.п. На эти же контакты, а возможно, и на более отдаленные — с Центральной и Северной Европой — указывают находки маленьких двуластинчатых фибул, прогнутых подвязных фибул разных вариантов, в том числе с декоративными филигранными кольцами, костяных трехчастных гребней и пирамидальных подвесок, янтарных, так называемых восьмерковидных подвесок и бус, железных ведековидных подвесок и пр. Подобные контакты ранее оценивались исследователями как отражение торговых отношений, но М. Б. Щукин полагает, что они скорее обусловлены инфильтрацией населения с Севера [Щукин 2005, 442].

В качестве примера сложного смешения культурных традиций эпохи М. Б. Щукин указывает на такую находку, как лесная чернолощенная трехручная ваза-миска, найденная совместно с типичным черняховским гончарным сосудом в погребении 22 могильника у села Краснозорье. Эта миска сочетает в себе типичную форму черняховских трехручных мисок, восходящих к праформам пшеворской культуры, и орнамент по плечикам в виде треугольников, заполненных точками, достаточно характерный для керамики вельбаркской культуры, связываемой с готами. При этом на завершениях ручек миски имеются схематические изображения звериных головок, что характерно для сосудов предшествующего, среднесарматского, периода Предкавказья и Поволжья, а также Средней Азии. По заключению археолога, сосуд из Краснозорья представляет собой пример явного смешения двух культурных традиций — северной и восточной, что в целом соответствует исторической ситуации в Крыму той эпохи [Щукин 2005, 442–443].

1.1.7. Готы на Боспоре

Источники свидетельствуют, что готы бывали на Боспоре в середине III в. (ср. 1.1.2), однако прямых археологических следов их пребывания не

обнаруживается. Исключения могут составлять лишь некоторые зарытые в это время клады, перерывы в чеканке боспорских монет и разрушения, упомянутые выше. Однако М. М. Казанский [Казанский 1999] всё же обобщает археологические материалы, которые могли бы свидетельствовать о присутствии готов или других германцев в пределах Боспорского царства от эпохи тетрархии до эпохи Великого переселения народов: подвязные фибулы с декоративными зернеными кольцами (Фанагория и др.), небольшие двупластинчатые фибулы черняховского типа, трехслойные гребни, черняховский гончарный серый лощеный кувшин с фасетированным туловом в одном из склепов Госпитальной улицы в Керчи и пр. [Шукин 2005, 448].

В связи с этим М. Б. Шукин указывает на проблему некрополя под Госпитальной и примыкающими улицами на северном склоне горы Митридат. Это серия земляных склепов с дромосом. Покойников размещали в квадратной или трапециевидной погребальной камере, а если не хватало места, то укладывали на полу (склепы, очевидно, были семейными). В специальных нишах в камере или в дромосе устанавливали стеклянные сосуды, причем некоторые из них, вероятно, служили лампадками. Большинство склепов имело росписи, которые сохранились не везде; в ряде случаев встречаются христианские символы. Почти все погребенные были в богатых одеяниях: на головах — диадемы из тонких золотых листочков с оттисками-индикациями монет римских императоров или боспорских царей, одежду украшали золотые бляшки, имелись ожерелья, серебряные фибулы, пряжки, оружие и пр. В погребениях содержится много вещей в стиле клуазоне — золотых, усыпанных гранатами изделий в технике перегородчатой инкрустации²⁵. Они имеют особую концентрацию на восточном участке некрополя между Госпитальной и Эспланадной улицами, существовавшего с I по VI в. по Р. Х. Там же концентрируются и вещи — фибулы, пряжки, оружие и др. — указывающие на тесные контакты с Центральной и Западной Европой горизонтов Виллафонтана и Унтерзибенбрунн, а также более позднего, который М. Б. Шукин условно обозначает как «горизонт пальчатых фибул» [Шукин 2005, 448–449]. В недавнее время керченские археологи обнаружили входы в несколько новых склепов; оказалось, что под Госпитальной и примыкающими улицами на склоне Митридата находится целая система подземных склепов (публикации Е. А. Зинько 2000–2001 г.); погребения располагаются под нынешними улицами, домами и хозяйственными постройками и частично ограблены еще на рубеже XIX–XX вв. В свете открывающихся перед археологами перспектив М. Б. Шукин надеялся на разрешение до сих пор не решенного вопроса о том, кем же были люди, которых хоронили под Госпитальной улицей? [Шукин 2005, 449–450].

²⁵ О проблеме происхождения полихромного стиля и ювелирной техники клуазоне в связи с сокровищами эпохи Великого переселения народов см.: [Шукин 2005, 340–389 и илл. на вклейках 1–7].

На этот счет существуют разные мнения. Людей из погребений считают то гуннами, захватившими Пантикалайс в конце IV в. (М. Б. Щукин в этом сомневается), то представителями боспорской элиты под властью гуннов, то боспорской же элитой под властью готов, то, наконец, собственно готами. Как подчеркивает М. Б. Щукин, последняя идея высказывалась неоднократно, и наиболее аргументированно — с опорой на сообщения Аммиана Марцеллина и св. Иоанна Златоуста — ее развил в своих работах М. М. Казанский [Казанский 1999, Щукин 2005, 450] (ср. 1.2.2). Однако реконструкция, основанная только на источниках, сама по себе мало доказательна ввиду скудости данных, и М. Б. Щукин выдвигает на первый план археологическую аргументацию — удивительное сходство вещей из склепов госпитальной улицы с европейскими находками горизонта Унтерзибенбрунн²⁶, ступеней D₁ — D₂ второй половины IV — первой половины V в., однако с той оговоркой, что стиль эпохи был интернациональным. По предположению Щукина, готы на Боспоре могли принадлежать к городской аристократии, будучи отрядом телохранителей из готов-федератов [Щукин 2005, 451].

По свидетельствам источников (св. Феофан Исповедник, Иоанн Малала), в 527–528 или 533–534 гг. (по псевдо-Дионисию) гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Император Юстиниан послал против них войска готов. Затем готские вожди приняли участие в боях с булгарами во Фракии (538–539 гг.), куда, по мнению Л. И. Айбабина, были отозваны еще в 530 г., а отряды остались. Готы, прибывшие для защиты с византийскими полками из Подунавья, были христианами, как и все солдаты того времени. Видимо, они поселились в Боспоре с семьями. Л. И. Айбабин полагает, что именно тогда в город были привезены остrogотские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным или орлиноголовым щитком. На щитках двух пряжек изображены кресты (один в прямоугольни-

²⁶ Эпонимный памятник горизонта Унтерзибенбрунн — два захоронения около Вены, то есть на территории Римской империи, но с ярко выраженными варварскими чертами, восточного происхождения. В первом захоронении было погребение молодой женщины с очень богатым инвентарем — пара больших золотых двупластинчатых фибул в полихромном стиле со вставками граната, белой и зеленой эмали, пара серебряных подтреугольных поменьше, пара массивных золотых браслетов со змеиными головками (глаза — вставки граната), плетенное из золотой проволоки ожерелье с конусовидными подвесками, сережки, серебряное зеркало, золотые обувные пряжки с обкладками и пр. (а кроме того — железный меч с золотыми обкладками ножен, массивная гладкая золотая гривна и две узды с подвесками в стиле Сёсдалъ; считают, что мужской скелет не сохранился, но вещи могли принадлежать и женщине). Во втором погребении (в шести метрах от первого) было обнаружено детское захоронение — мальчика или девочки семи лет: две небольшие серебряные фибулы-цикады, еще одно зеркало, туалетные щипчики, ковырялки и пр. В обоих захоронениях находилось множество мелких питампованных золотых бляшек, которыми, вероятно, обшивали одежду или погребальное покрывало. Имелась также керамическая и стеклянная посуда. Фаза D₂ горизонта датируется временем от 80-х годов IV в. до 40-х годов V в. [Щукин 2005, 330–331, 333].

ке, другой — в двойном круге). В первой половине VI в. городские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке, во второй половине VI в. — пальчатые фибулы типов Керчь и Удине-Планис 2 варианта и серийно изготавливать боспорские орлиноголовые пряжки [Айбабин 1999, 100].

Находки в раскрытых на городском некрополе на склоне горы Митридат погребениях позволяют судить об изменениях в женском костюме. В плитовой могиле 1/1905 на скелете женщины на шейных позвонках лежали пятнадцать золотых треугольных подвесок, бусины из янтаря и сердолика, а на тазовых костях — орлиноголовая пряжка, близкая остроготским. В другой плитовой могиле, раскопанной в 1977 г., на скелете женщины на височных костях нашли по идентичной остроготским золотой сережке с витым кольцом и инкрустированным гранатами многогранником, на верхних ребрах — лежавшие головками вниз две серебряные боспорские фибулы типа Удине-Планис 2 варианта и низку бус, на локтевых костях — по серебряному браслету, а в области таза — серебряную боспорскую орлиноголовую пряжку. Костюм с широким поясом, довольно часто дополненный парой пальчатых фибул на плечах, носили остроготские женщины на Среднем Дунае в V в., а после образования в 488 г. остроготского королевства — на территории Италии и Далмации до прихода лангобардов в 568 г. В этих регионах остроготы-христиане, как и визиготы-христиане в Испании, хоронили умерших в плитовых и грунтовых могилах. Потому есть все основания считать, что в описанных боспорских плитовых могилах были погребены обосновавшиеся в городе христиане-германцы (причем на городском некрополе преобладали обычные для боспорских христиан — алан и греков — склепы и подбои) [Айбабин 1999, 100–104].

А. И. Айбабин указывает на ряд находок, из которых следует, что во второй половине VI в. на Боспоре германцы совершали погребения в склепах, заброшенных аланами и греками. Обнаружено и смешанное погребение, где в одном из подбоев выявлена присущая для алан деталь обряда — остатки пищи, а в другом подбое — украшения и детали остроготского женского костюма. Скорее всего, в могиле были похоронены члены двуэтничной алано-остроготской семьи [Айбабин 1999, 105]. Таким образом, в указанную эпоху для Боспора предполагаются процессы этнического смешения, аналогичные крымским.

Позднее (с конца VI в.), когда германские женщины еще носили остроготско-гепидский костюм, орлиноголовые пряжки и фибулы типа Керчь и Удине-Планис, пряжки делались уже не из серебра, а из медных сплавов, а гнззда со вставками имитировались цилиндрическими выступами. Наряду с германскими боспорцы носили византийские пряжки и украшения, также изготовленные местными ювелирами [Айбабин 1999, 142]. Во второй половине VII в. Боспор был захвачен хазарами (ср. 1.1.10); в покинутых боспорцами Натрес, Кепях и Гермонассе, а также в самом Боспоре появились жилища новых поселенцев — хазар и болгар. Однако при хазарах в городе Боспоре сохранилось и прежнее население — в основном греки, аланы, готы, евреи и другие, а также

их религиозные общины. Боспорская епархия упоминается в нотиции 3, составленной после VII Вселенского собора (787 г.), и более поздних нотициях. Христиан продолжали хоронить в некрополе на горе Митридат (плитовые могилы), однако в склепах там уже не погребали [Айбабин 1999, 142, 188–189]. Эпоха «золота и крови» (по определению М. Б. Шукина) ушла в прошлое.

1.1.8. Германцы на черноморском побережье Кавказа

В 1974 г. при строительстве плотины на реке Дюрсо близ Новороссийска был обнаружен раннесредневековый могильник. В нем находились погребения воинов с конями, трупосожжения, и, что выделяется в качестве наиболее примечательной черты могильника — погребения с двупластинчатыми фибулами, украшенными вставками гранатов [Дмитриев 1982, 69, 102]. А. К. Амброз полагал, что ранние фибулы Дюрсо имитируют дунайские образцы, отличаясь от последних тонкостью и подкладками снизу; по мнению исследователя, двупластинчатые фибулы Дюрсо принадлежат германцам и указывают на тесные связи Дюрсо, Суук-Су, Подунавья, степи и Северного Кавказа [Амброз 1982, 115–117]. М. Б. Шукин указывает, что материал могильника Дюрсо так и не был опубликован полностью [Шукин 2005, 454]. Основная дискуссия развернулась даже не по этнической принадлежности могильника, но по проблеме хронологии. В 1982 г. исследователи считали, что германцы пришли на р. Дюрсо из Крыма после того, как их вытеснили гунны, возвращавшиеся на запад в 453–454 г. после поражения в битве при Недао; тем самым могильник Дюрсо датировался последней третью V в. [Дмитриев 1982, 103]. Однако М. Б. Шукин указывает на работы Ф. Джигуновой и М. М. Казанского [Джигунова 1995, Казанский 2001], где при более точной синхронизации вещей устанавливаются иные хронологические рамки — период до середины V в., на одно поколение ранее битвы при Недао. Однако М. М. Казанский еще склонен связывать весь комплекс с датой «после Недао», тогда как М. Б. Шукин полагает, что столкновение готов, именуемых у Прокопия тетракситами²⁷ и гуннов-утигуров и их совместное переселение в Западное Предкавказье могло произойти раньше, чем принято считать — а именно, в момент передела власти в державе гуннов после смерти Руи, отца Атиллы и Бледы [Шукин 2005, 454]. В любом случае, по заключению Шукина, вполне возможно, что с 430-х по 550-е годы некая группа готов, переселившихся из Крыма²⁸, действительно обитала на кавказском берегу Черного моря, сохраняла свое единство и этническое самосознание и оставила могильники

²⁷ Обсуждение названия см. в разделе 1.2.1.

²⁸ Как указывает А. И. Айбабин, в пользу гипотезы об уходе части готов из Крыма говорят и данные крымской археологии. Могильники с кремацией южнобережных готов на склоне Чатыр-Дага и на мысу Ай-Тодор (Харакс) были оставлены примерно в середине V в. (хотя из региона ушла только часть готов; на поселениях, связанном с Черноморским некрополем, жизнь не прекращалась) [Айбабин 1999, 81].

типа раскопанного на реке Дюрсо. Но позднее их имя исчезает из источников, как, вероятно, исчезли они сами, растворившись в кавказских народах. Единственным свидетельством их длительного самосознания является сообщение о том, что 23 сентября 1277 г. в Генуе была продана рабыня «из Зихии»²⁹ по имени Гото» [Vasiliev 1936, 23].

1.1.9. Крымские готы до вторжения хазар (конец V — середина VII в.)

В эпоху императора Юстиниана (527–565 гг.) область пребывания готов в Крыму определяется Прокопием Кесарийским как «страна Дори» [*De aed.* III, VII, 10–17] (подробнее см. 1.2.2.3). Точное местоположение, размеры и пределы этой области являются дискуссионными, однако сам пассаж не вызывает сомнений, как и сообщение о том, что в Крыму живут те готы, «которые не последовали за Теодорихом, направляющимся в Италию» [Айбабин 1999, 81–82, Щукин 2005, 458]. Остроготы Теодориха вторглись в Италию в 488 г. По Прокопию, в конце V в. Горный Крым населяли одни готы. Однако в начале VI в. «Перипл Понта Евксинского» упоминает алан, издавна живущих на полуострове. С начала V в. рядом с ними поселяются аланы, ушедшие со склонов Третьей гряды вглубь гор после продвижения гуннов в крымские степи, о чем свидетельствует целый ряд могильников Первой и Второй Крымской гряды [Айбабин 1999, 82]³⁰.

По словам Прокопия, восточнопричерноморские готы приняли христианство еще до ухода из Крыма. Однако он не знал, были ли они арианами, как прочие готы. А. И. Айбабин полагает, что христианство распространилось в Юго-Западном Крыму из Херсонеса. С середины V в. жившие на Черной Речке германцы уже не кремируют умерших. По оправданному заключению А. И. Айбабина, после принятия христианства германцы переняли у алан новый погребальный обряд и стали хоронить умерших в тех же некрополях, что и аланы [Айбабин 1999, 83]. Это весьма вероятное этнокультурное объяснение археологической проблемы, создаваемой М. Б. Щукиным [Щукин 2005, 425] (ср. выше 1.1.1), однако дальнейшее прослеживание темы на конкретном материале остается за археологами. В плане хронологии важно, что самыми ранними вещами с христианской символикой в регионе оказываются привозные краснолаковые миски и германская пряжка с кербшнитным декором первой половины VI в. [Айбабин 1999, 83].

Со второй половины V в. местные готы и аланы носили броши в виде цикад, дунайские двупластинчатые фибулы с имитацией кербшнитного орнамента и ранневизантийские поясные наборы с узкими наконечниками с щелью для

²⁹ Область проживания племени зихов — черкесов на черноморском побережье Кавказа (подробнее об имени Гото см. с. 248).

³⁰ Ср. 1.1.6.

рсмня, пропиленной в верхней части. С начала VI в. была воспринята мода на широкие пояса с большими пряжками с декором, исполненным штампом или гравировкой. Эта мода возникла среди германцев в римских провинциях [ibid.].

В связи с этими находками М. Б. Щукин говорит о «поясе готской моды» (или «гото-аланской»), охватившем всю Европу от Кавказа до Пиренеев, причем понятие «готский» оказывается в данном случае весьма широким и условным. Тем не менее, М. Б. Щукин полагает, что у жителей Крыма в VI в. могли быть и личные контакты с Западной Европой (готы, не ушедшие в Италию, могли ездить к своим родичам, обмениваться подарками). Жители Запада также могли приезжать в Крым, чему имеются косвенные подтверждения в источниках [Щукин 2005, 459]. Если такое было возможно в отношении достаточно далеких регионов — Италии, Галлии, Испании — тем более следует думать, что крымские готы общались с готами Подунавья и Балкан и, что существенно, с готами, находившимися в Византии.

Очевидно, на эту эпоху существуют две «Италии»: испанская, позднее ставшая Каталонией, и крымская. Как указывает А. И. Айбабин, жители горного Крыма нередко хоронили женщин в германских костюмах в погребальных сооружениях, типичных для алан, а мужчин — в популярных у варваров, служивших в византийской армии, поясах с геральдическими поясными наборами. В антропологическом материале выделяются признаки германского этноса. По данным Г. И. Петрова и Г. Ф. Дебеца, в антропологических материалах с Эски-Кермена имеется примесь европеоидной долихокранной расы [Айбабин 1999, 111, Харитонов 2004, 10].

В VI в. в Крыму строятся каменные христианские храмы. Возведение базилик в Юго-Западном Крыму началось при содействии императора Юстиниана. По мнению исследователей, монументальные здания в этой области возводили артели каменщиков из Херсонеса. К VI в. относят сооружение базилики на Мангупе. Археологические материалы позволяют отнести к этому времени другие храмы — большую трехнефную базилику в верховьях балки Каралез на территории раннесредневекового поселения (там же обнаружили и оборонительную стену)³¹, маленький одноапсидный храм на поселении близ крепости Горзубиты, функционировавший с VI в. [Айбабин 1999, 123–124].

Во второй половине VI и в VII вв. в Юго-Западном Крыму и на Боспоре засвидетельствован только обряд трупоположения. На многих некрополях зачищены погребальные сооружения тех же типов, что и известные во второй половине V — первой половине VI вв.: могилы с одними или двумя подбоями и Т-образные в плане склепы. Во второй половине VI и в VII вв. многие склепы на склоне Сахарной Головки и Эски-Кермена, в Лучистом, Скалистом, у подножия Баклы, а также в Херсоне и на Боспоре использовали на протяжении одного-полутора веков. В камерах хоронили до десяти-двадцати умерших. Видимо,

³¹ Храм и стена были разрушены селевыми потоками, но вскоре базилику вновь восстановили.

такие склепы являлись родовыми усыпальницами, которые использовались для погребения представителей нескольких поколений одной семьи. На Эски-Кермене с первой половины VII в. в скале вырубали могилы с антропоморфным углублением на дне. Покойников хоронили на спине головами на северо-запад или запад, со слегка согнутыми в локтях руками, сложенными в области живота кистями и вытянутыми ногами [Айбабин 1999, 93]. При этом в Юго-Западном Крыму, в отличие от Херсона и Боспора, в склепы и могилы обычно ставили легкую посуду и гончарные кувшины местного производства и гораздо реже — византийские амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды [Айбабин 1999, 94].

Интересно, что в позднестюдиановский период поселившиеся в Дори германские ювелиры создали свои мастерские, удовлетворявшие спрос на популярные у населения пряжки и украшения. Они в совершенстве владели сложной технологией отливки крупных серебряных предметов, делали проволоку, применяли пайку, чеканку, тиснение, покрытие поверхности толстым слоем позолоты, декорировали резцом, пуансоном, псевдоскандью, зерном, изготавливали тонкую золотую фольгу, украшали изделия вставками из альмандина или цветного стекла. Вместе с тем А. И. Айбабин замечает, что их продукцию нельзя назвать шедеврами ювелирного искусства. Грубые серебряные орлиноголовые пряжки I варианта (см. рис. 7–7, 8–9, 9), большие двуластинчатые фибулы (рис. 7–6) и другие изделия серийно изготавливались на продажу. Довольно изящны лишь золотые височные подвески с кольцом из гладкой проволоки и многогранной бусиной с напаянными треугольниками из зерни, а также с ромбовидными и треугольными гнездами со вставками из граната или красного и голубого стекла (рис. 7–4). Материальных свидетельств о ювелирных мастерских не найдено, однако местные ранние двуластинчатые фибулы и большие пряжки сильно отличаются от одноименных вещей из других регионов и только по форме отдельных частей и некоторых элементов декора похожи на остроготские и генидские прототипы. А. И. Айбабин предполагает, что для изготовления украшений в местных мастерских переплавлялись военные трофеи, монеты, поступавшие в качестве платы за союзническую службу и вышедшие из моды ювелирные изделия [Айбабин 1999, 122–123].

В VII в. мужчины и женщины застегивали поясные и обувные ремни и сумки литыми бронзовыми и серебряными пряжками византийского круга. Вошли в моду различные византийские серьги, перстни, ожерелья и их местные копии. В начале VII в. несколько изменился женский гарнитур: широкие пояса застегивали орлиноголовыми пряжками II и III вариантов с более длинной пластиной, соединяющей кольцо и рамку, и большими пряжками с прямоугольным щитком с имитацией кербшитного орнамента (вариант 3), штампованным изображением креста (варианты 5–2) и тиснеными львами или пантерами (вариант 6). Одежду на плечах иногда еще застегивали парой больших двуластинчатых или пальчатых привозных германских фибул (а также боспорских с концентрическими ромбами на ножке) и типа Удине-Планис 2 варианта; однако чаще использовали пару двуластинчатых фибул других вариантов, либо подвязных бронзовых или железных фибул, а также,

что примечательно — днепровских пальчатых (варианты I–III) и антропоморфных (варианты I–II). Как правило, в захоронениях лежали две разнотипные днепровские фибулы. А. И. Айбабин объясняет это тем, что приднепровские славяне пользовались одной фибулой, а не двумя, как было принято у германцев и алан. С середины VII в. женщины уже в основном не носили двупластинчатых фибул, однако в Суук-Су и Лучистом еще засвидетельствован классический остроготский гарнитур (изделия из серебра и бронзы, золотого уже не отмечается)³². Однако на склоне Эски-Кермена уже встречаются днепровские пальчатые фибулы, а костюмы из двух женских погребений (Лучистое, 4 в склепе 10 и Эски-Кермен, 5 в склепе 27) аналогичны костюмам VII в. из Византии. Дети и подростки носили комплекты украшений, подобных содержавшимся в кладах из Поднепровья и Подолия, зарытых в славянско-кочевническом пограничье. Обнаружен и бронзовый гарнитур, имеющий аналогии в Венгрии и Восточной Пруссии [Айбабин 1999, 150–158].

Жители крепостей и неукрепленных поселений, выявленных в Лучистом, в окрестностях Баклы, в Байдарской долине (Бобровка), на реке Бельбек в Малом Садовом, на Южном берегу близ Гурзуфа и в Партените выращивали хлебные злаки, производили вино, занимались огородничеством и отгонным скотоводством, а на побережье и рыболовством. В одном из склепов в Лучистом найден железный серп, там же в других склепах и в Скалистом — миски с зерном и ойнохои с винным осадком на стенах, а в Суук-Су — рыболовные крючки. В Партените в усадьбе VII в. раскопаны домашние винодельни с давильнями, стоками, 7–9 пифосами емкостью по 450–650 л с винным камнем на стенках и пр. На всех поселениях делали для своих нужд лепную керамику. В крепости на Эски-Кермене была найдена бракованная ножка стеклянной рюмки, а в одном из склепов — заготовка подобной ножки, что позволяет предположить существование на плато с середины VII в. стеклоделательной мастерской. Продолжали функционировать ювелирные мастерские Дори, где наряду с двупластинчатыми фибулами и орлиноголовыми пряжками начали изготавливать изделия, в декоре которых сочетались элементы I скандинавского звериного и дунайского гепидского стилей. Ремесленники Юго-Западного Крыма по изделиям, импортированным из Херсонеса и других византийских центров, отливали из серебра и бронзы разнообразные поясные и обувные пряжки, детали поясных наборов, нательные кресты, серьги, кольца и перстни, а также копировали пальчатые фибулы и серьги из Поднепровья [Айбабин 1999, 158–159].

В конце VI–VII вв. упрочилось положение Церкви в Юго-Западном Крыму. Приходы области Дори относились к Херсонской епархии, на что указывает подпись епископа Георгия в деяниях Трулльского Собора (692 г.): «Γεώργιος

³² С другой стороны, как справедливо замечает М. Б. Щукин, «погребенный уносил в могилу... вещи своей молодости» [Щукин 2005, 17] — а может быть, и полученные по наследству.

ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος...». В крепости Эски-Кермен была возведена большая трехнефная базилика, являвшаяся центральным храмом города³³. Другую базилику, вероятно, построили на плато, где позднее расположился Чуфут-Кале — там в разные годы найдены три мраморные коринфские капители от ее убранства. Христианская символика широко распространяется с середины VI в.; аланы и готы носят пряжки и перстни с крестами и монограммой Христа, нательные кресты, подвески. Судя по изображениям на перстнях и подвесках из Лучистого, Суук-Су, Эски-Кермена и Скалистого, особо почитались святые Мина и Георгий. Под влиянием христианства происходят дальнейшие изменения в погребальном обряде. С VII в. на Южном берегу хоронят не только в склепах, но и в обычных для византийских христиан плитовых могилах, а на Эски-Кермене — и в могилах, вырубленных в скале. С второй половины VII в. на горнокрымских могильниках устанавливаются христианские надгробия, однако обряд захоронения всё еще мало отличается от прежнего [Айбабин 1999, 161].

1.1.10. Хазарская экспансия (вторая половина VII в.—VIII в.)

В 679 г., по данным источников (патриарх Никифор), хазары, преследуя болгар, напали на «... все селения за Понтом Эвксинским», то есть на города и поселения на обоих берегах Боспорского пролива, «и достигли моря» (цит. по: [Айбабин 1999, 185]). Эту дату подтвердил анализ стратиграфии, зафиксированный А. И. Айбабиным в портовом районе города Боспора (участок в Кооперативном переулке г. Керчи) и прослеженный В. Ф. Гайдукевичем на Тиритаке и в Илурате. В Керчи близ церкви св. Иоанна Предтечи Т. И. Макарова выявила слой пожара, уничтожившего базиликальный комплекс с крещальней и другими постройками. Слой того же пожара зачищен на других раскопах Керчи [Айбабин 1999, 185]. При этом, как говорилось выше (1.1.7), некоторые города на Боспоре были покинуты жителями, а где-то при сосуществовании с хазарами и булгарами сохранялось местное население. В результате боевых действий Византии хазары признали принадлежность империи города Херсона (Херсонеса), но установили свой протекторат над остальным Крымом и не

³³ А. И. Айбабин полагает, что Эски-Керменскую базилику построили византийцы [Айбабин 1999, 161]. Ф. И. Шмит, производивший раскопки базилики в 1930 г., доказывал, что она связана с Малой Азией (Сирией). Однако по мнению Е. А. Паршиной, исследовавшей базилику в 1988 г., постройка имеет все особенности крымской архитектуры, сложившейся под византийским влиянием (см. по теме: [Харитонов 2004, 72–81]). При этом время постройки базилики также является дискуссионным: Е. А. Паршина говорит о VI–VII вв., А. И. Айбабин — о VIII в. По указанию С. В. Харитонova, первый строительный период базилики в ходе раскопок не выявлен (суть основания предполагать VI–VII вв.), второй приходится на VIII в., а третий — на XII–XIII вв. [Харитонов 2004, 83–84]. Однако достоверно известно, что в разных частях Эски-Кермена, помимо базилики, существовали и другие наземные храмы [Харитонов 2004, 84–85].

желали мириться с присутствием крупных византийских воинских формирований даже в Херсоне. Так был утрачен политический и военный контроль Херсона и шире — Византии над Готией [Айбабин 1999, 196–197].

В начальный период хазарской экспансии, до выступления местных правителей против хазар, в этническом составе населения Готии не произошло каких-либо существенных изменений. Продолжали функционировать все возникшие ранее в области Дори города, поселения и некрополи — в Алустане, Лучистом, Партените, Суук-Су, на Мангуле и окрестных некрополях, на Эски-Кермене, Бакле и многие другие, перечень которых весьма обширен (см. [Айбабин 1999, 197]). Однако произошедшее в 786 или 787 гг. антихазарское восстание, возглавленное св. Иоанном Готским (подробнее см. 1.2.2.5), оставило некоторые археологические следы в Горном Крыму. С этим событием связывают укрытие на Мангуле в поврежденной стене клада медных монет-подражаний византийским солидам. Возможно, после усмирения восстания хазары оставили на Мангуле небольшой гарнизон, о чем заключают по зачищенным на плато грунтовыми могилам, близким по обряду тем, что были открыты на салтовских могильниках в Подонье³⁴. Значительное сокращение заселенной площади на плато свидетельствует о существенном уменьшении числа жителей поселения [Айбабин 1999, 209–210].

Правитель Готии до подавления восстания выпускал собственные монеты (из них состоял клад, обнаруженный в стене Мангула). Семь монет имитировали византийские солиды Льва III 725–732 гг., а восьмая литая выпущена в период соправительства Льва III и Константина V в 717–741 гг. В. А. Сидоренко привел веские доказательства в пользу легальной чеканки монет-подражаний на Мангуле. По его мнению, поскольку монеты не позолочены, они являются браком для переплавки; находка в склепах Чуфут-Кале позолоченных подражаний солидам Константина V 741–751 гг. подтверждает предположение об их использовании в местном обращении, причем сам факт выпуска и обращения имитаций солидов говорит о независимости Готии от Византии [Айбабин 1999, 211]. Позднее выпуск монет не отмечается.

По свидетельству археологических материалов, после ликвидации восстания булгары, пользуясь покровительством хазар, селятся в Готии. На Басманском хребте Главной гряды обнаружен скотоводческий комплекс, состоявший из загон для скота и пещеры с культурным слоем с салтовской керамикой. В ряде других мест возникли поселения с типичной для салтовской культуры керамикой и дома, аналогичные болгарским домам из Центрального и Восточного Крыма по планировке, технике кладки стен, форме очага и другим признакам. Всё это позволяет сделать вывод, что булгары теснили в Юго-Западном Крыму аланские и готские общины [Айбабин 1999, 211–212].

³⁴ Салтовская культура объединяла разнообразное население Хазарского каганата [Щукин 2005, 472].

1.1.11. Крымская Готия в VIII–XV вв

Однако более раннее население не уходит из Юго-Западного Крыма. В VIII–IX вв. некрополи тех же поселений (Черная Речка, Скалистое, Эски-Кермен, Мангун, Суук-Су, Бакла, Партенит и др.) сохраняют те же типы захоронений, что и в более раннюю эпоху — склепы, подбои, плитовые и простые грунтовые могилы [Айбабин 1999, 198–199]. Однако инвентарь либо весьма прост (немногочисленные керамические и стеклянные сосуды, одиночные серьги, пряжки), либо даже отсутствует в ряде случаев [Айбабин 1999, 199–200]. На склоне Эски-Кермена в могиле с заплечиками 243 найдены украшения, обычные для салтовской культуры и Приуралья. В более поздней могиле, где погребенный был накрыт черепицей IX–X в. (Лучистое), были обнаружены височные подвески со штампованным изображением птиц, пряжки и серьги, характерные для салтовской культуры. С начала VIII в. инвентарь в погребениях Юго-Западного Крыма отчетливо указывает на связи с Хазарией. Местное население наряду с вещами крымско-византийского круга носит популярные в хазарском каганате украшения и детали поясных наборов уральского типа [Айбабин 1999, 200].

Однако хазарская экспансия не стала полной катастрофой для полиэтничного Крыма, так или иначе входившего в державную орбиту Византии. У подножия Баклы местным жителям принадлежал не только плитовой некрополь, но и небольшой храм, датируемый второй половиной — концом VIII или IX в. В конце VIII в. на одном из поселений, вновь основанных в низовьях реки Бельбек (Поворотное), в конце VIII в. строится новая трехнефная базилика. Ко второй половине VIII — IX веку относят время функционирования храма на плато Тепсень — одной из крупнейших трехнефных базилик на полуострове³⁵. В IX в. (но и не ранее) была построена церковь на некрополе в Суук-Су. А. И. Айбабин, опираясь на источники, делает вывод, что Византия стремилась через Готию распространить христианство и в других регионах Хазарии. При этом хазарский каган, несмотря на ведущую роль епископа Готии в восстании, не препятствовал деятельности Константинопольской патриархии в традиционно христианских регионах [Айбабин 1999, 199, 208, 212].

По выводам археологов, новые поселения в Горном Крыму конца VIII в. возникали в условиях наступившей стабильности, что способствовало росту основных отраслей экономики Готии — земледелия, виноделия и скотоводства. Гончарная керамика для населения области изготавливалась в новых крупных производственных центрах (нынешние Трудолюбовка, Ялта, Ливадия, Мисхор) [Айбабин 1999, 212].

³⁵ В настоящее время ряд исследователей локализует на плато Тепсень Фулы (или Фуллы), центр Фульской епархии в Горном Крыму [Айбабин 1999, 207, Майко 2002]. Фулы имели важное значение в жизни региона и неоднократно упоминаются в источниках (ср. 1.2.2.5).

В середине 830-х годов всепры изгнали хазар из степей Северного Причерноморья, а в третьей четверти IX в. уничтожили цитадель хазар в г. Босноре, изгнав их войска из Крыма. Этим воспользовалась Византия; по мнению А. А. Васильева, в конце IX в. она даже вернула горнокрымские области под свое управление, поскольку Константи́н Багрянородный писал о Климатах и Херсоне как о регионах, входящих в состав империи и подлежащих ее защите [Айбабин 1999, 227] (ср. 1.2.2). В Климатах была восстановлена Готская епархия (в относимой к 901–907 гг. нотиции Льва Мудрого она записана на 44 месте). С конца IX в. начинается сооружение новых пещерных храмов на Эски-Кермене, а с X в. на Бакле строятся новые жилые кварталы и храмы³⁶. А. И. Айбабин полагает, что в X в. население Климатов уже не связывало себя с прежними языческими традициями; там были заброшены почти все некрополи со склепами и сооружениями с языческим погребальным обрядом. Рядом со многими из них были построены храмы, вокруг которых возникли некрополи с захоронениями в могилах из каменных плит и в гробницах, сложенных из камня³⁷. Судя по немногочисленным эпитафиям из Горного Крыма, жители Климатов знали греческий язык, а некоторые из них носили греческие или аланские имена. По мнению Айбабина, к концу X в. завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности, которая впитала в себя аланский, готский, ромейский и булгарский компоненты, объединенные на основе христианства и византийской культуры [Айбабин 1999, 229].

Дальнейшая археология Крымской Готии является крымской археологией как таковой, а история прослеживается лишь по источникам (ср. разделы 1.2.3 и 2). М. Б. Шукин недаром говорит, что плохо представляет себе облик жителей Готии XI–XV вв. В захоронениях почти нет находок, а проблемы бытования городов, крымской архитектуры, городских укреплений, керамики уже лежат за пределами готской темы (ср. [Якобсон 1964, Баранов 1990, Мыц 1991, Могаричев 1997, Харитонов 2004] и дальнейшие ссылки в работах: [Харитонов 2004, 148–156, Шукин 2005, 473]). Влияние германской строительной культуры усматривают в одном из типов жилища горных татар, отмеченного Б. А. Куфтиным в Бахчисарайском районе в Кучук-Узенбапе, Керменчике, Силе и других горных деревнях. Это дома со срубленными из дерева и скрепленными деревянными шипами стенами, двускатной крышей, покоящейся на системе седлообразных стропил, которые опираются концами на горизонтальные брусья, связывающие сверху стены

³⁶ Всего в Крыму насчитывается около 50 пещерных храмов. В Юго-Западном Крыму выделяются четыре больших района, объединяющих пещерные храмы: 1) Качинский (Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Марьям-Дере, Чуфут-Кале); 2) Мангунско-Эски-Керменский; 3) Инкерманский; 4) Херсонесско-Гераклейский, причем район 2 является наиболее крупным [Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005].

³⁷ Примечательно, однако, что храмы всё же строятся рядом со старыми некрополями.

дома. Система этих брусьев (обрешетки крыши) и называется «разан» («раз-па»), что, по мнению исследователей, не имеет аналогий в тюркских языках и должно сопоставляться с гот. *gaiz* 'дом' [Куфтин 1925, Пиоро 1990, 88–89] (обсуждение и дальнейшие ссылки в разделе 5.2.2, статья **hus**).

М. Б. Щукин подчеркивает, что население Готии было гетерогенным: здесь жили и потомки алан, хазар, половцев, и татары, и греки, и сврси, и армяне, здесь бывали (а возможно, и жили) и итальянцы, и славяне, и многие другие. Языком межнационального общения был греческий, на котором велась служба в церквах и делался основной корпус надписей. Большая часть населения, очевидно, была христианами, хотя иные конфессии также были так или иначе представлены. Но, ссылаясь на вывод А. И. Айбабина о формировании «горнокрымской народности» к X в., М. Б. Щукин указывает, что определенных данных на этот счет мы не имеем: «Мы не знаем, что сами о себе думали жители Климатов, существовала ли вообще “горнокрымская народность”? Процесс, быть может, не завершился до самого конца Мангула» [Щукин 2005, 473]. И здесь исследователь высказывает важную мысль (косвенно подтверждаемую опомастическим материалом — см. 9.2 об именах от этнонима *Gut-/Got-): окружающие могли считать жителей Климатов готами как паству Готской епархии, как подданных «готских» князей Фсодоро-Мангула, когда тем удавалось на некоторое время проявлять относительную самостоятельность [Щукин 2005, 473]. При этом идея о «горнокрымской народности» оказывается справедливой в материальном, археологическом плане (готы как таковые после X века в археологии уже не фигурируют), но единство материальной культуры не означает утраты этнического самосознания или — в позднейшую эпоху — памяти о былом самосознании.

1.2. Сообщения источников о крымских готах

1.2.1. Оценка источников

В настоящее время источники, сообщающие о пребывании готов в Крыму, описаны во всей полноте и хорошо исследованы. Первые научные своды и обзоры относятся к концу XIX в. [архим. Арсений 1873, Брун 1874, Tomaschek 1881, Braun 1890, Лосев 1896]. Весьма важными для осмысления крымско-готской проблемы (вне зависимости от деталей) стали попытки наложения исторических свидетельств о готах в Крыму на конкретные топографо-археологические точки ландшафта (ср. [Бертьс-Делагард 1918, Бертьс-Делагард 1920, Васильев 1921, Васильев 1927, Бабенчиков 1935]). Обобщающая работа А. А. Васильева [Vasiliev 1936] во многом стала основополагающей для новейших западных исследователей [Høst 1971, Stearns 1978, Tischler 1978].

И наконец, ряд обобщающих трудов конца XX — начала XXI вв. [Пиоро 1990, Айбабин 1999, Байер 2001, Харитонов 2004] и многочисленных работ по отдельным аспектам проблемы позволяет считать вопрос об источниках в целом разрешенным (это осознание ясно выражено в труде М. Б. Щукина, где автор намеренно отказывается от подробного изложения источников [Щукин 2005, 421, 465]).

Однако при рассмотрении крымско-готских языковых реликтов обзор источников по-прежнему остается необходимой составной частью исследования. Более того, нельзя забывать, что сама письменная фиксация этих данных также входит в состав одного из источников.

Источники сведений о крымских готах делятся прежде всего по временному критерию: 1) позднесантичные и раннесредневековые (памятники церковной традиции, исторические труды); 2) средневековые (житие св. Константина (Кирилла) и немногочисленные упоминания в западноевропейской традиции); 3) эпоха Возрождения (сообщения путешественников и упоминания в ученых сочинениях); 4) позднейшие свидетельства (до XVIII в.; весьма скудны). Но есть и еще одна важная характеристика — а именно, степень пространственной и временной близости к описываемому феномену. Для позднесантичных и раннесредневековых авторов готы в Причерноморье были вполне реальны и близки даже в том случае, если историк (например, Прокопий Кесарийский в VI в.) трудился в Константинополе и сам не посещал Крыма. В эпоху Великого переселения народов существование готов в Крыму не требовало особых доказательств, поскольку готы тогда расселялись весьма широко и сами по себе были хорошо известны современникам. Напротив, во времена высокого средневековья в Западной Европе о готах знали уже лишь из предшествующей традиции, и не будет преувеличением сказать, что к эпохе Возрождения крымские готы становятся достоянием западноевропейской исторической науки. В свою очередь, именно это теоретическое знание побуждает путешественников-гуманистов искать в Крыму живых встреч с готами, причем последние выступают уже не как самостоятельные деятели, а как объекты научного интереса. В этом отношении источники эпохи Возрождения сходны с устремлениями позднейших ученых, и разыскания Ожье Гислена де Бусбека в XVI в. здесь мало отличаются от этнографической экспедиции Ф. Л. Брауна в конце XIX в. (ср. [Браун 1890]) и разделы 2.2, 3.2). Но сообщение Бусбека является уникальным среди всех источников, предшествующих и последующих: дипломат-гуманист был единственным, кто проявил интерес к специфике языка крымских готов. Для византийца VI в. — Прокопия Кесарийского — было естественным, что готы (как и армяне, персы и т.д.) говорят на своем языке, и при всех возможностях (на то время — широчайших) свидетельства отсутствуют; для ученого нового времени любые факты были бы драгоценны, но доступ к ним уже закрыт. Барбаро нашел в Крыму готов и дал общую оценку их языка, но при всей ренессансной наблюдательности он был чужд академизма. Университетская школа Бусбека соединила крымских готов в хронике и науке. Эту эпоху при-

нято определять как «ренессансный гуманизм», однако XVI век не сводится к единственной формуле. Достаточно вспомнить, что Бусбек, его крымские готы и «Турецкие письма» — современники и соседи Иоанна Грозного.

В настоящем разделе будут изложены те прямые или косвенные свидетельства о пребывании готов в Крыму и германцев в Причерноморье, которые являются важными для темы бытования крымско-готского языка. При этом будут рассмотрены и некоторые традиционно обсуждаемые спорные памятники (например, сфальсифицированная в XIX в. К. Б. Газе «Записка готского топарха»), но обобщение абсолютно всех упоминаний крымской Готии не является целью этого обзора. История Готской епархии как таковой, княжества Феодоро и сопредельных мест (например, Эски-Кермена), а также связей Феодоро с Русью и Молдавией здесь рассматриваться не будет. По этим темам уже существует обширная литература (см. [архим. Арсений 1873, Vasiliev 1936, Байер 2001, Хартахай 2003, Фадеева, Шапошников 2005,³⁸ Харитонов 2004, Пцукин 2005, 471–473]), а здесь будут затронуты лишь отдельные аспекты, существенные для общего понимания проблемы.

1.2.2. Позднеантичные и раннесредневековые источники

1.2.2.1. События III в.

Появление готов в Северном Причерноморье относится, как говорилось выше, к середине III в. по Р. Х. (240 г. — 270 гг.), причем их действия в этом регионе обусловлены широкомасштабным нашествием варваров на северное пограничье Империи. Для уяснения географии и хронологии важно следующее указание Иордана: когда готский король Острогота перешел Дунай («Данубий») и опустошил Мезию и Фракию в 248 г. (дата восстанавливается по точным указаниям у Иордана [*Get.* 90]), племя готов уже «чудесным образом прославилось в той стране, где жило, то есть на северном побережье понтийской земли; оно без страха держало огромные пространства земель и столько морских заливов, столько течений рек! Под его десницей нередко лежал [распростертый] вандал, принуждаем был к дани маркоманн, обращены были в рабство вожди квадов» [*Get.* 89]. Сопоставление этого контекста с археологическими данными позволило М. Б. Пцукину сделать вывод, что готы к этому времени действительно проникли в Причерноморье и распространили свою власть на Центральную Европу [Пцукин 2005, 134–138].

Указанный период называется эпохой «скифских войн», поскольку древние авторы чаще называют вторгающихся варваров скифами, нежели готами или германцами, или говорят о «скифах, называемых готами» [*Dexipp.* fr. 16a]. М. Б. Пцукин подчеркивает, что однозначно интерпретировать это обозначение трудно: с одной стороны, варваров могли называть скифами,

³⁸ Отдельные положения этой во многом дискуссионной работы будут обсуждаться ниже.

потому что они совершали свои набеги из Северного Причерноморья — географической Скифии, по понятиям греков; с другой — часть причерноморского населения вступила в союз с германцами, принимала участие в набегах и составляла заметную часть готских войск, которые по этой причине могли обозначаться как «скифы» [Ицукин 2005, 151]. Важно учитывать и общую тенденцию источников к архаизации этнонимов.

Исследователи указывают на скудость, фрагментарность и нечеткость данных о передвижениях готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. [Буданова 1990, 82, Ицукин 2005, 136]. Источники не сообщают о событиях 30–40-х годов III в. в Причерноморье, хотя по археологическим данным уже отмечается некоторая напряженность [Ицукин 2005, 134] (ср. раздел 1.1.2). Зато нашествия 50–60-х годов III в. отмечены у Зосима. В начале 253 г., по его сообщению, «снова готы, бораны, уругунды и карпы стали опустошать европейские города... не оставили ни одной неопустошенной части Италии и Иллириды» [Zosim. I, 23]. Под «европейскими городами» здесь имеются в виду населенные пункты наиболее восточной части диоцеза Фракии, которая была выделена в провинцию Европу, а под Иллириком — Верхняя и Нижняя Паннония [Буданова 1990, 90]. С этого времени, как указывает М. Б. Ицукин на основании того же источника, эпицентр варварской активности сместился к Востоку, и уже через год бораны и готы появились на Боспоре, о чем Зосим говорит: «пока у них [боспоритов] были цари, получавшие власть по праву наследия..., они постоянно удерживали скифов... Когда же во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они представили скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда» [Zosim. I, 32, 2, Ицукин 2005, 139–140]. М. Б. Ицукин предполагает, что под «недостойными правителями» Боспора Зосим мог иметь в виду узурпатора (или соправителя) Фарсанза, выпускавшего монеты с ноября-декабря 253 по октябрь 254 г. [Ицукин 2005, 139] (см. выше, 1.1.2).

В связи с этим возникает неоднократно обсуждавшаяся тема морских походов германцев по черноморскому побережью III в. О двух первых походах (255 или 256 и 257 г.) сведения есть только у Зосима. На судах, взятых у боспорян, бораны пошли вдоль Кавказского побережья, разоряя по пути города, и добрались до Пителинта (нынешней Питунды) [Zosim. I, 31–32]. По мнению В. П. Будановой, последний город также подвергся разграблению [Буданова 1990, 92], по М. Б. Ицукин указывает, что Пителинт был римской крепостью, ее командант Суксессиан смог организовать оборону, и варвары были вынуждены вернуться на Боспор [Ицукин 2005, 140]. Второй рейд был совершен в 257 г. Варвары осадили Фасис (ныне Рион), Пителинт, Трапезунт (ныне Трабзон) [Zosim. I, 32–33] и в результате разорили всё северо-восточное побережье Малой Азии [Ицукин 2005, 140]. В 257 или 258 г. еще один отряд варваров нападает на Кавказское побережье и Малую Азию: «Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить нечто подобное» [Zosim. I, 34, 2]. Детали этого похода исследователям неизвестны,

но с ним связывают перерыв в чеканке боспорских монет, произошедший именно в это время и длившийся несколько лет [Щукин 2005, 140].

В настоящее время является общепризнанным, что собирательное название «скифы», которым Зосим обозначает участников этого похода, отнесется к боранам и готам. Это следует из текста Канонического послания св. Григория, архиепископа Неокесарийского (правило 6), где варвары, вторгшиеся в провинцию Понт, именуются «боранами и готами» [Буданова 1990, 92, Щукин 2005, 140]. Как указывалось выше (1.1.2), в славянском переводе Канонического послания засвидетельствованы формы «ворады и готфы» (с ориентацией на греческую фонетику и орфографию) [Книга Правил 1992, счв]. Этническая принадлежность боранов в источниках точнее не поясняется; по мнению М. Б. Щукина, совместные действия этого племени с готами и на Черном море, и в Италии заставляют предполагать скорее одно из германских племен: варингов или какое-то иное, в Европе источниками не зафиксированное [Щукин 2005, 140].

Взаимоотношения местного населения Причерноморья и пришельцев были весьма неоднозначны. Согласно указанному посланию св. Григория Неокесарийского, вошедшему в Правила Св. Апостол и Вселенских соборов, некоторые из местных христиан стали пособниками и даже соучастниками варваров: «Аще которые сопричислились к варварам, и с ними, во время своего пленения, участвовали в нападениях, забыв, яко были понтийцы и христиане, и ожесточась до того, что убивали единоплеменных своих или древом, или удушением, такожде указывали не ведущим варварам пути или домы: таковым должно преградити вход даже в чин слушающих, доколе что либо изволят о них, купно сошедшеся, святые отцы, и прежде их Дух Святыи» [Книга Правил 1992, счв-счг].

Итак, ко второй половине III в. варвары возглавляемого готами союза пересекают на своих кораблях Черное море и одну за другой грабят провинции Малой Азии. М. Б. Щукин указывает, что хронология и маршруты этих набегов точно установлены по данным письменных источников и нумизматики. В 262 и 263 г. остроготы-гравтунги, переправившись через море, грабят Малую Азию, высадившись в Эфесе [Get. 107–108]; в 267–268 гг. герульский флот в 500 кораблей нападает на побережье Греции, причем были осаждены Афины, захвачены и разгромлены Коринф и Спарта [Dexipp. 21, Zosim. I, 42–46, SHA, Gallien, 13, 6, 10]. Интересны соображения М. Б. Щукина о том, что в более раннюю эпоху варвары Северного Причерноморья не беспокоили своих южных соседей-греков морскими набегами. Исследователь предполагает в связи с этим, что такой способ ведения войны могло обусловить наличие в этой среде выходцев из Скандинавии, издавна знакомых с морским делом [Щукин 2005, 146].

В 269 г. произошло массированное вторжение готов на Балканы с целью захвата новых земель для поселения. Из устья Тираса (Днестра) вышло 2000 кораблей, а 320 тысяч человек с женами, детьми и скотом двигались сушей. Разные племена — «исвки, гравтунги, австроготы, визиги, гепиды, кельты,

герулы» — шли, «выпивая реки и изводя леса» [*Zosim.* 1, 42–46, *SHA, Claud.* 6,2; 8,6; 9, 4]³⁹. Сообщает об этом (возможно, в некоторой контаминации с походом 267 г.) и Аммиан Марцеллин: «Полчища скифских народов прорвались на двух тысячах судов через Боспор, прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад» [*Res Gestae* XXXI, 5, 15]. Судя варваров погибли, истребляемые «то морскими битвами, то бурями», а император Клавдий разгромил войска на суше, не дав десанту флота соединиться с сухопутной армией, за что получил триумф, конную статую на Капитолии и титул Готского [Щукин 2005, 150]. Вторжение захлебнулось, но в 275 г. варвары предприняли еще одну попытку прорыва в Империю, но сей раз — с востока, по черноморскому побережью. Поход опять был комбинированный — и морской, и сухопутный, и осуществлялся коалицией племен. Участие в нем приняли «многие варвары с Меотиды» [*SHA, Tac.* 13, 2–3, Буданова 1990, 101, Щукин 2005, 150], причем нельзя исключить, что нападение «меотидов» на Империю было недоразумением, поскольку они двигались для участия в намечавшемся походе Аврелиана против персов [*SHA, Tac.* 13, 2–3], не состоявшемся ввиду смерти императора в апреле 275 г. [Щукин 2005, 150]. Иоанн Зонара сообщает, что скифы, переправившись через Меотийское озеро (Азовское море) и реку Фасис (р. Риони в Грузии), вторглись в Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию, то есть захватили всю восточную часть Малой Азии, но потерпели ряд поражений от императора Тацита и его полководца Флориана [*Zonar.* 12, 27; Щукин 2005, 150]. У Зосима сказано, что война осталась несовершенной [*Zosim.* 1, 64, 2]. Тацит покинул театр военных действий и умер в дороге, Флориан погиб в борьбе за императорский венец, а плоды победы достались боспорскому царю Тейрану, который добил варваров, высадившихся в его владениях и за спасение отечества удостоился статуи (сохранился постамент с надписью [КБН 36]⁴⁰) [Щукин 2005, 151].

Итак, по свидетельствам источников, Северное Причерноморье и Приазовье в III в. были для германцев одновременно и ареной завоеваний, и исходным пунктом для дальнейших походов. Как указывает В. И. Буданова, римеотийские германцы активно стремились переселиться в Малую Азию, особенно в провинцию Понт [Буданова 1990, 103]. Однако часть германцев, расселившихся в Северном Причерноморье, могла не участвовать в дальнейших походах — или же, как то бывало не раз, возвращаться на исходные позиции в случае поражения.

1.2.2.2. IV–V вв.

Конкретные свидетельства о германцах в Северном Причерноморье IV–V вв. немногочисленны. В деяниях I Вселенского Собора (325 г.) оставил свою подпись «De Gothis Theophilus Bosporitaneus» или, по другому списку, «Provincia Gothia. T(h)eophilus Gothiae metropolis» [архим. Арсений 1873,

³⁹ Цит. по: [Щукин 2005, 149].

⁴⁰ См.: [КБН 1965].

62, Hæst 1971, 67]. Вопрос об этом готском митрополите Феофиле является дискуссионным, так как исследователи по-разному локализуют упомянутую здесь Готию. Ф. Брун, В. Томашек, Л. Шмидт и др. соотносили ее с Крымом, Р. Лёве — с Боспором, Ф. А. Браун и Д. И. Беликов [Braun 1890, Беликов 1887] — на нижнем Дунае. А. А. Васильев склонялся в пользу последней версии, видя здесь указание на западный берег Черного моря, Скифскую епархию с митрополией в Томах. Исследователь опирался на контексты церковного историка Сократа и жития св. Никиты Готского (память 15/28 сентября). У Сократа о епископе Вульфиле, связанном с придунайскими готами, говорится: «следую Феофилу» [*Hist. eccl.* II, 41], а св. Никита описан в житии как гот, живший «по ту сторону Истра, называемого Данувием» и просвещенный Феофилом, епископом готов. На основании этого Васильев пришел к выводу, что в представлении людей раннего средневековья Феофил Готский был епископом западных дунайских готов [Васильев 1921, 278–284]⁴¹.

Однако титул «Bosporitanus» также требует обсуждения, коль скоро он присутствует в некоторых списках. Надо сказать, что на Вселенском Соборе присутствовал также Кадм, епископ Боспорский (Bosporitanus)⁴². В связи этим архим. Арсений полагал, что Феофил выступал от имени готов-христиан Боспора Киммерийского⁴³, а не другого Боспора — Фракийского [архим. Арсений 1873, 62]. Тем не менее, сделать такое заключение по одной титулатуре невозможно: во-первых, титул «Боспорский» мог возникнуть в применении к Феофилу ошибочно, а во-вторых, «Феофил Готский / Боспорский» мог быть именно митрополитом Боспора Фракийского. И здесь важно учесть, в каком порядке интересующие нас подписи располагаются в деяниях Собора. Регионы, имевшие отношение к Крыму и Причерноморью, представлены следующими лицами: Филипп, епископ Херсонский, Феофил, митрополит Готии и Кадм, епископ Боспорский [Васильев 1921, 275–287, Пиоро 1990, 56]. Среди 318 подписей имя Феофила, митрополита Готского, занимает предпоследнее место перед именем Кадма Боспорского. В связи с этим И. С. Пиоро (в целом приверженный Крыму) делает вывод, что указанная Готия должна была находиться где-то возле Боспора, в восточном Крыму [Пиоро 1990, 56]. Детали заключения могут быть спорны, но сама мысль о следовании подписей епископов в административно-территориальном порядке вполне разумна. При

⁴¹ М. Б. Щукин в связи с этим даже указывает на археологическую находку в Соборе (Среднее Поднестровье) — остатки постройки из камня и плинфы под черепичной крышей, с застекленными окнами и колонным порталом. Если это действительно развалины церкви, то именно так мог бы выглядеть тогдашний кафедральный собор митрополита Готии [Щукин 2005, 198]. Гипотеза в любом случае оживляет источники.

⁴² У архим. Арсения — Домн («Domnus Bosporitanus»), но это, по всей очевидности, ошибка, обусловленная прочтением титула dom(i)nus ‘господин’ (ср. греч. κυρ(ι)ος ‘господин’ о епископах и митрополитах) как имени собственного [архим. Арсений 1873, 62].

⁴³ Керченский пролив.

этом М. Б. Шукин справедливо указывает, что по сравнению с Кадмом, епископом Боспорским, Феофил Готский как митрополит ведал более широкими территориями и более многочисленной паствой [Шукин 2005, 198].

В целом важно другое: Феофил Готский, откуда бы он ни прибыл, поставил свою подпись под осуждением арианства и, соответственно, являлся православным епископом православных готлов. В таком случае сообщение о том, что он просветил Никиту Готского, означает не географическое, а вероисповедное указание. Следует задуматься, насколько важно свидетельство о «следовании Феофилу» в отношении Вульфилы, который не был арианом от рождения (ср. 1.2.2.3). Сократ в своей «Церковной истории» упоминает Феофила отнюдь не в географическом экскурсе; он говорит: «Это [арианское. — Н.Г.] исповедание в первый раз тогда принято и епископом готлов Ульфиллой, а до того времени он принимал исповедание никейское, следуя Феофилу, который, быв епископом готским, присутствовал на Соборе никейском и подписался» [*Hist. eccl.* II, 41]⁴⁴. Можно видеть, что здесь обсуждается не местоположение митрополии, а исповедание правой веры.

Вполне естественна и мысль о том, что епископ, который имел возможность прибыть на I Вселенский Собор, мог также путешествовать по Дунаю, обращая своих соплеменников в православие. К тому же пониманию приходит и М. Б. Шукин, заключая: «Где бы ни находилась резиденция митрополита, его паствой, очевидно, становились те члены христианских общин, что были рассыпаны по всему пространству от Крыма до Подунавья» [Шукин 2005, 198].

Существенно также, что крымские и боспорские готы не определяются в источниках как ариане: напротив, в V в. они просят для себя нового епископа у Константинопольского патриарха. Очевидно, причиной такого самоопределения была сила местного — крымского и понтийского — православия (ср. соображения об исповедании готлов-тетракситов у Прокопия Кесарийского — см. ниже, 1.2.2.3).

В послании св. Иоанна Златоуста, патриарха Константинопольского, диакониссе Олимпиаде (206 к диакону Феодулу) упоминаются готский епископ Унила и диакон Модуарий: «Μοδουάριος ἦλθεν ὁ διάκονος ἀπαγγέλλων, ὅτι Οὐνίλας ὁ ἐπίσκοπος ..., ὃν πρῶτην ἐχειροτόνησα καὶ ἔπειτα εἰς Γοθίαν, ... ἐκοιμήθη» «прибыл диакон Модуарий, сообщая, что епископ Унила, которого я недавно поставил и послал в Готию, ... почил» [Migne 1859, 618]. Послание датируется 404 г. — временем ссылки св. Иоанна в Кукуз; в тексте говорится, что св. Иоанн услышал о смерти Унилы и прибытии Модуария в Константинополь «от марсийско-готских монахов». Г. Хёст указывает, что греч. Μαρσεῖς формально совпадает с германским этнонимом Marsi (производное Marsigni; очевидно, из герм. *Marsingos). Основа Mars- встречается во многих германских именах собственных и этнонимах [Høst 1971, 68]. Конечно же, трудно судить, кем были «марсийско-готские монахи», с которыми св.

⁴⁴ Цит. по: [Сократ 1996, 123–124].

Иоанн Златоуст встречался на Кавказе. Если марсы — не обозначение какого-то автохтонного кавказского народа, то логично считать их германским племенем в составе готского союза (как «бораны» или «свдусиане»).

Находившийся в ссылке святитель Иоанн тревожился о том, что в его отсутствие в Константинополе, воспользовавшись случаем, могли совершить хиротонию человека, не достойного быть епископом. Потому в послании выражается просьба задержать Модуария в столице по причине зимы, поскольку в это время невозможно плыть ни в Босфор, ни вообще в те страны. На этом основании Л. А. Васильев считал, что Унила был епископом Босфора, а не Дори (горный Крым) [Васильев 1921, 304]. Однако М. Б. Щукин справедливо замечает, что из послания непосредственно не следует, что готский король или князь, пославший Модуария, правил именно на Боспоре, не входившем в понятие «Готия» [Щукин 2005, 451]. Следует также иметь в виду, что причерноморским германцем в собственном смысле мог быть только посланец готского «рикса» (греч. ῥήξ) Модуарий, а не Унила, посланный в Готию из Константинополя. В любом случае, из послания явствует, что в начале V века боспорские и/или крымские готы были православными и имели епископа, поставляемого в Константинополе, но соотношение указанных исторических лиц с конкретным регионом неясно.

1.2.2.3. VI в.

Известные и неоднократно обсуждавшиеся свидетельства о причерноморских и крымских готах содержатся в трудах Прокопия Кесарийского. В последней книге «Войны с готами» он упоминает «готов-тетракситов»: «... Река Фазис... впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на берегах залива-полумесяца; на одной его стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащей уже Европе, находится область асилиев..., с давних времен христиан.

Над этой страной лежит горный хребет Кавказа... так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады..., за асилиями и вторым краем этого «полумесячного» залива живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта... За ними же живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне, для устрашения их они выстроили две крепости... Севастополь и Питиунт...

За сагинами осели многочисленные племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Мсотийского болота» и до реки Танаис, которая впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые здесь живут, в древности считались киммерийцами, теперь же называются утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли безчисленные племена антов.

Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота», живут так называемые готы тетракситы, они не многочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон... Принад-

лежали ли эти готы когда-нибудь к арианскому исповеданию, как и все другие готские племена, или в вопросах исповедания они следовали другому какому-нибудь учению, этого я сказать не могу, так как они и сами этого не знают, да и не задумывались над этим; и доныне с душевной простотой и великой безропотностью чтут свою веру» [*De bello Goth.* VIII (IV), 4, § 9–12]⁴⁵.

Название «тетракситы» имеет в ряде списков вариант «транезиты» и целую научную традицию толкования, к которой мы обратимся ниже. Как бы то ни было, о тетракситах-транезитах Прокопий сообщает следующее: «Незадолго перед этим (а именно когда исполнился 21 год единодержавного правления императора Юстиниана)⁴⁶ они прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который был у них священнослужителем, незадолго перед тем умер... Юстиниан, очень охотно исполнив их просьбу, отпустил их» [*De bello Goth.* VIII (IV), 4, § 12]. Можно видеть, что причерноморские (в широком смысле) готы возникают в источниках V–VI вв. тогда, когда их послы просят в Константинополе поставления нового епископа. Однако при Прокопии у этих готов было еще одно дело к Византии: они интриговали против гуннов. «Эти послы, вследствие страха перед гуннами-утигурами, открыто, в присутствии многих слушателей, говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявили императору, кроме просьбы о назначении священнослужителя, но в беседе совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, они изложили всё, насколько Римской империи будет полезно, если соседи с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом» [*De bello Goth.* VIII (IV), 4, § 13].

⁴⁵ О нечеткости представлений ср. свидетельство блаж. Феодорита Кирского (V в.): «Откуда готы заимствовали арианское заблуждение? — Я думаю, стоит показать незнающим, как варвары заразились болезнью арианства. Когда готы перешли Истр и заключили с Валентом мир, бывший в то время ненавистный Евдоксий внушал царю убедить их, чтобы они вступили с ним в общение; ибо этот народ давно уже озарился лучами Богопознания и воспитывался в их апостольских догматах. Одинаковый образ мыслей, говорил он, сделает мир более прочным. Похвалив такое намерение, Валент предложил начальникам готов согласиться с ним в догматах, но они сказали, что не решатся оставить учение предков. В то время был у них епископ Ульфила, которому они чрезвычайно верили, и его слова считали за нерушимые законы. Смягчив его убеждениями и склонив деньгами, Евдоксий расположил его дать мыслям варваров такое направление, чтобы они вошли в общение с царем. Убедя Ульфила, он говорил, что вражда возгорелась из-за честолюбия, а в догматах нет никакого различия. Поэтому-то готы и до сих пор говорят, что Отец больше Сына, впрочем, не соглашаются назвать Сына тварью, хотя и находятся в общении с теми, кто называет Его так. вообще, они не во всем оставили учение предков, ибо и Ульфила, убеждая их войти в общение с Евдоксием и Валентом, говорил, что в догматах нет различия, но что разделение произведено пустой распрей» [*Hist. eccl.* IV, 37]. Указанные события происходили в 376 г. (ср. [Щукин 2005, 526]). Вульфила (Ульфила) умер через 5 лет, в год Второго Вселенского собора, вновь осудившего арианство [*ibid.*].

⁴⁶ В 548 г. [Щукин 2005, 456].

Далее Прокопий повествует о разделении гуннов, возглавляемых царями Утигуром и Кутригуром, поделивших между собою власть и назвавших подчиненные им части племена своим именами (утигуры и кутригуры). История эта в ряде моментов имеет отношение к судьбе причерноморских / приазовских готов, но является дискуссионной как в плане хронологии, так и по изложению. М. Б. Щукин справедливо замечает здесь, что насколько Прокопий точен в изложении событий, ему современных, настолько путаным является его изложение событий предшествующих, из-за чего возникает целый ряд неувязок [Щукин 2005, 452].

По Прокопию, гунны, ведомые оленем⁴⁷, перешли Меотийское Болото и напали на готов, живших на этих равнинах. Готы были согнаны гуннами со своих мест, перешли Истр (Дунай), грабили местное население, а потом с соизволения императора поселились во Фракии. «С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора... ежегодное жалованье и нося звание «федератов»... С другой стороны, часть тех же готов вела с римлянами и войны... до тех пор, пока не ушла в Италию под начальством Теодориха» [*De bello Goth.* VIII (IV), 5].

О дальнейших взаимоотношениях гуннов и готов говорится: «Перебив одних, заставив других... выселиться из страны, гунны заняли эти земли. Из них кутригуры, вызвав своих жен и детей, осели здесь и до моего еще времени жили на этих местах. И хотя они ежегодно получали от императора большие дары, но, тем не менее, переходя через реку Истр, они вечно делали набеги, являясь то союзниками, то врагами римлян. Утигуры со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы владеть в дальнейшем этой страной одним. Недалеко от "Меотийского Болота" они встретили так называемых готов тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих щитов против наступающих на них гуннов, решились отражать их нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций; они ведь были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья "Меотийского Болота", где в то время обосновались готы тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон, и поэтому даст для наступающих против них один, и при этом не очень широкий путь.

Но потом (так как ни гунны не хотели тратить на них здесь время, ни готы никак не могли надеяться с достаточным успехом сопротивляться такой массе врагов) они вступили друг с другом в переговоры, с тем, чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они решили, что готы поселятся на противоположном материке у самого берега пролива, там, где они живут и ныне, и, став на дальнейшее время друзьями и союзниками утигуров, будут

⁴⁷ Легенда об олене (ὁ ἑλάφος), переведшем гуннских охотников через Меотиду или Боспор Киммерийский, была широко распространена и повторялась у ряда писателей V–VI вв. (Евнапий, Гермий Созомен, Прокопий, Агафий, Иордан). В славянском переводе хроники Симеона Логофета сказано: «Готфи [sic] перешедше Меотское озеро елафомъ водими» [Скржинская 1997, 272].

жить там всё время, пользуясь с ними равными и одинаковыми правами. Вот таким образом обосновались здесь готы...» [*De bello Goth.* VIII (IV), 5].

Итак, в результате сложного взаимодействия с гуннами часть готов-тетракситов ушла со своих мест обитания. Хронология этого события остается спорной. Обычно указывают дату битвы при Недао — 454 г., когда наследники гуннов Аттилы, разбитые союзом германских племен, отошли в Причерноморье. Однако, как подчеркивает М. Б. Щукин, Прокопий вполне внятно говорит о том, что в это время «вандалы... уже... утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании» [*De bello Goth.* VIII (IV), 5], то есть речь шла о событиях 30-х годов V в. При этом Прокопий связывает события в Причерноморье отнюдь не с битвой при Недао, а с другим историческим событием — смертью единого гуннского царя. По мнению М. Б. Щукина, таким царем был Руя, а сыновьями его — Бледа и Аттила. Со смертью Руи в 434 г. и могло произойти разделение единой гуннской державы на «утигуров» и «кутригуров» [Щукин 2005, 454]. Возможно, термины «утигур» и «кутригур» являлись в гуннском языке значимыми, и каждый из царских сыновей мог наряду с именем собственным носить название «Утигур» и «Кутригур».

Как же толкуется название «тетракситы» и с какими территориями были связаны эти готы? В первом приближении слово *тетраξιται* условно сопоставляется с греч. *тетраκις* 'четверо-, четырех-', в чем можно усмотреть указание на некие четыре группы готов. В качестве аргумента здесь выступает сообщение о том, что тетракситы прислали в Византию *четырёх* послов, причем каждый мог представлять одну из четырех групп (общин, ветвей племени) [Пиоро 1990, 53–54]. М. Б. Щукин также отмечает, что термин «тетракситы» предполагает некоторую «четырёхчленность» готов, но как она реализовалась в Крыму или за его пределами, неизвестно [Щукин 2005, 456]. Однако исследователи подчеркивают тот факт, что готы-тетракситы в некоторых списках именуются «трапезитами» (*τραπεζιται*) [Васильев 1921, 339–343, Vasiliev 1936, 64–69, Скржинская 1997, 199⁴⁸, Пиоро 1990, 54, Айбабин 1999, 81, Щукин 2005, 456]. Особо о трапезитах в Таврике упоминал Сестренцевич Богун («История о Таврии», I, с. 272, 276, 278), а позднее — архимандрит Арсений [архим. Арсений 1873, 60] (указание Е. Ч. Скржинской [Скржинская 1997, 198]). Однако впервые сопоставление между «тетракситами» и «трапезитами» провел немецкий ученый Хершель. Он же связал термин «трапезиты» с топонимом *Τραπεζοῦς* — упомянутой еще у Страбона [*Geogr.* VII, 4, 3] «Столовой горой» Трапезунт в Крыму, которую закономерно сопоставляют с горой Чатыр-даг (ср.: [Скржинская 1997, 199]). К тому же мнению пришел и А. А. Васильев [Васильев 1921, 339–343, Vasiliev 1936, 64–69]. Если связывать готов-«трапезитов» со «Столовой горой», то необходимо учитывать

⁴⁸ Проблема была рассмотрена еще в первом издании перевода «*Getica*» [Иордан 1960].

такое археологическое свидетельство, как остатки поселения и могильник на горе Чатырдаг с необычными для Крыма трупосожжениями [Щукин 2005, 456]. Правда, готы-«трапезиты» описаны у Прокопия как добрые христиане, а трупосожжения явно принадлежали язычникам. С другой стороны, готы-христиане могли в VI в. жить в тех местах, где ранее поселились их предки, которым принадлежал некрополь на Чатыр-Даге.

По делу с топонимом *Трапезунт* еще сложнее. По сообщению Иордана, в Северном Причерноморье существовал город Трапезунт: «С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами: это — Борисфенида, Ольвия, Калипполида, Херсона, Феодосия, Карсон, Мирмекий и Трапезунга, основать которые позволили грекам некоторые скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю» [Гел. 32]. Этот же перечень городов (без Мирмекия) дважды повторен Равеннским Анонимом [Васильев 1921, 240–241, Пиоро 1990, 54, Айбабин 1999, 81, Щукин 2005, 456].

Исследователи единодушно отмечают, что перечисление городов у Иордана идет с запада на восток и при соблюдении географической последовательности. Тем самым Трапезунга оказывается восточнее Мирмекия, но Мирмекий находился непосредственно на берегу Керченского пролива, восточнее было только море. Поэтому логично предположить, что Трапезунта находилась на азиатском берегу Босфора Киммерийского [Скржинская 1997, 198, Щукин 2005, 456]. Здесь мнения ученых несколько расходятся. Е. Ч. Скржинская указывала, что, по известным ныне источникам, ни в этих местах, ни южнее по кавказскому побережью подобного названия не засвидетельствовано, а общеизвестный Трапезунт (ныне Трабзон) в Малой Азии не подходит к списку северных городов. Потому Е. Ч. Скржинская считала, что указание на Трапезунт в Северном Причерноморье должно интерпретироваться либо с учетом сведений о поселении готов на горе Трапезус (и тогда «Трапезунта» должна помещаться в списке между Херсоном и Феодосией), либо с допущением о некоем неизвестном Трапезунге на восточном берегу Босфора Киммерийского (Керченского пролива) [Скржинская 1997, 198]. М. Б. Щукин же полагает, что последнее допущение вполне реально, и, во-первых, указывает на такое отождествление городища у поселка Ильич в основании косы Чушка (версия Э. А. Николасовой), во-вторых, видит определенные перспективы в археологической среде на северной, азовской стороне полуострова, где А. А. Масленниковым ведутся раскопки целой серии памятников: поселений, сторожевых башен, могильников (ср. [Щукин 2005, 456] с отсылками к исследованиям).

Попытки непротиворечивой локализации «Трапезунты» этим не исчерпываются. По мнению А. А. Васильева, город находился в Крыму на горе Чатыр-Даг, где и расселялись готы-трапезиты [Васильев 1921, 240–241]. Е. Ч. Скржинская в своих комментариях к «Getica» предположила также, что искомый Трапезунт мог быть основан восточнее Крыма, на побережье Северного Кавказа крымскими готами — союзниками гуннов-угигуров, ушедшими

с ними из Крыма и перенесшими из Таврики название своего поселения на горе Трапезус [Скржинская 1997, 199, Айбабин 1999, 81]. А. И. Айбабин замечает здесь, что в пользу ухода части готов из Крыма говорят и данные археологии: могильники с кремацией южнобережных готов на склоне Чатыр-Дага и на мысу Ай-Тодор (Харакс) были оставлены примерно в середине V в., хотя в целом из региона ушла только часть готов [Айбабин 1999, 81].

При этом исследователи, естественно, задумывались о возможной связи неизвестного причерноморского и хорошо известного малоазийского Трапезунта. Известно, что при варварском морском набеге 254 или 256 гг. на Трапезунт в Малой Азии часть местного населения помогала готам и даже присоединилась к ним. И. С. Пиоро прямо считает, что «трапезитаи» означает «жители Трапезунта» или «выходцы из Трапезунта» и видит в «трапезитах» либо готов, вернувшихся из Трапезунда на Боспор и получивших такое прозвище, либо конгломерат германцев и беглых / пленных «ионтийцев-христиан» (о которых св. Григорий Нисокесарийский и говорил в своем Каноническом послании епископу Трапезунта) [Пиоро 1990, 55]. М. Б. Щукин также приводит эту гипотезу, но со знаком вопроса, и в итоге заключает: «[Деталей всех событий мы не знаем, их не знали, очевидно, спустя 200 лет ни Прокопий, ни Иордан. Загадка готов-тетракситов-трапезитов остается и останется, в конечном итоге, неразгаданной» [Щукин 2005, 456]. Следует заметить, что проблема оказывается нерешенной не из-за недостатка версий, а скорее ввиду их избытка. Два Трапезунта вкупе с горой Трапезус создают достаточное количество вариантов. В заключение предложим еще один, отнюдь не настаивая на нем как на главном. Если Трапезунта Иордана является одним из раскапываемых ныне городищ (на восточном берегу Керченского пролива или на азовской стороне полуострова), то она вполне могла быть, подобно другим причерноморским городам, основана греками, как и говорит Иордан. Тогда выходцы из малоазийского Трапезунта могли дать новому поселению имя своего родного города — а в III веке и увидиться с «земляками» из Малой Азии, которых привели готы. Но, как подчеркивает М. Б. Щукин, на VI в. то уже были дела давно минувших дней.

Обратимся к другому, не менее известному свидетельству Прокопия Кесарийского о крымских готах. В трактате «О постройках» сообщается: «Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу [Эвксинского Понта] за Меотийским Болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он [император Юстиниан] сделал их замечательно красивыми и крепкими. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алушта и в Горзубитах. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян.

Здесь же, на этом побережье (κατὰ τὴν παραλίαν), есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще

время были в союзе с римлянами, отправляясь вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз, когда императору это было угодно.

Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они больше всех людей.

Сама область Дори лежит на возвышенности (ἐν ὑψηλῷ), но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях (ἐν πεδίῳ — букв. 'на равнине'). Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить (τὰς εἰσόδους περιβαλὼν — букв. 'эти проходы'), длинными стенами (τείχεσσι μακροῖς) и таким образом отстранил от готов безпокойство о вторжении в их страну врагов, таковы были его дела здесь» [*De aed.* III, VII, 10–17]⁴⁹.

Этот контекст Прокопия также стал предметом обширной дискуссии. В трудах по истории раннесредневекового Крыма высказаны разные соображения о локализации «области Дори» и «длинных стен». Область Дори помещали на Южном берегу, там же и в горах от Чагыр-Дага до Мангупа и Эски-Кермена, в горах Юго-Западного Крыма, в долине реки Черной. С длинными стенами отождествляли остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды или укрепленные «пещерные города» Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и др., или же стену, открытую в ущелье под Мангупом [Айбабин 1999, 107]. При этом М. Б. Щукин, с учетом собственного археологического опыта суммирующий дискуссию, подчеркивает, что «длинных стен» как таковых при раскопках не наблюдается. Короткие стены, перекрывающие подходы по балкам к склонам, расположенным выше городищ, обнаруживаются и сейчас. Они известны и на Мангупе, и в Чуфут-Кале, и в других местах. Самая длинная, протяженностью 150 м, открыта под Мангупом. Некоторые из «коротких стен» даже построены в византийской технике — из отесанных квадров и на известковом растворе, и быть может, даже относятся ко временам Юстиниана. Но это всё равно не Адрианов вал и не Великая Китайская стена, и назвать эти стены «длинными» нельзя [Щукин 2005, 458]. Разумеется, крымские археологи и краснеды детально обсуждают и будут обсуждать все возможности и границы отождествления [Бертьс-Делагард 1918, Пиоро 1990, 58–65, Айбабин 1999, 107–147, Харитонов 2004]. Однако в данном случае следует присоединиться к мнению М. Б. Щукина о том, что локализация страны

⁴⁹ Как указывает А. И. Айбабин, Э. И. Соломоник аргументированно истолковала содержащиеся в отрывке географические термины: ἐν ὑψηλῷ означает 'на возвышенности', поскольку при описании высоких гор или обрывистых скал Прокопий использовал другие термины; ἐν πεδίῳ означает 'на равнине', а τὰς εἰσόδους — 'проходы в горах', каковыми в горном Крыму являются балки, ущелья и перевалы [Соломоник, Домбровский 1968, 16–19, Айбабин 1999, 105]).

Дори и «длинных стен» — проблема крымских архсологов (причем весьма разветвленная), и заинтересованный читатель может обратиться к имеющимся обстоятельным исследованиям [Пиоро 1990⁵⁰, Айбабин 1999, Харитонов 2004]. Этимология названия *Дори* рассматривается в разделе 9.1 настоящей работы.

Другие свидетельства о готах в Причерноморье этого времени немногочисленны, но примечательны. Так, Иоанн Малала и св. Феофан Исповедник сообщают, что в VI веке (либо в 527–528, либо в 533–534 гг.) для борьбы с гуннами были присланы на Боспор и привели под своим командованием готы некие Годиля и стратиг Бадуарий. Последний был назначен страгилатом Скифии, но в 530 году начались вторжения булгар во Фракию и тогда, вероятно, сам Бадуарий был отозван, но приведенные им готы остались на Боспоре и поселились там с семьями [Айбабин 1999, 95, Шукин 2005, 460]⁵¹. Поскольку тогда в Византии правил император Юстиниан, эти события можно сопоставить с контекстом трактата «О постройках», где отмечается забота Юстиниана о защите Боспора. Следует учесть и приводимое М. Б. Шукиным замечание Иоанна Малалы (современника событий VI в.) о размещении в городе Боспоре «многочисленных ромейских, или итальянских, войск, известных как испанцы» [Malal. fr. 434]. По мнению Шукина, при учете того, что в римских войсках того времени служили преимущественно германцы, такое «полизитничное» указание может свидетельствовать о готах, имевших связи с Испанией. Археолог полагает также (ссылаясь на сходное мнение А. И. Айбабина [Айбабин 1999, 1000]), что эти войска, введенные Юстинианом в Крым и на Боспор, привнесли сюда некий «западный» культурный импульс, благодаря чему наблюдается удивительное сходство археологических находок из Крыма и Италии, Южной Галлии, Испании, а также Среднего Подунавья, Паннонии и Потисья [Шукин 2005, 461].

На этом фоне весьма интересен особо отмеченный М. Б. Шукиным пассаж Прокопия Кесарийского, посвященный событиям 552 г. Это окончание «Войны с готами», где повествуется о разгроме готов на Монс Лактарус (Молочной горе) у Неаполя. Сражение шло два дня; после гибели последнего готского короля Тейи готы, пусть и способные сражаться, приняли другое решение: «По наконец варвары, послав Нарзесу некоторых из знатнейших в своем войске, сказали... из произошедшего они уразумевают истину дел и хотят поэтому изменить свое решение и оставить упорное сопротивление. Но они не хотят в будущем жить под властью императора, но [предпочитают] проводить свою жизнь самостоятельно вместе с какими-либо другими варварами. Поэтому они просят римлян дать им возможность мирно уйти, не отказывать им в этом разумном предложении и подарить в качестве денег на дорогу те средства, которые каждый из них отложил для себя за время прежней службы в Ита-

⁵⁰ Это исследование ныне оценивается как несколько устаревшее [Шукин 2005, 458], главным образом, с археологической точки зрения.

⁵¹ Ср. 1.1.7 о готах на Боспоре и 9.2 с обсуждением имен *Годиля* и *Бадуарий*.

лии... Они договорились на том, чтобы варвары, оставшиеся в живых, взяли свои деньги и тотчас же ушли бы из Италии и уже никогда не вели бы войны с римлянами. И вот около тысячи готов, выйдя из лагеря, удалились в город Тичино⁵² и в места по ту сторону реки По. Их начальником в числе других был Индульф... Остальные, дав взаимные клятвы, утвердили установленное соглашение. Так... на восемнадцатом году закончилась эта война с готами, которую описал Прокопий» [*Bell. Got.* VIII [IV], 35], [Ицкин 2005, 464].

М. Б. Ицкин напоминает в связи с этим о притоке в Скандинавию середины VI в. вещей, которые считаются остготскими — племени, напоминающие так называемый тип Бальденхойм, бляхи-украшения щитов, золото-гранатовые навершия мечей. Исследователь полагает, что сходные процессы могли иметь место и в Крыму: некоторая часть уцелевших готов (возможно, даже **большая**) вполне могла двинуться к тем своим сородичам, которые в 488 г. не пошли с Теодорихом в Италию. Если был договор с Империей, то готам должны были выдать соответствующие пропуска, а достичь Крыма было легче, нежели Скандинавии. Возможно, этим и объясняется отмечаемое археологами поразительное сходство крымских находок VI в. в комплексах типа Лучистое — Суук-Су с западноевропейскими и среднечунайнскими, хотя прямых указаний в источниках нет [Ицкин 2005, 464–465].

1.2.2.4. Конец VII — начало VIII в.

По сообщениям св. Феофана Исповедника и патриарха Никифора, в конце VII в. (695 г.) бывший византийский император Юстиниан II был сослан в Херсон. Херсонеситы решили выдать его императору Тиверии II Аспинаху, но Юстиниан бежал и скрылся в крепости Дорос в стране готов: «εἰς τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Ἰοθικῇ χώρᾳ» [*Niceph. Breviarium*]⁵³. Из Дороса он обратился за помощью к своему тестю — хазарскому кагану, правителю Боспора, который поселил его в Фанагории на Таманском полуострове. Тиверий II крупным подкупом соблазнил кагана убить бывшего императора, но Юстиниан, предупрежденный женой, опередил убийцу и сам казнил кагана. Однако потом Юстиниану II всё же пришлось бежать из Фанагории. Он через Херсонес пробрался к болгарам и сумел восстановить свою власть в Византии в 705 г. После этого в 711–712 гг. произошла расправа над херсонеситами. У св. Феофана дважды упоминаются «жители тех крепостей» (τῶν καστῶν), которые «были вынуждены задумать против василевса, послали к кагану в Хазарию просить войско для своей охраны» [Феофан св. 1980, 40–41, 64, Пиоро 1990, 82]. Никифор в этом же месте называет «архонтов тех областей» [Никифор 1980, 165, Пиоро 1990, 82]. Архонты Иотии, опасаясь, что гнев императора распространится и на них, предпочли отдаться под руку хазарского кагана

⁵² М. Б. Ицкин поясняет, что там хранилась сокровищница готов [Ицкин 2005, 464].

⁵³ Цит. по: [Høst 1971, 70]. Изложение и обсуждение сюжета: [Никифор 1980, Феофан 1980, Høst 1971, 70, Пиоро 1990, 82–83, Ицкин 2005, 465].

[Никифор 1980, 165, Щукин 2005, 465]. Но, как отмечает М. Б. Щукин, ход событий в Готии этого времени не вполне ясен из указанных источников [Щукин 2005, 465]. Обратимся к свидетельствам об этой эпохе, представленным в известном памятнике — житии св. Иоанна Готского.

1.2.2.5. События VIII в. Св. Иоанн Готский.

Житие св. Иоанна Готского было создано между 812 и 843–845 гг. в Малой Азии [Васильевский 1912, 2, 426–427, Кулаковский 1914, Васильев 1927, 201]⁵⁴. Согласно этому источнику [Струков 1878, Житие 1883, Васильевский 1912], св. Иоанн Готский был епископом Готии при императорах Константине и Льве. Он происходил «из лежащей по ту сторону (Понта) земли Тавроскифов, принадлежащей стране готов (ὕπὸ τὴν χώραν τῶν Γότθων), из торжища, называемого (торжищем) Парфенитов» (ныне Партенит близ Аю-Дага). Родителями его были Лев и Фотина. Отец Льва, дед Иоанна, жил в Малой Азии, близ Синопа, где занимал должность кондофора («κονδοφόρος»)⁵⁵ в военном округе армянаков, а затем пересел в Тавриду. Фотина молила Бога, чтобы он даровал ей плод, который она обещала посвятить Господу; молитва ее была услышана, и у нее родился сын Иоанн, который «прямо от детства» принял на себя подвижнический образ жизни.

При императоре Константине Копрониме⁵⁶ тогдашний епископ Готии, призванный на иконоборческий собор в Константинополе и подписавший постановления этого собора⁵⁷, был поставлен императором в митрополиты

⁵⁴ Греческий текст: [Acta Sanctorum 1744, V, 151]. Русский перевод: [Житие 1883]. Изложение, предлагаемое ниже, опирается на публикацию: [Житие 1883, 25], чем обусловлен ряд формулировок и оборотов, воспроизводимых в соответствии с текстом. Новая публикация «Жития св. Иоанна Готского» с дополнением других агиографических текстов, имеющих отношение к этому памятнику, представлена в изд.: [Фадеева, Шапошников 2005, 172–210]. Однако этим изданием можно пользоваться лишь при условии хорошего владения материалом, поскольку данные там не везде надежны (в частности, неверно указан год первой научной публикации жития в пер. Л. Никитского — ср. [Житие 1883]), а комментарии авторов отличаются произвольностью, о чем еще будет сказано ниже при других обращениях к этой книге.

⁵⁵ В публикации «Жития» 1883 г. это слово передано как «κονδοφόρος» и соответственно переведено как «свещеносец» [Житие 1883, 25], однако В. Г. Васильевский читает его как «κονδοφόρος» и производит от греч. κοντάριον или κονδάριον 'разновидность коня' [Васильевский 1912, 2, 402–403]. Последнее лучше согласуется с указанием на военный округ (фему). О возможной крымско-готской параллели слова «κονδοφόρος» см. 5.2.2, *cadariou*.

⁵⁶ Имп. в 741–755 гг. Переводя греческое прозвание, в древнерусской литературе его называли *Гноетезным*.

⁵⁷ Ересь иконоборчества распространилась при императоре Льве Исавряниице или Исавре (716–741). Этот император замыслил обратить арабов-магометан в христианство, но препятствием оказалось иконопочитание. Поэтому Лев издал указ, запрещающий иконопочитание. Это распоряжение встретило сопротивление патриарха Германа и всех

Ираклии (Гераклиси) Фракийской. Поэтому православные жители Готии, чтобы не приобщаться нововведениям беззаконного собора и находясь без паствы, избрали себе епископом Иоанна Готского. Это было примерно в 755 г.

До этого, во время иконоборческой смуты, Иоанн совершил паломничество в Иерусалим, где пробыл три года. Лишь тогда жители Готии послали его в Иверию (Грузию), «к католическому патриаршему престолу», для посвящения во епископа, ибо в Царьграде и во всей Византии в это время высшая иерархия Церкви была заражена ересью иконоборчества. Католикос Грузии хиротонисал Иоанна во епископа Готии. Очевидно, это произошло в Мцхетском патриаршем храме, у животворящего и мироточивого столпа (таковы свидетельства грузинской традиции [Васильевский 1912, 406–408])⁵⁸.

Рукоположенный во епископы, св. Иоанн оправдал выбор народа, сохраняя незыблемыми догматы Церкви и правую веру. Он отправил со своим диаконом Лонгином послание к патриарху Иерусалимскому Феодору, прося, чтобы тот созвал Собор и прислал к нему изложение веры. Патриарх исполнил эту просьбу: после Собора, бывшего в Иерусалиме в 763 г., где представителем св. Иоанна заседал диакон Лонгин, патриарх послал епископу Готии изложение веры с пояснительными текстами из Священного Писания Ветхого и Нового Завета, а также мнение отцов Церкви о святых иконах, честных мощах и о заступничестве в молитве святых угодников, что получено было в Тавриде ранее 767 года [Струков 1878].

По смерти императоров Константина (775) и Льва (780) и воцарении Ирины и сына ее Константина св. Иоанн Готский прислал в Царьград, где с полною свободою побеседовал со всеми о почитании святых икон в православной Церкви, а затем снова вернулся в Крым. В 787 г. на VII Вселенский Собор в Никее, утвердивший почитание св. икон («торжество Православия»), св. Иоанн отправил вместо себя диакона Кирилла, который и подписывался под деяниями Собора. Д. М. Струков полагал, что отсутствие св. Иоанна на Соборе было обусловлено его преклонным возрастом [Струков 1878], но поскольку это время уже связано для Готии с нашествием хазар, дело могло обстоять иначе. А. А. Васильев считает, что Иоанн Готский не смог прибыть

православно верующих. Тогда император низложил патриарха, а на прочих, непокорных указу, воздвиг жестокое гонение, соединенное с мучениями. Возможно, иконоборческая ересь имела более глубокие причины, и в любом случае — несколько периодов (см. об этом [Карташев 2002, 476–478]). В продолжение всей эпохи гонений иконопочитатели защищали св. иконы даже до смерти. Многие монахи по совету св. Стефана Нового (принявшего смерть за иконопочитание в 767 г.) в это время переселились в Восточное Средиземноморье, в Рим и Италию, а также на северные окраины Империи — в Крым и Северное Причерноморье [Карташев 2002, 493–495].

⁵⁸ Публикатор жития — А. Никитский считал, что это могло произойти в Пицунде, где жили православные католикосы, но большинство исследователей [Струков 1878, Васильевский 1912, 406–408, Васильев 1927, 202] с учетом грузинских источников указывает на Мцхету.

на Собор ввиду пленения хазарами, и его представлял Кирилл. Но вскоре епископскую кафедру Готии вместо Иоанна занял некий Никита, у которого было достаточно времени, чтобы прибыть в Константинополь и принять участие в Соборе [Vasiliev 1936, 91–92]. По указанию М.-Ф. Озени, подписи в деяниях Собора даже фиксируют двух епископов Готии — Иоанна и Никиту (ср. [Айбабин 1999, 209]). Никита был поставлен в епископы патриархом-иконоборцем, и его не признавала паства св. Иоанна; в то же время, этот иконоборческий патриарх в Константинополе не признавал хиротонии Иоанна Готского, совершенной в Грузии [Айбабин 1999, 209].

В 786 или 787 г. хазарский каган⁵⁹, отправив войско, завладел крепостью Дорос, расположив в ней гарнизон. В Готии произошло антихазарское восстание: св. Иоанн вместе с «господином Готии и его архонтами и всем народом» (τῷ Κυρῷ Γοθίας καὶ τοῖς Ἀρχουσι αὐτοῦ καὶ παντὶ τῷ λαῷ) восстали, изгнали хазар из Дороса и овладели клисурами («слисурами»), под которыми исследователи понимают либо укрепления горных перевалов первой гряды Крымских гор [Айбабин 1999, 209], либо укрепления Юго-Западного Крыма (кроме Дороса) [Пиоро 1990, 83]. Жители «одного селения» (ἑνός χωρίου) выдали архиерея. Видя это, «господин Готии», архонты и народ перебежали к кагану, который пощадил правителя, но казнил «семнадцать рабов, ни в чем не повинных» (по А. И. Айбабину, крестьян) [Айбабин 1999, 209]. Возможные материальные следы восстания св. Иоанна Готского были описаны археологами второй половины XX в. (см. раздел 1.1.10).

Св. Иоанн был заключен в тюрьму в Фулах (Фуллах). Это место в средневековом Крыму впервые упоминается в схолиях нотиции 787 г., посвященных местоположению епархий: «ΛΖ. ἐπαρχία Ἰοθίας // α' ὁ Χοτζίρων σύνεγγυς Φούλων // καὶ τοῦ Χαρασίου, ἐνῶ λέγεται // τὸ Μάβρον Νερόν. // β' ὁ Ἀστίλ, ἐνῶ λέγεται ὁ // Ἀστίλ ὁ ποταμός τῆς Χαζαρίας // ἔστιν δὲ κάστρον» '37 епархия Готия, епископ хотциров находился близ Фул в Харасиу, что значит Черная вода⁶⁰. Епископ Астилия, называется Астиль река Хазарии, есть и крепость' [Vasiliev 1936, 98, Айбабин 1999, 207]. Фулы имели важное значение в жизни региона, но локализация их спорна. А. Л. Бертьс-Делагард, А. А. Васильев и другие считали, что Фулы находились на Чуфут-Кале [Бертьс-Делагард 1920, 91, 127, Vasiliev 1936, 98], Ю. А. Кулаковский усматривал здесь Старый Крым, а В. В. Кропоткин и другие — плато Тепе-Сень [Кропоткин 1958, Айбабин 1999, 207, Майко 2002]. В нотиции 879 г. епархия переименована в Фульскую — возможно, после перевода резиденции хотцирского епископа в Фулы. В XII в. Фульская епархия была объединена с соседней Сугдейской. Как указывает А. И. Айбабин, росписи в нотициях свидетельствуют о том, что епархия хотциров (вероятно, болгар, заселивших этот регион) находилась в Восточном Крыму. Господин (κύριος) Фул был наместником хазарско-

⁵⁹ В тексте жития — «χαγάνος» [Житие 1883, 29].

⁶⁰ Карасу, южный приток реки Салгир.

го кагана. Вероятнее всего, этот наместник был язычником: его некрещеный сын, с ног до головы покрытый ранами, исцелился, приняв крещение от св. Иоанна [Житие 1883, Айбабин 1999, 207].

Епископ Иоанн сумел бежать из Фул и переправиться морем в Амастриду. В связи с этим А. И. Айбабин полагает, что Фулы находились где-то на берегу моря, соглашаясь при этом с предложенной В. В. Кропоткиным локализацией этого места на плато Тенгень [Айбабин 1999, 207]. В тексте жития о местоположении Фул прямо не говорится; очевидно, море действительно было где-то в пределах досягаемости, но в любом случае следует предполагать особое расположение населения Фул (в том числе и правителя) к пленному епископу.

Через четыре года, во время восстания у хазар, каган был убит. Услышав об этом в Амастриде, св. Иоанн сказал: «И я, братия, чрез сорок дней отхожу, чтобы судиться с моим гонителем пред Судисю и Богом». В сороковой день святитель, уча слову Божию и наставляя всех в делах спасения, предал душу в руки Божии по своему предсказанию. По Д. М. Струкову, это произошло 26 июня 791 г. [Струков 1878], но В. Г. Васильевский считал, что преставление св. Иоанна приходится на 792 г. [Васильевский 1915, 3, LXIV–LXV, LXXI]. После кончины святого епископ Амастридский Георгий⁶¹ в сопровождении жителей города положил тело почившего святителя на корабль (тут же нашедшийся в гавани, как провидел св. Иоанн), 27 июня его повезли в Готию, на место его родины и кафедры, а 29 июня корабль пристал к бухте селения Партенит во время всеночной (ср. [Житие 1883, 30]). Святого погребли в храме монастыря Св. Апостолов, находящемся в версте от Партенитской бухты, у подножия горы Лю-Даг. При жизни св. Иоанн снабдил этот монастырь всяким благолепием зданий и святых сосудов и различных книг и поместил в нем множество монахов [Житие 1883, Струков 1878]. Дальнейшая судьба этого храма будет прослежена ниже. А пока, согласно житию [Житие 1883, 30–34], скажем о чудесах св. Иоанна Готского.

Преподобный Иоанн говорил по вдохновению от Бога об отдаленном и о будущем. Не раз он помогал своим пленным братьям. Так, ученик св. Иоанна Лонгин, возвращаясь из Иерусалима, был схвачен сарацинами и распят на кресте. При этом он призвал на помощь молитву преподобного. Св. Иоанн зримо явился ему, и тотчас протонотарий эмира дал 500 милитарисиев, снял Лонгина с креста и отпустил на свободу. Снова схваченный другими, Лонгин также мысленно обратился к преподобному и просил его об освобождении — и снова спасся, так как оковы спали с его ног.

Когда ученики св. Иоанна пребывали в заточении у хазар, из которого ему самому уже удалось бежать «в Романию», произошло следующее: они предстали перед судом кагана, и по его решению подлежали казни, но по молитве преподобного были отпущены на свободу, ибо каган сказал: «Эти вины не имеют». Тем временем, в тот самый час, когда они стояли перед каганом,

⁶¹ Епископ Амастриды с 790/791 по 803/804 г. После 792 г. подолгу находился в Константинополе, почему В. Г. Васильевский и датирует преставление св. Иоанна 792 годом.

преподобный в Амастриде, исполнив утренний канон и вне церкви воздев руки, молился до третьего часа, так что казалось, будто он висит на один локоть над землей. И когда один из близких спросил его, ради чего он так долго молился, св. Иоанн отвечал: «Ради того, сын мой, что в тот час наши братья стояли пред каганом, и благий и милосердый Бог избавил их от смерти».

В чудесах св. Иоанна отразились сложные взаимоотношения и живые реалии той эпохи. Об исцелении сына хазарского наместника в Фулах уже говорилось выше. Тогда язычник принял св. Крещение. Но были и печальные, хотя и еще более примечательные истории. Одним иноком по имени Василий, учеником св. Иоанна, овладело желание удалиться от преподобного. Тогда св. Иоанн обличил его следующим образом: в торжище Курасаитах (ср. выше Харасиу / Карасу) преподобный спал в церкви, где находилось много надгробных памятников и, вставая по ночам, разговаривал с мертвыми, как с живыми. Один из учеников преподобного слышал, как мертвые отвечали и беседовали с праведником. Затем в другую ночь преподобный, молясь, обратился к лежащим вокруг мертвым: «Доколе вы, братия, будете лежать и молчать? Вот Василий, ученик мой, мертв и говорит». Услышавший это Василий понял, что намерение его открыто св. Иоанну и, пав к его ногам, рассказал обо всем, что было в его сердце, и испросил в этом прощения.

Некто несправедливо порицал св. Иоанна, называя его причиной того, что крепость Готии была передана кагану (τοῦ παραδοῦναι τῷ Χαγάνῳ τὸ κάστρον τῆς Γοτθίας) и некоторые погибли несправедливо. Тогда среди упреков этот человек занес ногу, чтобы сесть на коня, но внезапно упал ниц и испустил дух.

И, пожалуй, самым *крымским* чудом св. Иоанна является следующее, последнее в рассказе о чудесах. Два человека враждовали друг с другом из-за вина, бывшего в большом сосуде (ἐν πύθῳ — букв. 'в пифосе'), и не захотели примириться даже при посредничестве преподобного. Вернувшись, они обнаружили спорное вино стужившимся в сосуде и, разрубив его, как сыр, выбросили вон.

Развалины храма Св. Апостолов, где, по указанию жития, был погребен св. Иоанн Готский, были открыты в 1871 г. в нынешнем Партените у подножия Аю-Дага. Там же в 1884 г. была найдена эпитафия игумена монастыря св. апостолов аввы Никиты с датой 906 г. Монастырь этот существовал и в XV в.⁶²

В настоящее время крымские красавцы с особым вниманием относятся к местам, связанным с памятью св. Иоанна Готского. Вот фрагмент интересного интервью с теми, кто чтит память св. Иоанна Готского в Крыму начала XXI в.

⁶² Указания Ю. А. Кулаковского (см.: [Кулаковский 2002]). Здесь была найдена доска с греческой надписью, изданной В. В. Латышевым: «Христос торжествует. Этот честной и святой храм святых славных и хвальных первоверховных апостолов Петра и Павла был построен в давние времена иже от святых отцом нашим архиепископом города Феодоро и всей Готфии Иоанном Исповедником. Возобновлен же он ныне, как видно, Митрополитом города Феодоро и всей Готфии Кир Дамианом, в лето шесть тысяч девятьсот тридцать шестое индикта шестого, в десятый день сентября» (около 1427 года) [Латышев 1896, 77–78, № 70].

Крымский краевед С. Н. Мацкевич⁶³: «Самой известной святыней Партени-та, да и Южнобережья, является, безусловно, собор во имя святых апостолов Петра и Павла. Базилика исследовалась трижды — в 1871, 1907 и 1998–2000 гг. В последний раз раскопки проводились совместной экспедицией Эрмитажа и Крымского филиала Института археологии. В 2001 году на средства предприятия “Пилигрим” проведены раскопки на полянах Клисурь... С этих по- лянок, на высоте около 250 метров над уровнем моря, открывается изумитель- ный вид на одну из бухт Лю-Дага. Поэтому не случайно здесь был выстроен храм. Этот храм был изучен еще в 1969 году: археологи тогда вскрыли только верхние слои памятника, а нижние остались не изученными. Чтобы показать храм людям, сделать объект интересным, нужны были раскопки и консервация памятника. Экспедиция 2001 г., которой руководил археолог Сергей Черныш, призвана была это осуществить. Оказалось, что храм на поляне Клисурь⁶⁴, как и на поляне Ай-Констант, относится ко второй половине XIV в., но покоится на фундаментах более раннего и более крупного храма VIII–IX вв.

В 2001 г. мы сделали еще одно дело: над частью южного нефа базилики построили павильон. Теперь мозаичным полам, по которым ступал епископ Иоанн, стенам храма, гробнице святого Иоанна Готского не угрожают ни плохая погода, ни плохое отношение людей. В 1907 г. археолог Николай Реп-ников в процессе раскопок обнаружил тщательно замурованную гробницу. Судя по ее местоположению, погребение было не рядовым. Однако когда гробницу вскрыли, она оказалась... пустой.

VIII век — година брожения, противостояния, борьбы с ссрьсю, — вклю- чается в беседу иеромонах Анастасий, насельник Косьмо-Дамиановского монастыря. — Может быть, чтобы не дать осквернить мощи святого, их перезахоронили в тщательно сокрытом месте. Для нас их обретение было бы великой милостью и благодатью. Однако как будут люди молиться, как они будут жить благочестиво, так им пошлется сокрытая до времени святыня. Вместе с пешеходной тропой по Лю-Дагу Петро-Павловская базилика ста- нет одной из достопримечательностей Южного берега. Летом мы дополним экспозицию интересными археологическими экспонатами, не требующими специального хранения, картинами крымских художников. Церковь будет проводить здесь службы. День памяти святого Иоанна Готского отмечается церковью дважды — 1 июня и 9 июля. В эти дни здесь служится литургия, совершается крестный ход»⁶⁵.

⁶³ В 1996 г. на территории монастыря Св. Апостолов С. Н. Мацкевичем был установлен памятник преп. Иоанну Готскому (см. рис. 26) на средства В. И. Шевьева, выполненный ялтинскими мастерами — братьями О. и Е. Цветковыми. Памятник был освящен архиепископом Симферопольским и Крымским Лазарем.

⁶⁴ Или «Клисурь», по наименованию Н. И. Репникова.

⁶⁵ Материалы Интернет: сайт «Горра Таврика», статья В. Хачатуряна «Храни- тель Лю-Дага»; ср. также публикации С. Н. Мацкевича на сайте <http://www.ayu-dag.narod.ru>.

1.2.3. Средневековые источники

1.2.3.1. Готы в IX в.

В 808 г. патриарх Никифор встречался с правителем Готии в Константинополе. В житии патриарха Никифора (808–815 гг.) поведением правителя народа (ἔθνους ἡγεμόνιαν) Таврических климатов (καὶ ἐν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων) возмущался Игнатий (умер вскоре после 845 г.) [Айбабин 1999, 211].

Сведения о епархии Готии имеются в письмах св. Феодора Студита. В письме, датированном 808 г., автор, негодуя по поводу возвращения в клир эконома, венчавшего императора Константина VI со второй женой, писал о Готии и ее климатах (Γοτθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς) [Vasiliev 1936, 105–106, Айбабин 1999, 211]. Как указывает А. И. Айбабин, в письмах св. Феодора Студита климаты локализованы в Готии, а в житии патриарха Никифора — в Таврических (Крымских) горах. Исследователь делает вывод, что климатами или архонтиями назывались административные районы Готии, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта [Айбабин 1999, 211].

Существует и ответное письмо св. Феодора Студита архимандриту Готии (Ἀρχιμάνδριτῃ Γοτθίας), написанное между 821 и 826 гг. по поводу раздоров с архиереем соседней епархии [Айбабин 1999, 212]. По мнению исследователей, речь здесь шла о раздорах между епархиями Готии и соседней Херсонской епархии; интересно, что в нотациях IX в. упоминаются только Херсонская и Боспорская епархии, а Готская и Сугдейская вновь названы лишь в нотациях 901–907 гг. [Васильевский 1915, с. CCLXVI–CCLXVII, Vasiliev 1936, 104–105, Айбабин 1999, 214].

Приведенные свидетельства IX в. можно охарактеризовать как церковно-административные; сообщая о Готии, они не дают дальнейших сведений о ее народе, бытовании готов и т.д. Более примечательны факты, содержащиеся в житии св. Кирилла (Константина) Философа, брата св. Мефодия. В 860–861 гг. св. Кирилл возглавляет миссию, отправленную из Царьграда через Херсон к хазарскому кагану. В своей полемике о возможности перевода Св. Писания св. Кирилл говорит: «Мы же народъ много знаемъ, книги оумееюще, и Богоу славою въздающе къждо своимъ языкомъ. Яве же соуть си: армены, перси, авазгы, иверы, соугды, готфи, обри, турьси, козари, аравляне, сгунты и ины мнози» [ЖК XVI] (ср. [Tomasehek 1881, 25–26, Loewe 1896, 113, Høst 1971, 72, Tischler 1978, 13, 26, Stearns 1978, 4–5]. По смыслу этого высказывания и контексту полемики, речь идет о переводах Св. Писания и наличии православной традиции у данных народов. Готовариан св. Кирилл вряд ли стал бы упоминать в качестве положительного примера, а у визиготов Испании, к IX в. уже явно оставивших арианство, вряд ли служили литургию на готском языке. К тому же положение готов в перечне народов между «сугдами» и «обрами» явно указывает на более восточный ареал. Поэтому исследователи полагают, что св. Кирилл имел в виду крымских готов.

С мыслью о знакомстве св. Кирилла с крымскими готами, а через них — с готским переводом Св. Писания, связана интерпретация знаменитого контекста о том, что св. Кирилл, будучи в Херсоне Таврическом, «обрѣт' же тоу су'ліе и ѡалтирь, роуш' кы'н писмене»⁶⁶ писано, и члка обрѣте, глупца тою бесѣдою» [ЖК]. Относительно этого пассажа в славистике ведется давняя дискуссия. Одни высказывали сомнения в его принадлежности первоначальному тексту⁶⁶, другие считали, что вместо «роуш' кых» первоначально стояло «сур-ьск-их», то есть «сирийских» (ссылки на обзоры и статьи: [Хабургаев 1993, 119]). Ясно, однако, что св. Кирилл, прекрасно осведомленный о традиции переводов Св. Писания (ср. выше), еще до путешествия в Херсон должен был знать хотя бы о существовании евангельской гармонии сирийца Татиана. Но если даже предположить, что св. Кирилл обрел в Херсоне именно сирийский перевод Евангелия и Псалтири, неясно, почему особо отмечается наличие человека, «глаголюща тою бесѣдою». Существование сирийцев-носителей языка вряд ли было редкостью в ту эпоху, и с ними можно было побеседовать не только в Херсоне. Указанный пассаж явно сообщает о каком-то редком, особом языке и встрече с одиночным его носителем (= толкователем). Дискуссия о том, кем были ранние русы (аланы? германцы? славяне? объединение всех или некоторых указанных племен в общем союзе? иное решение?), настолько обширна и, главное, настолько исчерпана ввиду отсутствия решающего аргумента (ср. [Назаренко 2001]), что вступать в эту «битву народов» здесь не имеет смысла. Очевидно, что сложный вопрос о «роуш' кых» письменах в сочетании с не менее сложной проблемой русов может разрешаться лишь путем построения индивидуальных, авторских гипотез. Некоторые ученые выдвигали версию о знакомстве св. Кирилла с готским переводом Евангелия через крымского гота [Liewehr 1952], а прот. Стефан Ляшевский даже предположил, что увиденные св. Кириллом таинственные Евангелие и Псалтирь были переводами, выполненными... св. Иоанном Готским, который являлся тавро-«скифом», русом [Ляшевский 2002, 217]⁶⁷.

Как можно было видеть выше, житие св. Иоанна об этом факте (явно заслуживавшем бы упоминания) ничего не сообщает. Представляется, что бурные события конца VIII в. вряд ли располагали к переводческому труду такого рода. Однако если задуматься о богослужебных книгах Крымской Готии, то следует различать два хронологических пласта. Первый — ранняя эпоха (V–VI в.), когда готский перевод Св. Писания, выполненный вестготским

⁶⁶ Г. А. Хабургаев в связи с этим указывает на дополнительную статью к «Житию Константина» (по списку XV в.), известную как «Сказание о русской грамоте» (не ранее XII в.). Те, кто считает рассматриваемый выше пассаж интерполяцией, полагают, что «Сказание» повлияло на текст жития [Хабургаев 1993, 118–119].

⁶⁷ Эта работа была написана в 1967 г. в эмиграции. Потому прот. С. Ляшевский неверно считает «Влессову книгу» подлинной, однако данную тему он с «Влессовой книгой» не увязывает и для своей гипотезы привлекает надежные источники.

арианским епископом Вульфиллой⁶⁸ во второй половине IV в., сохранялся и переписывался остготскими клириками в Северной Италии а возможно, и распространялся за пределы королевства Теодориха Великого. Но ясно, что перевод арианина Вульфиллы в любом случае не мог проникнуть в Крым «сверху», официально, путем взаимодействия иерархии. Соответственно, даже если этот перевод пропик в Крым «снизу» (в результате контактов IV–VI вв. или при уходе остготов из Северной Италии по окончании готской войны), он был исключен из церковной письменной традиции. Что же касается более поздней эпохи, то, учитывая материал эпиграфики, есть все основания думать, что христиан Крыма объединяла служба на греческом языке.

1.2.3.2. «Записка готского топарха» — фальсификация К. Б. Газе

Между вполне конкретными упоминаниями крымских готов в византийских источниках VI в. (Прокопий Кесарийский, Иоанн Малала) и более поздними свидетельствами (Иосафато Барбаро, Ожье Гислен де Бусбек; см. главы 2–3), по сути, зияет многовековая лакуна. Это неудивительно, так как по окончании эпохи Великого переселения народов готы как действующий, а не реликтовый этнос сходят с исторической сцены. Источники молчат о событиях X в., так или иначе связанных с Крымской Готией. В исследованиях по крымско-готской проблеме эта лакуна традиционно заполняется так называемой «Запиской готского топарха». Более того, в XIX — первой половине XX в. этот текст привлекал к себе едва ли не большее внимание исследователей, чем житие св. Иоанна Готского, и уж во всяком случае вызвал к жизни куда большее количество интерпретаций.

Памятник, изначально поименованный «Anonymus Tauricus» («Аноним Таврический»)⁶⁹, был опубликован в начале XIX в. византинистом Карлом Бенедиктом Газе (Hase). По его указанию, текст был обнаружен в составе рукописного сборника, составленного на греческом языке и содержащего послания св. Василия Великого, Фаларида и св. Григория Богослова⁷⁰. Газе снабдил «Записку» латинским переводом и опубликовал ее в Париже в 1819 г. в комментариях к «Истории» Льва Диякона, издателем которой он был. На основании палеографических данных издатель датировал «Записку» концом X — началом XI в. и

⁶⁸ Готский перевод Евангелия и Посланий сам по себе не содержит уклонений в арианском духе (в отличие от трактата «Skeircins»).

⁶⁹ Первое название дано публикатором К. Б. Газе (Хазе; нем. Hase), второе — А. А. Куником по изучению текста. В настоящее время памятник называется как «Запиской готского топарха», так и «Запиской греческого топарха» (ср. [Васильевский 1909, Литаврин 1957] и др.) или «Анонимом Газе» [Божилов 1979]. Однако английское наименование — «Fragments of Toparcha Gothicus» — в любом случае не следует переводить на русский язык как «Записки готского топарха» (так в работе: [Фадеева, Шапошников 2005, 210 и след.]).

⁷⁰ По разъяснению А. А. Куника, К. Б. Газе нашел текст в одном кодексе, «который в 1818 г. не принадлежал более Королевской библиотеке» в Париже [Куник 1874, 66].

полагал, что родина текста — Херсонес (Херсон) Таврический, а упоминаемые там события связаны с походом св. равноап. князя Владимира в Крым и взятием Херсона русскими в 988 г. [Куник 1874, 65–66, Харитонов 2004, 107].

По описанию К. Б. Газе и А. А. Куника, «Записка» представляла собой рукописный текст объемом в «два белых листа»⁷¹, трудночитаемый, со многими пометками [Куник 1874, 66]. Местонахождение рукописного сборника, в состав которого, по указанию Газе, входила «Записка», неизвестно. Судьба его всегда была неясна. А. А. Куник считал, что сборник попал в Париж незадолго до 1815 г., будучи вывезен из Италии в виде контрибуции во время наполеоновских войн вместе с другими памятниками искусства и науки. Считалось, что он мог быть возвращен в Италию после Парижского мира 1814–1815 гг. и оказаться в одном из итальянских книгохранилищ — например, в Ватиканской библиотеке [Куник 1874, 67, Васильев 1927, 235–236]. Долгое время судьба сборника определялась так: после Газе его больше никто не видел, и следы его утеряны.

«Записка» состоит из трех фрагментов, и по мнению Газе, Куника и др., тот фрагмент, который помещен в ней первым, должен быть последним [Куник 1874, 65–66, Харитонов 2004, 108, прим. 2]. Существует целый ряд русских переводов «Записки» (ссылки: [Харитонов 2004, 109], краткое содержание текста: [Харитонов 2004, 111–114], с подробным обсуждением).

Текст «Записки» на материале издания Газе был изучен Н. П. Ламбининым и А. А. Куником, которые сочли, что родина записки — не Херсонес, а область Готия. А. А. Куник на основании исторических данных датировал «Записку» серединой X в. [Ламбин 1874, Куник 1874]. Затем Ф. Вестберг с опорой на астрономов В. Висленициуса и Я. Зейбота уточнил дату событий, изложенных в «Записке», по содержащемуся в ней астрономическому указанию на положение Сатурна «в началах Водолея». А. А. Васильев, изучив текст «Записки», счел, что К. Б. Газе и А. А. Куник правильно определили описанную в тексте последовательность событий [Васильев 1927, 235–237].

Повествование на греческом языке ведется в «Записке» от первого лица. Автор, чье имя неизвестно, называет себя топархом — правителем Климатов (τὰ Κλήματα). Это название в форме «τὰ Κλήματα» обычно связывают с Крымской Готией (принципиально иная точка зрения: [Успенский 1889]). В тексте идет речь о подготовке военных действий топарха и его людей против «варваров», а главное — об обращении за помощью к некоему могущественному правителю, «царствующему к северу от Истра».

В науке были высказаны различные гипотезы по датировке «Записки» (от 903 до 992 г.), локализации владений топарха, обозначении «царя на севере Истра» и соотношении его с конкретными историческими лицами (князь Святослав, св. равноап. кн. Владимир), а также об этнической принадлежности «варваров» (хазары, южные славяне, восточные славяне). В целом сложились

⁷¹ Учитывая датировку (X–XI вв.), всякий исследователь сочтет, что речь идет о листах пергамента. Однако вопрос о писчем материале еще будет рассмотрен ниже.

две традиции: 1) соотношение топарха с Крымской Готией; 2) отождествление с правителем иного города или области — Херсона Таврического, Дристры на нижнем Дунае, Саркела в Хазарии, неизвестного укрепления в Валахии и др. Г. Г. Литаврин, проконсультировавшись с астрономом К. К. Яхонтовым (институт им. Штернберга), пришел к выводу, что Сатурн занимал положение, указанное в «Записке», в январе 992 г. [Литаврин 1957]⁷². Статус этого заключения будет обсуждаться ниже, а пока достаточно отметить, что технически безупречная датировка Г. Г. Литаврина совпала с изначальной датировкой К. Б. Газе.

На фоне приведенных выше весьма скудных упоминаний готов в источниках VIII–IX вв. «Записка» с ее речью от первого лица и живописными подробностями (начиная от переправы через Днепр и кончая упоминаниями «крепости» и «восстановления древних стен») уже не первый век производит яркое впечатление, врезается в память и побуждает высказывать свои версии. Доверие к «Записке топарха» (готского ли, греческого ли) в принципе характерно для исторических исследований, в том числе для новейших [Харитонов 2004, Щукин 2005]. При этом вполне закономерно, что анонимный и фрагментарный текст является дискуссионным. Но в 1970–71 гг. американский византист И. И. Шевченко пришел к заключению, что рукописного сборника с текстом «Записки» не существовало и что К. Б. Газе осуществил фальсификацию [Ševčenko 1971]. В текстологическом плане версия И. И. Шевченко основана на том, что между греческим текстом «Записки» на корректурных листах издания 1819 г. (Национальная библиотека, Париж) и греческим текстом, опубликованным Газе, существуют различия. Степень этих различий оценивается исследователями весьма неоднозначно: от «незначительных» [Харитонов 2004] до обращения автора с текстом «как со своим собственным» [Ševčenko 1971, Медведев 1994]. Допущение о подделке вошло в научный оборот; на основании этого А. И. Айбабин прямо назвал «Записку» фальшивкой [Айбабин 1999, 210].

Однако ряд историков продолжал считать «Записку» подлинной. Представляется, что этому немало способствовало исследование болгарского византиста И. Божилова, где заключалось, что различия между двумя текстами могли быть результатами исправлений, сделанных во время печати в соответствии с текстом оригинала, но не отраженных в корректуре [Божилев 1979]. К тому же, как указывал Божилов, а со ссылкой на него и другие исследователи, большинство исправлений Газе касалось латинского перевода, а исправления в греческом тексте соответствовали частоте обычных описок. Это мнение позволило практически реабилитировать «Записку» в глазах многих историков.

В результате сложилась парадоксальная ситуация: византисты твердо убеждены в одном, а историки Древней Руси и Крымской Готии — в другом,

⁷² Эта публикация о «Записке греческого топарха» представляла собой главу из дипломной работы Г. Г. Литаврина.

противоположном. Потому И. И. Медведев в своей статье, с одной стороны, указывает: «Выступление американского ученого И. Шевченко на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970) и его последующие статьи с обоснованием тезиса о том, что знаменитая “Записка греческого топарха” является фактически не чем иным, как выдумкой ее первого издателя К. Б. Газе, произвели на наших византинистов впечатление грома среди ясного неба, вызвав на первых порах яростное сопротивление, которое, впрочем, очень быстро пошло на убыль, ибо “крыть, в сущности, нечем”, настолько убедительны приведенные доказательства» [Медведев 1994, 27], с другой — там же замечает: «Я не беру в расчет тех авторов, которые молчаливо, как ни в чем не бывало (а скорее по незнанию), продолжают использовать “Записку” в качестве исторического источника. См., например: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 112–127» [ibid., сноска 3]. По-своему, в знак согласия, молчат и византинисты. И. И. Медведев упоминает о положительной оценке своих заключений авторитетными коллегами (Ж. Дагрон, Д. Шеннард, А. Поппе) в частной переписке, в то же время оговариваясь: «Правда, “печатных” высказываний на этот счет мне не встречалось» [Медведев 2007, 314]. Об этом остается только пожалеть, ибо своевременные отклики могли бы предотвратить ошибки, допущенные в ряде работ последующих лет. Пока же у не-византиниста создается впечатление, что оценка «Записки» как фальсификации представляет собой всего лишь гипотезу И. И. Шевченко, разделяемую И. И. Медведевым, но не установленный наукой факт.

Для крымско-готской проблемы существенно, что мнение о подлинности «Записки» отражено в трудах С. В. Харитоновой и М. Б. Щукина [Харитонов 2004, Щукин 2005]⁷³, в целом весьма ценных. С опорой на эти труды я также упомянула «Записку» в числе источников по истории крымских готов [Ганина 2008] и предложила свою интерпретацию в докладе на круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе»⁷⁴. Но при обсуждении этого доклада С. А. Иванов указал мне на новейшую публикацию И. И. Медведева о так называемом письме Максима Катилианоса, введенном в научный оборот К. Б. Газе [Медведев 2007]⁷⁵. Увидев, что И. И. Медведев и И. И. Шевченко в 2007 г. неопровержимо уличили Газе в подделке текста, я поняла, что немецкие энциклопедии сказали мне об этом человеке отнюдь не всё. Газе в день своей смерти (21 марта 1864 г.) «еще утром занимался корректурой одного из последних листов огромного труда» [Allgemeine deutsche Biographie 1879, 727], над изданием которого работал. Умер с корректурой в руках. А жил с подделками в руках?

⁷³ Собственного анализа проблемы эти труды не предлагают, в них принимаются выводы И. Божилова [Божилев 1979].

⁷⁴ Москва, Институт славяноведения РАН, июнь 2010.

⁷⁵ Приношу искреннюю благодарность д. и. н. С. А. Иванову за это указание, позволившее мне обратить должное внимание на проблему фальсификации и избежать дальнейших ошибок.

«Он путник был, Газе», — сказал тогда С. А. Иванов. Это прозвучало драматично.

Карл Бенедикт Газе известен прежде всего как издатель «Истории» Льва Диякона (дошедшей в двух рукописях, хранящихся в Париже и Мадриде), немецкий ученый из бедной семьи, отправившийся в Париж и списавший там славу и почет как эллинист, палеограф и издатель. По тому месту, какое «Записка топарха» занимала в источниковедении истории крымских готтов, мне представлялось, что единственной корыстью при публикации «Записки» могло быть ее соотнесение с Крымской Готией и включение в корпус источников по истории крымских готтов. Между тем слова «готы», «готский», «Готия» в «Записке топарха» отсутствуют, это историческая реконструкция, впервые предложенная акад. А. А. Куником, который не сотрудничал с Газе и не составлял «целевой аудитории» для его публикаций. Газе в своей интерпретации текста вообще не касался крымско-готской темы и, соответственно, в любом случае не стремился обмануть германистов. Далее, подделка обычно преследует какую-то эффектную цель, а добиться какого-либо эффекта публикацией столь темного и, если угодно, герметичного текста практически невозможно. И наконец, утрата рукописи сама по себе не может быть достаточным основанием для признания памятника подделкой.

И казалось бы, даже разоблачение одной фальсификации Газе [Медведев 2007] — к тому же данное под знаком вопроса⁷⁶ — не заставляет считать все публикации Газе подделками. Да, отсутствует рукопись «Записки», да, есть исправления Газе в корректуре, да, выявляются цитаты из произведений греческих авторов, да, описание переправы И. П. Медведеву и И. И. Шевченко после всего этого видится заимствованием из «Кандида»... А как же презумпция невиновности или, проще говоря, «не пойман — не вор»? И не феномен ли «обратной связи» возникает при объявлении фальшивкой второго памятника (письмо Максима Катилианоса) на основании того, что ранее фальшивкой был сочтен первый («Записка топарха»)?

Говоря о «Записке» как подделке, И. П. Медведев подчеркивает: «Меня лично весьма впечатлило то, что даже в корректурных листах издатель обращался с публикуемым текстом, как со своим собственным» [Медведев 1994, 27]. Да, это весьма странно. Но эти корректурные листы Газе сохранил: «даже удивительно, что он не уничтожил столь весомых улик своего фальсификата» [ibid.]. А вдруг потому и сохранил, что не имел причин их скрывать, если фальсификации не было? И как выясняется, в XIX веке с древними рукопи-

⁷⁶ Ср. заглавие статьи И. П. Медведева: «Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе?» Причиной этого является исключительная научная добросовестность И. П. Медведева: «Таким образом, Газе, указав... точные данные о происхождении текста, фактически выдал себя. И всё же мне не хочется убирать из заглавия статьи знак вопроса. Пусть всё же научная общественность решит, имеем ли мы и в этом случае дело с еще одной подделкой знаменитого ученого...» [Медведев 2007, 312].

сями могли обращаться, мягко говоря, свособразно. Например, при каталогизации немецких средневековых рукописей «Коллекции Густава Шмидта» в собрании Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова нам бросились в глаза два прецедента, ныне вряд ли мыслимых. Достойный ученый XIX в., путем извлечения из книжных переписов спасший для науки целое собрание ценнейших рукописных фрагментов, програвил одну пергаменную рукопись реактивами, чтобы разобрать трудночитаемые места [Ганина, Сквайрс 2008, 435] и собственноручно прорисовал в ней некоторые буквы черными чернилами (!), чтобы сохранить текст [Сквайрс, Ганина 2008, 56]. Что же до литературных аллюзий в тексте — пожалуйста, снимаем с полки книгу: «Тут уж аллюдисменгами разразились все. Было очевидно, на горизонте затеплился красниск нового светила. И кос-кому из старейшин это не понравилось». Вполне сопоставимо с «Запиской топарха»: «Все они рукописескали мне... и своеобразно с природой этой звезды изменилось состояние воздуха... состоялось собрание знатнейших... они же... помогали более всего самостоятельного управления...»⁷⁷. Неужели еще один источник «Записки»? Нет: Артур Конан Дойл, «Долина ужаса»⁷⁸, 1915 год, без малого сто лет после публикации Газе.

Эти соображения высказаны мною не для того, чтобы реабилитировать «Записку топарха». Масштабные библиотечные и архивные разыскания И. И. Шевченко и И. П. Медведева, обобщенные в их публикациях, выявили темный «реверс» деятельности Карла Бенедикта Газе. При этом важно, что эти публикации имеют свою динамику: расширение круга исследуемых документов предоставляет И. П. Медведеву новые данные, свидетельствующие отнюдь не в пользу Газе [Медведев 2007]. Теперь я вполне разделяю оценку Газе как фальсификатора «Записки топарха» и «Письма Максима Капилианоса». Но основную доказательную силу здесь имеют факты, не поддающиеся объяснению или реинтерпретации при допущении любой погрешности. Эти факты нужно выделить особо. Они поучительны, ибо хорошо показывают, чем фальсификация рукописи отличается от честной публикации находки.

Главный пункт: необъяснимое отсутствие рукописи. Собственно, это и стало единственным вопросом И. И. Шевченко и других исследователей к Газе. «Из устных бесед с проф. Шевченко мне известно, сколько времени и сил потрачено им в поисках исчезнувшей и, как оказывается, никогда не существовавшей рукописи с текстом “Записки готского топарха”» [Медведев 1994, 27]. И, как выяснил И. П. Медведев в рамках научного проекта «Архивы русских византистов в Петербурге», этим вопросом серьезно занялся видный дореволюционный византист В. П. Бенешевич (1874 — 1938). Отправляясь в 1927 г. в научную командировку по Европе, Бенешевич в том числе ставил перед собой цель наконец найти рукопись «Записки готского топарха». В Парижской Национальной библиотеке он пересмотрел все бумаги Газе и определил

⁷⁷ Пер. греческого текста цитируется по: [Литаврин 1957].

⁷⁸ Цитируется по: [Дойл 2010, 838].

следующее: «Указанным им признакам соответствует только рукопись *Palat. graec. 356*, но она на бумаге, а не на пергамене, и в описании... ничего не говорится про какие-нибудь приписки сверх указанных в описании; равным образом и сам Газе, описывая эту рукопись, не упоминает о “записке готского топарха”» [Медведев 1994, 28]. Во время работы в Ватиканской библиотеке В. И. Бенешевичу не удалось увидеть рукопись *Palat. graec. 356*, так как она была выслана для работы вне Рима. Однако, как совершенно справедливо заключает И. И. Медведев, «Бенешевич еще не смог сформулировать идею о подлоге, не смог переступить психологического барьера, чтобы обвинить в бесчестном поступке известного ученого..., но фактически он уже вплотную подошел к вопросу о подлинности (вернее, неподлинности) памятника» [ibid.]. По приводимой И. И. Медведевым цитате из итоговой части отчета Бенешевича («еще не удалось найти той рукописи, откуда Газе издал “Записку готского топарха”» [ibid.]) ясно, что последний всё-таки надеялся найти рукопись и, возможно, не испытывал более сильных чувств по этому поводу. В любом случае, эти чувства вслед за И. И. Медведевым испытываем мы: любая древняя рукопись может испытать сложные перипетии захватов и репараций, быть украденной, наконец, сгореть — но не может оказаться другой рукописью.

Рукопись, соответствующая описанию, данному Газе для «Анонима Гаврического», не имела и следов «Записки» и, что не менее показательно, была написана на бумаге, а не на пергамене. Ясно, что памятник конца X — начала XI в., если он создан не в Ките и не в Самарканде или Каире, может быть записан только на пергамене⁷⁹. Бумажными, как правило, являются последние, поздние листы византийских кодексов (ср. [Сюзюмов 1988, 160]). Среднестатистическая западноевропейская рукопись на бумаге относится к XIV–XV вв. [Сквайрс, Ганина 2008]. Греческий топарх X века не мог писать на бумаге, а именно бумагу «выделил» ему своими указаниями Газе.

Но даже и в этом случае отделаться от призрака утерянной пергаменной рукописи позволяет лишь открытие, сделанное И. И. Медведевым в 2007 г. Исследователь установил, что в Отделе рукописей РНБ находится автограф Газе (3 листа бумаги, образующие тетрадь, сшитую голубой нитью), содержащий писанный в два столбца греческий текст «письма Максима Кагилианоса» и выполненный Газе перевод этого текста на латынь. «Вопреки архивной записи на синей обложке, гласящей “выписка из неустановленной рукописи под названием “*Maximi Cateliani*”, Газе сверху листа 1 собственноручно поместил происхождение текста: “*Ex codice additicio № 72*”, а на поле справа указал даже лист оригинала — *Fol. 275 verso* (т.е. весь текст занимал в оригинале листы 274–275 об.). Другое дело, что парижская рукопись № 72 из фонда *Supplément grec* Национальной библиотеки, которая, по-видимому, и имеется в виду, не

⁷⁹ Первые бумажные мельницы появляются в Испании (по одним данным, в X в., по другим, в XI–XII вв.), поскольку арабы заимствовали технологию изготовления бумаги от китайских военнопленных.

содержит ни корреспонденции патриарха Константинопольского Афанасия I, ни текста письма Максима Катилианоса» [Медведев 2007, 312]. Между тем Газе, отвечая в 1816 г. на письмо графа Н. П. Румянцева, субсидировавшего издание «Истории» Льва Диякона и другие изыскания Газе, ссылается на эти тексты как существующие. Более того — изготавливает фальшивку.

И. И. Шевченко, в 2006 г. ознакомившись в рукописи со статьей И. П. Медведева о «писме Максима Катилианоса», направился в Париж и обнаружил рукопись, которая стала источником текста в сочинении Газе. Выводы И. И. Шевченко, опубликованные в качестве приложения к статье И. П. Медведева, следует привести подробно ввиду исключительной важности для всей темы: «Письмо Катилианоса основано на *Oratio Gratiiosa* Иоанна Евгенника, брата Марка Евгенника, известного участника Флорентийского собора. Текст Иоанна был издан Сн. Ламбросом в 1912 г. Речь представляет собой благодарение Христу за спасение от бури во время плавания из Венеции в Константинополь, случившегося в 1438 г., в котором автор чудом избегал кораблекрушения. Письмо Катилианоса представляет собой не просто пересказ этих событий; оно содержит целый ряд пассажей, дословно заимствованных из Иоанна Евгенника. Один из этих пассажей приспособлен таким образом, чтобы удовлетворить интересы графа Румянцева, благотворителя К. Б. Газе. Рукопись, которая явилась источником Газе, — это *Parisinus graccus* 2075, на листах 244–282 которой читается *Oratio Gratiiosa*. Из собственноручных маргиналий Газе к этой рукописи явствует, что ученый ею пользовался; а заглавные пометы “*fol. 274 verso*” и “*fol. 275 verso*”, которые мы встречаем на полях написанного рукой Газе письма Катилианоса, найденного Игорем Павловичем Медведевым, прямо указывают на листы *Parisinus graccus* 2075. Теперь можно с уверенностью утверждать, что К. Б. Газе — автор по крайней мер одной подделки, сделанной с целью удовлетворить исторические интересы графа Румянцева. Это утверждение также проливает новый свет на *modus operandi* Газе и, как кажется, позволяет закрыть дело о “Записке Готского топарха”» [Медведев 2007, 322–323].

Только после этой поимки К. Б. Газе с полным правом получает непосредственное решение классический вопрос «*Cui prodest?*». Известный любитель и знаток древностей, государственный деятель и меценат граф Н. П. Румянцев не только субсидировал предпринятое Газе издание «Истории» Льва Диякона⁸⁰, но особо запрашивал Газе о некоторых исторических событиях, на что последний охотно откликался обширными письмами и быстро изготавливаемыми подделками [Медведев 2004, 2007]. Показательно, что с кончиной графа Румянцева в 1826 г. иссякла волна «малых памятников» Газе.

⁸⁰ Первое роскошное издание 1819 г. стало редкостью, так как корабль, на котором были отправлены в Россию 150 экземпляров, потонул. Уже в 1820 г. Д. Поповым был осуществлен первый русский перевод «Истории», в том числе и вольный перевод «Записки некоего грека о переправе через Днепр и войне у Херсона» (= «Записки готского топарха»), опубликованной Газе в качестве приложения к кн. X «Истории».

Эти факты позволяют должным образом разрешить те недоумения касательно «Записки», которые при отсутствии неопровержимых доказательств фальсификаторской деятельности Карла Бенедикта Газе так и остались бы недоумениями.

Мало того, что «топарх», как выяснилось, в X веке писал на бумаге. Он, по мнению Газе, писал начерно, то и дело зачеркивая и внося исправления. Такой стиль работы над рукописью для X в. совершенно нехарактерен.

Вольное обращение публикатора с рукописью здесь существенно отличается от примеров, приведенных выше в отношении средневековых немецких рукописей. И даже если собиратель коллекции обработал одну рукопись реактивами, то сделал он это ради ее прочтения, то есть введения в научный оборот. И даже при пропаже любой рукописи из такой коллекции остались бы заметки публикатора, с максимальной точностью воспроизводящие текст. И наоборот: уникальные рукописи, по каким-то причинам не сопровождающиеся заметками исследователя, существуют как предметы (каталогизируются, фотографируются, реставрируются и экспонируются на выставках), а при атрибуции естественно, пластично вписываются в соответствующую рукописную традицию, определяемую независимыми экспертами.

Да, в корпусе источников по истории крымских готов есть своя специфика. Взять хотя бы основополагающее для данной работы свидетельство Ожье Гислена де Бусбека. А что, если Бусбек или его информант — крымский грек, владевший готским языком — тоже придумали крымско-готский язык? На это можно ответить: во-первых, весь корпус «Турецких писем» Бусбека, и дипломату-гуманисту не откуда было черпать слова, не засвидетельствованные в других германских языках или имеющие иной фонетический облик. Во-вторых, говоря кратко, Бусбек не знал закона Хольцмана. Он мог придумать слово, которым крымские готы обозначали яйцо, но ни один известный ему германский язык не мог вынуть ему формы, звучащей как *ada* и доносящей до нас типично готский рефлекс общегерманских двойных полугласных⁸¹. Ср. в связи с этим аргументацию А. А. Зализняка в доказательстве подлинности «Слова о полку Игореве»: предполагаемый фальсификатор «Слова» не знал закона Вакернелля [Зализняк 2004].

В тексте «Записки топарха» содержится только то, что мог знать и знал Газе. Ничего, что бы хоть сколько-то выходило за границу его познаний, там нет. Именно в этом свете приходится принимать к сведению параллели из греческих авторов и вольтеровские аллюзии.

Это же обстоятельство объясняет нам, почему в тексте «Записки» нет упоминаний крымских готов. Судя по всему, Газе был эллинистом *par excellence*, глубоким, но узким специалистом. Ни раннее средневековье, ни германистика в круг его научных интересов не входили. Именно поэтому у него

⁸¹ В готском переводе Библии есть другие слова, доносящие этот рефлекс, но слово «яйцо» там не засвидетельствовано ввиду специфики словаря.

не вызывает отклика письменно поставленный графом Н. П. Румянцевым вопрос: «Не было ли в Крыму готской церкви и (если да, то) где находилось ее местоположение?» (цит. по: [Медведев 2007, 308]). Как можно видеть, граф Румянцев и здесь подтверждает свою репутацию глубокого знатока древностей, поскольку мыслит о том, что Газе, судя по тексту «Записки», не приходило в голову. С одной стороны, можно сказать: и слава Богу, иначе бы текст «Записки» был пронизан упоминаниями «готов, говорящих на готском языке». С другой — в отсутствие таких упоминаний А. А. Куник стал мыслить в том же направлении, что и граф Румянцев, и «Аноним Таврический» превратился в «Записку готского топарха». Но Газе готами не интересовался, потому что в эпоху Льва Диякона они для Византии уже неактуальны.

Теперь, пусть и методом гордисва узла, разрешаются все вопросы, давно занимавшие исследователей текста «Записки». В частности: как можно было наблюдать звезды, причем весьма детально, непосредственно перед сильной снежной бурей (погода так быстро не меняется), и зачем при переправе через Дунай делать огромный крюк (последнее с недоумением отмечал Г. Г. Литаврин) [Литаврин 1957].

Вполне укладываются в новую картину и другие детали. В их числе — то, что Г. Г. Литаврин четко определил датировку (конец X в., эпоха св. кн. Владимира) ... изначально, намеренно заложенную Газе. И то, что отец Газе, пастор, был известен переводом на немецкий язык нескольких путеводителей по России [Allgemeine deutsche Biographie 1879, 725]. И то, что пресловутое упоминание «царствующего к северу от Истра» (то есть от Дуная), славного военной силой, в контексте подписки звучит как намек, лестный для того, чьим отцом был знаменитый полководец граф Н. А. Румянцев-Задунайский.

Так путник ли Карл Бенедикт Газе? Увы, нет. Он — фигура трагическая. И если бы он знал, что в XX веке по его следам (буквально *по его душе*) придут ученые и распутают то, что он запутал, он, очевидно, действительно бы уничтожил корректурные листы. Почему же он этого не сделал? Как представляется, прежде всего потому, что все корректуры направлялись в Санкт-Петербург и были своего рода формой отчетности, о чем свидетельствует замечание Газе в письме графу Н. П. Румянцеву, обнаруженном И. П. Медведевым: «...я надеюсь, что через пару недель смогу Вам отправить всю совокупность корректур Льва (Диякона), печатание которого завершено» [Медведев 2007, 311]. А еще потому, что Газе как глубокий специалист в области, недоступной другим, мог быть уверен, что никто, кроме него, всего этого не разберет да и не будет разбирать. Оказалось иначе. И теперь, после многолетней работы с неоднозначным научным наследием Газе, И. П. Медведев говорит о себе: «Похоже, что автору этих строк теперь уже никогда не расстаться с именем парижского эллиниста... Карла Бенедикта Газе (1780 — 1864): оно постоянно напоминает мне о его носителе, причем как в положительном, так и в отрицательном контексте его деятельности» [Медведев 2007, 307]. Газе, «пришедший в Париж пешком» [Allgemeine deutsche Biographie 1879, 725], был настоящим ученым старой школы, но, очевидно, при большом

честолюбии бурная наполеоновская эпоха заразила этого человека своим авантюризмом. Есть в этом позднем «громе среди ясного неба» что-то от пушкинского Германиа: «Туз выиграл! — Дама ваша убита». Есть и неизбежное: «Игра пошла своим чередом». Но теперь уже решительно иначе.

На этих основаниях «Записка готского топарха» должна впрямь исключаться из корпуса источников как по истории крымских готы, так и по истории Древней Руси (в необходимых случаях — не по умолчанию, а с указанием ее статуса как доказанной фальсификации). Однако следует особо подчеркнуть, что это не означает пересмотра всех источников VI–IX вв. по крымско-готской проблеме. Другие памятники, рассмотренные выше, являются надежными, «Записка» же представляет обособленный сегмент, подлежащий изъятию.

1.2.3.3. Упоминания причерноморских германцев в средневековых источниках XI–XII вв.

В древневерхненемецком памятнике «Песнь об Анно» (конец XI в., среднефранкский диалект), первая часть которого представляет собой обзор мировой истории, а вторая излагает житие кельнского архиепископа Анно, содержится контекст, привлечший внимание исследователей готской проблемы: «Dere geslehte quam wîlin êre // von Armênie der hêrin, // dâ Nôê ûz der arkin ging, // diur diz olizuî von der tûvin intfieng. // Iri ceichin noch du archa havit // Uf den bergin Ararât. // Man sagit daz dâr in halvin noch sîn // die dir Diutschin sprechen // ingegin Indiâ vili verro» [Massmann 1841, 352] 'этому роду в то время пришла честь // из Армении старой /почтенной/ величественной, // тогда Ной вышел из ковчега, // дорогую масличную ветвь от голубя получил. // Их знаки еще имеет ковчег // на горах Арарат. // Говорят, что там еще наполовину есть // те, кто говорит по-немецки, // по направлению к весьма дальней Индии'⁸². Тот же пассаж повторен в средневерхненемецкой «Хронике императоров» (Kaiserchronik; рукопись второй половины XII в.): «Diu geslâhte der Baiere // her kômen von Armenje //, dâ Nôê ûz der arke gie // unt daz olzû von der tûben enphie. // ir zaichen noch diu arka hât // ûf den bergen di dâ haizent Ararât» [Чемоданов 1978, 55] 'роды баварцев // произошли из Армении, // тогда Ной вышел из ковчега // и получил масличную ветвь от голубя. // Их знаки еще имеет ковчег // на горах, которые зовутся Арарат'. Строки о «говорящих по-немецки» здесь отсутствуют.

По мнению Х. Ф. Массмана, приведенный контекст «Песни об Анно» указывает на крымских готы. Массман привлек для сравнения следующий пассаж из латинского прозаического памятника «Истории основания монастыря Тегернзее»: «Norricum... in ultimo Oriente circa Armeniam vel Indiam usque hodie manet origo, quod paene omnibus notum a probatissimis etiam nuper accepimus, qui peregrinati illuc Bawarizantes audierant» 'Норика... на дальнем Востоке близ Армении или Индии до сего дня пребывают истоки, ибо почти всем известно от испытаннейших и мы еще недавно получали сведения,

⁸² Здесь и далее пер. Н. Г.

что путешественники там слышали баварскую речь'. Создатель «Песни об Анно» придерживается той же концепции: «Dâ liset man Nôricus ensis // Daz diudit ein suert Beierisch» 'там читают по-норикски "ensis", // что по-баварски толкуется "меч" ' [Massmann 1841, 352]⁸³. Как указал В. Вильманс, аббат Хадальох в своем труде «Vita Altmanni» (между 1125 и 1141 гг.) также указывает, что бавары (баварцы) ведут свое происхождение из Армении: «... Bawari traduntur ab Armenia oriundi...» (ср.: [Høst 1971, 74]).

Р. Лёве видел в этих скудных и отрывочных указаниях историческую память о расселении древних германцев на черноморском побережье Кавказа [Loewe 1896, 78], и теперь исследователи по традиции приводят этот контекст как возможное свидетельство о крымских готах [Høst 1971, 73–74, Stearns 1978, 5]. Однако здесь следует говорить о самостоятельном сюжете — происхождении баваров (баварцев) из древней, послепотопной Армении (причем часть их — возможно, сразу выйдя с Ноем из ковчега — осталась на старом месте). Может быть, именно смутные знания о причерноморских германцах когда-то дали баварцам основание производить свой род из Армении. Не вдаваясь в детальное развитие гипотезы, можно лишь сказать, что баварцы и причерноморские германцы существуют на одной исторической плоскости дважды — в бурном VI веке и в эпоху св. Кирилла (IX в.), достоверно знающего и баварцев, и готов.

Другое, гораздо более внятное указание на крымских готов, к тому же связанное с конкретной эпохой не только по источнику, но и по самому событию, содержится в древнерусской традиции. В XII в. (1106 г.) св. Антоний Римлянин встретил в Новгороде одного купца: «... и обрѣте чловѣка греческіа земли гостбу дѣлюща, купецкіи чинѣ имуща, иже умѣяше римскимъ и греческимъ и рускимъ языкомъ... Готфинъ же прѣподобному повѣдаше вся по ряду глаголя... Прѣподобный же слышавъ от Греченина сего повѣсти сія... Вопросы же прѣподобный Греченина Готфина глаголя...» [Сказание 1860]. Исследователи с полным основанием полагают, что речь здесь идет о выходе из Крымской Готии [Васильев 1927, 240, Топоров 1983, 241].

Другие сведения отрывочны. В одном документе 1166 г. император Мануил I (1143 — 1180) носит титул Готикаς, что, по мнению исследователей, указывает на власть Византии над Крымской Готией [Tomaschek 1881, 41, Braun 1890, 20, Loewe 1896, 218, Høst 1971, 75]. Кроме того, в «Хилиадах» Иоанна Цеца (между 1144 и 1170 гг.) в описании дурных архиереев (которых он бы с удовольствием предал смерти) фигурирует некий «Γόθος Της Γοθίας», что немецкие ученые толкуют как «der Gote Gotiens», то есть «Гот из Готии», усматривая здесь указание на Крымскую Готию [Loewe 1896, 219 f., Høst 1971, 76]. Возможно, что дурной архиерей и впрямь происходил оттуда, но можно видеть в этом контексте ироническое наименование вроде «Варвар Варварович»: «Гот Готский», и, соответственно, влияние традиции,

⁸³ Ср. в «Хронике императоров»: «Dâ liset man inne 'Noricus ensis' // daz kît ein suert Baierisch» [Чемоданов 1978, 55].

согласно которой готы были грубыми варварами. Титул Мануила I также может обусловлен ориентацией на классическую традицию; впрочем, точное суждение об этом — дело византинистов.

Кажется, что к этому времени крымские готы как германский этнос растворяются в полиэтничном Крыму, что от всей Крымской *Готии* остался лишь освященный временем символ. Точно по слову М. И. Цветасвой: «Феодальный строй... Ворот уж нет, щит держится». Но крымско-готская тема еще отнюдь не исчерпана.

1.2.3.4. XIII век. Пахимер и Рубрук.

Историк XIII в. Георгий Пахимер (около 1242 — 1310) сообщает в своем труде, что аланы, зихи, готы и русы (русские) и другие народы на Крымском полуострове и в соседних странах перенимают язык и обычаи татар. Из этого исследователи заключают, что готы до того еще сохраняли собственный язык [Loewe 1896, 114, Vasiliev 1936, 172, Stearns 1978, 5-6].

Следующее свидетельство гораздо ярче. В 1253 году Крым посетил францисканский монах-миссионер, фламандец Вильгельм Рубрук (Ruysbroek, Rubruk, Rubruquis). Он отмечал: «Sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam, quorum quodlibet fere habebat proprium ydionia; inter quos erant multi Goti quorum ydionia est teutonicum» 'Между Керсоной и Солдайей сорок замков, из которых почти каждый имеет собственный язык; между ними были многие готы, язык которых немецкий'⁸⁴. Ср. перевод всего пассажа: «На море, от Керсоны до устья Танаида, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдайей существует сорок замков; почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий» [Равдоникас 1932, 7]⁸⁵.

Это сообщение по времени еще принадлежит средневековой, но по своему типу оно уже открывает ряд свидетельств путешественников-«самовидцев» эпохи Возрождения.

⁸⁴ Средневековые итальянские портоланы отмечают в Крыму и гавань *Varangolimena*, и мыс с выразительным названием *Rosofar* [Høst 1971, 75]. Судя по первому названию, в Крыму жили и варяги (скандинавы), и русы (а уж кем они были в какую эпоху, единого мнения, как известно, нет). Упомянутый *Rosofar* при желании можно производить как из германского (причем этот топоним может принадлежать не самим русам, а тем же варягам), так и из иранского.

⁸⁵ См. также: [Путешествие в восточные страны... 1957].

КРЫМСКИЕ ГОТЫ КАК ПРЕДМЕТ ВНИМАНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

2.1. Сообщения путешественников и упоминания о готах в традиции до Бусбека

События XIV–XV вв.

Как было сказано выше, в настоящем обзоре источников мы не будем подробно касаться истории княжества Феодоро. Однако для понимания приведенного ниже свидетельства необходимо отметить, что мощная крепость Феодоро на плато Мангупа упоминается в источниках XIV в. По всей очевидности, она была наследницей раннесредневекового Дороса¹, но деталей этой преемственности мы проследить не можем. Самое известное упоминание Феодоро — поэма о его руинах, созданная иеромонахом Матфеем. Он посетил Крым в 1396 г. в качестве посланца Константинопольского патриарха, застал некогда цветущий город разоренным и опустошенным, видел развалины укреплений, церквей с мозаичными полами. Его греческая поэма построена в форме диалога «странника» с «городом». Памятник переведен на русский язык и всесторонне изучен в работе Х.-Ф. Байера [Байер 2001, Цукин 2005, 470, Фадеева, Шапошников 2005, 34–35²]. При этом, как отмечает М. Б. Цукин, остается неясным, кто разорил Феодоро-Мангуп.

¹ Ср. *(Фео)доро* — *Доро(с)*. Тем самым Феодоро — модификация древнего названия с целью подчеркнуть христианскую основу власти 'Божие Доро' > 'Дар Божий' (с учетом греческого лингвистического фона; ср. такое толкование в поэме иеромонаха Матфея) и одновременным посвящением этого места св. Феодору (Стратилату или Тирону, или обоим святым). Налицо весьма тонкая реинтерпретация старого топонима, о которой не следует отзываться пренебрежительно («Всё это слишком смахивает на позднейшую «подгонку» этимологии к старому названию» — [Фадеева, Шапошников 2005, 36]). Предполагаются также различные «переходные этапы»: бытование древнего индоарийского *tava-dara 'сильный + пещеры' [Трубачев 1999, 53] или слияние греческого артикля с топонимом Лорб [Фадеева, Шапошников 2005, 36], что потом было ретимологизировано на основе греческого языка.

² К сожалению, в последней работе нет указания на труд Байера.

Безымянными «врагами», упомянутыми в поэме, могли быть и татарские войска Мамай (тогда еще темника, а не хана), и войска Тохтамыша, и Тимура [Ицукин 2005, 470].

Баварский солдат Иоганнес Шильтпергер из Мюнхена (Schiltperger, Schildberger) с 1394 по 1427 г. путешествовал по Востоку, посетил много стран, в том числе Крым, и побывал в турецком плену. В своем сочинении «Reisebuch» он сообщает следующее: «Item ein stat haist Karkery und hatt ein guts landt und haist Sutti und die heiden heyssentz That: und sein Christen darinn in christlichem glauben und hatt gut weinwachs und ligt pey dem schwartzen mer» (цит. по: [Loewe 1896, 114–115, Stearns 1978, 6]) ‘Затем один город называется Каркери³ и имеет хорошую землю, и называется Сутти, а язычники называют его Тат: и там есть христиане, в христианской вере, и у него хорошие виноградники, и расположен он у Черного моря’⁴. Далее при перечислении языков, на которых говорят в Крыму, Шильтпергер замечает: «die sübent Kuthia sprach vnd die heiden heissents thatt» ‘седьмой язык — кутийский, а язычники называют его «тат»’⁵. Ф. А. Браун и А. А. Васильев полагали, что топоним «Sutti» является искажением Kuthi (Guti), то есть названия Готии [Braun 1890, 53, Vasilev 1936, 193]. Однако О. Н. Трубачев выдвинул гипотезу об исконном характере названия *Сутти* и предложил здесь интересную германскую этимологию (см. раздел 9.1.). Но словосочетание «Kuthia sprach» имеется только в Гейдельбергской рукописи памятника; в Нюрнбергской содержится совершенно темное и, очевидно, искаженное, «Churin», а Донауэшингенской — «Ruthia» [Stearns 1978, 6]⁶. Потому, хотя сообщение Шильтпергера традиционно считается указанием на крымских готов и сохранение ими родного языка, здесь есть свои проблемы.

Хорошо известно упоминание о крымских готах, содержащееся в сочинении венецианца Иосафато Барбаро «Путешествие в Тану». В этом памятнике отражены воспоминания молодого купца, занимавшегося торговлей в Тане и объездившего окрестные области Приазовья, Северного Причерноморья, отчасти также Кавказа и Поволжья. Тана — крупная венецианская колония на северном побережье Черного и Азовского морей, в дельте Дона, на левом берегу одного из многочисленных его рукавов. Название стало появляться в постановлениях венецианского сената с 30-х годов XIV в. [Скржинская 1971, 6]. Путешествие Барбаро в Тану состоя-

³ Кырк-Ор в Крыму.

⁴ Ср. тот же контекст у Г. Хэст: «es haist ain stat Karekeri, die hat ein guts land, das hiest Sudi, aber die haiden haissents That, und es sind Kristen in Kriechischem gelouben dorinne, und hat gut winwachs, es ligt by dem schwartzen mer» [Høst 1971, 77].

⁵ Ср.: «die sübent Kuthia sprach und die haiden haissents That» [Høst 1971, 77].

⁶ «Ruthia» особенно проблематично: трансформация исходного «Kuthia» при переписке (с учетом общих знаний о Руси) или указание на неких древнейших, реликтовых русов? С другой стороны, ср. ниже о плате (надгробной плелене) Марии Мангупской, где надпись выполнена *по-русски* (их можно видеть).

лось в 1436–1452 гг. Он сообщает следующее: «Dreto de insula de Capha, d'intorno che e sul mar Mazor. se trova la Gothia, e poi la Alania, la qual va per la insula verso Moncastro, como habiam ditto di sopra. Gothi parlano in todesco; so questo perche, havendo un fameglio todesco con mi, parlavano insieme et intendevansi assai rasonevolmente, cusi como se intenderia un furlano con uno fiorentino. Da questa vicinia de Gothi con Alani credo, che sia derivato il nome de Gothalani. Alani erano prima in quel logo; sopravvennero Gotti e conquistorno de quei paesi et feceno una mixtura dil nome suo con el nome di Alani. Cusi, como erano messedate quelle gente con gieste, et chiamose Gothalani. Questi tutti fanno alla greca e similmente li Cercassi» («Viaggio alla Tana», 7, § 51; цит. по: [Барбаро и Контарини 1971, 131–132]. «Далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней — Алания, которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро, как мы уже сказали выше. Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга-немец; они с ним говорили, и [обе стороны] вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один другого фуранец и флорентинец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы» [Барбаро и Контарини 1971, 157].

Е.Ч. Скржинская указывает, что в своем рассказе о Московии Барбаро следует тексту «Путешествия в Персию» Амброджо Контарини, однако описание Крыма у Контарини отсутствует, и следует полагать, что в основу сообщения о Готии и Алании легли впечатления самого Барбаро [Барбаро и Контарини 1971, 180]. Исследовательница предлагает следующее истолкование текста Барбаро: Готия расположена западнее Каффы (вернее, Солдайи) до Чембалло (Балаклавы); Алания, упоминаемая Барбаро — крымская, а не северокавказская или приазовская. Крымская Алания лежит «внутри страны, причем в западном направлении» [Барбаро и Контарини 1971, 180]. Монкастро — пункт вне Крыма (хорошо известная крепость на Днестре), упомянутый лишь ради конкретности, чтобы подчеркнуть протяженность Алании к западу от Газарии. Итак, по Барбаро, на востоке расположена Газария, далее — Готия, еще западнее и «внутри страны» — Алания. Е. Ч. Скржинская полагает, что обозначение «готаланы» можно трактовать как самоназвание (ср. *chiamose* 'называются', но и 'называют сами себя'). Встречающееся в сообщении Барбаро слово «*furlano*» обозначает наречие области Фриуль, лежащей к северу от Венеции. Сравнение отношения готского к немецкому с отношением фуранского (фриульского) к флорентийскому делает честь наблюдательности Барбаро или его информанта [Барбаро и Контарини 1971, 181]. Обоснование именно такой интерпретации этнонима «*furlano*» дано также в работе Й. Тишлера [Tischler 1978, 28, Anm. 56].

Дальнейшие свидетельства XV в. касаются истории княжества Феодоро, и мы последуем здесь сжато изложению М. Б. Щукина. В 1399 г. в Москву ко двору великого князя Василия, сына св. Димитрия Донского, присхалинский Степан Ховра с сыном Георгием «из вотчины Сурожа, да Каффы, да Мангуна»⁷. Как полагает Х. Ф. Байер, другому сыну Степана, Алексею, именно при помощи Руси удалось утвердить независимость или полу-независимость Готии к 1403 г. В Крыму Алексея поддерживали генуэзцы Каффы, давшие средства на возведение багнии и двух церквей в Мангуне, на строительство галеры, посздки и присмы послов. По замечанию М. Б. Щукина, князь развил бурную деятельность по восстановлению государства. В 1426 г. он выдал свою сестру Марию за Давида Трапезундского и мечтал превратить Мангун в новый Рим [Щукин 2005, 470–471].

В 1472 г. к великому князю Руси Ивану III прибыла Софья (Зоя) Палолог, племянница последнего византийского императора Константина (погибшего в 1453 г. при падении Константинополя). Ее сопровождал некий Константин из Мангуна, позднее основавший монастырь в Ухме. В том же 1472 г. к молдавскому володарю Стефану Великому (Штефану чел Маре) из Мангуна присхала княжна Мария, которая «была черкешенка и имела двух дочерей» и, как полагают, являлась сестрой правителей Мангуна. Стефан Великий женился на ней, она прожила до 1477 г. и похоронена в монастыре Путны на территории нынешней Румынии. Сохранился вышитый золотом и серебром плат с ее изображением, надписи на котором выполнены по-русски. В 1474 г. Иван III вел переговоры с мангунским князем Исаком (в русских летописях — Исайкой)⁸, собираясь женить своего сына на его дочери. Однако события разворачивались иначе. В 1475 г. Стефан Великий разбил войска турок, вторгшиеся на его территорию. Султан Мухаммед II ответил нападением на Крым в том же году, причем поводом послужило, вероятно, то, что Исайка был убит своим братом Александром, вернувшимся из посздки в Молдавию. Турки завоевали Крым и разбомбили Мангун из своих батарей. Князь Александр сдался на милость победителя за обещание сохранить жизнь и имущество ему и его близким, но был обезглавлен в Стамбуле. Уцелел лишь его малолетний сын, о дальнейшей судьбе которого ничего не известно. М. Б. Щукин заключает этот экскурс в историю Феодоро: «Мангун никогда более не был восстановлен. Ему не довелось стать новым Римом, Третьим Римом стала Москва» [Щукин 2005, 471–472].

⁷ По «Бархатной книге», Степан Ховра и его сын стали родоначальниками боярского рода Ховриных-Головиных. По мнению исследователей, Ховра — попомок знатного трапезундского рода Гаврас (ср. [Васильев 1927, 280] с обсуждением других версий). В связи с Крымом А. А. Васильев указывает на топоним Гаври / Гавры на восток от Мангуна у Бельбека [ibid.]. А в нынешней Москве сохранились топонимы Ховрино и Головино (где и написана моя работа).

⁸ Потомком указанного Алексея.

2.2. Ученые в поисках крымских готов: начало истории вопроса (XVI в.)

События XVII–XVIII в. в Крыму

В Европе XVI в. ученая традиция всё еще хранит память о крымских готах. В сочинении Иоахима Курея или Куреуса (Cureus, Curäus, 1542 — 1573) «*Gentis Silesiae Annales*» содержится весьма интересный сюжет, выделенный даже особой маргинальной глоссой автора: «*Historia de reliquiis Gothorum in Taurica Chersoneso*». Куреус говорит о том, что некий «D. Philippus», в котором исследователи видят Филиппа Меланхтона (1497 — 1560)⁹, часто вспоминал историю, рассказанную ему нюрнбергским гуманистом Вилибальдом Пиркгеймером (Pirckheimer, Pirchamerus; 1470 — 1530). По словам последнего, группа нюрнбергских и венецианских купцов собралась плыть на Крит и Кипр, но в Эгейском море попала в шторм и оказалась на берегу «*non procul Bosphoro Thracio*» ‘близ Босфора Фракийского’. Там купцы заметили мальчика, который ехал на телеге и пел песню; когда он подъехал ближе, они услышали, что в этой песни были германские слова («*verba germanica*»). Мальчик рассказал, что он живет в горах неподалеку и что народ его — готский: «... *suam gentem quae esset Gotthica*» [Loewe 1896, 116, Vasiliev 1936, 274, Høst 1971, 78–79, Stearns 1978, 7].

Г. Хёст справедливо замечает, что попасть в Черное море по пути на Крит и Кипр довольно проблематично [Høst 1971, 79], хотя Р. Лёве, подробно обсуждавший эту тему, считал, что важность рассказа искупает «серьезные заблуждения, допущенные Меланхтоном и Куреусом в области географии» [Loewe 1896, 116]. Тем не менее, Хёст допускает, что путешественники могли из-за бури взять другой курс и соглашается с общим заключением Л. А. Васильева о том, что эта история по крайней мере доказывает существование развитой традиции представлений о готах в Крыму [Høst 1971, 79, Vasiliev 1936, 274].

Эта история датируется временем до 1518 г., поскольку она со ссылкой на Пиркгеймера упоминается в труде Франциска Иреника (Franciscus Irenicus) «*Germaniae Exegeseos*» (vol. XII), вышедшем в свет в 1518 г. (Нюрнберг) [Høst 1971, 79, Stearns 1978, 8]. Однако Иреникус связывает ее не с Черным или даже Эгейским морем, но с островом Готланд на Балтике. Но Р. Лёве, знавший об этом соотношении, всё же полагал, что события происходили в Крыму [Loewe 1896, 116–125]. Здесь следует заметить, что германские слова на Готланде никого не могли бы удивить, равно как и сообщение юноши о том, что он принадлежит к «готскому народу».

⁹ «D», очевидно, означает «doctor» или «doctus» («dominus» ‘господин’ менее вероятно в этом контексте)..

К XVI в. относится также краткое свидетельство Якоба Циглера: «Et hodie in Thaurica Chersonesso multa milia patrum foris Graeca et Tartarica lingua, domi Germana utuntur»¹⁰. Р. Лёве указывает в связи с этим, что Циглер до 1521 г. жил в Венгрии и там мог встретить информанта, посещавшего Крым [Loewe 1901, 566–567], но это лишь гипотеза. Особого внимания заслуживает указание Р. Лёве на то, что Конрад Гесснер, упоминающий о крымских готах в своем «МитриDATE» (1555 г.) (ср. [Топоров 1983, 236]), опирался на свидетельство Я. Циглера [Loewe 1901, Stearns 1978, 8]. Как указывает В. Н. Топоров, сам Гесснер ссылаясь на Матвея Меховского («Описание Азиатской и Европейской Сарматий», 1517 или 1521 г.). Однако Гесснер сообщает не о бытовании готского языка в Крыму, а о покорении Мангула турецким султаном и судьбе последних князей Мангула [Топоров 1983, 236, сн. 25]. Указанный же контекст из труда краковского каноника Матвея Меховского также стоит здесь привести: «Татары, так называемые уланы, войдя в Тавриду через Северные ворота [Перскон]»¹¹, овладели всеми городами, селами и полями, так что владельцы Манкунские, родом готы и говорившие готским языком, удержали за собой только укрепленный Манкул. Наконец, Магомет, восьмой султан турецкий, привел в зависимость от себя весь полуостров, убил двух братьев и владельцев (duces)¹² Манкунских, единственных представителей рода и языка готов, и покорил Манкул» [архим. Арсений 1873, 73].

И наконец, сообщение, почти современное Бусебуку, принадлежит историку и теологу Георгию Торквату (Torquatus; 1513–1575). В его труде «Annales Lipsiae et Quidlinburgi» («Лейпцигская и Кведлинбургская хроника»; 1561–1574) [Vasiliev 1936, 174, fn. 3] есть следующий пассаж: «Horum Gothorum reliquiae in Transsylvania. In montanis Tauricae Chersonesi ad Bosphorum non procul a Constantinopoli et in Asia versus septentrionalem prope Armeniam domi inter sese gentilitia h. e. Germanica, Saxonum idiomati fere simili: foris autem et ad alias vel graeca vel Tartarico [sic] sive Ungarico utuntur lingua, ut ex historia Friderici Barbarossae et ex quadam Pirckheimeri Norimbergensis narratione manifestum est» [Loewe 1896, 47–48, 125, Vasiliev 1936, 274, Stearns 1978, 9] «Страны готов остатки в Трансильвании. В горах Херсонеса Таврического на Боспоре неподалеку от Константинополя и в Азии по направлению к югу близ Армении»¹³, дома между собой это племя [по языку] германское,

¹⁰ Р. Лёве приводит цитату из труда Циглера «Libellus Jacobi Ziegleri Landau adversus Jacobi Stunicae maledicentiam pro Germanis», на который до того ссылались лишь косвенно (ср. [Loewe 1901, 566–567, Stearns 1978, 8]).

¹¹ Это название Перскона весьма примечательно в свете византийской эсхатологической традиции.

¹² Точнее — «князей». Прим. Н. Г.

¹³ Этот географический «концентрат», с одной стороны, свидетельствует о нечеткости представлений западноевропейских ученых той эпохи, с другой — в какой-то мере объясняет изложение событий в приведенной выше истории с кушанами.

довольно похоже на саксонский язык: однако вне и с другими они пользуются греческим, татарским или венгерским языком, как известно из истории Фридриха Барбароссы и из сообщения Пиркгеймера из Нюрнберга¹⁴. В этом труде есть и другое указание: «audio in Chersoneso Taurica hoc nostro tempore restare Gotthorum reliquias qui se Gotthos appellant et loquuntur Germanica lingua» (цит по: [Høst 1971, 79]) ‘мне известно, что в Херсонесе Таврическом и в наше время есть остатки [племени] готов, которые называют себя готами и говорят на германском языке’. Хотя здесь упоминаются два источника — «история Фридриха Барбароссы» и уже известное нам сообщение Пиркгеймера, Р. Лёве считал, что Торкват располагал также сообщением некоего информанта [Loewe 1896, 47–48, Stearns 1978, 9]. Однако приведенный контекст не дает оснований для такой трактовки.

Можно видеть, что сведения о готах в Крыму не просто встречаются в западноевропейской ученой традиции XVI в., но приобретают в это время характер спорной и весьма интересной проблемы, решение которой упирается в свидетельства очевидцев. Легко понять, почему Ожье Гислен де Бусбек, получивший гуманистическое образование, проявляет такой интерес к судьбе крымских готов, когда ему предоставляется возможность лично исследовать вопрос. Тем самым Бусбек — и это важно подчеркнуть — уже не является случайным информантом, но выступает в роли исследователя-этнографа и филолога. М. Стернс недаром называет его «полевиком» («fieldworker») [Stearns 1978, 64], хотя эту точку зрения и не следует абсолютизировать.

Биография Бусбека будет изложена ниже (см. раздел 3.1.). Его знаменитое сообщение, являющееся основой наших знаний о крымско-готском языке, также следует рассматривать особо (см. 3.2.), поскольку в этом случае важно обсудить проблему критики текста (4.1), а также принятую у Бусбека систему транскрипции материала (4.2.). Здесь же необходимо затронуть один существенный вопрос: можно ли доверять Бусбеку?

Вопрос этот сейчас является только провокационным. Аутентичность данных Бусбека в настоящее время общепризнана, поскольку в сообщаемом им материале содержатся готские формы, которых он не мог выдумать и не мог угадать (см. 5.2.2). Но в связи с этой темой следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что «Codex Argenteus», донесший до нас классический готский, был открыт только в 1597 г., то есть через восемь лет после издания «IV турецкого письма» Бусбека и по меньшей мере через 25 лет после его написания [Tischler 1978, 8]. Далее, надежные готские соответствия трех слов из списка Бусбека были открыты только в 1817 г. в составе так называемых «Миланских палимпсестов». Правда, молитва «Отче наш» на готском языке, содержащаяся в «Серебряном кодексе», была опубликована Горопием Беканом (Goropius Besanus) и Арнольдом Меркатором в 1569 или 1573 г., то есть в то время, когда письмо уже было написано, но еще не было издано

¹⁴ Здесь и далее пер. Н. Г.

(ср. [Tischler 1978, 9]). Однако даже при белом знакомстве со списком крымско-готских слов у Бусбека (см. 3.2.) можно констатировать, что Бусбек либо не знал этой публикации (что вероятнее), либо не воспользовался ею в дурных целях, поскольку слова из готского «*Atta unsar*» у Бусбека не представлены.

За одиннадцать лет до публикации «Турецких писем» Бусбека, в 1578–1579 гг. Крым посетил посол Стефана Батория Мартин Броневский (Martinus Bronovius) (ср. [Равдоникас 1932, 10, Høst 1971, 84–85]). Он описывает Мангун (Манкуи) как большой город, где еще сохранились крепость, «великолепные греческие церкви», родники, ворота и высокий каменный дом — тюрьма, куда турки иногда заключали московских послов. Но в целом Мангун был разрушен, там жило немного турок, евреев да один греческий священник, который и поведал Броневскому о судьбе последних князей Мангуша. Через восемнадцать лет после взятия турками и без того разрушенный Мангун пережил крупный пожар. О готах в Крыму Броневский ничего не сообщает; ясно, впрочем, что обезлюдевший город был не лучшим местом для подобных встреч.

Сообщение о готах, следующее по времени за рассказом Бусбека¹⁵, находится в аннотациях Иоганнеса Перингшёльда (1654 — 1720) к подготовленному им в 1699 г. изданию труда Иоганнеса Кохлея или Кохлеуса (Cochleus; 1479 — 1552) «Жизнь Теодориха, короля остготов и Италии» («*Vita Theodorici Regi Ostrogothorum et Italiae*»). Перингшёльд включил туда рассказ Николая Спафария, молдо-валаха, побывавшего в Турции в качестве переводчика. Сведения, полученные Спафарием, были сообщены Перингшёльду шведским ученым Иоганом Спарвенфельдом (Johan Sparfvenfeldt; 1655–1720), который, по его собственным словам, встретил Спафария в 1685 г. и запомнил его рассказ. Речь шла о том, что в Крыму было около 300 деревень, где жили потомки готов. Они были христианами, имели готского епископа и говорили на «тевтонском» («*Theutonica*»), то есть германском языке, который называли готским [Loewe 1896, 187–192, Stearns 1978, 16]. Не подвергая сомнению самой возможности таких наблюдений, заметим лишь, что в Крыму XVII–XVIII вв. было гораздо меньше христиан, чем в предшествующую эпоху, и существование 300 чисто готских (без участия греков) сел маловероятно.

После Бусбека ученые также занимались поисками крымских готов, но повторить его успех не довелось никому. Как отмечает В. И. Топоров, в XVII — начале XVIII в. готским языком в Крыму живо интересовались — например, Лейбниц, который просил Лудольфа и Коханского сообщить ему

¹⁵ Относящееся к 1606 г. («*Isagogicorum chronologiae canonum libri tres*») сообщение Скалигера (1540–1609) о том, что готы в Крыму читают Ветхий и Новый Завет в переводе Вульфила, признано исследователями недостоверным [Loewe 1896, 197, Stearns 1978, 15–16]. Скалигер не ссылается на какой-либо источник. Представляется, что это упоминание следует считать чисто спекулятивным заключением, где соединились познания Скалигера о готах в Крыму и о вульфилианском переводе Св. Писания, только что открытом в ту эпоху.

данные о крымских готах. Немецкий путешественник Э. Кемпфер, который, как выяснилось, никогда не бывал в Крыму¹⁶, писал в своей «*Historia Imperii Japonici*» (1727 г.), что в Крыму (*Taurica Chersonesus*) еще говорят на языке, сохранившем много германских слов и происходящем от языка готов, которые пришли сюда через 850 лет после потопы. Он знал о собрании готских слов Бусбека и сообщал, как полагали исследователи, о таких своих новых замечаниях. Однако рукописи Кемпфера, какое-то время считавшиеся утраченными, были обнаружены в Британской библиотеке и тщательно изучены; готских слов там не оказалось [Vasiliev 1936, 275, Høst 1971, 84, Топоров 1983, 237].

В конце своей жизни историей крымских готов собирался заняться Тунман, но осуществить свое намерение не успел. Католический митрополит Станислас Сестренцевич де Богуш (Сестренцевич-Богуш)¹⁷, приглашенный князем Потемкиным в Крым, дважды посетил Мангун и отметил там странный татарский диалект с неизвестными словами, причем ему показалось, что «мнимые» готские слова больше напоминали нижненемецкие, чем верхненемецкие. В одном месте Сестренцевич сообщил, что видел у академика Штелина очень древний экземпляр на готском языке; это указание остается загадкой [Васильев 1927, 143, Stearns 1978, 18–19, Топоров 1983, 237]. Однако Петр Симон Паллас, путешествовавший по Югу России в 1793–1794 гг. и специально (причем весьма квалифицированно) интересовавшийся готами, писал, что никаких следов их языка ни в одном татарском диалекте им не найдено; более того, что во всем Крыму нет никаких следов готской топонимии и гидронимии (впрочем, Паллас не верил и данным Бусбека, считая, что это язык немцев, ливонцев и шведов, попавших в плен к татарам). Ф. Адслунг полагал, что готы в Крыму окончательно исчезли в царствование Елизаветы Петровны [Топоров 1983, 237–238].

Во второй половине XVIII века начинаются события, определяемые современными исследователями как «одиссея мариупольских греков» (ср. [Джуха 1993]). Эту историю равным образом можно назвать «одиссеей крымских греков». В 1768–1774 г. во время русско-турецкой войны отношения христиан и мусульман в Крыму резко обострились. Участились случаи убийств греческих священников турками: так, при занятии русскими войсками Кафы (Феодосии) убитого священника нашли в алтаре церкви, а в лесу близ Судака был сожжен на костре один из братии Кизилтапского монастыря. Последний митрополит Готии и Кафы Игнатий (пришел на кафедру в 1771 г.) был вынужден скрываться. Спасаясь от турок, крымские греки целыми деревнями уходили в горы и жили в пещерах. Центром и оплотом христианства в Крыму (остававшегося в 60 селах всего полуострова) стал Бахчисарайский

¹⁶ По достоверно видел Петра I юношей в 1683 г. в Москве, куда приезжал в составе шведского посольства [Топоров 1983, 237].

¹⁷ Архиепископ Могилевский и митрополит Римской католической Церкви в России (1731–1826) (ср. [Stearns 1978, 18–19]).

Успенский скит. В нем же, вероятно, жили и все иерархи Готто-Кафской епархии. Храмы были малы и бедны [Хартахай 2003, 35, 46-48, Джуха 1993].

Когда русские войска вошли в Крым, турецкий султан снарядил целую морскую экспедицию для организации того, что сейчас называется геноцидом. Флот высадился в Алуште и напал на греческие села между Алуштой и Ялтой. В Ялте во время воскресной литургии взорвали крупнейший храм с 500 молящимися, в Гурзуфе убили около 1500 греков. Алушту защищал русский флот, поддерживаемый сухопутными войсками. Там был и молодой подполковник М. И. Кутузов, который в бою у источника Суну-Су потерял глаз [Джуха 1993].

Исследователи заключают, что война 1768–1774 гг. вызвала самую мощную волну эмиграции крымских греков в Россию. Сначала греки селились в Керчи и Еникале, затем греческие общины образовались в Таганроге и Херсоне. В 1775 г. императрица Екатерина Вторая специальным указом дает грекам-переселенцам большие льготы (освобождение на тридцать лет от всех податей и рекрутского набора), а в 1776 г. повелевает отпускать грекам Керчи, Еникале и Херсона по 72 тысячи рублей. Однако русские государственные деятели, хорошо осведомленные о тяжелом положении греков в Крыму, высказывали идею масштабного переселения греков в Россию и колонизации огромных неосвоенных пространств Новороссии (ныне Одесская, Кировоградская, Николаевская, Херсонская, Днепропетровская и частично Донецкая, Луганская и Запорожская области Украины). Поэтому сразу после окончания войны русское правительство приступает к решительным действиям по осуществлению плана вывода греков и армян из Крыма. Переселение возводится в ранг государственной политики. Самос непосредственное участие в разрешении этой проблемы принимали такие крупные деятели, как князь Г. А. Потемкин-Таврический, П. А. Румянцев, А. В. Суворов. За ходом подготовки к переселению, а затем и за самим переселением внимательно следила императрица Екатерина [ibid.].

Переселение далось грекам тяжело. Зима 1778–1779 гг. была суровой, местная администрация не подготовилась к приему переселенцев, некоторых деревень просто не оказалось. Одни люди теснились в отведенных избах, другие были вынуждены кочевать в повозках и строить землянки. Многие греки умерли от болезней и голода, потеряли весь свой скот. Ни русского, ни украинского языков колонисты не знали. Люди отчаялись и выражали свое недовольство непосредственному организатору переселения — митрополиту Игнатию. Некоторые греки даже отправились обратно в Крым. Остальные подали жалобу Суворову, который доложил обо всем императрице. После этого на положение греков и армян обратили внимание, хотя местные власти и не спешили с обустройством их быта. Но 21 мая произошло историческое событие: грекам была дана долгожданная грамота, подписанная Екатериной II. Полагают, что сам митрополит Игнатий принял из рук императрицы эту грамоту, написанную на русском и греческом языках. Грамота (см. рис.

45) определяла положение греков в России, подтверждала обещанные права и привилегии, развивая и утверждая те пункты, которые от имени всех переселенцев были представлены митрополитом еще накануне выхода, в 1778 г. Согласно этому документу, все греки подразделялись на купцов, цеховых, мещан и уездных поселян. Они освобождались на десять лет от государственных налогов [ibid.].

И. Г. Джуха заключает: «...Прошло уже больше двух столетий с момента переселения. Забылись многие детали этого мероприятия, никто из потомков греческих переселенцев не вспоминает о трудностях и невзгодах, постигших их предков в ходе самого переселения и в первые годы жизни в новом отечестве. Но все жители греческих сел Донецкой области хорошо знают, что главным организатором всей переселенческой операции был Александр Васильевич Суворов. Греки очень гордятся этим фактом своей истории. Ф. Браун описывает случай, когда он в селе Мангун встретил старика-грека по фамилии Суворов. Тот рассказал, что отец его, вышедший в 1778 году из Крыма, ...взял фамилию Суворов в честь знаменитого полководца...» [ibid.].

Таковы были те, кого ныне называют «мариупольскими» или «азовскими» греками. Столь подробный экскурс по поводу их переселения из Крыма обусловлен тем, что эти греки являются наследниками (а вероятно, и потомками) крымских готов-христиан. Последний носитель крымско-готского языка — информант Бусбека — был греком. Современные лингвисты полагают, что крымско-греческий диалект оказал определенное влияние на передачу крымско-готских слов информантом [Stearns 1978], и эта проблема будет подробно рассмотрена ниже (см. 6.2.2). В конце XIX века Ф. А. Браун еще надеялся встретить среди этих греков прямых потомков готов, услышать от них готские слова или песни. К чему привели его розыски, будет сказано ниже¹⁸.

В заключение следует отметить, что обозначение «крымские готы» укореняется в науке довольно поздно. Термин «Crimnenses» употребляется Гесснером в «Митридаге» (конец XVI — начало XVII в.), но пока еще в отношении татар, тогда как готы обозначаются здесь более общими определениями (ср. выше). О «крымских готах» начинают говорить географы в конце XVIII в., а сам термин «крымско-готский язык» получает распространение в конце XIX — начале XX в. [Tischler 1978, 12].

¹⁸ И еще кое-что на тему «поисков крымских готов». В июле 1942 г., когда Крым был захвачен фашистами, гауляйтер Альфред Фрауенфельд организовал археологическую экспедицию, руководителями которой были назначены бригаденфюрер СС фон Альвенслебен и армейские офицеры полковник Кальк и капитан Вернер Баумельбург. Экспедиция обследовала окрестности Бахчисарая и крепость Мангун-кале (материалы Интернета: сайт «Institut Deutsche Adelsforschung», статья С. Горбачева «Готенланд» — Крымская Готия» на сайте «Альманах *Остров Крым*»). Черные силуэты эсэсовцев на белых камнях Мангуна — пример мрачный, но примечательный.

ОЖЬЕ ГИСЛЕН ДЕ БУСБЕК И ЕГО ИНФОРМАНТЫ

3.1. Личность и деятельность Бусбека

Итак, наиболее ценным свидетельством о готах в Крыму и единственным источником, донесшим крымско-готские слова, является сообщение Бусбека, иногда не вполне точно именуемого «фламандским купцом» (ср. [Гухман 1958, 13]). На самом деле этот человек имел баронский титул и был дипломатом, участвовавшим в международной политике на самом высоком уровне. Но от рождения Бусбек имел меньше возможностей достигнуть высокого положения, чем другие.

Ожье Гислен де Бусбек (Ogier Ghiselin de Busbecq, латинизир. Augerius Gislenus Busbequius) родился в 1522 г. в Комине (близ Лилля во Фландрии)¹. Он был внебрачным сыном Георга Гислена II, сеньора де Бусбек, рыцаря из старого почтенного рода, и Катерины Хеспиль, которая, как предполагают, была служанкой. Георг Гислен де Бусбек позаботился о том, чтобы его сын получил хорошее образование. Тринадцати лет Ожье Гислен становится студентом Лёвенского университета (где в свое время преподавал Эразм Роттердамский), а затем совершенствует свое образование в Париже, Венеции, Болонье и Падусе. Тогдашняя атмосфера гуманистической образованности весьма вдохновила молодого Бусбека; большое влияние на него оказали идеи Эразма Роттердамского. Благодаря университетскому образованию Бусбек превосходно владел латынью и располагал обширными познаниями в области античной и средневековой культуры. Перечень университетских городов, где он побывал, свидетельствует о привычке к путешествиям. По сообщению современника Бусбека, Лодовико Гвиччардини, Бусбек знал семь языков: фламандский (который был для него родным), латынь, французский, итальянский, немецкий, испанский и «славянский»². Позднее он знакомится также с турецким языком.

¹ Имя и фамилия Бусбека засвидетельствованы в целом ряде других вариантов — например, A. G. van Busbeck, Auger Ghislen, Seigneur de Boesbeeck, Augerio a Busbeca и др. (полный перечень: [Stearns 1978, 64]). Биография Бусбека излагается здесь по следующим источникам: [Augerius Gislenus Busbequius 1955, Stearns 1978, 64–68, <http://www.mike-epidavros.com>].

² Какой именно славянский язык скрывается за этим приблизительным определением, неизвестно. Во время своего путешествия в Константинополь Бусбек проезжал земли, населенные болгарами. М. Стернс не исключает, что Гвиччардини добавил «славянский» для ровного счета, чтобы в целом языков было семь [Stearns

В 1540 или 1549 г. (источники здесь расходятся) указом немецкого императора Карла V Габсбурга Ожье Гислен признан законным сыном Георга Гислена де Бусбека. С этого времени начинается дипломатическая карьера Бусбека-младшего при дворе Габсбургов. В 1552 г. он поступает на службу к Фердинанду I, брату Карла, владевшему в то время Австро-Венгрией и Чехией. В 1550 г. Бусбек сопровождает в Англию посла Фердинанда дон Педро де Кастилья, где присутствует на бракосочетании Филиппа Испанского и Марии Английской и передаст поздравления Фердинанда новобрачным.

Затем Бусбек становится преемником посла Габсбургов в Османской империи Петра Мальвецци. Последний вернулся в Австрию смертельно больным после заключения в тюрьме султана Сулеймана I и, возможно, пыток. Такое обращение с послом привело к ухудшению и без того напряженных отношений Австрии и Османской империи. Однако Бусбек согласился занять должность посла и 23 ноября 1554 г. выехал в Константинополь.

В это время Бусбеку было 32 года. На подготовку к дороге он получил всего 12 дней, большого внешнеполитического опыта еще не имел, турецкого языка, как и страны назначения, не знал. Тогда в Западной Европе вообще очень мало знали о турках, говоря лишь об их жестокости и т.п. Бусбек со своей свитой отправился в экипаже из Вены в Буду, оттуда по Дунаю в Белград, а затем по суше через Ниш, Софию и Адрианополь (Эдирне) в Константинополь (Стамбул), куда прибыл 20 января 1555 г. Там он узнал, что султан Сулейман совершает путешествие по Малой Азии. После трех недель ожидания Бусбек решил последовать за ним и, послав через Анкару, 7 апреля наконец догнал султана в Амасье и получил у него аудиенцию. В результате Бусбеку удалось передать Сулейману послание Фердинанда и получить ответ, предлагавший полугодовое перемирие.

Целью дипломатической миссии Бусбека было заключение мира, и краткое перемирие нельзя было считать полным успехом. В июле 1555 г. Бусбек возвращается в Вену, чтобы вручить императору Карлу V ответ султана. В ноябре того же года он снова покидает Вену и в начале 1556 г. прибывает в Константинополь. В итоге он проводит там в качестве посла почти семь лет. Постоянный конфликт между двумя державами и военные неудачи Австрии усложняли задачу Бусбека. Под давлением турок он иногда не мог сообщаться ни с кем извне, даже со своим монархом.

Тем не менее, Фердинанд, в 1558 г. ставший императором Священной Римской империи германской нации после смерти своего брата, вполне

1978, 67]. Однако Бусбек мог встречать славян и на Адриатике, во время своего путешествия в Венецию, или (что вполне возможно ввиду его службы при дворе Габсбургов) быть знакомым с чехами -- соседями немцев и т.п.

доверял Бусбеку и предоставлял ему в переговорах большую свободу. Бусбек проявлял незаурядные дипломатические способности и неоднократно добивался успеха. При этом Бусбек старался общаться с представителями разных слоев Османской империи, в том числе с простым народом. Благодаря этому он был в курсе внутриполитических событий в Турции, что позволяло правильно оценивать ситуацию в ходе переговоров. Его дипломатическую карьеру венчал договор о заключении восьмилетнего перемирия между Турцией и Австрией. В 1562 г. дипломатическая миссия Бусбека была завершена. Он выехал из Константинополя в конце августа 1562 г., сначала отправился в Вену, а потом во Франкфурт-на-Майне, где 21 ноября представил договор императору Фердинанду для подписания. К сожалению, плоды трудов Бусбека оказались недолговечными: после смерти Фердинанда в 1564 г. между державами вновь вспыхнул открытый конфликт³.

Бусбек обобщил свои познания и впечатления о Турции в четырех «Турецких письмах» [Busbequius 1589]. Во время своего пребывания в Константинополе он копировал греческие и латинские надписи, собирал древние монеты и греческие рукописи. К общей линии его научных разысканий следует отнести и осуществленную им запись крымско-готских слов.

Завершив дела в Австрии и Германии, Бусбек вернулся во Фландрию, где за время его отсутствия в 1559 г. скончался его отец. В 1564 г. Ожье Гислен де Бусбек был посвящен в рыцари. Затем он стал воспитателем внука императора Фердинанда (сына Максимилиана II). В 1570 г. Бусбек в качестве сенешаля сопровождал эрцгерцогиню Елизавету в Париж, где она обручилась с королем Франции Карлом IX. По смерти последнего в 1574 г. Бусбек лично представлял императора Рудольфа II при французском дворе и управлял областями Франции, которые династия Габсбургов получила в качестве приданого Елизаветы (она же стала супругой Генриха III). Наряду с этим Бусбек занимался другими вопросами европейской политики, в частности, проблемой независимости Нидерландов, поскольку сам он происходил из этой страны.

После смерти Елизаветы в 1592 г. Бусбек собирался вернуться в Вену. Однако до того он хотел посетить свою родину. По пути через Францию, раздираемую войной католиков и гугенотов, в Нормандии Бусбек был захвачен бандой солдат. Через день его освободили, но пережитое потрясение было слишком тяжелым для семидесятилетнего человека. Состояние его здоровья не позволяло продолжить поездку. 28 октября в замке Мейо в Сен-Жермене близ Руана Бусбек скончался⁴.

³ Султан Сулейман I Великолепный (Великий; в турецкой традиции — Законодатель) умер два года спустя, в 1566 г.

⁴ Общепринятая дата смерти Бусбека — 28 октября 1592 г., хотя в изд. [Augerius Gislenus Busbequius 1955] имеется расхождение в один год (ср. [Stearns 1978, 65]).

Ожье Гислен де Бусбек вошел в историю не столько ввиду своих дипломатических достижений, сколько благодаря своим «Турецким письмам», и особенно тому из них, где содержится развернутое сообщение о последних крымских готах и их языке. Во время своего пребывания во Франции Бусбек создал послания к императору Рудольфу II Габсбургу, которые были призваны дать оценку положения в этой стране в период религиозных войн. Однако эти послания не получили такой широкой известности, как «Турецкие письма». О частной жизни Бусбека известно очень мало. Он никогда не был женат, у него, насколько известно, не было детей. Но помимо указанных писем и упоминаний в дипломатических анналах о Бусбеке до сих пор есть особая, предметная память: именно он ввез в Западную Европу тюльпан, сирень и конский каштан.

Вот эпитафия Бусбеку, написанная его другом, великим филологом Юстом Липсием⁵:

Здесь, под этой плитой, Бусбек лежит Ожье.
Кто он? Тот, кто был мил цезарям доблестью
Воинской и умом, все проникающим.
Видел мужа сего двор императорский
И султана дворец. Баловень счастья он!
Много он испытал, странствуя здесь и там.
В деле каждом себя Нестором он являл,
Мыслью, словом богат. Ныне Чертог Небес
Стал его вечный кров, ибо в краю чужом
Нский воин иль вор жизнь погасил его,
Так, но в небе зажглась новая вмиг звезда,
Что средь ясных светил Бельгии днесь горит.

*Юст Липсий, великому другу --- малейший памятник,
(Пер. М. Р. Пенароковой)⁶*

⁵ Юст Липсий (лат. Justus Lipsius, флам. Joest Lips; 1547-1606) – великий нидерландский филолог, гуманист, знаток классической латыни, теоретик в области политики и морали. Его издания латинской прозы, в особенности Корнелия Тацита (1574) и Луция Анния Сенеки (1605) служили эталоном для многих поколений филологов. Первооткрыватель «Вахтендюнских псалмов» – одного из древнейших и немногочисленных памятников на древненидерландском языке. Как писатель Липсий подражал лапидарному стилю Тацита. В 1589 г. опубликовал политический трактат, в котором отстаивал необходимость рационализации государственного аппарата. В философских взглядах следовал за стоиками, особенно почитал Сенеку. До наших дней дошла огромная корреспонденция Липсия на латыни. Текст эпитафии Бусбеку имеется в издании: [Busbecquius 1689].

⁶ Приношу особую благодарность старшему научному сотруднику ИМЛИ РАН к.ф.н. М. Р. Пенароковой за этот перевод, выполненный специально для настоящего издания. Латинский текст эпитафии – см. рис. 33.

3.2. Сообщение Бусбека о крымских готах: латинский текст и перевод

«Турецкие письма» Бусбека, написанные изящной латинской прозой, адресованы другу его университетской юности – Николасу Миньо (Nicolas Michault), сеньору де Индсвелдт, который, как следует из контекста писем, был брабантцем. Сообщение Бусбека о крымских готах и запись крымско-готского лексического материала содержатся в «Четвертом турецком письме» («Epistola Turcica quattuor»). Первое издание «Турецких писем» вышло в свет в Париже [Busbequius 1589]. Факсимиле интересующих нас страниц приводится по первому и второму изданию «Турецких писем» [Busbequius 1589, 136, Busbequius 1595, 257–261] (см. рис. 35–37, 39–44)⁷. Сверка текста показала, что франкфуртское издание точно воспроизводит как сам контекст, так и все крымско-готские формы (включая их расположение в столбцах относительно друг друга). Поэтому в плане текстологии можно говорить о первых двух изданиях «Турецких писем» (1589 и 1595 гг.) как о едином источнике; далее ситуация менялась (см. 4.1.).

Орфография латинского текста нормализована по принципам, принятым в работах [Loewe 1896, 127–130, Stearns 1978, 10–12]. Однако имеющееся в первых двух изданиях обозначение носового согласного над гласным («Nasalstrich») заменяется соответствующим согласным, как это принято ныне в изданиях латинских и немецких рукописей: ср. *schieten*, *sagittam*, *calicem*. Другие особенности орфографии первых двух изданий Бусбека сохраняются. Форма «Galtzou» в составе «кантилены» приводится в соответствии с первым изданием и публикацией у М. Стерна [Stearns 1978, 10, fn. 22], тогда как во втором издании она представлена в виде «Galtzu», а Р. Лёве и многие другие исследователи дают ее в виде «Galizou» [Loewe 1896, 129]. Все формы даны ниже без учета копьюктур, которые будут рассмотрены ниже (см. 4.1.) и отражены в словаре (5.2.2).

Сообщение Бусбека гласит: «Non possum hoc loco praeterire, quae de gente accepi, quae etiamnum incolit Tauricam Chersonesum, quam saepe audiveram sermone, moribus, ore denique ipso et corporis habitu, originem Germanicam referre. Itaque me diu cupiditas tenuit videndi ab ea gente aliquem, et si fieri posset inde eruendi aliquid quod ea lingua scriptum esset sed hoc consequi non potui. Casus tamen utcumque desiderio meo satisfecit. Cum essent duo huc illinc delegati, qui nescio quas querelas nomine eius gentis ad principem deferrent, meique interpretes in eos incidissent, memores quid eis mandassem si id usu veniret, ad prandium illos ad me adduxerunt. Alter erat procerior, toto ore ingenuam quandam simplicitatem praefrens, ut Flander videretur aut Batavus: alter erat brevior, compactiore corpore, colore fusco, ortu et sermone Graecus, sed qui frequenti commercio non contemnendum eius linguae usum haberet. nam superior vicinitate, et frequenti Graecorum consuetudine sic eorum sermonem imbiberat, ut popularis sui esset oblitus. interrogatus de natura

⁷ Факсимиле соответствующих страниц первого издания приводится по: [Stearns 1978, plates I, IV–V].

et moribus illorum populorum, congruentia respondebat. Aiebat gentem esse bellicosam, quae complures pagos hodieque incoleret, ex quibus Tartarorum regulus, cum expediret, octingentos pedites sclopetarios scriberet, praecipuum suarum copiarum firmamentum: primarias eorum urbes, alteram Mancup vocari, alteram Sciuarin. Ad haec multa de Tartaris eorumque barbarie: in quibus tamen singulari sapientia non paucos reperiri memorabat. Nam de rebus gravissimis interrogatos, breviter atque apposite respondere. Ea de causa non temere dictitare Turcas, reliquas quidem nationes scriptam in libris habere sapientiam, Tartaros libros suos devorasse, ideo in pectoribus eam habere reconditam, quam promant cum opus sit, et veluti divina fundant oracula. Eosdem esse perquam immundis moribus: si iurulentum aliquid apponatur in mensa, nulla requirere coclearia, sed ius vola manus haurire. Enectorum equorum carnem devorare, nullo foco admotam, offas tantum sub equestri sella explicare, quibus equino calore tepefactis tanquam opipare conditis vesci. Gentis regulum e mensa argentea cibum capere, primum inferri ferculum caput equi, ut et postremum, quemadmodum apud nos primo novissimoque loco honos habetur butyro. Nunc adscribam pauca vocabula de multis quae Germanica reddebat. nam haud minus multorum plane diversa a nostris erat forma: sive quod eius linguae natura id ferat, sive quod cum fugiebat memoria et peregrina cum vernaculis mutabat: omnibus vero dictionibus praeponebat articulum tho aut the. nostratia aut parum differentia. haec erant

Broc. Panis.	Tag. Dies.
Plut. Sanguis.	Oeghene. Oculi.
Stul. Sedes.	Bars. Barba.
Hus. Domus.	Handa. Manus.
VVingart. Vitis.	Boga. Arcus.
Reghen. Pluvia.	Miera. Formica.
Bruder. Frater.	Rinck siue
Schuuester. Soror.	Ringo. Annulus.
Alt. Senex.	Brunna. Fons.
VVintch. Ventus.	VVaghen. Currus.
Siluir. Argentum.	Apel. Pomum.
Goltz. Aurum.	Schieten. Mittere sagittam.
Kor. Triticum.	Schlipen. Dormire.
Salt. Sal.	Kommen. Venire.
Fisc. Piscis.	Singhen. Canere.
Hoef. Caput.	Lachen. Ridere.
Thurn. Porta.	Eriten. Flere.
Stein. Stella.	Geen. Ire.
Sunc. Sol.	Breen. Assare.
Minc. Luna.	Schuualth. Mors.

Knaucn tag erat illi Bonus dies: knaucn bonum dicebat, et pleraque alia cum nostra lingua non satis congruentia usurpabat, ut

Icl. Vita siue sanitas.	Baar. Puer.
Ieltsch. Viuus siue sanus.	Acl. Lapis.
Icl vburt. Sit sanum.	Menus. Caro.
Marzus. Nuptiac.	Rintsch. Mons.
Schuos. Sponsa.	Fers. Vir.
Statz. Terra.	Lista. Parum.
Ada. Ouum.	Schediit. Lux.
Ano. Gallina.	Borrotsch. Voluntas.
Telich. Stultus.	Cadariou. Miles.
Stap. Capra.	Kilemschkop. ebibe calicem.
Gadeltha. Pulchrum.	Tzo Vvarthata. tu fecisti.
Atochta. Malum.	Ies Varthata. Ille fecit.
VVichtgata. Album.	Ich malthata. Ego dico.
Mycha. Fensis.	

Iussus ita numerabat. Ita, tua, tria, fyder, fyuf, seis, seuene, prorsus, ut nos Flandri. Nam vos Brabanti, qui vos Germanice loqui factis, hic magnifice vos efferre, ei nos soletis habere derisui, ac si istam vocem pronunciemus rancidius, quam vos Seuene effertis. Prosequatur deinde Athe, nync, thiine, thiinita, thunctua, thunctria, etc. Viginti dicebat stega, triginta treithyen, quadraginta furdeithien, centum sada, hazer mille. Quinctiam cantilenam eius linguae recitabat, cuius initium erat huiusmodi.

Vvara vvara ingdolou
 Scu te gira Galtzou
 Hæmisclep dorbiza ca.

Hi Gothi an Saxones sint, non possum diiudicare. Si Saxones, arbitror eo deductos tempore Caroli magni, qui eam gentem per varias orbis terrarum regiones dissipavit. Cui rei testimonio sunt urbes Transilvaniae hodieque Saxonibus incolis habitatae. Atque ex iis ferocissimos fortasse longuis etiam summoveri placuit in Tauricam usque Chersonesum, ubi quidem inter hostes religionem adhuc retinent Christianam. Quod si Gothi sunt, arbitror iam olim eas sibi sedes tenuisse Getis proximas. Nec erraturum fortasse, qui sentiat maiorem partem eius intervalli, quod est inter Gothiam insulam et Procopiam, quam hodie vocant, a Gothis aliquando insessam. Hinc diversa Gothorum, Westgothorum et Ostrogothorum nomina: hinc peragratus orbis victoriis ei seminarium ingens barbaricae multitudinis. Habes quae de Taurica Chersoneso ex his Procopiensibus didici.

Перевод⁸: 'Не могу обойти здесь молчанием то, что я узнал о народе, который и теперь еще обитает в Крыму' и о котором я часто слышал, что

⁸ Пер. с лат. выполнен Н. Г. и сверен с немецким и английским переводами этого контекста ([Høst 1971, 81–84, Stearns 1978, 12–15]).

⁹ Tauricam Chersoneso (< Taurica Chersonesus) — «auf der Krim / in the Crimea» и т.д. [Høst 1971, 81, Stearns 1978, 12].

он речью, обычаями, и даже самыми чертами лица и телосложением выказывает германское происхождение. Поэтому мне уже давно хотелось видеть кого-нибудь из этого народа, и, если возможно, узнать что-нибудь, что было бы записано на их языке, но не мог этого исполнить. Однако некий случай сколько-то удовлетворил мое желание. Ибо приехали сюда посланцы оттуда, которые принесли правителю [= султану. — Н. Г.] неизвестные мне жалобы от имени своего народа, а мои переводчики их повстречали и помня, что я им наказывал на такой случай, привели их ко мне на обед¹⁰. Один из них был выше ростом, всем своим видом являвший некую врожденную простоту, так что казался фламандцем или батавом [= голландцем, нидерландцем. — Н. Г.]; другой был пониже, более плотного телосложения, смуглый, по происхождению и речи — грек, но такой, который ввиду частой торговли приобрел немалое знание их языка. Первый же из-за соседства и частого общения с греками так впитал их речь, что забыл свою родную. Будучи вопрошен о природе и правах того народа, отвечал он сообразно. По его словам, это воинственный народ, который и сегодня обитает во многих деревнях, из которых царек татар, когда он готовится к войне, набирает восемьсот пехотинцев с огнестрельным оружием, составляющих оплот его войск¹¹; главные их города называются: один — Манкул, другой — Сциварин. К тому много о татарах и их варварстве; хотя он и вспоминал, что некоторые из них обнаруживали немалую мудрость. Они, будучи спрошены о самых серьезных вещах, отвечают кратко и по сути. Потому справедливо говорят турки, что у прочих народов мудрость записана в книгах, а татары свои книги съели и мудрость у них в груди, откуда они ее извлекают, когда нужно, и словно божественные пророчества изливают. При этом в обычаях своих они чрезвычайно нечисты: если к столу подают какую-нибудь похлебку, никто не просит ложек, но просто черпает похлебку пригоршней. Они ели мясо убитых лошадей, не приготавливая его на огне, кладя куски его под конское седло, и когда те согревались от тепла лошади, вкушали их подобно прекрасно приготовленному блюду¹². Царек этого народа ест на серебряном столе, а в качестве первого и последнего блюда подают голову коня, подобно тому, как у нас первая и последняя честь принадлежит сливочному маслу. Теперь я запишу немногие из тех многих германских слов, которые он сообщил¹³. Ибо там было столь же много слов, совершенно отличных по форме

¹⁰ Лат. *prandium* 'завтрак, закуска, еда'.

¹¹ Последнее на протяжении веков свидетельство о готах как элитном воинском формировании.

¹² По смыслу: «словно деликатес». Описание бастурмы из конины.

¹³ М. Стернс переводит «*reddebat*» как «*repeated for me*» 'повторил для меня' [Stearns 1978, 13] в соответствии со своей трактовкой роли грека-информанта. Об этом будет сказано ниже (см. 3.3), а глагол *reddo* имеет значения «испускать, выпускать», «излагать, рассказывать, передавать, произносить» [Дворецкий 1976, 858–859], что уместно здесь перевести как «сообщать».

от наших, что зависело либо от природы их языка, либо от того, что память изменяла ему [информанту. — Н.Г.] и он заменял чужие слова своими. При этом все сообщаемое он предварял артиклем «tho» или «the». Слова, мало отличающиеся от наших, были такими:

Broc. Хлеб.	Tag. День.
Plut. Кровь.	Oeghene. Глаза.
Stul. Сиденье.	Bars. Борода.
Hus. Дом.	Handa. Рука.
VVingart. Виноград.	Boga. Лук (оружие).
Reghen. Дождь.	Miera. Муравей.
Bruder. Брат.	Rinck или
Schuuester. Сестра.	Ringo. Кольцо.
Alt. Старый.	Brunna. Источник, ключ.
VVintch. Ветер.	VVaghen. Повозка.
Siluir. Серебро.	Apel. Яблоко.
Goltz. Золото.	Schieten. Стрелять.
Kor. Пшеница.	Schlipen. Спать.
Salt. Соль.	Kommen. Приходить.
Fisc. Рыба.	Singhen. Исть.
Hoef. Голова.	Lachen. Смеяться.
Thurn. Дверь, ворота.	Eriten. Плакать.
Stein. Звезда.	Gcen. Идти.
Sunc. Солнце.	Breen. Жарить.
Minc. Луна.	Schuualth. Смерть.

«Knauen tag» было у него «Добрый день»: «knauen» называл он «хорошим, добрым», и употреблял многие другие слова, с нашим языком не вполне совпадающие, как то:

Iel. Жизнь или здоровье.	Baar. Мальчик.
Ieltch.	Ael. Камень.
Живой или здоровый.	
Iel vburt. Да будет здраво.	Menu. Мясо.
Marzus. Свадьба.	Rintsch. Гора.
Schuos. Невеста.	Fers. Муж.
Statz. Земля.	Lista. Мало.
Ada. Яйцо.	Schediit. Свет.
Ano. Курица.	Borrotsch.
	Воля [коньсктура: удовольствие].
Telich. Глухой.	Cadariou. Воин.
Stap. Коза.	Kilemschkop. пей чашу.

Gadeltha. Красивое.
 Atochta. Плохое.
 VVichtgata. Белое.
 Mycha. Меч.

Tzo Vvarthata. ты сделал.
 Ies Varthata. Он сделал.
 Ich malthata. Я говорю.

Будучи спрошен, вел счет так: «Ita, tua, tria, fyder, fyuf, seis, seuene», совсем как мы, фламандцы. Вы же, брабантцы, полагающие, что вы [правильно] говорите по-немецки, этим так кичитесь, и имеете обыкновение высмивать нас за то, что мы якобы дурно¹⁴ произносим слово, которое вы произносите как «Seuen». Затем он продолжал: «Athe, nync, thiinc, thiinita, thunetua, thunetria» и т.д. «Двадцать» он называл «stega», тридцать — «treithyen», сорок — «furdeithien», сто — «sada», «hazer» — тысяча. Кроме того, он также исполнил песню на их языке, начало которой было следующим:

Vvara vvara ingdolou
 Scu te gira Galtzou
 Hæmisclep dorbiza ca.

Готы они или саксы, я не могу определить. Если саксы, то они, я считаю, ушли туда во времена Карла Великого, который рассеял этот народ по разным областям круга земного. Свидетельством тому города Трансильвании, где и ныне обитают саксы¹⁵. И может быть, он [Карл. — Н.Г.] также умирил самых свирепых из них, отослав их далее, в самый Крым, где они среди врагов еще сохранили христианство. Но если они готы, то я считаю, что они уже издавна занимают места по соседству с гетами¹⁶. Вероятно, не ошибаются те, кто полагает, что большая часть пространства между островом Готией¹⁷ и Персепом, как его сегодня называют, некогда была заселена готами. Отсюда разошлись названия готов, вестготов и остроготов: отсюда двинулись в мир победы и рассадник огромный варварского множества. Вот всё, что я узнал о Крыме от тех жителей Персепона¹.

¹⁴ Возможно также толкование: «протяжно». Бусбек намекает на некий традиционный лингвистический спор между фламандцами и брабантцами, касавшийся, в частности, произношения числительного «семь». По мнению Бусбека, крымско-готская форма «seuene» доказывает древность (исконность) именно фламандского произношения.

¹⁵ Исследователи отмечают, что Бусбек здесь ошибается. Первые переселенцы из Германии прибыли в Трансильванию при Конраде III и Фридрихе Барбароссе, то есть в середине XII в. Однако их действительно звали «саксонцами», поскольку они в основном происходили с нижнего Рейна и образовали замкнутые общины [Stearns 1978, 15, fn. 27].

¹⁶ О гетах см.: [Getica 1997, Ткачук 1999].

¹⁷ К сожалению, это место не комментируется новейшими исследователями. Но что здесь имел в виду Бусбек — остров Готланд на Балтике или некий черноморский «остров» (полуостров?), в любом случае не поддается определению.

3.3. Информанты Бусбека

Итак, последний носитель языка крымских готов предстает в виде двуслойной фигуры молчаливого этнического гота и общительного этнического грека. М. Стернс, постоянно подчеркивающий, что последний только «воспроизводил», «повторял» крымско-готские формы (ср. [Stearns 1978, 13 и далее]), словно забывает о том, что другого носителя крымско-готского языка не удалось найти ни Бусбеку, ни путешественникам по Крыму. Этнокультурный фон Крымской Готии (особенно поздней) был греческим; ни одной надгробной плиты с готской надписью, пусть в греческом или латинском оформлении, найти не удалось. Обратим внимание, что Бусбек в своих разысканиях интересовался прежде всего «чем-то записанным» на языке крымских готов, то есть рукописями и памятниками эпиграфики, но не получил никаких известий.

В. Н. Топоров недаром вспоминал в связи с этой темой о «гречесине готфине» XII века [Топоров 1983, 241]. Крымский грек Бусбека был (используем здесь приводившуюся выше формулировку Л. И. Айбабина) представителем «единой горнокрымской народности», сложившейся уже в X в. и объединившей — но не растворившей — многие этносы. Потому этого грека, который также мог иметь германцев среди своих давних предков, не следует считать неким «instrumentum vocale» — «говорящим орудием», к тому же узурпировавшим чьи-то исконные права. Присутствовавший при этой исторической встрече потомок крымских готов знал еще меньше.

Мариупольских греков — выходцев из Крыма в конце XIX в. посетил известный исследователь крымско-готской проблемы Ф. А. Браун. Цель его ничем не отличалась от разысканий Бусбека: Браун надеялся найти потомков готов и, быть может, зафиксировать какие-то неизвестные реликты языка и культуры. О готах ему ничего не удалось узнать, а вот бусбековский информант по записям Брауна встает как живой.

На Юге России Браун застал сыновей (редко — внуков) первоначальных выходцев, покинувших Крым при императрице Екатерине. Многим старикам было свыше 80 лет; все в народе было дружелюбно и ласково. «Внешний тип у всех переселенцев... один и тот же: они среднего роста, не слишком крепкого телосложения; цвет лица смуглый, волосы черные, обыкновенно в кудрях, глаза большие, быстрые, черные, нос большой с горбом, губы широкие, в сильных, энергичных контурах...» [Браун 1890, 84]. Один из них, сын волостного старшины-грека — с узкими карими глазами, скуластый, изжелта-смуглый — выглядел как типичный татарин. Но более интересным и важным для Брауна было иное отступление от общего греческого облика, которое исследователь оценил как «чисто *готский* тип», встречающийся в народе «не слишком часто, но нельзя сказать, чтоб очень редко» (один или несколько представителей в каждой деревне). Браун сообщает: «Они ростом повыше греков, стройнее, но вместе с тем более крепкого, широкого телосложения; глаза темно-голубые, красивого разреза, не такие широкие,

как у греков, волосы золотистого цвета с рыжим оттенком в кудрях; цвет лица, как у всех блондинов, нежный, щеки и губы алые, нос короткий, прямой». В народе таких (например, встретившегося Брауну юношу-ямщика) зовут «Чалбаши» — «Белая голова». Считается, что это не русские; виденный Брауном в Ласпи «русский грек» выглядел иначе [Браун 1890, 84]. Между тем все народы Крыма заключали браки между собой — греки с греками, татары с татарами — так как татарки не знают греческого языка и наоборот. С русскими браки прежде не заключались никогда, а «теперь», то есть на конец XIX в. — «редко» [Браун 1890, 86].

Перед нами — двуединое описание «крымского грека» и «крымского гота», в основных чертах совпадающее с описанием Бусбека. Разумеется, Ф. А. Браун знал этот текст и имплицитно сопоставлял с ним свое свидетельство, однако без соответствующих встреч никаких совпадений не было бы. Отметим при этом, что белокурый юноша прозывается среди греков татарским, а не греческим словом. Это может указывать либо на процесс утраты этнической идентичности, либо на распространение этого типа и среди татар. Разумеется, можно считать белокурых и голубоглазых «чалбаши» потомками германского этноса, поскольку впечатления Бусбека очевидным образом согласуются со впечатлениями Брауна, и сама эта параллель уже стала частью крымской истории. Однако справедливости ради необходимо вспомнить также о светловолосых и голубоглазых куманых-половках, самый этноним которых в древнерусском и среднесверхненемецком языке является производным от слов со значением «соломенно-желтый», «белокурый»: *valwe* < двн. *falwe* (ср. [Назаренко 2001, 19]).

Распределение антропологических типов весьма своеобразно, и общая «близина» (обычно сочетающаяся с высоким ростом) отнюдь не равняется германскому происхождению. Среди древних монголов были представители светловолосого и светлоглазого типа (в том числе и сам Чингисхан). На Кавказе в окружении черноволосых и темноглазых грузин живут светловолосые и светлоглазые сваны. Кроме того, даже в современной России нам несколько раз доводилось встречать белокурых и светлоглазых татар с красивыми твердыми чертами лица: чьими потомками были представители этого типа?

Необходимо отметить, что новейшие исследования антропологического типа крымских татар не выявляют сколь-нибудь заметного присутствия германского компонента (ср. данные Л. И. Рославцевой в изд.: [Тюркские народы Крыма 2003, 150–152]). В отношении азовских греков таких выкладок не делалось. И всё же детальное углубление в проблему физических данных представляет интерес только для специалистов в соответствующих областях. Поиск «германского следа» по краниологическим и прочим параметрам может лишь показать, что такой след *был* (ср. изыскания Г. Ф. Дебеца в 40-е годы), но это и без того известно. Действительная жизнь гораздо сложнее и ярче, о чем свидетельствуют данные археологии и источников — в том числе и рассматриваемое сообщение Бусбека.

ПРОБЛЕМА ПИСЬМЕННОЙ ФИКСАЦИИ КРЫМСКО-ГОТСКИХ ДАННЫХ

4.1. «Четвертое турецкое письмо»: критика текста

«Турецкие письма» Бусбека, адресованные другу юности, изначально не были предназначены для публикации. Однако, как это было принято в ту эпоху, рукописные копии этих писем вскоре распространились в ученых кругах. Предполагается, что таким образом письма Бусбека попали в руки Луи Карриона, который без авторизации опубликовал в 1581 г. первое письмо, а в 1582 г. — второе. По-видимому, Каррион отвечал и за парижское издание писем Бусбека 1589 г. [Busbequius 1589], в котором впервые были опубликованы письма III и IV [Schröder 1910, 3–6, Stearns 1978, 41].

Э. Шрёдер установил, что все последующие издания IV Турецкого письма (Франкфурт 1595, Франкфурт 1596¹, Ханау 1605, Мюнхен 1620, Ханау 1629, Лейден 1633, Амстердам 1660, Оксфорд 1660, Лондон 1660, Лейпциг 1689, Базель 1740 и дальнейшие издания) прямо или косвенно связаны только с парижским изданием 1589 г. Никаких возможностей ориентации на рукописную копию текста в этих изданиях не прослеживается [Schröder 1910, 6–12, Stearns 1978, 41].

Р. ван де Вельде считал, что Бонавентура Вулканий мог иметь в своем распоряжении рукописную копию крымско-готского словаря Бусбека при публикации выдержек из его сообщения [Vulcanius 1597, 49–53]. По мнению ван де Вельде, Вулканий вряд ли обращался к двум первым латинским изданиям писем Бусбека (Париж 1589 и Франкфурт 1595) [Velde van de 1965, 66, 1966, 99]. Однако М. Стернс указывает, что сравнение парижского издания 1589 г. и публикации Вулкания свидетельствует, что последняя допускает ряд грубых ошибок — например, Maen вместо Mine ‘луна’, Son вместо Sune ‘солнце’. Подобные формы не могли быть заимствованы из рукописи, более авторитетной, нежели первое печатное издание. Напротив, ряд форм у Вулкания повторяет явные опечатки первого издания — Schuos ‘пестра’, fuuf ‘пять’, thunctua ‘двенадцать’ (ср. ниже). Исследователь заключает, что Вулканий стремился привести некоторые понятные ему крымско-готские формы в соответствие с нидерландскими (Maen, Sun), нормализовать орфографию (Oogen вместо Oeghene ‘глаза’) и исправить явные опечатки (Stern вместо Stein ‘звезда’). С учетом того, что издание Вулкания не следует какой-либо

¹ Немецкий перевод.

рукописной копии, наиболее авторитетным следует считать первое издание писем Бусбека (Париж, 1589 г.) [Stearns 1978, 41–42]. И, как показала сверка текста изданий 1589 и 1595 гг., первые два издания могут рассматриваться как равноценные источники.

Исследователи сходятся во мнении о том, что рукопись, с которой было осуществлено первое печатное издание, не была написана рукой Бусбека. Потому целый ряд крымско-готских форм мог подвергнуться искажению, причем на разных этапах подготовки текста к печати. С латинской рукописью Бусбека работал французский писец, а с этой копией — французский наборщик; при этом возможно, что указанный писец уже имел дело с копией письма. При этом германский лексический материал, да еще столь специфический, был явно чужд писцу и наборщику, которые были носителями романского языка [Schröder 1910, 15, Stearns 1978, 42]. Вопрос о корректуре первого печатного издания также весьма проблематичен [Stearns 1978, 43].

Определенная традиция критики текста в отношении крымско-готского лексического материала складывается уже в изданиях XVI и XVII вв. Так, в ханауском издании 1605 г. вполне оправданно выступает форма Stern вместо Stein ‘звезда’, в мюнхенском издании 1620 г. — Kriteen вместо Eriten ‘плакать’, а в издании Вульканиа — Fisch вместо Fiset ‘рыба’, Stern вместо Stein, Kriteen вместо Eriten [Schröder 1910, 8–9, Stearns 1978, 43].

Таким образом, Э. Шрёдер [Schröder 1910, 11–15] обобщил и предложил следующие конъектуры для ряда форм:

Eriten ‘плакать’ > Kriteen, Kriteen

Fiset ‘рыба’ > Fisc, Fisch

fyuf ‘пять’ > fynf

Hoef ‘голова’ > Hoeft

Kor ‘пшеница, зерно’ > Korn

Schuos ‘невеста’ > Schnos

Stein ‘звезда’ > Stern

thunetua ‘двенадцать’ > thiinetua

thunetria ‘тринадцать’ > thiinetria

Thurn ‘дверь’ > Thur

VVintch ‘ветер’ > VVintsch

лат. voluntas ‘воля’ при крым.-гот. Borrotsch > voluptas ‘удовольствие, наслаждение’.

В настоящее время эти конъектуры считаются общепринятыми (ср. [Stearns 1978, 43 и словарь]) или, по крайней мере, требующими учтения. Предлагались и более тонкие поправки: Ael ‘камень’ > All [Velde van de 1964, 112], Baar ‘мальчик’ > Barn [Schröder 1910, 14–15], Broc ‘хлеб’ > Broet [Streitberg 1920, 282], Menus ‘мясо’ > Memс или Menns [Massmann 1841, 362], VVichtgata ‘белое’ > VVitgata [Much 1898, 199], лат. Ego dixi ‘я сказал’ > Ego dico ‘я говорю’ при крым.-гот. Ich malthata [Velde van de 1964, 111]. М. Стеерс принял некоторые из них и предложил свои конъектуры: Bars ‘борода’ > Bart,

Varthata в Ics Varthata 'он сделал' > VVarthata, vburt в Iel vburt 'да будет здраво' > vvurt, Vvarthata в Tzo Varthata 'ты сделал' > VVarthata [Stearns 1978, 44]. Представляется, что наряду с «первым списком» Ипрёдера следует принять конъектуру Warthata (в обоих случаях). Другие указанные конъектуры основаны не на очевидных заключениях, а на детальных этимологических выкладках (о крым.-гот. Ich malthata как возможном переосмыслении формы прошедшего времени см. в словаре — 5.2.2). Потому эти версии не будут далее считаться основными интерпретациями слов.

4.2. Орфография Бусбека

Проблема орфографии Бусбека, то есть его система транскрипции крымско-готских форм подробно рассмотрена в работе М. Стернса [Stearns 1978, 73–86]². Основой анализа у Стернса стала посылка о том, что Бусбек в целом опирался на средненидерландскую орфографию, но в отдельных случаях мог также ориентироваться на ранненововерхненемецкие формы³. Исследователь использовал для сравнения ряд исторических грамматик нидерландского языка [Franck 1910, Jacobs 1911, 1927, van der Meer 1927, Caron 1972, Schönfeld/Loey van 1959, Loey van 1962, Le Roux/ Le Roux 1969]. Обратимся к основным положениям этого анализа, важным для понимания материала. Наиболее простые соотношения букв и звуков — например, **n** = [n], **r** = [r], **p** = [p] — не будут специально рассматриваться. Все эти позиции рассмотрены в соответствующем разделе работы Стернса, который как фонолог по преимуществу считал возможным, к примеру, обсуждать фонетическую природу звука [r], обозначасмого у Бусбека буквой [r] («дрожащий, вероятно, апиико-альвеолярный [r]» [Stearns 1978, 83]). Такое определение продиктовано тщательностью исследователя, но, тем не менее, является чисто гипотетической реконструкцией. Следует подчеркнуть, что приводимые ниже соответствия по сути представляют собой краткую сводку основных правил средненидерландской орфографии. Проблема крымско-готской фонетики будет обсуждаться отдельно (см. раздел 6).

Согласные

b = [b] (звонкий смычный); крым.-гот. bruder, boga, broc⁴.

c (+ a) = [k]; крым.-гот. cadariou.

² Ср. также [Molinari 1975] (к сожалению, эта работа осталась нам недоступной).

³ Согласно традиционной периодизации, средненидерландский период охватывает XII–XIII — XV вв. [Миронов 1986, Миронов, Зеленецкий, Иванова 2000, 277]. Однако основные правила средненидерландской орфографии распространяются и на эпоху Бусбека.

⁴ Здесь и далее крымско-готские слова приводятся в написании со строчной буквы. Там, где слова приводятся как орфографические/ фонетические примеры, их значение не указывается.

ch = [x] (глухой заднеязычный спирант); крым.-гот. lachen, ich и др.; по мнению М. Стернса, всегда веларный (как в средненидерландском), без палатального аллофона, как в ранненововерхненемецком [Stearns 1978, 80–81].

ck = [k]; крым.-гот. rinck.

d = [d] (звонкий смычный); крым.-гот. bruder, ada, handa и др.

f = [f] (глухой спирант); крым.-гот. fisct, hoef и др.

g, gh — в позиции перед гласными, вероятно, звонкий спирант [ɣ]; в средненидерландском фонема /g/ имела перед передними гласными аллофон [gh]. В сочетании **ng / ngh** — очевидно, звонкий смычный [g]. Ср. крым.-гот. oeghene, tag, ringo.

h — начальный **h** имелся в средненидерландском и произносился как гортанный спирант [h] (например, huus 'дом'), но исчез в среднефламандском. М. Стернс полагает, что при осмыслении таких крымско-готских форм, как hus, hoef, handa и др., Бусбек ориентировался на средненидерландский.

k = [k] (глухой смычный); крым.-гот. kor, kommen и др.

s = [s] (глухой сibilant); крым.-гот. salt, singhen и др.

sc, sch — средненидерландский триграф **sch** в начальной позиции обозначал [sx], в срединной и конечной — [s]. Однако здесь Бусбек мог также ориентироваться на верхненемецкую традицию, где **sch** = [ʃ]. М. Стернс справедливо полагает, что сочетание [sx] характерно лишь для нидерландского, и потому оно вряд ли могло встречаться в крымско-готском, тем более, в таких случаях, как schnos, schuuester, schlipen. Соответственно, приходится полагать, что Бусбек опирался здесь на ранненововерхненемецкую орфографию.

st — [st] в средненидерландском, [ʃt] в ранненововерхненемецком. М. Стернс [Stearns 1978, 84] считает, что этот диграф передает у Бусбека сочетание [st] (крым.-гот. stern, stul), но окончательное заключение невозможно. Отметим, что [s] в этом сочетании должен быть шепелявым, коль скоро в крымско-готском были возможны такие случаи, как [ʃn, ʃw, ʃl].

t, th = [t] (глухой смычный); **th** в средненидерландском — не особый звук, но графический вариант **t**. Крым.-гот. tag, athe и др.

tz — в верхненемецком обозначает аффрикату [ts], а у Бусбека встречается там, где в словах восстанавливается о/г *þ [θ] (глухой межзубный спирант); ср. крым.-гот. tzo, goltz, statz. Важно, что глухой межзубный спирант [θ] в средненидерландском и ранненововерхненемецком отсутствовал. Потому, как предположил Р. Лёве, диграф **tz** был приспособлен Бусбеком для передачи спиранта [Loewe 1896, 141]. По Лёве, это был звонкий [ð], однако более оправданным представляется мнение М. Стернса [Stearns 1978, 85] о том, что это был глухой [θ].

uu, vv = [w] (билабиальный) или [v] (губно-зубной). Крым.-гот. schuuester, wingart и др.; обсуждение возможной природы звука см. в разделе 6.

z = [z] (звонкий сibilant); по всей очевидности, как в средненидерландском. Ср. крым.-гот. marzus, hazar.

Гласные

a = [a]; ср. крым.-гот. *ada, handa*. М. Стернс подробно обсуждает проблему существования долгого и краткого аллофонов, считая, что информант не проводил такого различия [Stearns 1978, 74]. Принимая ту посылку, что в начальную эпоху фонологическая система крымско-готского еще сохраняла общегерманскую дистрибуцию *ā/ā*, нужно считать, что в крымско-готском исконно должны были присутствовать долгий и краткий [a] (хотя бы в ограниченном количестве случаев), тогда как при разрушении фонетического строя это различие должно было элиминироваться. Как обстояло дело в эпоху Бусбека — неизвестно.

aa, ae = [a:] (долгий **a**) согласно средненидерландской орфографии; крым.-гот. *baag, ael*.

au = [au] или [aw]; крым.-гот. *knaup*.

e = [e]; суждение об открытом или закрытом характере звука не представляется возможным. Крым.-гот. *stega, schediit* и др.

ee = [e:]; ср. выше по поводу **e**. Крым.-гот. *geen, breeu*.

ei = [ei] по средненидерландской орфографии; ранненововерхненемецкое чтение диграфа как дифтонга [ae] здесь маловероятно (что подтверждается этимологией); крым.-гот. *scis, treithyen* и др. (в *stein* — — опечатка вместо *stern*).

i = [i] в соответствии с этимологией; в средненидерландском буква **i** обозначала в закрытом слог звук, средний между [ε] (открытым **e**) и [i], однако для крымско-готского это вряд ли актуально. Крым.-гот. *mine, wingart* и др.

ie = [i:]; в средненидерландском этот диграф обозначал монофтонг [i:]. Крым.-гот. *schieten, miera*. В таких случаях, как *iel, ieltsch, ies*, М. Стернс полагает [Stearns 1978, 77], что диграф **ie** обозначал сочетание [je]; обсуждение см. в разделе 6.

ii — в средненидерландском диграф **ii / ij** обозначал [i:] в закрытом слог. Крым.-гот. *thiinc, thiinita, schediit*. Вероятно, Бусбек так передал [i:].

o — в средненидерландском эта буква обозначала целый ряд звуков, от краткого и долгого открытого и закрытого [o] до долгого закрытого [u:]. Для крымско-готского предполагается не такой широкий спектр звуков; соответственно, **o** в записи Бусбека может обозначать либо краткий, либо долгий [o], а вопрос об открытом или закрытом характере звука должен в каждом случае решаться этимологически. Крым.-гот. *boga, goltz* и др.

oe — в средненидерландском этот диграф обозначал [u:], открытый [o:], [ø:]. Ряд исследователей считает, что сл. **oe** обозначал долгий **u**-образный [o:]. З. Файст, Р. ван де Вельде и М. Стернс полагают [Feist 1939 106, 266, 380, Velde van de 1964, 102, 112, Stearns 1978, 78–79], что **oe** у Бусбека означает [o:]. Крым.-гот. *broe, hoef, oeghene*.

œ — лигатура выступает в единственной форме: *hœmisclep* в тексте «кап-тилены», о которой см. 5.3.

ou — диграф выступает в трех формах: *cadariou, ingdolou, galtzou*. Все они являются спорными (вторая и третья — в составе «кап-тилены»). В сред-

нидерландской орфографии диграф *ou* передает дифтонг [ou] (с открытым *o*). Однако М. Стернс полагает, что Бусбек ориентировался здесь на французскую орфографию [Stearns 1978, 79] — вероятно, потому, что размер кантилены скорее указывает на монофтонг:

u — в средненидерландской орфографии может передавать звуки [Y], [y:], [ø:] (в ударном слоге), [y] (в безударном слоге). Р. Лёве [Loewe 1896, 140] считал, что *u* в крым.-гот. *plut*, *stul*, *bruder* обозначает звук [y:], как в среднефламандском, но М. Стернс с этим не соглашается [Stearns 1978, 79], полагая, что буква *u* в записи Бусбека обозначала звук [u]. Долготу или краткость этого звука следует определять, исходя из этимологии.

y — в средненидерландской орфографии XV в. эта буква выступала как вариант *i* и обозначала краткий [e], или как вариант диграфа *ii* / *ij* и соответственно обозначала [i:]. В ранневерхненемецком буква *y* передавала звук [i:]. М. Стернс считает, что в записях Бусбека эта буква обозначает звук [i], то есть выступает как вариант буквы *i*.

ye — поскольку буква *y* интерпретируется как вариант *i*, то этот диграф согласно М. Стернсу является вариантом диграфа *ie* = [i:].

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЫМСКО-ГОТСКОЙ ЛЕКСИКИ

5.1. Обоснование словарного принципа

В основу анализа крымско-готского лексического материала представляется уместным положить словарный принцип. Крымско-готские формы в целом обобщены у Бусбека в виде глоссария, и отдельные сохранившиеся фразы фактически не нарушают общей схемы. Таким образом, именно слово выступит как основная единица информации о крымско-готском языке. Поскольку фонетика крымско-готского языка претерпела значительные изменения при воспроизведении слов информантом и осмыслении у Бусбека, наиболее плодотворным в данном случае является этимологический подход, позволяющий точно или условно определить круг возможных параллелей каждого слова и, соответственно, степень возможных искажений. В работе М. Стернса [Stearns 1978] начальным этапом исследования данных был анализ фонетики, восстановление «исконой крымско-готской» и «новокрымско-готской» фонологической системы и т.п. Такой подход имел свои результаты; в настоящее время они являются общепризнанными и требуют не столько дальнейшего теоретического обсуждения, сколько учета при этимологическом анализе. Преимущественное новаторство в области фонетической реконструкции было обусловлено очевидным интересом Стернса к проблемам фонологии и языковой интерференции в этой области (ср.: [Stearns 1975])¹. Разумеется, можно предпринимать и какие-то дальнейшие усилия в этом направлении, однако позитивная сторона реконструкции была разработана Стернсом весьма детально, и новые шаги в области гипотетических построений были бы излишними. Что же касается морфологии, то ввиду скудости и специфического оформления существенно иной анализ здесь также невозможен. Констатация основных морфологических особенностей, поддающихся наблюдению, также содержится у М. Стернса, однако все примечательные моменты были описаны германистами ранее (ср. работы Э. Шварца). Остальное же было бы плодом

¹ К сожалению, диссертация М. Стернса [Stearns 1973] осталась для нас, как и для других исследователей [Tischler 1978], недоступной. Сам Стернс в предисловии к работе 1978 г. сообщает, что она существенно расширена по сравнению с диссертацией. Поэтому, учитывая указанную выше публикацию 1975 г., есть все основания полагать, что наиболее важными положениями диссертации были новые трактовки проблем крымско-готской фонетики (ср. обсуждение в разделе 6).

германистических реконструкций, предполагающих, что рассматриваемое крымско-готское слово принадлежало к той же основе, что и соответствующее общегерманское, и т.д.

Напротив, в области крымско-готской этимологии работа М. Стерна оказывается не всеобъемлющей, поскольку этот ученый не является этимологом по преимуществу (это особенно чувствуется в сложных случаях, где Стерн никогда не выдвигает собственных версий). Кроме того, многие крымско-готские примеры требуют проверки по новейшим словарям, еще не существовавшим во время написания работы Стерна или недоступным ему. В 1986 г. вышел известный словарь В. Лемана, где были обобщены и выводы М. Стерна [Lehmann 1986]. С другой стороны, в 70-е–80-е годы XX в. русская этимологическая школа под руководством и при самом непосредственном участии О. Н. Трубачева внесла ощутимый вклад в этимологическую науку (создание «Этимологического словаря славянских языков», данные которого необходимо учитывать как при анализе индоевропейских форм, так и при рассмотрении специфических крымско-готских слов; работы О. Н. Трубачева с проникательными замечаниями по крымско-готской этимологии).

Ясно также, что для столь герметичного и во многом спорного материала, как крымско-готский, в целом ряде случаев решающей оказывается именно этимологическая интерпретация слова, позволяющая выработать верный взгляд на рассматриваемую форму и если не с полной, то хотя бы с достаточной уверенностью предполагать то или иное фонетическое развитие. Учитывая все эти соображения, уместно начать исследование крымско-готских данных с этимологизации лексики в рамках соответствующего словаря. Единственный донесенный Бусбеком текст — «кантилисна» — будет обсуждаться в особом разделе, примыкающем к словарю; в данном случае я следую примеру М. Стерна, не включившего в свой крымско-готский этимологический словарь отдельные формы из «кантилисны» ввиду вероятной, а теперь можно сказать, и очевидной негерманской принадлежности текста (см. 5.3).

5.2. Этимологический словарь

5.2.1. Предварительные замечания

Каждая крымско-готская форма обозначается в начале словарной статьи полужирным шрифтом. Все слова пишутся со строчной буквы. Написание **vv** (VV) нормализуется как **w**, написание **uu** сохраняется. общепринятые конъектуры рассматриваются как опорные формы, соответствующие слова без конъектуры приводятся в квадратных скобках после опорной формы.

В случае, если конъектура является дискуссионной и желательно как ее отражение, так и сохранение исходного написания, она указывается в круглых скобках после опорной формы. Наиболее спорные конъектуры обсуждаются в рамках словарной статьи.

Значение слова дается по глоссированию Бусбека (латинская форма в одинарных кавычках) и в русском переводе. Каждое слово снабжено пометой, относящей его к одной из групп в соответствии с подразделением материала у Бусбека. Группа 1 — слова, определяемые Бусбеком как «*nostratia aut parum differentia vocabula*», «мало отличающиеся от наших»; группа 2 — «*cum nostra lingua non satis congruentia*», «не вполне совпадающие с нашим языком»; группа 2* — номинально присутствующие в группе 2, но не самостоятельно, а в составе словосочетаний (местоимения 1, 2 и 3 л. ед. ч. при глаголах); группа 3 — числительные и несоговоренные данные (приветствия). Такое обозначение данных позволяет отмечать возможность языковой интерференции или, напротив, меньшую проницаемость слова для оформителя. Материал песни («*cantilena*») в словарь не включается, во-первых, из-за отсутствия перевода у Бусбека, во-вторых, ввиду тюркоязычной принадлежности песни.

Структура словарной статьи в целом подчиняется следующим правилам: 1) ближняя (германская) этимология; 2) реконструируемая индоевропейская основа, параллели в других индоевропейских языках; 3) обсуждение особенностей оформления крымско-готского слова (в ряде случаев оговорки приходится делать в начале статьи для пояснения общепринятой конъектуры или интерпретации). Отступления от указанной схемы обусловлены спецификой материала (слова с неясной этимологией, требующие привнесения как германских, так и внегерманских параллелей). Ссылки на литературу даются, как и во всем тексте работы, непосредственно после обращения к соответствующему источнику, а не в конце статьи.

5.2.2. Словарь

ada 'ovum' 'яйцо'. *Группа 2.*

Ди. egg, да. æg, лс., двн. сi 'яйцо' < о/г *ajj-. Форма представляет собой продолжение готского *addj- с характерным рефлексом двойного полугласного *jj > -ddj- по закону Хольцмана [Stearns 1978, 127, Lehmann 1986, 2]. В данном случае предполагается отражение им. п. ед.ч. или им. п. мн.ч. *addja [Krause 1968, 110]. Основа имеет широкий индоевропейский фон: греч. ὄν 'яйцо', лат. ovum, валл. wy, ср.-корн. uu, арм. յ 'яйцо'; ст.-слав. *аице* (ср.р.), рус. *яйцо* < *(j)ajъce < праслав. *ajc (хорв. jaje, польск. jaje 'яйцо') [ЭССЯ I, 1974, 61–63, Lehmann 1986, 2].

Как отмечает О. Н. Трубачев, структура лат. ovum и особенно греч. ὄν, ὄιον (Сафо), дор. ὄιον, аргоэск. ὄβρα (< *ωβρα), та ὄν (Iсс.) приводила этимологов к мысли о том, что исходная для них форма и.-с. *ō(w)(i)om лежала также в основе праслав. *ajc, однако развитие и.-с. *ō(w)- в слав. а маловероятно. То

же относится и к герм. *ajja- [СССЯ 1974, I, 62]. В. Леман объясняет долготу в индоевропейской основе и -w- в грeko-италийском ареале падением ларингала: *ō(w)jom < *oH₁jom [Lehmann 1952, 36–46]. Однако согласно постулату о роли ларингальных, падение ларингала сообщает долготу праиндоевропейскому краткому гласному без каких-либо дополнительных характеристик — в противном случае все индоевропейские долгие гласные, объясняемые в этой теории падением ларингала, должны были бы иметь специфический последующий w. О. Н. Трубачев справедливо подчеркивает следующую изоглоссу: праслав. *aje — о/г *ajjo- — иран. *āja- (перс. хāуа 'яйцо'). При вариативности вокализма (праславянский, иранский *ā — германский краткий *a из и.-с. краткого *o) обращает на себя внимание отсутствие поствокального w. В связи с этим представляется возможным интерпретировать w как ареальное явление, иной вопрос — исконное или инновационное. В случае, если индоевропейское название яйца родственно лат. avis 'птица' и др. [Pokorny 1959, I, 783–784], грeko-италийские формы с w будут исконными, а славяно-ирано-германские — более поздними. Как подчеркивает О. Н. Трубачев, удлинение корневого гласного (врдѣхи) в *ōwom, *ōwjom по сравнению с avis хорошо соответствовало бы при этом значению 'птичьес', восстанавливаемому этимологически [СССЯ 1974, I, 62]. В любом случае, краткий гласный в германских формах заставляет предполагать исходную основу, модифицированную по сравнению с и.-с. *ō(w)jom.

Крымско-готская форма имеет большую ценность как в связи с проблемой рефлексов закона Хольцмана (подробнее см. 6.3.2 и 8.1.1), так и в дискуссии об определении диалектной принадлежности крымско-готских данных. Характерно, что О. Грёнвик, пытавшийся доказать «западногерманский характер» крымско-готского, вынужден был в данном случае говорить о неотделимости крымско-готской формы от готских рефлексов закона Хольцмана [Grønvik 1983, 46], поскольку игнорировать столь яркую восточногерманскую черту невозможно.

ael 'lapis' 'камень'. *Группа 2.*

Исконное крым.-гот. *al в нидерландской транслитерации (ae — ā), если не опечатка вместо *all [Stearns 1978, 127, Lehmann 1986, 2]. Предполагаемые этимологии: 1) к гот. hallus* [Stearns 1978, 127–128, Feist 1939, 2, 241], 2) к татарск. acla/яйла 'скалистая гряда' [Diesenbach 1846–51, II, 520–521]². Против тюркской этимологии — существенное различие значений: «камень» — «горная гряда». Следует обратить внимание, что «гора», «скала» обозначается в крымских топонимах татарского происхождения как dag, kaja — ср. оронимы *Карадаг* 'черная гора', *Кошка* < Kuš-kaja 'соколиная скала' и др.

² Готские слова из основного корпуса текстов (перевод Св. Писания), не засвидетельствованные в исходной форме (именительный падеж для существительных и прилагательных, инфинитив для глаголов) приводятся в словаре со звездочкой (астериском) после формы: например, hallus*.

Потому более перспективно сопоставление с гот. *hallus** (м. р. -u), засвидетельствованным в вин. II. ед. ч. *hallu* (Рим. 9, 33 к греч. *πέτρα*). Параллели в других древнегерманских языках — рун. *halaz* (м. р. -a) 'камень' (*Stenstad*), *hali* (м. р. -i) 'точильный камень' (*Strøm*), ди. *hallr* (м. р. -a) 'камень', *hella* < **haljon* (ж. р. -ja) 'плюсский камень', да. *heall* 'камень', *hyll* < **hulnja* (м. р./ж. р.) 'холм', что возводится к и. -с. **kel-* 'выдаваться, выступать' [Lehmann 1986, 174–175].

Если сопоставление *ael* и гот. *hallus** достоверно, то слово засвидетельствовано в сильно трансформированном виде, с отпадением основообразующего суффикса и окончания. Отпадение флексии считается характерным для существительных мужского рода в остготском [Wrede 1891, 179, Wagner 1984], но с рядом исключений и оговорок.

alt 'senex' 'старый'. *Группа 1.*

В церковноготском засвидетельствован иной вариант прилагательного: *ja-* основное *alþeis* (*Sk.* 2, 10/ IIb, 12); ср. тж. *sa alþiza* к греч. *πρεσβύτερος* 'старший, старец', (*Лк.* 15, 25), *aldomo** (м. р. или ср. р.) к греч. *ἡγήρας* 'старость' (*Лк.* 1, 36, дат. II. ед. ч.: *in aldomin seinamma* 'в старости своей'). Крым.-гот. *alt*, как и гот. *alþeis*, соотносится с да. *cald*, дфриз., нс. *ald*, двн. *alt* 'старый' [Stearns 1978, 128, Lehmann 1986, 29]. И. -с. **altós* (с действием закона Вернера в германских формах, включая гот. *aldomo**, но не *alþeis*) — ср. лат. *altus* 'высокий', *ad-ultus* 'взрослый', др.-ирл. *alt* 'возвышенность, холм' [Lehmann 1986, 25–26].

Исходная крымско-готская форма должна была иметь вид **alþs*. М. Стернс предполагает, что Бусбек оформил понятное ему слово по образцу западногерманского *alt* [Stearns 1978, 128]. Это заключение оправданно, поскольку слово отнесено Бусбеком к группе 1 («*nostratia aut parum differentia*»). Но далее М. Стернс выражает мнение, что крым.-гот. *alt* является отражением формы со звонким спирантом, тогда как форма с глухим *þ* была бы записана с сочетанием *tz* (ср. крым.-гот. *goltz* при гот. *gulþ*). Однако если выше было сказано, что Бусбек ориентировался на западногерманскую норму, отражение исходного германского спиранта в виде *t* также обусловлено этим обстоятельством. Аналогию этому случаю можно видеть в крым.-гот. *bruder*, где исходный готский *þ* вообще передан как *d* ввиду того, что слово было хорошо знакомо Бусбеку. В случаях, где Бусбек не опознал германских основ или точнее следовал фонетике, можно видеть передачу глухого спиранта *þ* как *tz* — ср. *goltz*, *statz*, *tzo* или как *th* — *malthata*, *schuualth*, *uuarthata*. К сожалению, в качестве «контрольного» слова с этимологическим звонким спирантом *ð* среди крымско-готских сохранилось только *wingart* (ср. гот. *weinagards**), где *ð* после шипящего отвердел в *d* уже в классическом готском (случаи типа *waurd*, *haldan*). Таким образом, *-t* в крым.-гот. *alt* не равнозначен *-t* в крым.-гот. *wingart* (см. ниже). Для *alt* следует реконструировать **alþs* с глухим спирантом на основе сопоставления с гот. *alþeis*.

ano 'gallina' 'курица'. *Группа 2.*

При отнесении слова Бусбеком к группе «неопознанных» оно имеет надежное соответствие в виде гот. *hana* (м. р. -n) 'истух' (к греч. *ἀλέκτωρ* —

Мф. 26, 74) [Stearns 1978, 128, Lehmann 1986, 176]. Другие древнегерманские параллели — ди. *hani*, да. *hana*, дфриз. *hōnu*, дс., двн. *hano* 'пустух', да. *henn* (< **hanjo* или **hancni* [Brugmann 1916–17, 249–253]), двн. *henin* 'курица'. Это общегерманское обозначение пустуха возводится к и.-с. **kan-* 'петь' — греч. *ῥι-κανός* 'пустух' < 'ранний певец', лат. *canō* 'петь', др.-ирл. *canid* 'петь' [Pokorný 1959, 525–526, Lehmann 1986, 176].

Представляется, что утрата начального *h* в одних случаях (*ael*, *ano*) и сохранение в других (например, *hus*) свидетельствует о фарингальном характере этого звука и, соответственно, о его нестойкости при воспроизведении информантом. Следует, однако, обратить внимание на стойкость *o* как показателя женского рода (глюсса «*gallina*», а не «*gallus*»). В противоположность идее О. Грёнвика о «западногерманском характере» крымско-готских данных форма обнаруживает отсутствие умлаута и геминации даже в позднюю эпоху.

apel 'rotum' 'яблоко'. *Группа I*.

Готское соответствие не засвидетельствовано ввиду специфики дошедшего до нас готского словаря. Ди. *erpli*, да. *æppel*, нл. *appel*, двн. *apful*, *afful* [Feist 1939, 54, 579, Lehmann 1986, 40] < о/г **apul-* или **aplu-* [ЭССЯ 1974, I, 45]. Параллели в других индоевропейских языках — др.-ирл. *aball*, *uball*, ср.-валл. *afell*, др.-прусс. *woble*, лит. *óbuolas*, болг. *ябло* (ср. р.), словен. *jáblo*, чеш. *jablo*, ст.-польск. *jabło*, словин. (кашуб.) *jäblō*, *iabło*, ст.-слав. *аблько*, рус. *яблоко*, польск. *jabłko* (и ряд других соответствий в славянских языках) 'яблоко' [ЭССЯ 1974, I, 41–47]. И.-с. **ablo-*, **ablu-*, **ab(a)lo-* (во всех формах с долгим и кратким корневым гласным по ареалам³), очевидно, продолжают и.-с. консонантную основу **abl-* (также с долгим и кратким гласным по ареалам; в германском отражается краткий гласный) [ЭССЯ 1974, I, 45].

Как отмечает О. И. Трубачев, проблема дальнейших связей и генезиса и.-с. **ablu-*, **ablo-* представляется сложной с разных точек зрения [ЭССЯ 1974, I, 46]. В. Леман предполагает «туземное слово» («an indigenous word») для обозначения дерева, описанного у Тацита как «*agrestia roma*» 'дикая яблоня' (*Germ.* 23) [Lehmann 1986, 40]. Из замечания Лемана неясно, считает ли он этот автохтонный термин неиндоевропейским или, напротив, речь идет об арсальном индоевропейском обозначении яблони, однако судя по более ранним гипотезам о заимствовании [Friedrich 1970, 16–17] и указаниям на редкий для индоевропейского корнеслова простой смычный *b* [Moszyński 1957, 280, ЭССЯ 1974, I, 46] Леман также имеет в виду заимствование из языка гипотетического автохтонного неиндоевропейского населения. Заслуживает внимания италийская и кельтская топонимика с корнем **Abell-*: лат. *Abella*, название оскского города в Кампании, определяемое Вергилием как *mālifera*

³ О. И. Трубачев [ЭССЯ 1974, I, 45] считает неправомерным перенесение вокализма лит. *óbuolas* в индоевропейскую древность и, соответственно, реконструкцию и.-с. **ābōl-* [Pokorný 1959, I, 1–2], поскольку многие исследователи видят в вокализме корня литовских форм вторичную обработку и.-с. **abl-*.

Abella 'богатая яблоками Абелла' (Verg. *Aen.* 7, 740) [ОССЯ I 1974, 43, 46, Lehmann 1986, 40], галльск. Aballo, Aballana [Lehmann 1986, 40]; ср. Avalon < *abl-on- 'яблочный, связанный с яблоками'⁴ как название мифического острова блаженных. В отношении гипотезы о прасвронейских или досвронейских связях основы примечательно этрусск. *ablon- 'яблоко' (с кратким или долгим корневым гласным) в составе этрусского теонима Aϕ|ϕn-i0- 'Ромона', а также указание на то, что название плодового дерева (яблони) сильно отличается от названия плодов (ссылки на литературу: [ОССЯ 1974, I, 43]).

В настоящее время славянские, германские, балтийские, кельтские и итальянские слова считаются исконнородственными, а не заимствованными из какого-то отдельного языка в другие. Известна древнее знакомство с яблоней в диком виде и древняя культура яблони в средней полосе Европы и примыкающих областях. Основа *ablu- имеет индосвронейский морфологический вид; круг параллелей может быть широким, хотя и точно не определенным [ОССЯ 1974, I, 46-48].

В крымско-готском слове Бусбек распознал знакомое ему германское обозначение яблока, но не копировал в записи нидерландскую форму с геминатой. Крым.-гот. apel следует интерпретировать как продолжение о/г *arul- с редукцией эвентетического -u-. Показательно сохранение германского термина в условиях, более благоприятствующих заимствованию (Крым как область возделывания фруктов).

athe 'octo' 'восемь'. *Грунна 2.*

Гот. ahtau к греч. ὀκτώ 'восемь' (*Жк.* 2, 21, 9, 28), ahtuda* 'восьмой' (только дат.-н. ед.ч. ahtudin в *Ин.* 1, 59), ahtau-dogs (прилаг. -ja, *Фил.* 3,5), ahtau-tehund 'восемьдесят' (*Жк.* 2, 37; 16,7). Ди. átta, да. sahta, дфриз. achta, де., двн. ahto 'восемь'. И.-с. *oktōu- (*oktōw- по В. Леману) — др.-инд. aṣṭáu, aṣṭā, авест. ašta, греч. ὀκτώ, лат. octō, др.-ирл. ocht, ст.-слав. осмь, рус. восемь, лит. aštuoni, арм. ut', алб. tetë, тох. А okät, тох. В okt, ok- 'восемь' [Feist 1939, 18, Pokorny 1959, 22, 775, Lehmann 1986, 12].

М. Стернс считает, что th в записи Бусбека обозначает [t] и объясняет крымско-готскую форму потерей исконого германского h (χ) перед t, привлекая для сравнения крым.-гот. seis 'шесть' < *schs. warthata 'сделал' < *worhta [Stearns 1978, 129].

atochta 'malum' 'плох(-ос,-о)'. *Грунна 2.*

Надежной этимологии нет. Версии: 1) сопоставление с ди. atall 'сварливый', да. atol 'ужасный' [Grienberger 1898, 127], ср. тж. [Tischler 1978, 108-111] с указанием на возможные греческие, армянские и хеттские параллели; 2) отнесение к производным гот. *hatan 'ненавидеть' [Tomaschek 1881, 65]. В. Леман оценивает первую версию как более перспективную и не исключает возможности отражения в крымско-готском слове суффикса *-uga-, ср. гот. handugs 'умелый' [Lehmann 1986, 47]. М. Стернс восстанавли-

⁴ Обсуждение основы: [ОССЯ 1974, I, 43], без привлечения названия Avalon.

ливает *atagotō и, с синкопой, *atohtō, считая возможным также отражение суффикса *-aga-, подобно гот. modags 'гневный' [Stearns 1978, 129].

Крым.-гот. atochta можно сопоставить с гот. opan (sik) 'ужасаться' (прет.-през. гл.), интерпретируя at- как преревб (: гот. at-). Известны употребления готских претерито-презентных глаголов с преревбами --- ср. гот. ga-dars 'я осмеливаюсь', ga-munda 'я/он полагал', ga-nah 'достаточно', bi-nah 'должно', bi-nauht (прил.) 'дозволено' и др. (см. [Гухман 1958, 166]), хотя во многих случаях готские преревбы передают значение, заданное греческими префиксами или наречиями (подробнее см.: [Сизова 1978, 129]). В предпологаемом случае преревб at- должен выступать в идиоматическом значении (ср.: [Сизова 1978, 115]). Ср. haban 'иметь' --- at-haban sik (du + дат. II.) 'появляться', saihvan 'видеть' --- at-saihvan 'обращать внимание', 'беречься', wisan 'быть' --- at-wisan 'наступить (о времени)', 'принадлежать кому-л.', 'оказываться под рукой' и особенно kunnan (прет.-през. гл.) 'знать' --- at-kunnan [Сизова 1978, 115 и 224-230]. Таким образом, реконструкция имеет несколько планов: 1) opan 'ужасать(ся)' > *at-opan 'отвращать(ся)'; 2) opan > отглагольное прилагательное *ohts (в текстах не засвидетельствовано; ср. magan 'мочь' > mahts* в конструкции ni maht ist к греч. οὐ δύναται 'не можно, невозможно', *Ил.* 10, 35). Значение отглагольного прилагательного *ohts реконструируется в виде 'ужасный, отвратительный' --- ср. гот. þaurfts 'нужный, полезный' < прет.-през. гл. þaurban 'нуждаться', skulds 'виновный' < прет.-през. гл. skulan 'быть должным', 'долженствовать'.

Употребление отглагольного прилагательного от *atogan в слабой форме --- *atohta м. р. (а именно слабое склонение указывало на постоянный признак) --- соответствует крымско-готской форме (ch в записи Бусбека = [x]). Если же обратиться к латинскому эквиваленту --- malum ср. р. --- можно оговориться, что крымско-готское слово также должно было стоять в среднем роде. Сильная форма прилагательного ср. р. выглядела бы как *atoht, *atohtata (> *atohta ввиду гаплогонии), слабая --- *atohto (*atohta м. р.). Для слабой формы *atohto возможна редукция конечного *o > a. Если считать крым.-гот. atochta прилагательным от *atogan 'ужасаться', развитие семантики: «ужасный, отвратительный» > «дурной» --- ср. семантические потенции рус. *дурной*, описанные в словаре К. Бака [Buck 1949, 1178, 1194] или семантику рус. *отвратительный, отвратный*.

baar 'пуг' 'мальчик'. *Группа 2.*

Интерпретации: 1) опечатка вместо barn [Schröder 1910, 15]; 2) утрата -n после -r- в крымско-готском [Hamp 1973, 60-61]; 3) соотношение с гот. baur* [Seebold 1970, 105] (поддержано М. Стернсом [Stearns 1978, 129-130]); 4) по мнению Г. Хёст, исконное крымско-готское слово передано верно и представляет собою параллель дивн. *bar, свн. bar 'сын, мужчина' [Høst 1985, 141-145].

Гот. barn (ср. р. -а-) к греч. παιδίον, τέκνον, βρέφος 'ребенок, дитя' (во многих контекстах) имеет параллели во всех древнегерманских языках --- ди. barn, да. bearn, дфриз. bern, ис., дивн. barn 'ребенок, дитя'. Гот. baur*

(м.р.-i) передаст греч. γεννητός 'рожденное' (*Мф.* 11, 11), ср. тж. aina-baur* (м.р.-i) к греч. μονογενής 'единородный' (*Sk.* 5, 21), fruma-baur (м.р.-i) к греч. πρωτότοκος 'первороденный, первородный, первенец' (*Лк.* 2, 7). Круг ближайших соответствий гот. baur* ограничивается ди. biut, да. byge 'сын' [*Lehmann* 1986, 62, 64]. При этом сви. bar, указанное Г. Хёст, следует сравнить с лангобардск. baro (м.р.-n) 'муж, человек'.

Крым.-гот. bar при любом из готских соотношений представляет собой аблаутное производное от о/г *beran(an) — ср. гот. bairan, ди. bera, да. beran, дфриз. bera, дс., двн. beran 'носить, рожать' и относится к рефлексам и.-с. *bher- 'носить; брать' — др.-инд. bhāráti, авест. baraiti, греч. φέρω, лат. ferō, др.-ирл. bíru, berid 'носить', ст.-слав. *бериж*, рус. *беру* [*Lehmann* 1986, 55]. Основная проблема для крымско-готского — вопрос об огласовке производящей основы (гласного а в претерите единственного числа или ау [о] в претерите множественного числа, причастии II), равно как и о наличии/отсутствии суффикса. Потому при общей надежности германских параллелей остается неясным, каким образом интерпретировать крым.-гот. baar: как диалектную крымско-готскую форму или как искаженное при передаче слово — эквивалент гот. barn или baur*.

bars 'barba' 'борода'. *Грунна 1.*

Рассматривается В. Леманом как отражение гот. *bards 'борода' [*Lehmann* 1986, 62–63]. М. Стернс предполагал слуховую ошибку Бусбека, опечатку или же небрежность информанта, сообщившего слово в родительном падеже [*Stearns* 1978, 130]. Довольно скептическое отношение Стернса к форме, засвидетельствованной у Бусбека, обусловлено тем, что древнегерманские соответствия имеют вариативность по роду — ср. ди. barð (ср.р.), но да. beard, дфриз. berd, двн. bart 'борода' (м.р.). Если считать, что готское слово относилось к среднему роду, то приходится восстанавливать исходное *bard [bārd], что, конечно же, расходится с **bars**. В таком случае требуются различные допущения, которые и были сформулированы М. Стернсом. Однако если готское слово относилось к мужскому роду, то исходную форму следует восстанавливать как *bards. Это вполне могло быть воспроизведено информантом как **bars**. Обобщим эти замечания. Если слово «борода» было в крымско-готском среднего рода, то оно должно было выглядеть как bard, и тогда **bars** — некорректная форма, быть может, возникшая при издании списка. Если же это слово принадлежало к мужскому роду, то исходное *bards могло служить источником засвидетельствованного **bars**.

Внегерманские параллели — лат. barba (*< far-bā), литн. barda, др.-прус. bordus, ст.-слав. *брада*, рус. *борода* < и.-с. *bhar-dhā 'борода' [*Pokorny* 1959, 110, *Lehmann* 1986, 63].

boga 'arcus' 'лук'. *Грунна 1.*

В. Леман указывает на о/г *bugon- и предполагает «а-умлаут» (понижение и в о под влиянием а последующего слога), подобно крым.-гот. goltz 'золото', но не перед -п- — ср. крым.-гот. brunna, sunc [*Kickers* 1928, 15, *Lehmann* 1986, 77]. Древнегерманские параллели — ди. bogi, да. boga, дфриз.

boga, дс., двн. bogo 'лук' — образованы от претерита множественного числа или причастия II глагола со значением «гнуть» — гот. biugan, ди. bjōga, да. bōgan, двн. biugan. Германская основа сопоставляется с др.-инд. bhujāti 'гнуть', 'гнать', bhūjas 'рука', bhōgas 'кольцо змеи; кольцо' и возводится к и.-с. *bhegwh- 'гнуть' [Pokorny 1959, 152–153, Lehmann 1986, 73].

Крымско-готское слово считается одним из свидетельств «а-умлаута» в крымско-готском, отличающего этот восточногерманский язык (диалект) от классического готского [Stearns 1978, 131].

borrotsch 'voluntas' 'воля'. *Группа 2.*

Этимология неясна. Предлагается конъектура, но не для крымско-готской, а для латинской формы — voluptas 'удовольствие', 'наслаждение, сладострастие' [Massmann 1841, 361, Schröder 1910, 13]. Т. фон Гринбергер предполагает исходное *baurjabus на основании гот. ga-baurjabus* (м.р.-у; только дат.п. мн.ч. в контексте *Лк.* 8, 14 к греч. ἡδονή 'наслаждение')⁵, ga-baurjaba [Grienberger 1898, 129]. М. Стернс при рассмотрении этого слова не отказывается от мнения о надежности латинского толкования (ср. нн. Lust 'удовольствие', 'желание', нн. what's your pleasure 'чего изволите') и в целом склоняется к готской (германской) этимологии слова [Stearns 1978, 131]. В плане фонетических соответствий представляет интерес и версия Р. ван де Мелена о заимствовании турецкого bortsj или татарского burotsj 'долг, обязанность' [Meulen van de, 1956], однако семантика этих слов не согласуется со значением, указанным у Бусбека. Если предполагать заимствование, то более надежным по семантическим критериям оказывается сопоставление с осет. bara, bare 'воля', предложенное В. Томашком [Tomaschek 1881, 64].

breen 'assare' 'жарить'. *Группа 1.*

В качестве параллелей привлекаются ссл. bræyen 'жарить', свн. bræjen 'пахнуть', 'распространять запах' [Grienberger 1898, 133]. Возводится к о/г *brē- с сохранением -е- перед гласным, как и в крым.-гот. geen в противоположность крым.-гот. mine [Stearns 1978, 132]. Ди. brāda, brāda 'растопливать', да. brædan, дфриз. brēda, дс. brādon, двн. brātan 'жарить' формально не могут быть сочтены параллелями крым.-гот. breen. Ф. Хольтхаузен предположил, что breen было опiskeй или опечаткой, спровоцированной стоящим в непосредственной близости geen; по мнению Хольтхаузена, крымско-готское слово могло иметь вид *briden или *brieden [Holthausen 1942, 268]. В. Леман оценивает эту гипотезу как рискованную [Lehmann 1986, 79]. Тем не менее, нельзя исключить, что в некоторых случаях звуковой облик слова, сообщаемого информантом, мог осмысляться Бусбеком в координатах родного языка, благодаря чему «ближайшей параллелью» крымско-готскому слову оказывается средненидерландское. В. Леман возводит крым.-гот. breen к и.-с. *brē-, расширенной форме от *bher- 'вскипать'. Внутри германского к этой основе относятся ссл. brōien, brūejen 'подпалить, жечь', brūeje

⁵ У М. Стернса форма приведена с ошибкой [Stearns 1978, 131].

‘отвар, бульон’, рннв. aus-brühen ‘высидивать цыплят’ (ср. нн. Brühe ‘отвар, бульон’), с дентальным суффиксом да. brēþ ‘дыхание’ (на. breath), да. brōd, нл. broed, сви. brúot ‘выводок’, снн. brādem ‘дыхание’ [Lchmann 1986, 79].

broc ‘panis’ ‘хлеб’. *Группа 1.*

По средненидерландской орфографии эта форма должна читаться как [brō] (oe у Бусбека служит для передачи [ō]). М. Стернс предлагает конъектуру *broet [Stearns 1978, 132]; обсуждение см. ниже. Исследователи традиционно сопоставляют слово с ди. braud, да. brēad, дфриз. brād, ис. brōd, днв. brōt ‘хлеб’ < o/ɪ *braudan- ‘дрожжевой хлеб’ (ди., да. brod, днв. prod < o/ɪ *brūda- ‘отвар, бульон’; см. выше параллели крым.-гот. **green**) [Schwarz 1951, 163–164, Stearns 1978, 132]. Исходную индоевропейскую основу В. Леман реконструирует в виде *bhr-cw-II- ‘варить’ [Lchmann 1986, 80].

Отсутствие конечного зубного в крым.-гот. broc оценивается как опечатка (следует Э. Шрёдеру и В. Штрайтбергу — [Schröder 1910, 13 ff, Streiberg 1920, 282]). В. Леман [Lchmann 1986, 80] предпочитает это решение версии Ф. Клуге об утрате зубного в крымско-готском [Kluge 1911, 113], так как в крым.-гот. plut ‘кровь’ конечный -t сохраняется. Наименее перспективной представляется интерпретация крым.-гот. broc как опечатки вместо *broc, восстанавливаемого при учете днв. brosko, гот. ga-bruks* ‘крошка’, ‘кусочек хлеба’ [Holthausen 1929, 329], поскольку слово недвусмысленно глоссировано у Бусбека как ‘panis’ ‘хлеб’.

Весьма примечательно, что при рассмотрении факсимиле текста Бусбека близкую параллель строчному e представляет строчное t. При этом в средне-нидерландском наряду с формой broot существовала и другая — brot (приводится у М. Стернса наряду с другими параллелями [Stearns 1978, 132]). На основании этого можно предложить простую конъектуру *brot — тем более, что Бусбек открыл этим словом список крымско-готских слов, «мало отличающихся» от западногерманских (группа 1). Передача германского спиранта ð (или восточногерманского þ) посредством смычного t имеет аналогии в крым.-гот. alt ‘старый’, plut ‘кровь’. Немаловажно, что все слова с таким оформлением этимологического глухого спиранта отнесены Бусбеком к группе известных, т. е. спирант мог быть здесь «проигнорирован» под влиянием известных западногерманских форм со смычным.

Заслуживает внимания мнение Э. Шварца и В.Н. Топорова о том, что крым.-гот. broc указывает на диалектные различия с языком готской Библии, где единственным обозначением для хлеба является hlaiþs [Schwarz 1951, 163–164, Топоров 1983, 239].

bruder ‘frater’ ‘брат’. *Группа 1.*

Гот. broþar (м.р.-р), ди. bróðir, да. brōþor, дфриз. brōther, ис. brōdar, днв. bruoder ‘брат’ [Stearns 1978, 132, Lchmann 1986, 81]. Широкий круг индоевропейских параллелей — др.-инд. bhrātā, лат. frāter, ст.-слав. *братръ, братъ*, лит. brólis и др. [Pokorny 1959, 163–164, Lchmann 1986, 81].

По мнению В. М. Жирмунского, изменение гласного в крымско-готской форме по сравнению с гот. broþar расценивается как проявление характерной

для готского тенденции к повышению **o** в **u** и сужению **e** в **i** [Жирмунский 1962, 144]. В отношении крымско-готского интервокального **d** можно высказать следующие предположения: 1) запись под влиянием известных Бусбеку или информанту форм других германских языков; 2) передача посредством **d** смычного **d**, развившегося из спиранта **þ**, который в таком случае должен был озвончиться в интервокальном положении; 3) передача посредством **d** звонкого спиранта **d**. Наименее вероятна передача посредством **d** глухого спиранта **þ**, но вопрос о крымско-готском озвончении спирантов в интервокальном положении не может быть разрешен ввиду скудости материала.

brunna 'fons' 'источник, ключ'. *Группа 1.*

Совпадает с гот. *brunna* (м.р.-н), передающим греч. πηγή 'источник, ключ' в контексте *Мк.* 5, 29. Ср. ди. *brunnr*, да. *brunna*, *burna*, дфриз. *burna*, лс., двн. *brunno* 'источник, ключ'. В. Леман возводит слово к и.-с. *bh(c)r-cw- 'быстро двигаться' (ср. 'кипеть ключом'), указывая в связи с этим на гот. *brinnan*, ди. *brinna* (*brenna*), да. *beoman*, *bieinan*, лс., двн. *brinnan* 'гореть' [Lchmann 1986, 80, 82].

cadariou 'miles' 'воин, солдат'. *Группа 2.*

Этимология неясна, версии исключительно разнообразны. Ф. Х. Масман выдвигает целый ряд сопоставлений: 1) гипотетическое готское *ga-daura 'придверник'; 2) единично засвидетельствованное *ga-dauka** 'домочадец, домашний'; 3) основное готское обозначение воина --- *ga-drauhths* (м.р.-и) [Massmann 1841, 363]. Во всех трех случаях предполагается значительная трансформация исконного слова в ходе времени или в устах информанта. Если настаивать на германской этимологии слова, то наиболее предпочтительно сопоставление с гот. *ga-drauhths* (семантическая близость). Слово **ga-daura* не засвидетельствовано в готской Библии (ср. *dauga-wardo* ж.р.-н 'придверница, привратница'), а семантическая сторона реконструкции ('привратник' > 'воин, солдат') весьма уязвима, так что в целом гипотеза избыточна. Значение гот. *ga-dauka** (м.р.-н, только вин.п. мн.ч. в контексте *þans Staifanaus gadaukans k tòn stefanā oīkon* 'дом/домочадец Стефана', *1 Кор.* 1, 16) также не соответствует значению крымско-готской формы.

А. Бенценбергер и Ф. Клуге реконструируют гот. **ga-driugs* < *driugan* 'быть воином', 'принадлежать к дружине' [Bezzenberger 1879, 81, Kluge 1911, 112]. Ф. Хольтхаузен предполагает готский прототип **ga-harjo* < *harjis* 'войско' [Holthausen 1929, 330]. О. Хёфлер восстанавливает исходное готское **gadar-* 'товарищ', привлекая для сравнения гот. *gadiliggs* 'родич', да. *gædeling* 'товарищ' [Höfler 1957, 246]. В. Леман указывает, что все эти предположения основываются на допущении о переходе начального **g** > **k** (можно уточнить: возможно, о передаче ненапряженного **g** как **k** --- ср. [Stearns 1978, 149]) или об опечатке, чему противоречит сохранение в крымско-готском начального **g** --- ср. крым.-гот. *gadeltha* и др. [Lchmann 1986, 85]. Можно видеть, что большинство попыток найти соответствие в классическом готском представляет собой реконструкции, ибо гот. *ga-drauhths* даже при допущении всяческих трансформаций весьма трудно свести к крым.-гот. *cadariou*.

Другие гипотезы предполагают заимствование. В. Томашек сопоставляет с рассматриваемой лексемой чувашское *kadary* 'на чьей-либо стороне' в значении 'вспомогательные войска' [Tomaschek 1881, 65]. Эту версию поддержал Т. фон Гринбергер, исправляя приводимую Томашеком форму как **cadatron* [Grienberger 1898, 129–130].

3. Файст учитывает турецкое *arkadaş* 'товарищ' или *kardaş* 'брат' [Feist 1939, 111–112]⁶. М. Стернс привлекает для объяснения лат. *catervarius* 'принадлежащий к войску' (< лат. *caterva* 'войско (солдат или варварских народов)'), но считает наиболее вероятной гипотезу Р. Меннера [Menner 1937], исправлявшего слово на **cadarion* (ср. крым.-гот. *schuos*, где *u* явно должно быть исправлено на *n*) и предполагавшего заимствование лат. *centurio*, нар.-лат. **ke(n)dorion*, возможно, через позднегреч. **κεδωρίον*. В. Леман считает эту версию более вероятной, нежели поддержанное Р. Фоуксом предположение Л. Дифенбаха [Diefenbach 1846–1851 II, 436] о заимствовании из кельтского (ср. валл. *kadur* 'воин', др.-брет. *catuur*, др.-корн. *cadvir* 'воин', 'солдат'), оформленном латинским суффиксом *-ārius* и отразившемся в крымско-готском как **kad-arius* 'воин', 'солдат' [Fowkes 1946, 448–449].

Диграф (дифтонг?) *-ou* в исходе крымско-готского слова и вообще в крымско-готском материале экзотичен; в записях Бусбека нет других слов с таким сочетанием. Потому либо следует принимать конъектуру **cadarion* (при графическом сходстве *u* и *n*), либо искать объяснение диграфа. Далее, обращает на себя внимание фонетический облик слова: начальный глухой *k*, звонкий смычный *d* в исходе или середине корня, подобие сингармонизма корневых гласных, исход слова латинского или греческого типа (*-ion*, **-io*). В таком случае это либо негерманская форма, либо радикальная трансформация германской. Замечания о специфическом оформлении корня надо учитывать и для латинских реконструкций.

Примечательно, что в «Житии св. Иоанна Готского» дед св. Иоанна (отец его отца Льва) назван «кондофором» — «κονδοφόρος». Этот термин, обозначающий воинское звание и должность, по мнению В. Г. Васильевского, происходит от названия разновидности копья — *κοντάριον* / *κονδάριον* [Васильевский 1912, 2, 402–403]. Это название копья имеет большое сходство с крым.-гот. *cadarion* / *cadarion*. Таким образом, возможно, перед нами заимствование греч. *κοντάριον* / *κονδάριον* в крымско-готский язык с упрощением группы [nt / nd] в языке готов или информанта (причем последний уже явно не распознает здесь греческого слова, возможно, специального или архаичного).

criten [criten] 'flere' 'плакать'. *Грунна 1*.

В первых изданиях *criten*, что явно ошибочно (исправление аргументировано Э. Шрёдером — [Schröder 1910, 12]). Бусбек поместил это слово в группу знакомых *smu*, и следовательно, должен был учитывать такие схождения, как *sm. cŕiten*, нл. *krijten* 'плакать, кричать, вопить'. Другие параллели — *sm. n.*

⁶ Это слово засвидетельствовано также в крымско-татарском.

kriten 'вопить', свн. krīzen 'вопить', нн. kreīßen 'мучиться родами'. В. Леман реконструирует здесь о/г *krītan- (сильный глагол I класса) оноματοпоэтического происхождения [Lehmann 1986, 85]. Эта версия пополняет список крымско-западногерманских изоглосс (без участия готского).

Существует, однако, гот. gretan 'плакать', 'вопить', 'оплакивать' (к греч. κλαίειν 'плакать, оплакивать' — *Мф.* 26, 75; grets м. р. --а(?) к κλαυθμός 'плач' — *Мф.* 8, 12) [Lehmann 1986, 160]. Основа может считаться общегерманской — ср. ди. grāta, ла. grātan, дс. grātan 'плакать, рыдать, оплакивать', хотя показательно ее отсутствие в верхне- и нижненемецком ареале при одновременном наличии *krīten (начальный согласный не по второму передвижению из о/г *g, а из о/г *k- !) с аналогичной семантикой. О/г *grētan(an) не имеет надежных параллелей в других индоевропейских языках; В. Леман предполагает для нее оноματοпоэтическое происхождение [Lehmann 1986, 161].

В классическом готском засвидетельствована также форма greitan с известным «остготским» сужением ē > ī. Вполне вероятно, что исконное крым.-гот. *grīten подверглось оглушению в речи информанта [Høst 1971, 80, Stearns 1978, 134]. О. Хёфлер соотносит крым.-гот. criten с гот. gretan на иных основаниях: исследователь считает, что гот. g передвинулось в крымско-готском в k [Höflier 1956, 302]. В. Леман указывает на контрпример: крым.-гот. tag (а не «таc») [Lehmann 1986, 85]. Не исключено, что сходство сообщенного информантом слова со средненидерландским criten ввел Бусбека в некоторое заблуждение, и он записал крымско-готское слово так, как ему подсказывала собственная произносительная и орфографическая норма. Тем не менее, указание Бусбека на «малую разницу» заставляет предполагать, что таковая все же имелась и состояла в ненапряженном g, при поддержке средненидерландских данных воспринятом на слух как k (тогда как b в крым.-гот. bruder никоим образом не могло быть воспринято как *p, в чем сказывается давление системы известных Бусбеку форм). При большой генетической близости крымско-готского к готскому предпочтительнее заключить, что крым.-гот. criten продолжает не ареальное *krītan-, а общегерманское *grētan- (гот. gretan). Примечательно, однако, сходство двух германских глагольных основ, реализующих известную корреляцию по звонкости-глухости в глагольных основах оноματοпоэтического происхождения типа «брызгать» — «прыскать».

fers 'vir' 'муж'. *Грyнна* 2.

По мнению В. Лемана, наиболее вероятно соотношение с о/г *ferh- — ср. гот. fairhūs к греч. κοσμός 'мир', ди. firar мн. ч. 'мужи'⁷, ла. firas, дс. firihos, двн. (mit) firahim дат. п. мн. ч. 'среди людей' (Вессобрунская молитва). Эти обозначения «людей, мужей», «живых существ» соотносятся с ди. fjor 'жизнь', fjort 'дерево; человек' ла. feorh, двн. ferah, свн. verch 'жизнь, живое существо, жизненная сила, душа'. Наиболее ранней письменной фиксацией основы, оче-

⁷ По Снорри Стурлусону, firar — «мужи, защищающие страну» («Fyrðar ok firar ok verar heita landvarnarmenn» — Skáldskaparmál, 81).

видно, является, теоним (matronis) *Alaferhuiabus* (лат.п. мн.ч.) в надписи культа матрон (обсуждение со ссылками на литературу: [Ганина 2002, 2003]. О/г *ferh"- 'жизненная сила' представляет собой развитие семантики и.-с. *perk"- 'горный лес', 'дерево', 'дуб' — ср. здесь лат. *quercus* 'дуб', венет. *Quarquēni* букв. 'дубовики', такие мифологические имена, как др.-инд. *Parjanya* 'бог грома и дождя', лит. *Perkūnas*, лтп. *Perkons* 'громовержец' (при лит. *perkunija* 'гроза', др.-прусс. *percūnis* 'гром'), хетт. *Perçaš* 'бог Илрва', алб. *Perën-di* 'Бог; небо' (при ди. *Ījorgynn* 'отец богини Фритт', *Ījorgyn* 'мать бога грома Тора') ([Meid 1984, 99, Гамкрелидзе/Иванов 1984, 614–616]; [Рокоту 1959, I, 822, Lehmann 1986, 105–106, 113] — с некоторыми сомнениями). Обсуждение развития семантики гот. *fairhūs* 'мир' (ископно — в антропологическом, в тексте перевода Св. Писания — в пространственном аспекте) как континуанты о/г *ferh"- 'жизненная сила и мощь мужей-воинов', а также соотношения семантики о/г *ferh"- и и.-с. *perk"- — см. [Ганина 2001, 14–15].

Если возводить крымско-готскую форму к гот. *fairh-, следует предполагать распад лабиовелярного — ср. крым.-гот. **wichtgata**, возможно, также **kommen**. Не исключено, что крымско-готская форма могла выглядеть как *ferhs, но сочетание **rh** было интерпретировано информантом как **r**. Если же форма была передана информантом и записана Бусбеком верно, то М.Стернс предполагает распад лабиовелярного, аналогичный крым.-гот. *komen < qīman, в случае *fers < fairhūs стимулируемый последующим **u** [Stearns 1978, 135]; впрочем, распад лабиовелярного налицо в любом случае. В плане морфологии примечательно сохранение флексии м.р. ед.ч. В. Леман [Lehmann 1986, 113] с полным основанием отклоняет предложенное Т. фон Гринбергером прямое соотнесение крым.-гот. *fers* с да. *ferhþ*, *ferþ* 'разум, дух' [Grienberger 1898, 128], так как имеются более близкие семантические корреляты — слова со значением «мужи, воины»: ди. *fiar* и др. О/г *ferh"- обладало синкретической семантикой, включавшей в себя как значения типа 'жизнь, жизненная сила', 'разум, дух', 'кровь', так и 'живое существо' (ср. рус. *хоть бы одна душа живая* = «хоть бы кто-нибудь», *ни души* = «никого»), 'человек, муж', однако в процессе развития отдельных германских языков (в различных текстах и употреблении) обособлялось то или иное значение. Поскольку крым.-гот. *fers* может быть удовлетворительно объяснено посредством привлечения германских параллелей, В. Леман заключает, что нет необходимости считать лексему заимствованием из венгерского (ср. *ferj* 'человек') [Lehmann 1986, 113].

fiset (fisc/fisch?) 'piscis' 'рыба'. *Īpynna I*.

Поскольку Бусбек хорошо распознал это слово, в отношении формы *fiset* предполагается ошибка писца или опечатка при публикации. Конъектура Э. Шрёдера — *fisc или *fises*; согласно М. Стернсу — *fisch* [Schröder 1910, 14, Stearns 1978, 135]. Гот. *fisks** (м.р.-а) к греч. *ἰχθύς* 'рыба' (*Жк.* 9, 13). Основное обозначение рыбы в германских языках: рун. *fiskR* (*Īggjum*), ди. *fiskr*, да. *fisc*, дфриз., нс., днн. *fisk* 'рыба'. Лат. *piscis* (i-основа), *piscāri* (a-основа),

‘рыба’, piscīna ‘рыбный садок, пруд’; др.-ирл. *tāsc*, род.п. *ēisc* ‘рыба’ при *esc* ‘вода’, рус. *пискарь* < и.-с. **peisk-/pisk-* ‘рыба’ как ‘волная’, причем В. Леман относит распространение основы к «позднему севеориндосвронейскому ареалу» [Pokorny 1959, 796, Фасмер 1964–1973, III, 267, Lehmann 1986, 118].

Учитывая крым.-гот. *schieten* ‘стрелять’ при общегерманском начальном **sk-*, для крым.-гот. **fisk(s?)* следует предполагать аналогичный переход ископного –*sk* > [š] при любом варианте графического оформления слова.

furdei-thien ‘quadraginta’ ‘сорок’. *Грннна* 3.

Гот. *fidwor-tigjus** к греч. τεσσαράκοντα ‘сорок’ (*Жк.* 4, 2). Ди. *fjōrir-tiger* (где –*tiger* — мн.ч. от *tigr* ‘десяток’), да. *fēower-tig*, дфриз. *fiuwer-tich*, *fior-tig*, двн. *fior-zug* ‘сорок’. И.-с. **kwetwǵ*, **kwetur* (см. **fyder**), **dek’ū-* (лат. *decuria* ‘десятый’, умбр. *dequ-rier*, *teku-ries* ‘*decuriis*’, *teku-ias* ‘*decuriales*’) [Lehmann 1986, 114].

Т. фон Гринбергер интерпретирует крымско-готскую форму как **furde-tin* [Grienberger 1898, 132], а М. Стернс — как **fīrdeithien* ‘четырежды десять’ [Stearns 1978, 135–136]. В. Леман в словарной статье **fidwor-tigjus*** приводит другие известные в письменной фиксации формы от –*tigjus*: род.п. –*tigiwe* (в *þrije-tigiwe* — *Жк.* 3, 23), дат. п. –*tigum* (в *twaim-tigum* — *Жк.* 14, 31, *saihs-tigum* — 1 *Тим.* 5,9), вин. п. — *tiguns* (в *fidwor-tiguns* — *Мк.* 1, 13 и др.). Представляется, что форма винительного падежа –*tiguns* с отпадением конечного –*s* и спирантным произношением *g* (или произношением как [j] перед палатализованным *e*, возникшим из *u* по редукции) наиболее соответствовала бы крым.-гот. –*thien*. Гот. *fidwor* имеет вариант *fidur-* (см. ниже), потому объяснение крым.-гот. *furdei-* затруднительно и требует различных реконструкций. Не исключена метатеза **fider*/**firde-* (ср. **fyder** ‘четыре’). См. тж. **trei-thyen**, **fyder**, **tria**.

fyder ‘quattuor’ ‘четыре’. *Грннна* 3.

Гот. *fidwor* при τέτταρες ‘четыре’ (*Ин.* 11, 17), ср. тж. гот. *fidur-* в *fidur-dogs* при греч. τετάρταῖος (*Ин.* 11, 39) ‘четвероплеменный’, *fidur-falþs** при τετραπλοῦς (*Жк.* 19, 8) ‘четырёхкратный’, *fidur-ragini* (ср. р. –*ja*)* при τετραρχοῦντος (*Жк.* 3, 1) ‘будучи тетрархом’. Гот. *fidur-* сопоставляется с ди. *fjōgur* (< *fēdur*) ‘четыре’, дшв. *fioper-*, *fiæper-* (в *fioper-tiugher* ‘вмещающий сорок’), да. *fēoper-*, *fyper-* (в *fyper-fēte* ‘четвероногий’), а *fidwor* — с ди. *fjōrir*, да. *fēower*, дфриз. *fiuwer*, *fiur*, ис. *fi(u)war*, *fia/or*, двн. *fior* ‘четыре’ [Lehmann 1986, 112–113]. Гот. *fidwor* и его германские параллели возводятся к о/г **fedwor-* < прагерм. **xwedwōr-*, гот. *fidur-* и его соответствия — к о/г **fiður-* < и.-с. **kwetwǵ-*, *kwetur-*, причем в обоих случаях нестандартный германский афлаут объясняется аналогией с **fimf-* ‘пять’ [Lehmann 1986, 113]; ср. тж. [СГГЯ 1963, III, 351–353]. Общеславянско-индоевропейский круг параллелей — др.-инд. *catvāras*, авест. *čarwārō*, *čatarō* (ж.р.), дор. τέτορες, арг. τέτταρες, ион. τέσσαρες, эол. πεσ(σ)υρες, гомер. πίσυρες, мик. qe-to-ro-, лат. *quattuor*, оск. *pettuir*, др.-ирл. *cethir*, лит. *keturi* (–*ja*-основа), ст.-слав. *четыре*, рус. *четыре*, арм. *čork*, тох. А *štwar*, тох. В *štwer* ‘четыре’ [Pokorny 1959, 642–644, Lehmann 1986, 112–113].

М.Стернс интерпретирует крым.-гот. *fyder* как продолжение гот. *fidur-*, а не *fidwor* [Stearns 1978, 136], однако существенно, что первая форма встречается только в композитах. Не исключено диалектное расхождение между крымско-готским и классическим готским с обобщением разных производных подобно тому, как в древнеисландском обобщаются самостоятельные формы *fjögur* (< *feður*, ср. р.) и *fjórir* ‘четыре’*.

fyuf (*fynf?) ‘quinque’ ‘пять’. *Группа 3.*

Основной вопрос при интерпретации (в отличие от *fyder*) — не была ли допущена опечатка. Х. Ф. Массман считал, что необходимо скорректировать имеющуюся форму как **fynf*, что сравнимо с гот. *fimf* [Massmann 1841, 363]. Поддержано Э. Шрёдером и М. Стернсом [Schröder 1910, 12, Stearns 1978, 136]. В противоположность этому Р. Лёве и Т. фон Гринбергер трактовали форму *fyuf* как корректную и отражающую крым.-гот. **fyvf*, **fiff* [Loewe 1896, 170, Grienberger 1898, 132].

Гот. *fimf* к греч. πέντε ‘пять’ (*Ин.* 6, 13). Ди. *finn*, да., дфриз., дс. *fif*, двн. *finf*, *fi/unf* ‘пять’. И.-с. **penkwe-*: др.-инд. *pāṇsa*, авест. *panša*, греч. πέντε, зол. *пѣмте*, лат. *quīnque*, оск., умбр. *rompe*, галльск. *rempe-*, др.-валл. *pimpr*, лит. *penki*, ст.-слав. *пѣть*, рус. *пять* [Pokorny 1959, 808, Lehmann 1986, 117].

В отличие от других крымско-готских форм, допускающих принципиальную множественность толкований, здесь необходимо сделать выбор в пользу определенного решения. Выбор в пользу формы **fyvf*, **fiff* означает принятие версии о выпадении в крымско-готском носового перед спирантом. Таких случаев в известном крымско-готском материале не засвидетельствовано. Тем самым более обоснованной представляется конъектура **fynf* — как ввиду графического сходства букв *n* и *u*, так и по большей близости к классическому готскому *fimf*. Крым.-гот. **fynf* может объясняться двояко: 1) как результат диссимиляции *finf* > **finf* (ср. двн. *finf* < *finf*); 2) как исконное готское **fimf*, воспринятое Бусбеком в контексте прозрачных западногерманских соответствий. Ясно, однако, что при любой реконструкции исходной формой является о/г **fimf*.

gadeltha ‘pulchrum’ ‘красивый’. *Группа 2.*

Этимология неясна. В. Леман интерпретирует *gadeltha* как прилагательное и, принимая версию Т. фон Гринбергера, считает слово континуантой незасвидетельствованного готского **gadilata*, **gadils* (им., вин.п. ср. р. -ata), привлекая для сравнения гот. *gadiliggs* ‘племянник’ (у Лемана ошибочно — «cousin») [Grienberger 1898, 127, Lehmann 1986, 135]. Гот. *gadiliggs* (м.р.-а) к греч. ἀνεψιός ‘племянник’ (только *Кол.* 4, 10) имеет параллели в виде да. *gædeling* ‘товарищ’, дс. *gaduling*, двн. *gätling* ‘родственник’. Эти слова, в свою очередь, соотносятся с широким кругом германских параллелей, весьма разнообразных в плане морфологии и семантического развития: да. (ge)gada ‘товарищ’, дс. *gi-gado* ‘равный кому-л.’, свн. (ge)gate ‘супруг’, дфриз. *gadia* ‘сдвинный’, снл.,

* Разумеется, в древнеисландском это расхождение не носит диалектного характера.

снл. *gaden* 'правиться', двн. *be-gatôn* 'сходиться, соединяться', *gegat* 'соединенный, союзный', да. *geador*, *tô-gâdere*, дфриз. *gadur*, снл. *gader*, свн. *gater* 'вместе', да. *gâdrian* 'собирать', дфриз. *gaderia*, снл. *ga(d)deren*, свн. *gatern* 'собирать, объединять'. Тем самым реконструкция гот. **gadilata*, **gadils* имеет основания как в плане морфологии, так и в отношении семантики. В. Леман возводит данную германскую основу, как и гот. *goþs* 'хороший', к и.-с. **ghadh-* 'соединять(ся)', 'соответствовать, подходить' — ср. ст.-слав. *годъ* 'удобное время', *годыль* 'годный', 'подходящий', *у-годиути* 'угодить' [Lehmann 1986, 135]; не к и.-с. **ghedh-*, как у Ю. Покорного [Pokorny 1959, 423–424].

Х.Ф. Массман возводил крым.-гот. *gadeltha* к иному прототипу — гот. **ga-tilata* от *ga-tils* (прилаг. *-ja-*) 'подходящий, удобный, целесообразный', засвидетельствованному в тексте готской Библии как эквивалент греч. *ὑποκρίως* 'подходящий, удобный' и наряду с гот. *ga-tilaba* (нареч.) 'удобно', *ga-tilon* (сглл. 2) 'принимать' входящему в словообразовательное гнездо гот. *til* 'цель' [Massmann 1848, 362, Lehmann 1986, 344–345]. Эта этимология была оспорена Р. Лёве ввиду того, что крым.-гот. *d* не является продолжением гот. *t*. Сам Лёве реконструировал гот. **gadelikata* на основании снл. *gadelijk* 'удобный', нн. *gätlich* 'терпимый, подходящий' [Loewe 1896, 176]; ср. тж. [Much 1898, 199]. Наличие средненидерландских параллелей заставляет внимательно отнестись к передаче основы в виде *gadel-*, а не **gadil-*: в данном случае причиной появления краткого *e* может быть влияние этих параллелей, а не крымско-готский «а-Umlaut». Однако нельзя упускать из виду, что Бусбек помещает это слово в группу незнакомых и тем самым не соотносит его с какой-либо средненидерландской формой.

geen 'irе' 'идти'. *Группа I.*

Разительное отличие от гот. *gaggan* (непр. гл.). Готский глагол со значением «идти» засвидетельствован во множестве употреблений и даже с определенным морфологическим варьированием (слабый претерит *gaggida* от итератива **gaggjan* — *Лк.* 19, 12), однако атематическая форма не отмечена нигде.

Крым.-гот. *geen* ныне интерпретируется большинством исследователей как атематический глагол — арсальное отражение индоевропейской основы без редупликации. В качестве параллелей привлекаются поздн. ди. *gá*, да. *gân*, двн. *gân*, *gên*, шв. *gå*, дат. *gaa* [Stearns 1978, 116–117, 137, Lehmann 1986, 138]. В таком случае крымско-готская форма должна восходить к прототипу **gai(a)n* > **gean* > **geen* (ср.: [Schwarz 1951, 165]). В. Леман возводит атематические формы к и.-с. **ghēy-* 'пустовать', 'недоставать', 'уходить' — основе, представленной в гот. *gaidw* (к греч. *ὑστέρημα* 'недостаток' — *Фил.* 2, 30) [Lehmann 1986, 139].

Однако следует в полной мере учитывать тот факт, что Бусбек отнес глагол со значением «идти» к группе «мало отличающихся от наших». Нельзя исключить, что исходная крымско-готская форма могла претерпеть определенную трансформацию под влиянием известных Бусбеку фактов. При желании можно увидеть в *geen* и сильно искаженное информантом исконное

крымско-готское *gangan, где попытка воспроизвести носовой [ŋ] искажила тембр корневого гласного, а тематический гласный инфинитива подвергся редукции. Очевидно, что при общем понимании формы Бусбек мог и не отразить на письме специфически воспроизведенный носовой, поскольку в западногерманских соответствиях его нет. В таком случае постулируемого здесь диалектного различия между классическим готским и крымско-готским могло и не быть. Показательно, что функционирование атематического глагола, происходящего от индоевропейской передуплицированной основы, означало бы резкое расхождение крымско-готского не только с классическим готским, но и со скандинавским, где представлена основа с этимологической редупликацией — ди. ganga. По указанию Р. Клисби/Гудбранда Вигфуссона, поздн. ди. gá является заимствованием из датского и нижненемецкого [Cleasby/Gudbrand Vigfusson 1957, 188]. Таким образом, атематическая основа — продолжение и.-с. *ghēy- оказывается едва ли не исключительно западногерманской. Для О. Грёнвика это — еще одно подтверждение «западногерманского характера» крымско-готского, однако мы не можем быть уверены в том, что в данном случае мы действительно имеем дело с автохтонной крымско-готской формой, а не условным бусбековским восприятием «знакового слова».

goltz ‘aurum’ ‘золото’. *Грунна 1*.

Готское обозначение золота — gulf* (ср. р. -а) к греч. χρυσός (1 *Тим.* 2, 9, дат. н. сл.ч.), ср. тж. gulþeins при χρυσοῦς ‘золотой’ (2 *Тим.* 2, 20) и figgra-gulf при δακτύλιον ‘перстень’ (*Лк.* 15, 22); для последнего Ч. Карр отмечает ди. fingrgull и относит складывание композита к общегерманской эпохе до ухода готов с Балтики [Carr 1939, 67, 276]. Ди. gull, да., нфриз., др.-нл. gold < о/г g^h/lpan < и.-с. *gh₁-to- (известная германо-балто-славянская инновация от основы *ghel- ‘желтый’, поскольку общеиндоевропейского названия золота не существует) [Pokorny 1959, 429–434, Lehmann 1986, 162–163].

В. Леман указывает, что диграф **tz** у Бусбека передает глухой межзубный **þ** — ср. tzo ‘ты’ при гот. þu [Lehmann 1986, 162]. Точнее было бы восстанавливать крымско-готский звук, передаваемый у Бусбека через **tz**, как ***þ̥**, поскольку неизвестно, был ли этот спирант в крымско-готскую эпоху глухим. Примечательно, что в ряде случаев классическим готским словам, имеющим **þ**, у Бусбека соответствует **t** и даже **d** — ср. alt, plut, bruder при alþeis, bloþ, broþar. Разумеется, нельзя поручиться за абсолютную точность передачи слов информантом. Согласно Э. Кикерсу, в лексеме проведен а-умлаут — понижение **u** в **o** перед **a** последующего слога, характерное для скандинавского и западногерманского ареалов, но не для языка готской Библии [Kiekers 1928]. Следует, однако, принять во внимание крым.-гот. tzo ‘ты’, где не может идти речи об «а последующего слога». Возможна иная постановка вопроса: не имело ли места в крымско-готском понижение **u** > **o** (кроме позиции перед сопорными — ср. brunna, suno) или нарушение известной по классическому готскому дистрибуции **u/o** — ср. крым.-гот. plut при гот. bloþ.

handa 'manus' 'рука'. *Группа 1.*

Гот. *handus* (ж.р.-у) к греч. *χεῖρ* 'рука' (*Мф.* 5, 30). Ди. *hond*, ла., дфриз., дс. *hand*, днн. *hant* 'рука'. Этимология слова считается спорной, однако согласно распространенной линии развития семантики «рука» < «хватать, собирать» (лит. *rankà* — *riñkti* 'собирать' [Fraenkel 1962–1965, 697]) это слово следует считать производным от германской основы **hinþan(an)* 'хватать' — ср. гот. *fra-hinþan** (сгл. 3) 'захватывать, брать в плен'. Эту этимологию предлагали еще Я. Гримм [Grimm 1878, 35], однако она до сих пор не вполне оценена — вероятно, из-за неясности индоевропейской основы, условно восстанавливаемой как **kem-* 'собирать' (дискуссия и ссылки: [Lehmann 1986, 122, 176–177]).

В случае, если крым.-гот. *handa* — корректная запись формы именительного падежа, следует предположить отпадение флексии, что вероятно для существительного ж. р. (**handu* как *faihu* ср.р.), и редукцию или специфическое воспроизведение основообразующего суффикса *-u-*. Если же *handa* — форма какого-либо из косвенных падежей, то прежде всего следует учитывать гот. *handau* (дат.п. ед.ч.) и *handu* (вин.п. ед.ч.). М. Стернс предполагает редукцию в исходе слова: исконное крым.-гот. *u* > (позднее) крым.-гот. *ə*, причем последний звук был передан информантом не как редуцированный, а как полный гласный [Stearns 1978, 138]. Необходимо отметить, однако, что возникающий в результате редукции звук *ə* по своему звучанию ближе к *e* и при игнорировании фонетических особенностей языка обычно передается посредством *e* (ср. небрежную реализацию немецкого «Mittel-э» носителями языков, где данный звук не представлен). Вряд ли такой «э» был настолько открытым, что Бусбек услышал его как «а». Логичнее предположить, что исконный *u* редуцировался или был воспроизведен информантом как открытый *a*-образный *o*, записанный Бусбеком как *a*. Если же зафиксированная Бусбеком форма *handa* восходит к косвенным падежам, то в классическом готском открытый *o* представлен в дательном падеже единственного числа как результат стяжения **au* в безударной позиции.

hazer 'mille' 'тысяча'. *Группа 3.*

Интерпретируется как заимствование из ср.-перс. *hazār* 'тысяча' через посредство турецкого. Ср. венг. *ezer* из того же источника [Kisch 1925, 2]. Готское слово для обозначения тысячи — *þusundi* (ж.р. -jo-). М. Стернс отмечает здесь, что начальное [x], как и во всех подобных случаях, отсутствовало в крымско-греческом и было, таким образом, недоступно крымскому греку, который, тем не менее, «аккуратно воспроизвел» этот звук в заимствованном из персидского числительном [Stearns 1978, 138]. Однако не следует забывать, что беседовавший с Бусбеком крымский грек выступал прежде всего как информант в области крымско-готского, а этот язык, разумеется, мог иметь звуки, отличные от фонетики крымско-греческих диалектов, и сведущий информант обязан был их воспроизводить. Так, хотя в русском языке отсутствуют межзубные спиранты *θ/ð*, люди, заявляющие о своем владении

английским, должны уметь их произнести, пусть в фонетической системе родного языка аналогии этих звуков отсутствуют. В. Леман подчеркивает тот факт, что крымско-готское слово со значением «сто» также представляет собою заимствование [Lehmann 1986, 181].

hoef 'caput' 'голова'. *Группа I.*

М. Стернс считает, что лексема передана с опечаткой и, предполагая ориентацию Бусбека на ср.-флам. *hoest* 'голова', реконструирует запись как **hoest*, крым.-гот. **hoft* [Stearns 1978, 138]. Регулярное соответствие греч. κεφαλή 'голова' в готском переводе Св. Писания — *haubīþ/haubid* (ср. р. -а). Ди. *haufuð*, да. *hēafod*, дфриз. *hāved*, ис. *hōbīd*, двн. *houbit* 'голова'; ди. *hofuð*, гутн. *hafuþ*, да. *hafud* 'голова'. Этимология неясна ввиду вариаций корневого вокализма (формы с дифтонгом и кратким гласным). Ближайшей индоевропейской параллелью является лат. *caput* 'голова' < и.-с. **kap-ut-* 'голова' с первичным значением 'горшок, сосуд' (др.-инд. *carālam* 'чаша; череп') [Lehmann 1986, 178]. Своеобразие фонетического облика может быть обусловлено табуированием важной части тела.

В имеющейся крымско-готской форме можно видеть: 1) сохранение начального **h**; 2) стяжение дифтонга **au** > **o** (в записи Бусбека **oe** = **ō**); 3) оглушение спиранта **b** > **f**. Последнее могло произойти лишь в том случае, если спирант оказался в конечной позиции, то есть должно было произойти синкопирование безударного **i**: *haubīþ* > **hoþr* > **hofr*. И хотя конъектура М. Стернса восстанавливает недостающий по сравнению с классической готской формой конечный звук (**t** < **þ**), можно считать форму *hoef* корректной, предполагая здесь либо ассимиляцию **hoþr* > **hof(f)*, либо неумелое воспроизведение информантом конечного спиранта **þ**. Необходимо иметь в виду и то, что синкопирование безударного **i** также могло быть характерно не для самого крымско-готского, но для его специфической реализации в устах носителей других языков.

hus 'domus' 'дом'. *Группа I.*

Примечательное отличие от лексики готской Библии, где греч. οἶκος 'дом' регулярно передается готским *gaiz* (ср. р. -а), соответствиями которого являются ди. *gann*, да. *æt*, гсп 'дом' (ср. тж. гот. *ga-gazna** — ди. *granni* 'сосед'). Параллель крым.-гот. *hus* обнаруживается лишь в готском композите *gud-hus** (ср. р. -а) к греч. ἱερόν 'храм' (дат.п. ед.ч. — *Ин.* 18, 20). От *gudhus* считается калькой лат. *domus Dei* < греч. κυριακόν [Lehmann 1986, 161] — ср., однако, ди. *godahús* в применении к языческим реалиям, при *blóthús* 'место поклонения богам, меньшее, чем *hof*' [Cleasby/Gudbrand Vigfusson 1957, Beck 1967, 30–31].

Ди. *hús*, да., дфриз. *hūs*, ис., двн. *hūs* (ср. р. -а-) 'дом'. По Ф. Кауфману, герм. **hūsan-*, в отличие от других терминов, в древнейшую эпоху служило обозначением постройки, имевшей одно помещение (комнату) — ср. ниж.-нем. *bak-hus* 'пекарня', *brau-hus* 'пивоварня' [Kauffmann 1907, 286–287]. Очевидно, обобщение в крымско-готском слова *hus* как основного обозначения дома свидетельствует о диалектном расхождении между языком готской Библии и крымско-

готским. Тем не менее, следует принять во внимание указание В. Н. Топорова: «Отмечаются и такие случаи, когда отсутствие в крымско-готском соответствия слову из готской Библии, по сути дела, оказывается мнимым». Исследователь привлекает внимание к следующему факту: на основе крымско-татарского заимствования реконструируется крым.-гот. **gaizna*, что соответствует уже известному гот. *gaizn* ([Топоров 1983, 239] со ссылками на: [Karsten 1928, 182 по сообщению Микколы], [Feist 1939, 396, Schwarz 1951, 164]⁹). Крымско-татарское слово имеет значение 'обрешетка крыши' ('*Dachlatte*'), вероятно, являющееся исконным для гот. *gaizn*, на что указывает фин. *gahna* 'планка' (интерпретируется как заимствование из германского) или да. *gæsn* 'планка'. В. Н. Топоров заключает: «Тем самым крымско-татарское слово сохраняет тот древнейший смысл, который отсутствует в готском слове, как оно засвидетельствовано у Вульфилы» [Топоров 1983, 240]. Это даст основания можно предполагать, что в крымско-готском (как и в классическом готском) было несколько слов со значением «дом» и различными предметно-терминологическими оттенками.

ich 'ego' 'я' в '*ich malthata*' 'ego dico' 'я говорю'. *Группа 2*.*

Гот. *ik* к греч. *ἐγώ* 'я' (*Мф.* 5, 22 и др.). На основании подобных примеров (ср. крым.-гот. *mycha* при гот. *meki*) О. Хёфлер предполагал «второе передвижение согласных» в крымско-готском [Höfler 1956, 1957]. Однако крымско-готский материал не представляет наглядной и последовательной картины такого явления, и потому более предпочтительны иные объяснения. Р. Лёве считал, что исконный *k* в крым.-гот. *ich* и *mycha* стал палатальным спирантом под влиянием предшествующего палатального гласного [Loewe 1896, 144, 172]. Э. Шварц усматривал здесь сильную аспирацию исконного *k* [Schwarz 1951, 170]; та же посылка была исходной для О. Хёфлера, однако исследователь развил ее в соответствии со своей теорией о «восточногерманском передвижении согласных» [Höfler 1957, 250]. М. Стернс считает, что появление [x] в крым.-гот. *ich*, *mycha* вызвано искажением слова в речи информанта, поскольку в фонологической системе крымско-греческого не было аспирированных смычных [Stearns 1978, 148]. И напротив, можно предположить, что Бусбек оформил хорошо известное ему германское личное местоимение по «верхненемецкому» образцу, хотя крым.-гот. *ich* парадоксальным образом не отнесено к группе известных Бусбеку слов.

Формальное отнесение крым.-гот. *ich* к группе 2 обусловлено сочетанием этого известного и легко распознаваемого местоимения с незнакомой Бусбеку глагольной формой *malthata*.

iel 'vita sive sanitas' 'жизнь или здоровье'; *ieltsch* 'vivus sive sanus' 'живой или здоровый'; *iel uburt* 'sit sanum', 'пусть будет цело и сохранно'. *Группа 2*.

Х.Ф. Массман интерпретировал форму *iel* как продолжение готского **hail* (прил. -а, ср. р.) [Massman 1848, 360]. Гот. *hails* (прил. -а) засвидетельствовано в качестве соответствий греч. *ὑγιής, ὑγιαίνων* 'здоровый, целый' (*Ин.* 7, 23),

⁹ См. описание этого типа постройки в разделе 1.1.11.

χαῖρε 'радуйся; здравствуй' (Ин. 19, 3); существуют и такие формы, как ga-hails к греч. ὁλόκληρος 'целый, неповрежденный' (1 Тим. 5, 23), un-hails к греч. ἄρρωστος, κακῶς ἔχων 'больной' (Лк. 5, 31), а также многочисленные производные --- un-haili (ср. р.-ја-) 'болезнь', (ga-)hailjan (слгл. 1) 'исцелять', ga-hailnan (слгл. 4) 'исцеляться' [Lchmann 1986, 169-170]. Но надпись на кольце из Пьетроассы, соотносимой с ареалом расселения готов на территории нынешней Румынии, восстапавливается также старперуническое hailag; к истолкованию надписи и обсуждению значения слова ср. [Ланина 2001, 64-78]. В эпиграмме «De convivii barbaris» («О пирах варваров», «Anthologia Latina») готское (вандалское?) hail застительствовано в виде eils (мн.ч.): «inter eils goticum scapia matzia ia drincan // non audet quisdam dignos edicere versos «меж готских eils [и] scapia matzia ia drincan [- меж готских здравиц, «давайте есть и пить»] никто не услышит декламации достойных стихов». Основа *hail- 'целость и сохранность', 'удача' имеет общегерманское распространение и богатое морфологическое оформление --- ди. heill, да. hæl (на. whole), дфриз. hēl, лс. hēl, двп. heil 'здоровый, целый'; ди. heil 'счастливое предзнаменование', 'счастье, удача', да. hāl, лс. hēl, двп. heil 'счастье, удача'; ди. heilag, да. hālig, дфриз. hēlich, лс. hēlag, двп. heilag 'целый и невредимый', 'святой'; слабый глагол 1 класса со значением 'исцелять' во всех древнегерманских языках; такие производные глаголы, как ди. heilsa 'приветствовать', да. hālsian 'изгонять злых духов', двп. heilsōn 'наблюдать предзнаменования', да. hālettan, двп. heilazzen 'приветствовать', а также древнеанглийскую приветственную формулу wes hāl 'будь здоров, привет тебе' (> на. wassail 'пирушка, здравница, заздравная чаппа') [Lchmann 1986, 169-170], проникшую в корнский язык в виде «застывшего» wassel¹⁰. Соответствующая индоевропейская основа *kailo- имеет достаточно широкое распространение --- ср. др.-прус. kails 'целый и невредимый, здоровый', kailüstiskun (вин.п.) 'доброе здравие', pats kails 'счастливого пути', ст.-слав. цѣль 'целый', цѣлити 'исцелять', цѣлюж 'приветствую', др.-валл. coïlou 'прорицатели', валл. coel 'предзнаменование', др.-ирл. céil 'прорицание' (заимствовано из бретонского), др.-брет. coel 'толкователь предзнаменований' [Lchmann 1986, 170]. Однако Э. Бенвенист отмечает, что эта индоевропейская основа неизвестна индоиранскому и греческому [Бенвенист 1995, 347].

Очевидно, что рассматриваемые крымско-готские формы являются продолжениями этой весьма устойчивой основы, при всех фонетических модификациях сохраняющей в разных языках почти аналогичную семантику, опознаваемую даже при глоссировании. Однако при бесспорной этимологии морфологическая интерпретация каждой из крымско-готских форм остается довольно проблематичной. Так, по мнению Р. Лёве, форма ieltsch имеет своим прототипом гот. *hailisks [Loewe 1896, 162]. Судя по всему, такая реконструкция обусловлена исключительно фонетическим обликом крым.-гот.

¹⁰ Ср. корнскую рождественскую заздравную песню «Gans agan Wassel» с соответствующим припевом.

ieltsch, поскольку образование *hailisks выглядит как искусственное. Основа hail- во всех древнегерманских языках (возможно, и в готском, если расшифровка надписи из Пьетроассы прямо соотносится с готским языком, а не только с руническим койне) оформлялась суффиксом -g-, а не -isk-; последний обозначал принадлежность, происхождение, что не увязывается с семантикой основы *hail- и известными типами оформления производных этой основы. Т. фон Гринбергер предложил для крым.-гот. ieltsch реконструкцию *hailips (прич. II от гот. hailjan; [Grienberger 1898, 125]). Возможно, однако, что полностью доверяться информанту в данном случае не стоит — ведь латинская глосса «vivus sive sanus» соответствует прежде всего исходному готскому hails. Крым.-гот. iel указывает, что основа оформлялась без каких-либо специфических дополнительных суффиксов. Информант мог небрежно или даже неверно воспроизвести слово, а Бусбек, не распознавший германской основы, не внес никаких корректив.

Крым.-гот. iel uburt X. Ф. Массман интерпретировал как отражение гот. hail waurþai [Massmann 1841, 363], Р. Лёве — как hail waurþi, ср. ди. ves heill, да. wes hāl, нл. wassail [Loewe 1896, 124]. Тем самым эти реконструкции, вполне оправданные типологически и фонетически, допускают, что в крымско-готской здравнице использовался не глагол со значением 'быть', а глагол со значением 'становиться' (в форме претерита опгатива).

В. Леман оценивает отраженную у З. Файста гипотезу о заимствовании венг. eles 'жизнь' как маловероятную [Feist 1939, 290, Lehmann 1986, 204]. Действительно, зафиксированная у Бусбека сочетаемость крым.-гот. iel с формой, объясняемой как продолжение гот. wairþan, наличие производного ieltsch, пусть и не поддающегося однозначной интерпретации, а главное — синкретическая семантика «жизнь + здоровье» (ср. рус. *целый* = «живой и здоровый»), позволяет с достаточной долей уверенности говорить о продолжении гот. hails. Обсуждая утрату начального h-, М. Стернс указывает на сходный прецедент — фиксацию готского слова в указанной латинской эниграмме [Steams 1978, 139]. Представляется, что крым.-гот. iel может свидетельствовать о стяжении дифтонга ai в крымско-готском. С точки зрения семантики примечательна устойчивость германской основы во многоязычной среде.

См. ниже uburt.

ies 'ille' 'тот', 'он'. *Грунна 2**.

По мнению большинства исследователей, наиболее вероятно возведение к готскому личному местоимению is (3 л. ед.ч.). Эта версия была выдвинута Х. Ф. Массманом [Massmann 1841, 362] и поддержана Р. Мухом, Т. фон Гринбергером, В. Леманом [Much 1898, 201, Grienberger 1898, 131, Lehmann 1986, 204]. Гот. is 'он' (к греч. αὐτός — *Ик. 4, 43* и др.) имеет параллели в виде ди. es, (поздн.) er, младшнгерун. ias, iaz, is (относит. частицы); дфриз. -(er)e (энклитич.); днл. er 'он'. Эти формы возводятся к индоевропейским местоименным основам *e-, *eu-, *i- (первоначально указательным), составившим парадигму анафорического местоимения — ср. здесь др.-инд. au-ām,

авест. *ayəm* 'этот', др.-инд. *iṃ-am* 'он'; др.-инд. *i-há*, авест. *i-ḍa* 'здесь'; греч. *iv* (вин.п.) 'этот'; лат. *is* (м.р.) 'этот'; лит. *jīs* 'он' и др. [Lehmann 1986, 207].

Менее убедительна реконструкция прототипа в виде гот. *jains* 'гот' [Tomaschek 1881, 65], отраженная также у Р. Лёве [Loewe 1896, 136, 138]. Принимая этимологию крым.-гот. *ies* < гот. *is*, М. Стернс объясняет начальное *j* как призвук [Stearns 1978, 140].

ita 'один'. *Грунна* 3.

Х.Ф. Массман [Massmann 1841, 362] интерпретирует форму как продолжение гот. **ainata* ср.р. < *ains* (ср. *ies* — **jains* по Томашеку и фон Гринбергеру). П. Скардигли [Scardigli 1964, 304] предпочитает приведенному объяснению другое предположение Массмана: *ita* — средний род от *is* 'он' (см. выше). *Ita* как продолжение готского указательного местоимения среднего рода *ita* не требует объяснений в формальном плане, однако М. Стернс усматривает в этом решении непреодолимые семантические затруднения [Stearns 1978, 140–141]. Тем не менее, исследователь всё же не исключает сравнения с гот. *ita* 'оно; это', поддерживая гипотезу Э. Хэмпа: на основе восточноевропейского (славянского?) постулируется семантическая модель 'гот + один' (ср. ст.-слав. *единъ*) и восстанавливается пра-крымско-готское **ita-aina* с утраченным впоследствии *-aina* [Stearns 1978, 140–141]. Это решение оценено В. Леманом как проблематичное [Lehmann 1986, 208].

З. Файст сопоставил крым.-гот. *ita* с ди. *citt* 'один' [Feist 1917, 22], но не включил эту гипотезу в словарь готского языка [Feist 1939]. Однако это предположение вполне допустимо, поскольку ди. *citt* (о генезисе формы см. [Noreen 1923, § 266, 2(a)]) является ближайшей параллелью незасвидетельствованной формы среднего рода от готского *ains*. Известно, что последнее склонялось как сильное прилагательное, и потому массмановская реконструкция **ainata* вполне оправдана. М. И. Стеблин-Каменский указывает, что числительное *cinn* склонялось как сильное прилагательное и имело, наряду с другими, форму им. и вин. п. ср.р. *citt*, причем *cinn*, *citt* могли выступать и как неопределенное местоимение: *konungr cinn i Danmark* 'один король в Дании', *citt sinn* 'один раз' [Стеблин-Каменский 2002, 83, 99]. Форма *citt* многократно засвидетельствована в эддической поэзии (ср. [Cleasby/ Gudbrand Vigfusson, 1957, 122]). В пользу сближения крым.-гот. *ita* // ди. *citt* можно указать на употребление шв. *cit* при счете *cit, två, tre* и т.д. (ср. крым.-гот. *ita, tua, tria* и т.д.).

Однако возможна ли трансформация гот. **ainata* > *ita*? В отношении вокализма — вполне: общегерманский и раннеготский дифтонг **ai-* должен был претерпеть стяжение в более позднем готском, а образовавшийся [ε] мог быть воспроизведен крымским греком — информантом Бусбека — как закрытый [e], близкое к [i]. Куда более проблематична реконструкция консонантизма. В крымско-готском не было «регулярных» ассимиляций, потому упрощение **enata* > *ita* можно объяснить лишь сильным внешним искажением. В таком случае возможно, что информант не сумел правильно воспроизвести группу согласных с носовым.

Итак, этимология крым.-гот. *ita* предполагает отсылку либо к основе германского и индоевропейского указательного местоимения (см. *ies*), либо к основе количественного числительного — гот. *ains*, ди. *cinn*, ла. *ān*, дфриз. *ēn*, лс. *ēn*, двн. *cīn* 'один' < и.-с. **ou-no-* (греч. *οἷν* (ж.р.), др.-лат. *oino(m)* (вин.п. м.р.), лат. *ūnus*, др.-ирл. *ōc/in*, др.-прусс. *ains*, ст.-слав. *инѣ, ед-инѣ* 'один') [Lehmann 1986, 17]. При этом ввиду сильного искажения исходной формы вопрос о влиянии систем счета других языков остается открытым (исключая лишь влияние греческого — ср. новогреч. *ένα* 'один').

kilemschkop 'cbibe calicem' 'пей чашу', 'пей до дна'. *Группа 2*.

В. Леман справедливо замечает, что большинство подобных фраз характеризуется непроясненной этимологией [Lehmann 1986, 218]. И действительно, если для того или иного отдельного крымско-готского слова обычно стоит вопрос об исконном фонетическом облике и намечаются хотя бы условные этимологии, то крымско-готское словосочетание требует прежде всего деления на слова и обоснования именно такого, а не иного деления. В крым.-гот. *kilemschkop* большинство исследователей выделяет лексему **кор*, сопоставляемую с ди. *korpr*, ла. *corr*, двн. *chorp* 'кубок', 'чаша' < лат. *cuppa* 'кубок' [Feist 1939, 311, Grienberger 1898, 130, Siebs 1922, 170, Stearns 1978, 142]. Х. Ф. Массман предлагал иное членение: **schkop* как параллель лс. *skar*, двн. *scaf* 'сосуд' [Massmann 1841, 363]. Таким образом, в исходе словосочетания обычно предполагается то или иное обозначение чаши, кубка, соответствующее лат. *calix* 'чаша, кубок'. Примечательно, что П. Скардигли видел здесь искаженное заимствование лат. *calix* или греч. *κύλιξ* 'чаша' [Scardigli 1964, 305]. Однако В. Томасек выделял второй компонент *-schkop*, сопоставляя его с нн. *schöpfen* 'черпать' [Tomaschek 1881, 65].

Наиболее спорна интерпретация первой лексемы. Х. Ф. Массман выделял основу *kilem-* и восстанавливал крым.-гот. **kinim-* < **ganim-* 'брат' [ibid.], но эта реконструкция представляется произвольной. Версия Т. фон Гринбергера — **kilaima weis* (kup) 'выпьем (чашу)' > **kilem-s-kor*, однако реконструируемый здесь готский глагол **kilan* со значением 'глотать' не зафиксирован и не имеет параллелей в германском ареале. Для обоснования реконструкции исследователь привлекал др.-инд. *gilāti* 'глотать', *girāti*, ср. лит. *gérti* 'пить' [Grienberger 1898, 130] (ср. ниже).

Т. Зибс усматривал в первой части *kilemschkop* трансформированный глагол *ga-limran** и трактовал *kilemschkop* как **galimpai* (<**galimpiþ*), интерпретируя словосочетание как 'пусть чаша принесет удачу' [Siebs 1922]. З. Файст не находил убедительных германских параллелей и считал **kilemsch* негерманским словом [Feist 1939, 311]. М. Степнс при обсуждении словосочетания не выдвинул новой этимологии [Stearns 1978, 141–142].

Нельзя исключить, что у словосочетания могут быть не обнаруженные до сих пор параллели в языках, менее известных германистам (иранских, тюркских). Если же искать решения в сфере германского и широкоизвестного индоевропейского материала, то прежде всего следует указать на готскую фразу

в приведенной выше (см. **iel**) эниграмме «De conviviis barbaris» («Anthologia Latina») — *inter eils goticum scapia matzia ia drincan* «меж готских *eils* |и| *scapia matzia ia drincan*». Здесь в застольном восклицании употребляется либо одна из форм готского глагола **skarjan* ‘создавать’, либо обозначение слуги-виночерпия **skapi* (последняя версия — [Lehmann 1986, 298]), либо производное от того же корня существительное со значением «чаша, сосуд», имеющее параллели в виде др. *skar*, див. *scaf* ‘чаша, сосуд’ (ср. версию Х. Ф. Массмана). Однако строение готской фразы из эниграммы скорее свидетельствует в пользу глагола *skarjan**, поскольку, во-первых, обозначение «питья» занято здесь глаголом *drincan* (гот. *drigkan*, *driggkan*, сгл. 3 к греч. *πίνειν* ‘пить’ в контексте *Мк. 2, 16* и др. [Lehmann 1986, 94]), а во-вторых, *matzia ia drincan* выглядят как два однородных дополнения — «есть и пить», «еды и пить[я]» — при управляющем ими сказуемом, которое в таком случае должно быть выражено повелительным наклонением глагола со значением «давайте, принесите» и т.п., то есть одной из форм гот. *skarjan**. В тексте готской Библии засвидетельствован только глагол с превербом *ga-skarjan** (сгл. 6 *j-през.*) к греч. *κτίσσι* ‘создавать’ (претерит *ga-skor* — *Мф. 13, 19*). Глагол без преверба существует во всех древнегерманских языках — ди. *skara*, претерит *skór*, ди. *skerja*, да. *sciërpan*, *scyrpan*, дфриз. *skeppa*, др. претерит *gi-skor*, др. *skeppian*, див. *scarphen* (сгл. 6, претерит *scuof*), *scepfen* (сгл. / сгл.), *scaffōn* (сгл.) ‘создавать’. Индоевропейская основа *(s)ka- / *(s)kā- (по Леману, *(s)kelI-) оформляется различными лабиальными суффиксами — -bh- / -b- / -p- и имеет широкий круг индоевропейских параллелей; ближайшие к германской глагольной основе — лат. *scabō* ‘царапать, скоблить’, лит. *skabėti* ‘резать, рубить’, ст.-слав. *скобль* ‘резец’ [Lehmann 1986, 148–149], рус. *скоблить*.

В гот. (kilēm)*schkop* также можно видеть одну из форму глагола **skarjan* — претерит *skor** или, что менее вероятно, искаженный императив (точный способ образования этой формы от гот. **skarjan* нам неизвестен, однако в ней должна сохраняться огласовка настоящего времени, а кроме того, германский императив тяготеет к началу фразы). Употребление в здравнице претерита придавало бы формуле смысл констатации, нечто вроде: «Чашу вышил», «Хорошо пошла». Тогда неясное начальное *kilēm-* должно занимать место дополнения или обстоятельства при глагольном сказуемом. В отношении обстоятельства (выраженного прилагательным или наречием) нельзя сказать ничего определенного, а дополнение в этом контексте может выражаться лишь существительным со значением «чаша» или «глоток». Таким образом, заслуживает внимания версия II. Скардили о заимствовании крымскими готами латинского или, что более вероятно в этнокультурном плане, греческого слова со значением «килик, чаша, кубок». Если же реконструируемое существительное связано с обозначением не чаши, но акта питья, глотка, то следует учесть гипотезу Ф. Клуге о родстве **kilēm* с див. *kela*, да. *ceole*, нн. *Kehle* ‘глотка’ [Kluge 1967, 361]. О/г **kelōn-* ‘горло, глотка’ имеет многочисленные индоевропейские соответствия — лат. *gula* ‘глотка’, нар.-лат. ‘рот’, *gulōsus* ‘прожорливый’, *gulō*,

gulōnis ‘обжора’, др.-ирл. gelim ‘ем, пожираю, пасусь’, др.-инд. girāti, gilāti ‘глотаёт, пожирает’ и возводится к и.-с. *gcl- или *g^wcl- [Walde / Hoffmann 1938, 625–626]. Вопрос о соотношении этих основ с и.-с. *ger- и *g^wer- оставлен в этом в словаре открытым, однако уместно предполагать в данном случае их соотношение посредством гетероклитики.

Если же видеть во второй части крымско-готского словосочетания реконструированное Массманом *skap ‘чапа, сосуд’ или предполагаемое другими исследователями *kor ‘чапа’, то в первой логично усматривать глагол, возвращаясь к версии Т. фон Гринбергера о германском *kelan-/kilan-. Ближайшим соответствием этого незасвидетельствованного глагола оказывается др.-ирл. gelim ‘ем, пожираю, пасусь’. Разумеется, такой глагол мог принадлежать лишь низкому стилю и потому не получить письменной фиксации; ср. многочисленные реконструкции подобных «низких», «солдатских» германских слов, заимствованных в романские языки [Gamillscheg 1934 — 1936].

knauen в приветствии **knauen tag** ‘bonus dies’ ‘добрый день’. *Группа 3.*

В. Томашек сопоставил это слово с ди. knár ‘превосходный’ и реконструировал гот. *knawana [Tomaschek 1881, 62]. Р. Мух привлекал в качестве сравнения лат. (g)nāvus ‘деятельный’, др.-ирл. gnōc ‘превосходный’, ср.-брет. gnoic ‘очевидный’, валл. go-gnaw ‘деятельный’ [Much 1898, 198]. В отношении англ.-уэст. лат. (g)nāvus 3. Файст указывал на лат. gāvus ‘серый’ при ди. grár, да. græg, двн. grão, grāwer ‘серый’ [Feist 1939, 313]. Э. Хэмп считал кельтские параллели убедительными [Hamp 1976, 39]. В. Леман возводит лексему к и.-с. *gen-, gnā- ‘знать’, ‘узнавать’ [Lehmann 1986, 219]. В отношении развития семантики ср. рус. *знатный* ‘отличный, высокий по качеству или количеству (прост.)’.

kommen ‘venire’ ‘приходить’. *Группа 1.*

Особенности оформления лексемы заставляли исследователей предполагать, что Бусбек записал «немецкое слово». Тем не менее, следует учитывать, что сама возможность интерференции возникает там, где имеется определенное сходство с известными языковыми данными. Можно видеть, что Бусбек в целом ряде случаев («группа 2») записывает явно странные и непонятные для него слова и словосочетания, не пытаясь заменить их немецкими или нидерландскими. М. Стернс предпринимает попытки объяснить фонетический облик крымско-готской формы, исходя из основной посылки о распадении лабиовелярного **k^w** — ср. гот. qiman ‘приходить’ [Stearns 1978, 142–143]. В отношении огласовки инфинитива ср. поддержанную В. И. Топоровым гипотезу Э. Шварца об отражении диалектных различий между крымско-готским и вестготским, согласно которой крым.-гот. kommen имеет своей непосредственной параллелью не гот. qiman, а ди. koma [Schwarz 1951, 163–164, Топоров 1983, 239]. Однако общегерманский глагол со значением «приходить» традиционно восстанавливается с начальным лабиовелярным и возводится к и.-с. *g^wem- / g^wm- [Lehmann 1986, 276–277].

Трудно предполагать, что в крымско-готском kommen имела место геминация (кроме **brunna** и неясного **borrotsch**, геминат в засвидетельствованных

крымско-готских словах нет). Очевидно, исконная крымско-готская форма подверглась трансформации на фоне западногерманских данных и должна быть реконструирована в виде **koṃen* (е как результат редукции). Трактовать ее можно двояко: 1) как генетически не связанную с гот. *qīman* (версия Шварца); 2) как продолжение гот. *qīman*. Такие формы, как ди. *komā*, да. *sūman* (сигл. IV), могут интерпретироваться не только как аористно-презентные глаголы, но и как глаголы с лабиовелярным в анлауте и лабиализацией исходного *e* вследствие распада *kʷ* > *ku-/ko-* (ср. [Ершова 1998]). О. А. Смирницкая отмечает, что ди. *komā* и да. *sūman* не обязательно имеют общую фонетическую историю, но в отношении ди. *komā* следует иметь в виду развитие ди. *sofa* 'спать' — претерит ед.ч. *svaƿ*, претерит мн.ч. *svāfu* (ср. тж. ди. *svēfn* 'сон')¹¹. Это означает, что для крым.-гот. **koṃen* можно предположить ту же схему развития фонетики: **qīman* > *quīman* > *kuman* > *koṃen*. В любом случае, исследователи оценивают крым.-гот. *kommen* как реальную форму [Stearns 1978, 142–143, Lehmann 1986, 276], не считая его словом-фантомом, очередным «летучим Голландцем».

kor 'triticum' 'пшеница'. *Группа I*.

Предположительно — опечатка вместо **korn* (ср. гот. *kaurn*) [Stearns 1978, 143]. Рун. *-kurne* (лат. п., Tjurko), ди. *korn*, да. *corn*, дс., дфриз. *korn*, двн. *korṃ* 'зерно'; лат. *grānum*, др.-ирл. *grān*, ст.-слав. *зръно*, рус. *зерно* 'зерно' < и.-с. < и.-с. **gr̥no-* (**gr-II-nom*) [Lehmann 1986, 217]. Форма *kor* вместо **korn* могла возникнуть в результате непонимания или описки, однако важно, что эта основа засвидетельствована во всех германских языках и сохраняла неизменный фонетический облик на протяжении веков. Можно предположить ассимиляцию *rn* > *rr* (в записи Бусбека *r*) — ср. крым.-гот. *bar* и, возможно, *fers*; однако нельзя исключить и искажения слов в устах информанта-грека. Примечательно, что пшеница в классическом готском — *hwaiteis* (м.р.-ja, род.п. ед.ч., *Ил.* 12, 24), ср. ди. *hveiti*, да. *hwæte* (на. *wheat*), дфриз. *hwēte*, дс. *hwēti*, двн. *weizzi* и гот. *hveits** 'белый'. Толковать это соотношение можно двояко: 1) как утрату общегерманского обозначения пшеницы в крымско-готском; 2) как следование информанта бытовому узусу, в котором крым.-гот. **korn* 'зерно' обозначало пшеницу как наиболее распространенный в Крыму сорт зерновых.

lachen 'ridere' 'смеяться'. *Группа I*.

В тексте готской Библии засвидетельствован глагол *hlahjan** 'смеяться' (сигл. 6, только в форме прич. I мн.ч. вин.п. — *Ил.* 6, 25). Параллели гот. *hlahjan* — ди. *hlæja*, да. *hlichhan*, *hlæhhan*, дс. *hlōgun* (прет. мн.ч.), *bi-hlagan* (прич. II), двн. (h)lahhan, lahhen 'смеяться'; греч. κλάζω 'каркать, квакать, ворчать', κλωμός 'команда лошади', κλάζω 'выкликать', лит. *klėgeti* 'кудахтать, гоготать', лтш. *kladzet* 'болгать', восходящие к и.-с. **kel-* /**k̑-* 'кричать, звать' + *-ō-* / *-a-g-* (< eHg) с ониматопоэтическим варьированием [Lehmann 1986, 185]. Идентичность крымско-готского и немецкого слова вполне может являться

¹¹ Устное указание.

результатом независимого параллельного развития форм. Как видно из крым.-гот. *ginck* 'кольцо' (< о/г **hringaz*), сочетание *hr*, нестойкое во всех германских языках, не сохранялось и в крымско-готском. Очевидно, что аналогичная судьба должна была постигнуть и сочетание *hl*. Гласный *e* закономерно объясняется как результат редукции. В отношении *j* М. Стернс подчеркивает, что этот инфикс, если он вообще был представлен в исходной форме, мог исчезнуть, не успев вызвать *i*-умлаута [Stearns 1978, 143]. Это предположение следует рассмотреть подробнее. Прежде всего, *j* действительно мог отсутствовать в изначальной крымско-готской форме по причине вариативности форм *j*-презентных глаголов. Как известно, колебания здесь возможны не только в разных древнегерманских языках (ср. гот. *sitan* — ди. *siþja*, да. *sittan* 'сидеть', гот. *ligan* — ди. *ligja*, да. *liegan* 'лечь'), но и в пределах одного языка и синхронного среза — ср. гот. *bidjan*, *bidan* 'просить, молить'. Потому вопрос о причинах и путях исчезновения *j* представляется в данном случае излишним. Что же касается отсутствия *i*-умлаута, то эта особенность вообще является характерной чертой засвидетельствованных крымско-готских форм.

lista 'parum' 'мало'. *Группа 2.*

Ф. Хольтхаузен и Э. Шварц возводили форму к о/г **lēst*, ср. да. *læst*, дфриз. *lēst* 'наименьший', что было поддержано М. Стернсом [Holthausen 1898, 34, Schwarz 1951, 36, Stearns 1978, 144]. По поводу отражения в крымско-готском общегерманского **ē* (*ē*₁) как *i* В. Леман указывает на такие примеры, как крым.-гот. *mine*, *schlipen*. Конечное *-a* в *lista* может, по мнению Лемана, являться показателем именительного/винительного падежа среднего рода [Lehmann 1986, 233]. Реконструируемая индоевропейская основа — **ley-* + *-s-*: ср. греч. *λοῖστος* 'последний', лит. *liesas*, лтш. *liess* 'стройный', да. *læs*, нс. *lës* 'меньше', сравнит. стел. да. *læssa*, дфриз. *lëssa* [Pokorny 1959, 662]. Эту версию В. Леман предпочитает различным попыткам объяснения крымско-готской формы как непосредственного продолжения гот. *leitist**, например, интерпретации *lista* как отражения гот. **leitista* в форме им. п. мн.ч. ср.р. [Grienberger 1898, 128–129] или трактовке слова как синкопированного **lei(t)-sta* < **leit-a-sta* (им./вин. п. ед.ч. ср.р.) [Loewe 1902–1903, 11]. Как отметил М. Стернс, местоименная флексия *-ata* не содержится в сильном склонении превосходной степени прилагательных [Stearns 1978, 144]. Возведение крым.-гот. *lista* к осет. *listag* 'узкий', предложенное В. Томашком и поддержанное Р. Лёве [Tomaschek 1881, 64, Loewe 1896, 136], равно как и прямое сближение со ст.-слав. *лишати* 'лишить' [Bezzenberger 1879, 81] в свете многочисленных германских параллелей представляется избыточным.

malthata в *ich malthata* 'ego dico'. *Группа 2.*

Слово сопоставляется с гот. *maþl* (ср.р. -а) 'собрание' к греч. *ἀγορά* 'рыночная площадь, агора' (Мк. 7, 4), 'собрание', *maþleins** к *λαλία* 'речь, говор' (Ин. 8, 43), 7 *maþljan** к *λαλεῖν* 'говорить, разговаривать' (Ин. 14, 30). Посредством гот. *faura-maþleis* (м.р.-ја) обобщается целый ряд греческих обозначений лица, наделенного властью — греч. *ἄρχων* 'начальник, архонт'

(*Жк.* 8, 41), ἡγεμών ‘правитель, игемон’ (*Неем.* 5, 14), ἐθνάρχης ‘правитель’ (2 *Кор.* 11, 32) и ἀρχισυνάγωγος ‘начальник синагоги’ (*Жк.* 8, 49). Германские параллели многочисленны и показательны: ди. *māl* ‘речь’, да. *mæþel* ‘совет’, ‘речь’, дс. *mathal* ‘суд, сходка’, да., дс. *māl* ‘беседа’, ‘доказательство’, двн. *mahal*, *māl* ‘суд’; ди. *mæla*, да. *mæþlan*, дс. *mahalian*, двн. *mahalen* ‘говорить’, ‘общаться’, тж. позднеслат. *mallus* ‘суд’ < **maþlá*, *mallare* ‘преследовать судебным порядком’ в «*Lex Salica*», лангобард. *gamahal* ‘свидетель при клятве’ [Massmann 1841a, 554, Lehmann 1986, 248].

В. Леман не видит формальных индоевропейских параллелей о/г **maþla-* и предполагает, что формы могли возникнуть на германском уровне или заимствоваться из неизвестного источника [Lehmann 1986, 248]. Однако такая гиперкритичная точка зрения весьма неожиданна, поскольку рассматриваемая основа аргументированно сопоставляется с праслав. **modliti* (сѣ), ст.-слав. *молити*, рус. *молить(ся)* [ЭССЯ 1993, XIX, 91]; эти формы, в свою очередь, сравниваются с хетт. *malda(i)*, *ma-al-di*, *ma-al-tai* ‘давать обет, прося что-л. у богов, общая принести им жертву’, арм. *małt’em* ‘умоляю’¹², лит. *maldyti* ‘просить’, да. *meldian* ‘объявлять’ и др. [Иванов 1960, 80–86, ЭССЯ 1993, XIX, 88]. Существует и версия о раннем германском заимствовании основы **modl-* из праславянского [Мартынов 2004, 21–22], однако рассмотрение этой проблемы не входит в задачи настоящей словарной статьи. Можно лишь отметить, что индоевропейский прототип германской основы **maþla-* должен выглядеть как **matlo-* или **motlo-*, и если постулировать общность основ **modl-/ *mold-/ *molt-*, то необходимо объяснить такое варьирование. О. Семереньи углубил индоевропейскую реконструкцию, возводя всю большую группу параллелей к и.-с. **mel-* / **mol-* (др.-ирл. *molor* ‘восхваляю’, греч. μέλος ‘песнь’) с разными расширителями: ср. лат. *prōmulgāre* ‘провозглашать’ и славянско-балто-хетто-армяно-германские формы с исходным **d* (цит. по: [ЭССЯ 1993, XIX, 91]). При этом исследователь считал, что в славянской форме произошла замена исконого индоевропейского *-tl-* на *-dl-* и потому эта форма не должна считаться вторичной (возникшей в результате метатезы). В итоге исконая индоевропейская форма восстанавливалась Семереньи как **mol-(dh)-tlo-* с последующим сокращением в **motlo* (цит. по: [ЭССЯ 1993, XIX, 91]).

Очевидно, что подобное нанизывание расширителей (последний из которых выглядит как орудийный суффикс) могло происходить лишь при переходе с более раннего индоевропейского на более поздний ареальный уровень. Исходная индоевропейская основа в любом случае должна восстанавливаться как **mel-* / **mol-*. К ней могли присоединяться расширители *-dh-* (> о/г *ð*, ср. да. *meldian* и др.)¹³ или *-t-*, функционирование которых

¹² Арм. *małt’em* восходит к и.-с. **małt^h-* и тем самым заставляет предполагать чередование **-d^h- / -t^h-* в исходе корня, на что указывали А. Мейс, О. Педерсен и О.Н. Трубачев [ЭССЯ 1993, XIX, 90].

¹³ Но не и.-с. **d*, которое дало бы о/г **t*.

в индоевропейском хорошо известно — ср. и.-с. *ghor-dh-(os) ‘огороженное место, город’ / *ghor-t-(os) ‘сад’ (см.: [ЭССЯ 1980, VII, 37–38]). Тогда для о/г *maþla- можно предположить не «усложнение-опрошение» по Семереньи, но ареальную метатезу (вполне допустимую в сакральном термине).

Можно видеть, что в германском эта основа (старый сакрально-юридический термин) уже выступает как немотивированная и подвергается дальнейшим фонетическим изменениям: ср. вариативность форм с **þ** (типа гот. maþl) и **h** (типа див. mahal), вызванную, очевидно, диссимиляцией труднопроизносимой группы **-þl-**. Для крымско-готской формы malthata следует предполагать метатезу ***lþ** < гот. **þl**, хотя можно предложить и более смелую интерпретацию malthata как уникального германского продолжения и.-с. *molt- без метатезы. Если считать, что расхождения крымско-готского с готским и общегерманским были значительными, такая гипотеза может расширить известную ситуацию, обычно иллюстрируемую крым.-гот. geep, трактуемым как атематический глагол, и т.п.

Однако надежнее придерживаться традиционного соотношения malthata с гот. maþljan*. Судя по принадлежности maþljan* к I классу слабых глаголов, можно заключить, что в крым.-гот. malthata отражена форма претерита ‘сказал’ [Förstemann 1874–1875, II, 166, Feist 1939, 349–350, Lehmann 1986, 247]. Т. фон Гринбергер интерпретировал слово как форму претерита 1 л. ед.ч. maþlida с метатезой **þl** > **lþ** и видоизмененным дентальным суффиксом [Grienberger 1898, 130–131]. На основании конъектуры, предложенной Р. ван де Вельде, М. Стернс интерпретировал malthata как форму настоящего времени 1 л. ед.ч. *mal(p) в контракции с указательным местоимением þata [Velde van de 1964, 111, Stearns 1978, 144–146]. Это остроумное предположение не подтверждается готскими фактами (ни одного случая такой контракции не засвидетельствовано). Кроме того, форма 1 л. ед.ч. от глагола maþljan* выглядела в готском как maþlja (Ин. 14, 30). Однако в данном случае важнее то, что М. Стернс интерпретировал крым.-гот. warthata ‘[ille] fecit / [tu] fecisti’ (см. warthata) аналогичным образом: war + thata ‘he made, did that’, что представляется излишним ввиду соответствия этой формы гот. waurhta — претериту 3 л. ед.ч. от waurkjan ‘делать’. Поэтому гипотеза Р. ван де Вельде и М. Стернса в отношении malthata, warthata представляется избыточной; уместнее предположить контаминацию значений «я сказал = я говорю» и употребление претерита в функции настоящего времени — ср. гот. wiljau (оптатив претерита от неправильного глагола wiljan ‘хотеть’) ‘я хотел бы’ = ‘я хочу’ или типологически сходное нл. ich möchte ‘я хотел бы’ = ‘я хочу’.

marzus ‘nuptiae’ ‘свадьба’. *Группа 2.*

Этимология неясна, однако предлагаемые версии разнообразны и интересны. Т. фон Гринбергер интерпретировал **z** как **þ**, указывая на крым.-гот. tzo < гот. þu ‘ты’ [Grienberger 1898, 125] и реконструировал гот. *marwiþos, привлекая в качестве основного аргумента свн. merwen ‘держат’ (+ zuo — в значении ‘связывать, жениться’), что представляется В. Леману маловероятным

[Lehmann 1986, 246]. Гипотеза об исходном готском *marþ-hus 'дом свадьбы', ср. гот. gud-hus [Much 1898, 198] несостоятельна по семантическим критериям. Весьма оригинальна гипотеза В. Томашека о композите *marþ-kus — «мстязыковая» реконструкция на основе др.-инд. māṛya- 'молодой человек', 'жених', лит. marti 'невеста', 'молодая женщина' + гот. kiusan 'выбирать' [Tomaschek 1881, 62], однако такая степень гибридности основ не наблюдается в крымско-готском словаре. Как известно, готское слово, обозначающее брак — liuga (ж.р.-о) < 'клятва' (ср. др.-ирл. lu(i)ge [Lehmann 1986, 235]), глагол со значением 'жениться' — liugan (снгл. 2). Вполне возможно, что в крымско-готском это слово было рано заменено другим. Обратим внимание, что обозначения свадьбы не отличаются высокой устойчивостью и могут варьировать даже в пределах одной, зачастую довольно узкой языковой группы — ср. рус. *свадьба*, укр. *весілля*; нл. *wedding*, нн. *Hochzeit*.

М. Стернс выдвинул версию о заимствовании крым.-гот. *marzus* из пгерманского языка, с возможным наложением ошибки информанта, типографа или даже самого Бусбека [Stearns 1978, 146], однако такой вывод представляет собой лишь констатацию типа «non leguntur». Трудно не согласиться с мнением В. Лемана об ошибочности сравнения с арм. *ma'rud* 'рабыня, девушка' [Kun 1880, 242–243] или лат. *martius* 'март' (с привлечением румынских данных) [Scardigli 1964, 305]. Если искать источник заимствования, надо ясно представлять, из какого языка на деле могли совершаться заимствования. Имеющиеся материалы указывают на крымско-татарский, турецкий, среднеперсидский через посредство турецкого. К словнику языков-соседей крымско-готского и следует обратиться.

В связи с этим весьма интересна этимология крым.-гот. *marzus*, выдвинутая О. Н. Трубачевым, и еще не нашедшая отражения в описаниях крымско-готского словаря. В рамках своей концепции об индоарийских реликтах в Северном Причерноморье исследователь, сопоставляя этноним *Máres* (понтийское племя), крым.-гот. *marzus* и др.-инд. māṛya- 'мужчина, юноша, жених', мн.ч. 'люди', реконструирует индоарийское *maria- '(молодой) мужчина'. Как поясняет О. Н. Трубачев, крымско-готская форма отражает уже проведенную диалектную (пракритскую) аффрикатизацию *j > j̥* в местном индоарийском (таврском). В связи с этой версией О. Н. Трубачев и А.К. Шапошников указывают также на форму *Márζακος* (имя собственное, Паптикапей), соответствующую др.-инд. *maruaka-* 'самец', считая, что предложенное В. И. Абасвым сближение с осет. *mærgun* 'мести, сметать' маловероятно. Тем самым новая этимология крым.-гот. *marzus* в определенном смысле возвращает нас к версии В. Томашека, но О. Н. Трубачев не принимает реконструкции композита с основой, родственной гот. *kiusan* [Трубачев 1999, 50, 167, 255]. Однако приведенная выше этимология не поддается верификации. Потому возможно также сопоставление *marzus* с позднелат. *marit-: ср. *maritaticum* 'приданое', *maritare* 'жениться'. В таком случае *i* латинской основы подвергся синкопе, а *t* перешел в аффрикату.

menus 'cago' 'мясо'. *Группа 2.*

Известно нам готское слово с тем же значением — *mimz* (ср. р. -а), что сопоставляется с др.-инд. *māṁśām*, *māṁs-*, лит. *meisa*, лтш. *mīsa*, др.-прус. *menso*, ст.-слав. **мѣсо** 'мясо' [Pokorný 1959, 725, Гамкрелидзе/Иванов 1984, 698–699, Lehmann 1986, 256], причем в гот. *mimz* представлено озвончение спиранта по закону Вернера (ср. место ударения в др.-инд. *māṁśām* 'мясо').

Возможны различные пути интерпретации крымско-готской формы. Первый — попытка тем или иным путем соотнести крым.-гот. *menus* и гот. *mimz*. Таково мнение Х. Ф. Массмана и Э. Шрёдера об опечатке — *menus* вместо **mens*, **menns* [Massmann 1841, 362] или вместо **menis* [Schröder 1910, 12] и версия Р. Лёве о крым.-гот. **и** как эпентетическом гласном [Loewe 1896, 171]. Как отмечает В. Леман, основное затруднение — наличие перед носовым гласного *e* вместо ожидаемого *i* — ср., например, крым.-гот. *wintsch* [Lehmann 1986, 251]. В связи с этим М. Стернс предполагает влияние среднефламандского, считая в итоге наиболее предпочтительным объяснение Х. Массмана: *menus* вм. **menns* [Stearns 1978, 147]. Как менее вероятное В. Леманом оценено сопоставление с венг. *mén-hús* 'копнина' [Kisch 1925, 1], хотя исследователи в данном случае указывают на замечание Бусбека о приверженности татар к конине [Lehmann 1986, 251]. Представляется, что сообщение Бусбека имело бы доказательную силу, если бы говорилось, что кониной питаются крымские готы. Кроме того, при сопоставлении с венгерским следует иметь в виду, что *mén-hús* — сложное слово, ср. венг. *dél-hús* 'свинина'. Потому общее значение 'мясо', засвидетельствованное для крымско-готского слова, расходится с частным *mén-hús* 'копнина'.

Не исключено, что крымско-готская форма — еще одно указание на диалектные различия с языком готской Библии. Однако вариативность *i/e* и *m/n* могла быть вызвана как нечеткостью произношения информанта, так и неточным усвоением крымско-готской формы крымским греком. С другой стороны, др.-прус. *menso*, ст.-слав. **мѣсо** 'мясо' являются примерами формы с *n* (ср. [Топоров 1984, 42, 44]).

miera 'formica' 'муравей'. *Группа 1.*

Слово со значением 'муравей' отсутствует в тексте готского перевода Св. Писания. Предполагаемые параллели — ди. *taugt*, нид. *taug*, дат. *myre* (са. *myre* из сев.-герм.; ср. нл. *pismire* 'муравей'), слл. *myre* 'муравей', для которых приходится восстанавливать разные общегерманские архетипы: **maura-*, **meuriōn-*, **mīron-*. Крымско-готское слово может восходить либо к основе **meuriōn-* (с переходом дифтонга **eu/iu > ie > [ī]* в позднем крымско-готском), либо к основе **mīron-* (тогда *ie* у Бусбека = *[ī]*).

Вслед за З. Файстом В. Леман отмечает большую вариативность названия муравья по индоевропейским диалектам (ср. греч. *βόρραξ* 'муравей', рус. *муравей*) — возможно, вследствие того, что слово обозначает повседневную реалию [Feist 1939, 357, Lehmann 1986, 253]. Индоевропейская основа также восстанавливается как ряд вариантов: **morgwo-*, **wormo-*, **mormo-*

[Lehmann 1986, 253], ср. [Pokorny 1959, 749. Гамкрелидзе/Иванов 1984, 526–527]. Лсман отвергает гипотезу о табуировании объекта, однако нельзя упускать из виду, что посредством одной и той же основы могли обозначаться различные насекомые, личинки насекомых и черви/змеи: ср. др.-инд. *vaṃgrás* ‘муравей’, лит. *vaĩmas* ‘насекомое, комар’, лат. *vermis* ‘червь’, гот. *waurns*, ди. *ogmr* ‘змея, змей’, да. *wurm* ‘червь’, ‘змея, змей’, др.-рус. *вермѣ* ‘черви’, тж. ‘саранча’ [Гамкрелидзе/Иванов 1984, 527]¹⁴. Скорее всего, табуироваться в данном случае должны были не муравьи, а вредные личинки, черви, змеи. Стоит отметить в связи с этим не учтенное этимологами рус. *мормышка*, где значение ‘червяк, червячок’ связано с основой **mogm-* ‘муравей, личинка’¹⁵. В любом случае, для крым.-гот. *mīcra* проблема состоит в объяснении вокализма, а не консонантизма. Р. Мух восстанавливает гот. **miurjo* [Much 1898, 197–198]. М. Стернс отмечает ориентацию Бусбека на среднидерландскую форму *mīcra* ‘муравей’ (нл. *mīer*), однако считает, что *ie* в крымско-готской форме является продолжением о/г **eu* — ср. *schieten* [Stearns 1978, 147].

mine ‘luna’ ‘луна’. *Грунна 1*.

Готское слово, передающее греч. *σελήνη* — *mena* [Мк. 13, 24]. Исследователи закономерно предполагают, что *i* — результат развития *ē*. Случаи сужения *ē* > *i* известны уже по рукописям перевода Св. Писания, особенно Евангелия от Луки — ср. вариативность *qens/qeins* ‘жена’, *manascþs/manasciþs* ‘мир, человечество’ и даже *berusjos/birusjos* (последняя форма — в контексте *Лк. 2, 41*). Исход слова рассматривается как результат редукции [Stearns 1978, 147]. Лексема имеет ярко выраженный восточногерманский характер — ср. ди. *māni*, да. *mōna*, двн. *māno* ‘луна, месяц’ с изменением общегерманского корневого гласного. Греч. *μήνη*, др.-инд. *mās-*, авест. *māh-* ‘луна, месяц’, ст.-слав. *месѣць* и др. восходят к и.-с. **mē-n-* с гетероклитикой [Lehmann 1986, 251].

Примечательно, что при своем специфическом облике крым.-гот. *mine* отнесено Бусбеком к группе «*nostratia parum differentia*», то есть понято как родственное слово.

mycha ‘ensis’ ‘меч’ (не ‘gladius’!). *Грунна 2*.

Готское соответствие — *meki* (-*ja*-основа) к греч. *μάχαρα* ‘короткий меч’ (вин.п. ед.ч. в контексте *Еф. 6, 17*)¹⁶, ср. рун. *makija* (Vimose), ди. *mákir*,

¹⁴ Как отмечают Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, семантическая близость основ **mog-w-/wog-m-* подтверждается возможностью употребления основы **kꞑmī-* (**kꞑ*^[h]*mī-* в системе реконструкции Гамкрелидзе/Иванова) в значениях «змея, червь», «муравей» — ср. др.-инд. *kꞑmī-*, *kirmis*, ст.-слав. *чрьвь* ‘червь’, лит. *skiřvinti* ‘бежать, как муравей’ [Гамкрелидзе/Иванов 1984, 527].

¹⁵ Этимологии рус. *мормышка*: 1) из тюркского (В. Л. Меркулова; принято не всеми); праслав. **тъмъ-* ‘неясно говорить, бормотать’ (М. А. Осипова; неубедительно с точки зрения семантики). См. [Осипова 1989].

¹⁶ Известно и другое готское обозначение меча: *hairus* (м.р.-у) к греч. *μάχαρα* (*Ин. 18, 10*), *ρομφαία* (*Лк. 2, 35*), ср. ди. *hjoht*, да. *heoru*.

да. *māse*, лс. *māki*. Основа **mēki-* не исконно германское обозначение меча, а кросс-культурный термин. Версии проикновения в германский: 1) неизвестным путем (из Скифии на Дунай?) из иран. **madyaka* 'прикрепленный к поясу' [Szemerényi 1979, 110-118, Lehmann 1986, 252]; 2) из кельтского как производное основы **mese-* 'сверкать, блестеть' [ЭССЯ 18, 1993, 41-42]. Последняя гипотеза представляется более убедительной ввиду надежного семантического и культурного обоснования: обозначение клинкового оружия как «белого, блестящего» известная линия развития семантики, а соотношение основы с кельтским учитывает роль кельтов как металлургов и данного ареала как источника культурных влияний в латинскую эпоху [ЭССЯ 18, 1993, 38-41]. Важно также отметить соответствие этой версии общей картине германских заимствований из кельтского (термины металлообработки, боевого снаряжения). Фонетическое оформление основы позволяет предполагать заимствование до первого передвижения согласных.

Из древнегерманского эта основа заимствована в финно-угорские (ср. фин. *miekka*) и славянские языки (ср. ст.-слав. *мечь*). В крым.-гот. *mycha* наблюдается действие той же фонетической закономерности, что и в крым.-гот. *mine*: гот. *ē* сужается в *i*. Что касается консонантизма, то отражение исконного готского *k* в виде *[x]* формально выглядит как довод в пользу гипотезы О. Хёфлера о «крымско-готском передвижении согласных» [Höfler 1956, 1957], однако М. Стернс предполагает здесь недостаточную компетентность информанта, воспроизводившего аспирированный смычный как целевой, поскольку в крымском греческом в такой позиции часто представлены целевые [Stearns 1978, 148]).

nyne 'novem' 'девять'. *Группа 3.*

Гот. *niun* нескл. числит. к греч. *ἐννέα* (*Ин.* 17, 17; но *niune* род. п. мн.ч. — *Ик.* 15, 7). Ср. ди. *niu*, да., лфриз., лс. *niun*, двн. *niun* 'девять'. Др.-инд. *nāva*, авест. *nava*, греч. *ἐννέα*, лат. *novem*, др.-ирл. *noīn*, валл., корн. *naw*, брет. *nao*, лит. *devyni*, лтг. *deviņi* 'девять', праслав. **devęty*, ст.-слав. *девятъ*, рус. *девять*; и.-с. **neww*, **e-newen* [Pokorny 1959, 769], **neww* (или **neww* по аналогии с **dekum* 'десять') 'девять' [Lehmann 1986, 259].

Крымско-готская форма может представлять собою форму множественного числа и, возможно, косвенного падежа — ср. гот. *niune* в *Ик.* 15, 7, да. *nigone*. Корневой гласный в крым.-гот. *niune* может интерпретироваться как результат стяжения дифтонга. Следует отметить, однако, что отражение гот. *iu* может обозначаться в записи Бусбека как *ie* — см. крым.-гот. *schieten*. М. Стернс предполагает здесь смешение крымско-готского *iu* и рефлекса *ē*, *i* [Stearns 1978, 148].

oeghene 'oculi' 'глаза'. *Группа 1.*

Гот. *augo* (ср. р.-н, ср. [Ухман 1958, 85, 257]; у В. Лемана ошибочно м. р. -n [Lehmann 1986, 48]) к греч. *ὀφθαλμός* (*Мф.* 5, 28). Ди. *auga*, да. *æge*, лфриз. *äge*, лс. *ōga*, двн. *ouga* 'глаз'; о/г **ag^wi-* (ср. двн. *awi-zorah* при *auga-zor(a)ht* 'открыто, явно') < и.-с. **ok^wi-* / **ok^w-* 'смотреть, видеть' — ср. др.-инд.

ákši 'глаз', авест. aši (двойств.ч.) 'очи', греч. ὄμμα, лат. oculus, лит. akis 'глаз', др.-прус. askis (мн.ч.) 'глаза', ст.-слав., др.-рус. око, арм. акн 'глаз' [Pokorný 1959, 775–777, Lehmann 1986, 48].

В записи Бусбеска **oe** = **ō** (ср. broc, hoef и др. [Stearns 1978, 148–149]). Именительный падеж множественного числа в готском — augona, чему вполне соответствует крымско-готская форма: **au** > **o**, -ona > -ene по редукции безударных слогов. Для крым.-гот. **oe** 'глаз' можно предположить произношение **g** как **j** — возможно, ввиду положения перед **e**, возникшим в результате редукции: ср. oeghene при гот. augona; форма сл. ч. должна восстанавливаться для крымско-готского как *ogc < *oga < *ogo (ср. гот. augo).

plut 'sanguis' 'кровь'. *Грунна I*.

Гот. bloþ (ср. р.-а) к греч. αἷμα (*Мф.* 27, 4). Ли. blōð, да., дфриз. blōd, днв. bluot 'кровь'; нисгерманские параллели этой основы со значением «кровь» отсутствуют, хотя структура образования позволяет с достаточной уверенностью видеть здесь производное от распространенной индоевропейской основы *bhel-/*bh- 'набухать, надуваться' — и.-с. *bhjō- + -t- [Lehmann 1986, 77] (ср. с другим расширителем гот. bloma 'цветок' [Lehmann 1986, 76]). Очевидно, что старое индоевропейское название крови (если таковое существовало как общиндоевропейский термин) подверглось в германском табуированию.

Начальный согласный крымско-готского слова интерпретируется 1) как опечатка — ср. гот. bruder, где в позиции перед сонорным выступает **b** [Uhlenbeck 1900, 30]; 2) как ненапряженный **b** (ср. произношение датского **b**) перед **l** (также сонорным, но имеющим иные акустические характеристики), услышанный Бусбеском как **p** [Stearns 1978, 149]; 3) как свидетельство о «втором передвижении согласных» в готском [Höfler 1956, 1957]. Крымско-готские примеры **baar**, **bars**, **boga**, **bruder**, **brunna**, **broc** не позволяют принять версию Хёфлера; предположение Уленбека об опечатке приемлемо, но недоказуемо. Таким образом, наиболее удачным представляется объяснение М. Стернса. Следует, однако, отметить, что по сути версия Стернса не расходится с версией О. Хёфлера, но подтверждает последнюю. Коль скоро речь заходит о «напряженных/ненапряженных» согласных, приходится признать замену различительного признака звонкости/глухости на признак напряженности/ненапряженности, то есть констатировать складывание условий для изменений консонантизма типа передвижения согласных, что и делается для таких языков, как датский и исландский (ср. [Расевский 1969а, 220, Зелецкий 1992, ч. II, 9–10]. Иной вопрос — в какой мере было реализовано это передвижение в крымско-готском, однако специфика материала не позволяет делать какие-либо окончательные выводы. Кроме того, крымско-готская форма может свидетельствовать о повышении **ō** > **u**, характерном для остготского. Примечательно, что постулируемый для крымско-готского «а-умлаут» (ср. **boga**, **goltz**) не коснулся в данном случае долгого звука (о/г ***ō**).

Возможно, следует также предполагать отвердение **p** > **t** в нена начальной позиции — ср. крым.-гот. alt при гот. alþeis (однако крым.-гот. goltz/гот. gulþ,

крым.-гот. *tzo/got. þu* и такую форму, как *bruder*), если только перед нами не особенность произношения информанта или абберация слуха Бусбска.

reghen 'pluvia' 'дождь'. *Грунна I*.

Готское соответствие *— rign* (ср.-р.-а) к греч. βροχή (*Мф.* 7, 25, 27), германские параллели *—* ди. *regn*, да. *regn*, дфриз. *tein*, нс. *regin*, *regan*, сил. *reghen*, двн. *regan* < и.-с. **tek-* 'увлажнять(ся), проливаться (о дожде)' (индоевропейская этимология не вполне ясна в отношении конкретных параллелей по языкам) [Pokorny 1959, 857, Stearns 1978, 149, Lehmann 1986, 284].

М. Стернс справедливо полагает, что на осмысление и запись слова могло оказать сильное влияние сил. *reghen* [Stearns 1978, 149]. Краткий *e* в корне может объясняться характерным для крымско-готского «а-умлаутом» (ср. *boga*, *goltz*), но может и отражать специфическое произношение отдельного информанта. Развитие элентетического гласного при слоговом сонорном вполне оправданно (*e* изначальное или по редукции).

rinck (sive **ringo**) 'annulus' 'кольцо'. *Грунна I*.

Несмотря на то, что готское слово *—* параллель ди. *hringr*, да., дфриз. нс. *hring*, двн. (h)ring *—* не засвидетельствовано в тексте готской Библии, где представлено только гот. *figgragulþ* к греч. δακτύλιον 'перстень' (*Лк.* 15, 22), рассматриваемое слово может считаться готским (восточногерманским) по происхождению. Основной аргумент *—* этимология, предложенная А. Стендер-Петерсеном и поддержанная М. Фасмером для рус. *серьга* < вост.-герм. **auso-hrings*. Возможно, обозначение кольца *—* одно из диалектных различий между вестготским и крымско-готским, хотя расхождение могло быть обусловлено лексико-семантическими причинами. Как известно, в пределах одного древнегерманского языка могли насчитываться несколько обозначений кольца, перстня: ср. да. *hring*, *bēag*. Готский переводчик Евангелия мог избрать слово, принадлежащее к определенным стратам лексики или традиционно обозначающее именно этот предмет (перстень в отличие от гладкого кольца или предмета в форме кольца).

В крым.-гот. *rinck*, *ringo* можно наблюдать распад начальной группы *hr-*, нестойкой во многих германских языках. Звук [h] подвергался в речи информанта оглушению в конечной позиции. По мнению М. Стернса, это свидетельствует об аллофонном варьировании [h] (согласно Стернсу, [hŋ]) и [hŋk] в крымско-готском [Stearns 1978, 149], однако трудно судить, была ли эта особенность свойственна самому крымско-готскому или, напротив, речи информанта. Форму *ringo* М. Стернс трактует как множественное число. По мнению исследователя, конечное *-o*, вероятно, отражало автохтонный крымско-готский [ɔ], переданный информантом не как редуцированный, а как полный гласный [Stearns 1978, 149]. Однако следует обратить внимание, что о/г **hringaz* является *a*-основным существительным мужского рода (что сохраняется во всех древнегерманских языках). Соответственно, в готском именительный падеж множественного числа такого существительного оформляется флексией *-os* (как *dagos* 'дни', *wulfos* 'волки'). Потому

для крымско-готской формы уместнее предполагать сохранение (а не редукцию!) ископного *ō* во флексии множественного числа и, напротив, отпадение (или неудовлетворительное воспроизведение информантом) конечного *-s*.

rintsch 'mons' 'гора'. *Группа 2.*

Слово, примечательным образом встраивающееся в гипотезу Э. Шварца о крымско-готско-скандинавских изоглоссах (ср. [Schwarz 1951, Топоров 1983]), так как в качестве возможных германских соответствий отмечаются только норв. диал. *rind(e)* 'гребень горы', 'горный хребет' (другая огласовка в ди. *rōnd*, да. *rand*, двн. *rant* 'край' — [Lehmann 1986, 286]). Соответствующее исходное крымско-готское слово должно быть восстановлено как **rinds*. Ср. классическое гот. *fairguni* (ср. р. *-ja*) к греч. ὄρη 'гора' (*Мф.* 8, 1), *bairgahei* (ж.р. *-n*) к греч. ὄρεινή (χώρα) 'гористая местность' (*Лк.* 1, 39 — дат./вин. II. ед.ч.). Возможно, обобщение **rinds* как основного обозначения горы — диалектная инновация в крымско-готском (если, конечно, здесь не сыграл своей роли объем знаний информанта).

Для германских параллелей реконструируется индоевропейская основа **rem-*, **ram-* 'поддерживать' + дентальный расширитель [Feist 1939, 399, Kluge 1967, 580, Lehmann 1986, 286]. К той же основе относится и гот. *rimis** (ср. р. *-a*) к греч. ῥήσυχια 'безмолвие' (2 *Фес.* 3, 12 в контексте противопоставления суете и ссорам; ср. тж. **rimis-/remis-* как первый компонент имен собственных — гот. *Remesarius* (633), *Remisnuera* (618), *Remisol* (572), гот. (?) *Rimismundus* в *Get.* 234). Примечательно, что гот. *rimis**, на первый взгляд никак не соотносящееся по семантике с крым.-гот. *rintsch*, имеет такие параллели, как др.-инд. *rāmate* 'успокаивать, оставлять в покое, останавливаться', авест. **rāman-* 'мир, покой', производные которых могут выступать в качестве оронимов — ср. др.-перс. *Ariyāramna* (имя собственное, тж. название горы по данным эламских табличек из Персеполя) < **Ariya-ramana* 'покой ариев' [Трубачев 1981, 124]. Если принять предложенную О. Н. Трубачевым в рамках темы «Indoaria в Северном Причерноморье» этимологию оронима Роман-[Кош] < **rāman-* [тюркск. *koş* 'стоянка, лагерь'] 'стоянка, привал' [ibid.]¹⁷, можно видеть в этом названии еще одно этимологическое соответствие крым.-гот. *rintsch*, выступающее как продолжение той же индоевропейской основы и реализующее ту же линию развития семантики.

sada 'centum' 'сто'. *Группа 3.*

Заимствование из иранского — ср. авест. *satəm*, иперс. *sad*, осет. *sædæ* 'сто' [Feist 1939, 403, Stearns 1978, 150, Lehmann 1986, 290]. Слово — одно из свидетельств особого развития крымско-готского, фактически — разрушения реликтового языка, так как числительные представляют собой устойчивую группу

¹⁷ Как указывает Трубачев, первая часть названия Роман-Кош не может быть исконным тюркским словом ввиду начального *г-*. Исследователь предполагает для компонентов оронима отношение семантической общности и калькирование на тюркский с языка «старых ариев», обитавших в Крыму [Трубачев 1999, 150].

лексики и, как правило, не заимствуются. Ср., однако, заимствованные из иранских языков финно-угор. *sada*, фин. *sata* [Feist 1939, 403, Lehmann 1986, 290], свидетельствующие о распространенности такой модели заимствования. М. Стернс не исключает также, что информант мог ошибочно сообщить иранское слово вместо забытого или неизвестного ему германского [Stearns 1978, 105, 150], однако и возможность ошибки свидетельствует об определенном *status quo* в крымско-готском эпохи последней фиксации. Исконное готское слово, обозначающее 'сто' --- **hund*, засвидетельствованное только в форме мн.ч. *hunda* [Мк. 14, 5, Jlк. 7, 41] и, как во всех германских языках, восходящее к и.-с. **kntom* [Pokorny 1959, 192, Lehmann 1986, 195].

salt 'sallo' 'соль'. *Группа 1.*

Крымско-готская лексема идентична гот. *salt* (ср. р.-а) к греч. ἅλς (Jlк. 14, 34). Круг германских и индоевропейских параллелей весьма широк --- ди. *salt*, да. *scalt*, дфриз. *dc. salt*, двн. *salz* 'соль'; лат. *sallo* < **sa-ld-o* 'соль', др.-ирл. *saillid* 'он солил', др.-инд. *salilām* 'океан'¹⁸, *salilā-* 'соленый', в другом значении --- лит. *saldūs*, ст.-слав. *сладѹкъ* 'сладкий' < и.-с. **sal(-d-)* [Pokorny 1959, 878-879, Stearns 1978, 150, Lehmann 1986, 294].

schediit 'lux' 'свет'. *Группа 2.*

Этимология неясна, так как наглядные германские параллели отсутствуют. М. Стернс считает, что исходная форма искажена опической или опечаткой [Stearns 1978, 150-151]. В. Леман с большой осторожностью предполагает в этом слове композит, первым компонентом которого исследователь считает заимствование из иранского --- ср. авест. *xšaēta-*, перс. *šēd* 'блеск', 'яркость' (версия Р. Лёве, подтвержденная З. Файстом --- [Loewe 1902-1903, 12, Feist 1939, 414], а во втором усматривает продолжение германской основы **ait-*, привлекая для сравнения да. *ād*, *dc. ēd*, двн. *cit* 'головня' [Lehmann 1986, 298]. Х. Ф. Массман сопоставлял крым.-гот. *schediit* с двн. *scheter*, нн. *schütter* 'тонкий', свн. *schit* 'отделение', *schiet* 'суждение', 'суд' и объяснял слово как 'время разделения дня и ночи' [Massmann 1841, 363]. С точки зрения развития семантики гипотеза неубедительна; тем не менее, заслуживает внимания мнение Массмана о возможном отражении в -iit готского -cfs, ср. *faheps/faheds* 'радость' [ibid.]. В. Томашек восстанавливал форму с начальным **sw-* и проводил параллель с да. *sweotol* 'ясный' [Tomaschek 1881, 64], однако М. Стернс в связи с этим указывает на такие крымско-готские примеры, как *schuualth*, *schuuester*, где не происходит расщепления начального *sw-* в *s-* [Stearns 1978, 150-151]. Т. фон Гринбергер предлагал соотношение с ди. *skīð*, да. *scīd*, дфриз. *skīd*, двн. *skīt* 'горбыль (обожженного дерева)' [Grienberger 1898, 129], что также сомнительно. Таким образом, наиболее убедительна версия о заимствовании из иранского, причем версия об ирано-германском композите вызывает определенные сомнения ввиду отсутствия каких-либо аналогий как в крымско-готском, так и в германских языках

¹⁸ Ср. здесь ст.-слав. *солито*, не отмечаемое у В. Лемана и других этимологов.

вообще. Указывая на авест. *xšaēta-*, иперс. *šēd*, исследователи, к сожалению, не приводят соответствующей среднеперсидской формы, которая могла бы оказаться наиболее ценной — ср. заимствование *hazet* ‘тысяча’ именно из среднеперсидского.

schieten ‘mittere sagittam’ ‘посылать стрелу’, ‘стрелять’. *Группа 1.*

Готское слово со значением ‘стрелять’ не засвидетельствовано в тексте перевода Св. Писания, однако такие производные от **skeut-*, как ди. *skjōta*, да. *scōtan*, дфриз. *skiata*, лс. *skiotan*, двн. *sciozzan* ‘стрелять’ позволяют реконструировать гот. **skiutan* ‘стрелять’ (важно, что параллели представлены во всех древнегерманских языках). Крым.-гот. *schieten* выглядит на этом фоне закономерным продолжением незасвидетельствованного готского глагола, причем следует отметить переход раннего [sk] в [š]. Индоевропейская основа, реконструируемая для германских лексем — **(s)kewd-* ‘бросать, кидать’, ‘пускать стрелы’: ср. лит. *skudrùs* ‘быстрый’, рус. *кидать* [Pokorny 1959, 9594–955, Lehmann 1986, 298].

schlipen ‘dormire’ ‘спать’. *Группа 1.*

Гот. *slēpan* (снгл. VII) к греч. *καθεύδειν* ‘спать’ (*Мф.* 9, 24 и другие контексты). Да. *slāpan*, дфриз. *slēpan*, лс. *slāpan*, снл. *slāpan*, двн. *slāffan* ‘спать’; в скандинавском ареале отмечается только ди. *slāpr* ‘ленивец’ (В. Леман приводит также нв. *slapp* ‘бедный, беспомощный’, однако здесь можно предполагать заимствование из нижненемецкого — ср. нл., ниж.-нем. *slap*, двн. *slaf* ‘вялый, слабый’, также отмечаемые Леманом [Lehmann 1986, 315]). Соответствия в других индоевропейских языках — лит. *slābnas*, рус. *слабый* (лексемы обычно привискаются в качестве примеров индоевропейского **b-*), лат. *labō* ‘шататься’ и др. (без *s-mobile*) [Pokorny 1959, 1048–1049, Stearns 1978, 151, Lehmann 1986, 315]. Слово ценно прежде всего как еще один пример остготского перехода *ē > i* (ср. *mine*). Начальное *sch* в записи Бусбека М. Стернс всюду интерпретирует как [š], считая, что в крымско-готском произошел переход начального [s] > [š] [Stearns 1978, 151]. Примечательно, что в данном случае Бусбек не ориентировался на средненидерландскую лексему, но сохранил фонетический облик слова, сообщенного информантом.

schnos [schuos] ‘sponsa’ ‘невеста’. *Группа 2.*

В записи Бусбека слово выглядит как *schuos*. Ф. Хольтхаузен предложил конъектуру **schnos* [Holthausen 1898, 33], принятую большинством исследователей, включая М. Стернса и В. Лемана [Stearns 1978, 151–152, Lehmann 1986, 298–299]. Реконструкция проводится на базе таких древнегерманских данных, как ди. *snog*, да. *snogu*, дфриз., снл. *snore*, двн. *snur(a)* ‘сноха’, причем исконное готское слово, отсутствующее в переводе Св. Писания, восстанавливается в виде **snuzo* или **snuzus* (ср. [de Vries 1962, 528, Lehmann 1986, 298]. Др.-инд. *snusā*, греч. *νυός*, лат. *nurus*, ст.-слав. *снѣха*, рус. *сноха*, арм. *nu* ‘сноха’ < и.-с. **snusos* ‘сноха’ [Pokorny 1959, 978, Lehmann 1986, 298–299]. Следует отметить, однако, что В. Томашек предполагал в засвидетельствованной у Бусбека лексеме отражение крым.-гот. **schwos* — ср. гот.

swes 'собственность', ст.-слав., рус. *свать* [Tomaschek 1881, 63], что, как и гипотеза Т. фон Гринбергера о смещении исходных *swots/*suts 'сладкий' (ср. на. sweetheart — [Grienberger 1898, 125–126]), представляется В. Леману сомнительным.

schuualth 'mors' 'смерть'. *Группа I.*

Ближайшие соответствия — гот. swiltan*, ga-swiltan (сигл. III) 'умирать' (к греч. ἀποθνήσκειν — *Лк. 8, 42, Лк. 20, 31*) с нормальной ступенью аблаута и swulta-wairþja 'обреченный смерти' (м.р.-п к греч. ἡμελλεν τελευτᾶν — *Лк. 7, 2*) с нулевой ступенью [Lehmann 1986, 299]. Крым.-гот. schuualth образовано от основы претерита единственного числа (ср. [Grienberger 1898, 128, Loewe 1902–1903, 8] о schuualth как отглагольном абстрактном существительном). Германские параллели — ди. svelta, да. sweltan, нид. swelten 'хиреть', 'чахнуть', swelte 'болезненная девочка', флам. zwelton, zwelten 'умирать'. Индоевропейская этимология представляется В. Леману неясной, хотя он соотносит гот. swiltan и др. с индоевропейской основой *swel- 'гореть', что вполне убедительно с точки зрения семантики [Lehmann 1986, 336]. II. Скардили подчеркивает обобщение производного основы *swelt- (гот. *swilt-), отмечая разницу значений ди. svelta 'умирать' и свн. swelzen 'гореть' [Scardigli 1964, 301].

М. Стернс обращает особое внимание на то, что Бусбек отнес это слово к группе понятных ему — очевидно, на основе сопоставления со среднеиндоевропейским и фламандским [Stearns 1978, 152]. Это свидетельствует о наблюдательности Бусбека, поскольку крымско-готское слово имеет огласовку претерита, а не инфинитива. Смоделировать крымско-готскую форму «по готскому образцу» Бусбек не мог, поскольку текст готской Библии был открыт только в 1597 г., уже после публикации «Турецких писем» [Tischler 1978, 8].

schuuester 'soror' 'сестра'. *Группа I.*

Гот. swistar (ж.р.-р) к греч. ἀδελφή 'сестра' (*Ин. 11, 5*). Рун. swestar, ди. systir, да. sweostor, дфриз. swester, suster, нид. suster, лс., двн. swestar 'сестра'. Др.-инд. svāsā, авест. hvanhvar, греч. ἑορ, лат. soror, др.-ирл. siur, лит. sesnō, др.-норус. swestro, рус. *сестра*, арм. k'oir, тох. А šar, В šer 'сестра' < и.-с. *swesōr 'своя/собственного рода женщина' [Pokorny 1959, 1051, Гамкрелидзе / Иванов 1984, 764, Lehmann 1986, 336–337].

Очевидно, что крымско-готская форма записана Бусбеком по западногерманскому образцу, однако М. Стернс и В. Леман считают возможным отнести ее к готскому материалу [Stearns 1978, 152, Lehmann 1986, 336]. Начальная группа **sw-**, как можно видеть на примере **schuualth**, произносились со специфическим (нечелявым) **s** или переходила в [š]. Корневой гласный может трактоваться двояко. Во-первых, узнав знакомое слово, Бусбек мог не придать значения его специфическому оформлению, то есть игнорировать исконный **i** в корне. Во-вторых, если [ē] в крымско-готском исконно не подвергалось сужению перед **a** (ср. **reghen**), то здесь эта закономерность также

могла иметь место — ср. гот. *swistar* (исконное крымско-готское **swestar*). В форме, зафиксированной Бусбеком, уже проведена редукция.

seis 'sex' 'шесть'. *Группа 3.*

По всей очевидности, продолжение исконного готского *saihs* 'шесть' (к греч. ἕξ — *Лк.* 4, 25). Ди. *sex*, да. *si(c)x*, дфриз. *sex*, нс., див. *sehs* 'шесть'. Др.-инд. *ṣáṭ, ṣáṣ-*, авест. *ṣṣvaš*, греч. ἕξ, лат. *sex*, др.-ирл. *sē*, валл. *chwech*, лит. *šeš-i*, ст.-слав., рус. *шесть*, арм. *veç*, алб. *gjashtë*, тох. А *ṣāk*, В *ṣkas* 'шесть' < и.-с. **sweks*, **seks*, **ks(w)eks*, **weks* [Pokorny 1959, 1044, Lehmann 1986, 290–291]. Крымско-готская форма позволяет говорить о стяжении дифтонга *ai*, причем *i* может либо вызываться либо особенностями родного языка информанта (в крымско-греческом *e* могло иметь призвук *i*) [Stearns 1978, 53, 152], либо передавать вокализованный спирант *h*. Что касается записи Бусбека, то в данном случае важно отсутствие какой-либо интерференции с соответствующими западногерманскими формами. Следует отметить сохранение в крымско-готском исконных количественных числительных до ста при заимствовании лексем со значением 'сто' и 'тысяча' из иранских языков через посредство турецкого. С большой осторожностью можно предположить влияние экстралингвистического фактора (обмен, торговля).

sevene 'septem' 'семь'. *Группа 3.*

Гот. *sibun* 'семь' (к греч. ἑπτά — *Лк.* 2, 36). Ди. *sjaui*, див. *sjú*, да. *seofon*, дфриз. *soven*, *si(u)gun*, нс. *siḅun*, див. *sibun* 'семь' [Lehmann 1986, 300–301]. Здесь важно учесть также ср.-флам. *seuene*, ср.-брабант. *seuen* 'семь' (текст Бусбека; см. 3.2.). Др.-инд. *saptá*, авест. *hapta*, греч. ἑπτά, лат. *septem*, др.-ирл. *secht*, валл. *saith*, лит. *septyni*, ст.-слав. *седмь*, рус. *семь*, арм. *evt'n*, алб. *shtátë*, хетт. **septa*, тох. А *ṣpät*, В *ṣukt* 'семь' < и.-с. **septm*; *o/i* **sē/iḅun* < и.-с. **sep̥m* [Pokorny 1959, 909, Lehmann 1986, 300–301].

Фонетический облик засвидетельствованного у Бусбека слова заставлял исследователей относить его к западногерманским (ср. [Гухман 1958, 13]). Тем не менее, есть возможности объяснить крым.-гот. *sevene* как продолжение гот. *sibun* даже при значительном влиянии западногерманских форм на передачу исходного слова. Наибольшую трудность составляет даже не корневой вокализм (см. ниже) и не *u* (*u?* *v?*), являющийся продолжением или специфической реализацией губно-губного *b*, но конечный *-e*. Буква *e* в записи Бусбека отражает реальный звук, поскольку Бусбек особо подчеркивает в письме к другу, что информант произнес слово «семь» так, как фламандцы, а не так, как брабантцы (ср. 3.2.). Очевидно, Бусбек услышал нечто, позволившее ему опереться на авторитет готов в споре с соседом-брабантцем. Следует отметить, что случай с *seuene* — единственный; крымско-готские формы нигде более не побуждают Бусбека вести такую дискуссию.

Т. фон Гринбергер объяснял конечный *-e* отражением в крым.-гот. *seuene* готской формы множественного числа среднего рода (**sibunja*) [Grienberger 1898, 13]. Нельзя упускать из виду и тот факт, что числительные от 4 до 19 имели в готском родительный и дательный падеж, если числительное

было субстантивировано или стояло после существительного: ср. *miþ þaim twalibim* 'с (теми) двенадцатью [апостолами]', *swe wintribe twalibe* 'двенадцать зим' [Гухман 1958, 118]. Таким образом, конечное -е могло также представлять собою флексию или рудимент флексии какого-либо из косвенных падежей. М. Стернс предлагает в качестве гипотезы еще одно объяснение: информант мог присоединить -е здесь, как и в *þine*, *þiine*, по аналогии с *athe* 'восемь' [Stearns 1978, 153]. В истории германских языков существует подобный прецедент — исследователи отмечают преобразование ди. *sjaun* 'семь' по образцу **ahtau* 'восемь' [Kock 1891, 252] или *tvau* 'два' [de Vries 1962, 478]. Однако, учитывая специфику воспроизведения крымско-готских данных, можно даже предположить, что -е являлся особенностью речи информанта — чем-то вроде «раз и два и три» при плавном счете — тогда как Бусбек понял этот посторонний призыв за составную часть числительных. Если же взглянуть на проблему с формальной точки зрения, то необходимо учесть, что Ф. Клуге реконструировал для ди. *sibun*, да. *siofon* общегерманский прототип **sibunī* [Kluge 1967, 706]¹⁹, который и мог отразиться в крымско-готском как специфическом германском диалекте.

Корневой гласный крым.-гот. *seune* также расходится с классическим готским. М. Стернс указывает в связи с этим на крым.-гот. *fyder* и *þiine*, где общегерманский *ē* (точнее, $\frac{e}{i}$ --- Н.Г.) подвергается сужению. Потому возможно, что информант произнес [*ˈsivene*], что было интерпретировано Бусбеком в соответствии с нормами родного языка [Stearns 1978, 153]. Нельзя, однако, исключить, что перед нами — еще один случай «крымско-готского сжатия» готского сужения даже перед последующим высоким и узким *u* (этимологическим, так как в записи Бусбека можно видеть редуцированный гласный).

В целом данная крымско-готская форма при всей этимологической прозрачности оказывается одной из наиболее проблематичных по своим конкретным, «эмпирическим» характеристикам.

***siluir* 'argentum' 'серебро'. *Γυννα* 1.**

Гот. *silubr* к греч. ἀργύριον 'серебро' (Лк. 19, 15). Ди. *silfr*, да. *sioluftr*, *siolfor*, дфриз. *sel(o)ver*, *silver*, ди. *silubar*, днн. *sil(a)bar* 'серебро'. Для объяснения *u* в гот. *silubr* В. Леман проводит аналогию с гот. *miluks*, предполагая специфическое развитие слогового сонорного. Лит. *sidābras*, лтн. *sidrabs* (современное *sudrabs* — Н.Г.), др.-прус. *siraplis*, ст.-слав. *сьребро*, рус. *серебро* [Lehmann 1986, 303]. Исследователи единодушны в определении названия «серебра» как кросс-культурного (миграционного) термина, однако вопрос о путях миграции остается дискуссионным. Новейшая (и, возможно, наиболее четко обоснованная) версия, выдвинутая О. Н. Трубаевым, предполагает распространение серебра из области Прикубанья и возникновение слова (сопоставляемого с др.-инд. *śubhrá-* 'красивый', названием города *Σιβρίατα*

¹⁹ В обзоре германских параллелей гот. *sibun* и крым.-гот. *seune* М. Стернс упоминает этот факт, не сопоставляя с проблемой конечного -е в *seune* [Stearns 1978, 153].

*‘светлая вода’) именно в этом регионе, индоарийском по языку [Трубачев 1994, 79 и сл., 274].

Крымско-готское слово могло быть осмыслено под влиянием соответствующих западногерманских форм. Не исключено, однако, что готский *g* в позднейшую эпоху мог в свою очередь развить эпентетический *u*. Тогда крымско-готскую форму следует восстанавливать как **silubur* > **silbur*. Далее в действие могла вступить редукция — так, М. Стернс полагает, что здесь, как и в других подобных случаях, информант воспроизвел крымско-готский редуцированный [э] в виде полного гласного [Stearns 1978, 153].

singhen ‘canere’ ‘петь’. *Грунна 1*.

Гот. *siggwan* (снгл. 3) к греч. ᾄειν ‘петь’ (тж. к ἀναγινώσκειν ‘читать’). Ди. *syngja*, *syngva*, да., дс., дзн. *singan* ‘петь’. Греч. ὁμῆ ‘божественное вещание, прорицание’ и некоторые другие параллели возводятся к и.-с. **seng*^{wh-} ‘петь, провозглашать нараспев’ [Lehmann 1986, 302].

Засвидетельствованное в крымско-готской форме *g* может быть объяснено как результат распада лабиовеларного *g^w*. Тематический гласный инфинитива *a* перешел в *e* по редукции [Stearns 1978, 153–154, Lehmann 1986, 302].

stap ‘capra’ ‘коза’. *Грунна 2*.

М. Стернс и В. Леман считают, что слово не имеет этимологии [Stearns 1978, 154, Lehmann 1986, 323]. Х. Массман предполагал здесь опечатку и восстанавливал крым.-гот. **skap*, исходя из дс. *skap*, дзн. *skaf* ‘овца’ [Massmann 1841, 359]. Это решение крайне сомнительно. Во-первых, конъектура Массмана устраняет не только предполагаемую опечатку, но и указанное Бусбеком значение. Во-вторых, по замечанию В. Лемана, исходная форма (< о/г **skero-m*) должна была бы дать в крымско-готском **schip* — ср. крым.-гот. *schlipen* и др. [Lehmann 1986, 323]. Гипотеза Т. фон Гринбергера — сравнение с дзн. (howi)-*stapho* ‘кузнечик’ и реконструкция для крым.-гот. *stap* внутренней формы типа ‘прыгун’ [Grienberger 1898, 127] представляется чисто умозрительной.

3. Файст выдвинул гипотезу о заимствовании из иранского диалекта, прилегающего в качестве сравнения иперс. *čarīš* ‘годовалый козел’; ср. тж. венг. *szár*, польск., словацк. *сар*, чеш. *сár*, алб. *сјар* ‘козел’ [Fieist 1939, 450]. Версия вполне имеет право на существование — в крымско-готском отмечаются заимствования из иранского (ср. *hazer*, *sada*). Тем не менее, при этом в крымско-готской форме остается необъясненным *t*, равно как и весь начальный комплекс *st-*. Если иранская параллель верна, приходится предполагать либо свособразную передачу экзотического начального согласного информантом или Бусбеком, либо определенное видоизменение заимствованного слова в крымско-готском. Обсуждая крым.-гот. *stap*, О. Н. Трубачев выразил мнение, что иноязычное *ts-* претерпело в крымско-готском субституцию, переходя в *st-*, подобно субституции *ts- > st-* при заимствованиях в балтийском. При этом исследователь привел албанское слово в написании *tsar*, а также дополнил перечень параллелей румынским *țar* ‘козел’, интерпретируя основу как карпато-балканскую [Трубачев 2004, 336].

Весьма интересна этимологизация праслав. *саръ, проведенная О. Н. Трубачевым еще без соотнесения с крымско-готским. Обзор параллелей включает такие формы, как макед. диал. *џан* 'козел', серб. диал. *џан* 'прозвище бородатого человека', словен. *sār* '(некастрированный) козел', чеш. диал. *сар* (тж. *sár*) 'козел', польск. *сар* 'баран, козел', рус. диал. *џан* 'козел' (юж., зап., Даль), укр. *џан* 'козел'. В праславянском это слово является заимствованием; близкие формы отмечаются прежде всего в неславянских языках Балканского полуострова: рум. *џар*, алб. *tsar* 'козел', откуда в конечном счете некоторые авторы производят и само слово. Помимо указанных романских, славянские формы следует также связывать с романскими диалектными — итал. *зарро*, диал. *tsarru* 'козел'. Далее устанавливаются определенные связи с лат. *sarēt* '(кастрированный) козел'. Существует также тенденция, с одной стороны, искать здесь доиндоевропейское субстратное слово Средиземноморья, с другой — включать его в один ареал с созвучными нперс. *šariš*, *šarēš* 'годовалый козел' (против этого возражал Розадовский), осет. *sæw* '(некастрированный) козел', алт. *сър* 'годовалая косуля', др.-тюрк. *čäbiš* 'полугодовалый козленок' [ЭССЯ 1976, III, 172–73]. Таким образом, перед нами — типичный кросс-культурный термин, происхождение которого заслуживает специального исследования.

На основании этого прежде всего можно судить, что крым.-гот. *statz*, по всей очевидности, также представляет собой модификацию этого широко распространенного «горного пастушеского» термина. Кроме того, выясняется, что слово могло быть заимствовано в крымско-готский из самых разных источников: иранских, балканских или славянских языков или, чего также нельзя исключить, от романцев-генуэзцев. Дальнейшие детали нам недоступны.

statz 'terra' 'земля'. *Ἰρυννα* 2.

Гот. *staþs* (м.р.-i) 'место' (к греч. τόπος — *Мк.* 15, 22) или *staþa* (м.р.-a) (к греч. γῆ 'земля; побережье' — *Мк.* 4, 1). Ди. *staðr* (м.р.), да. *stede* (ж.р.), дфриз. *sted*, лс. *stedi*, днн. *stat* (ж.р.) 'место' < о/г **staðiz*; норв. диал. *stad* (ср.р.) 'речная отмель', да. *stæd* (м.р./ср.р.), дфриз. *steth*, лс. *stad*, днн. *stad* (м.р.) 'отмель' < о/г **staðaz/staðan*; ди. *stōð* 'место высадки' < о/г **staþwō*-. Др.-инд. *sthitiṣ*, *sthitiṣ*, греч. στάσις, лат. *statiō* 'место, стоянка, остановка' < и.-с. **st^(h)ṛtis* < **stā*- 'стоять' (от основы с продолженной ступенью — авест. *stāitiṣ*, лит. *stāčias* 'стоянка', ст.-слав. *по-стать*, рус. *стать* сущ. ж.р.) [Lchmann 1986, 323–324].

Как отмечалось выше, в записи Бусбека *tz* = гот. *þ*. Флексия мужского рода могла сохраняться в крымско-готском — ср. *bars*, *fers*, *menus*, однако имеются и контрпримеры — *tag*, *stol*. Потому есть следующие начальные возможности интерпретации крым.-гот. *statz*: 1) неточное отражение исконного крымско-готского **staþs*, где *s* подверглось ассимиляции или не было распознано Бусбеком/информантом; 2) точное отражение исконного **staþ* с ранним отпадением флексии. По поводу семантики слова М. Стернс и В. Леман высказывают следующие соображения: в отличие от производных о/г **staði*- со

значением 'место', производные о/г *staða- имели значение 'отмель', 'побережье', а гот. *staða* (м.р. -а) передает греч. ἐλὶ τῆς γῆς 'на побережье', букв. 'на земле' (гот. *ana staða*). В таком случае есть основания сближать крым.-гот. *statz* не с гот. *staþs* (м.р. -i), а с гот. *staða* (м.р. -а). Развитие семантики, как и в готском *staða*, могло выглядеть следующим образом: 'побережье' > 'земля' [Stearns 1978, 154, Lehmann 1986, 324]. Однако прямая привязка к гот. *staða* (м.р.) ставит вопрос об исчезновении конечного -а. Согласно наблюдаемым в крымско-готском закономерностям, этот элемент должен был подвергнуться редукции, а не отпасть. Потому в крым.-гот. *statz* можно видеть независимое (то есть не происходящее от гот. *staða*) диалектное производное от о/г *staðaz/ *staðan*, точнее — от существительного среднего рода **staðan*, которое должно было отразиться в крымско-готском как **stap*.

Версия об исконном а-основном существительном заслуживает предпочтения не только с формальной, но и с семантической точки зрения. Она подкрепляется тем экстралингвистическим фактом, что земля, территория Крыма традиционно определяется как «берег, берега», ср.: «берега Тавриды» = Таврида, Крым, «Южный берег Крыма» — определенная область Крыма. И, как справедливо отметил М. Стернс, «семантическая связь между 'берегом' и 'землей' ясна: в таком мореходном сообществе, как побережье Крыма, 'берег' и есть 'terra firma'» [Stearns 1978, 154].

stega 'viginti' 'двадцать'. *Ірѣнна 3*.

Весьма примечательное слово, не имеющее параллели в лексике готского перевода Св. Писания, где засвидетельствовано лишь *twai tigjus** (лат. н.), букв. 'два десятка', а не 'двадцать' (по проблеме см. [Гухман 1958, 116–117]). Т. фон Гринбергер реконструировал гот. **tega* < *tigjus**, не находя приемлемых объяснений начальному *s* и условно предполагая исходное **twis-tigjus* 'дважды десять' [Grienberger 1898, 132–133]. Эта версия предполагает серьезное искажение исконного слова. Предположение Т. Зибса о заимствовании в крымско-готский греческого στῆχος 'ряд' В. Леман считает сомнительным [Siebs 1922, 171, Lehmann 1986, 324].

В качестве соответствий крым.-гот. *stega* привлекаются дфриз. *stīge*, нн. *Steige*, диал. *stiege* '20 предметов' [Much 1898, 202, Stearns 1978, 154–155, Lehmann 1986, 324]. Ф. Клуге также привлекал для сравнения гутт. *stāig*, что расширяет круг германских параллелей слова [Kluge 1913, 254, Schwarz 1951, 166]].

Дфриз. *stīge*, нн. *Steige*, диал. *stiege* сопоставляется (с разной степенью уверенности у разных авторов) с дшн. *stiega*, свн. *stege* 'ступени' (ср. гот. *steigan* 'шагать', 'подниматься') на основании «обычного количества в 20 ступеней» (ср. нл. *score* 'два десятка', собств. 'зарубка', 'счет', нл. *snes* 'двадцать', собств. 'ряд') [Lehmann 1986, 324]. Однако следует подчеркнуть, что этимология нн. *Steige*, диал. *stiege* вне сопоставления с дшн. *stiega* остается непроясненной. Дшн. *stiega* традиционно считается одним из примеров, отражающих о/г **ē*₂ (обсуждение этого слова в связи с проблемой **ē*₂: [Van

Coetsem 1998, 433–434]. При этом крым.-гот. *stega* не привлекается у Кутсема, но еще давно было интерпретировано Р. Мухом как пример с $*\bar{e}_2$ [Much 1898, 202].

Возведением слова к «вечно спорному» $*\bar{e}_2$ можно ограничиться, но существуют и другие возможности интерпретации. Ф. ван Кутсем полагает, что происхождение $*\bar{e}_2$ в двн. *stiega* обусловлено вариацией аблаутной схемы I класса сильных глаголов: \bar{i} (основа настоящего времени) — \bar{i} (претерит мн.ч., причастие II) [Van Coetsem 1998, 434]. Еще до ознакомления с этой работой мне представлялось, что поиск германского этимона дфриз. *stīge* и крым.-гот. *stega* может привести только к одной формально и семантически удовлетворительной основе — о/г $*steigan(an)$ ‘шагать’, ‘подниматься’ (причем в принципе нельзя исключить, что в крым.-гот. *stega* мог быть представлен не $*\bar{e}_2$, а исходный краткий \bar{i} , претерпевший расширение в \bar{e} по «крымско-готскому а-умлауту» — ср. *boga*). Теперь следует указать, что Ф. ван Кутсем не видит формальных препятствий в соотношении двн. *stiega* и о/г $*steigan(an)$. О/г $*stīg-$ / $*stig-$ ‘двадцатка, двадцать’ (возможно, о-основное существительное, однако точных данных у нас нет) могло иметь внутреннюю форму, коррелирующую с этимологическими параллелями о/г $*steigan(an)$ — лит. *stėigti* ‘находить’, ст.-слав. *по-стигнѣти*, рус. *до-стигать*, *достичь* (к и.-с. $*steigh-$ ‘взбираться, подниматься’ — ср. тж. санскр. *stighnoti*, вед. *pra-stighnuyāt* ‘да подымется’, *ati-ṣṭīgham* ‘владеть’, греч. *στεῖχω* ‘идти, взбираться’²⁰, др.-ирл. *tiagu* ‘бродить’ [Pokorny 1959, 1017–1018, Lehmann 1986, 325]). При древнем счете по количеству пальцев на руках и ногах «двадцатка» могла осмысляться как конечный результат счета, нечто *достигнутое*²¹. К сожалению, прямых параллелей подобного существительного в индоевропейском ареале не отмечено.

В словаре З. Файста отражено мнение о древнем заимствовании герм. $*stig-$ из доиндоевропейской лексики Северной Европы, где число 20 (5 x 4) выступало как первичное — ср. кельтские, датские, фризские данные [Feist 1939, 451–452]. Эта версия может иметь особый интерес в связи с интерпретацией $*\bar{e}_2$ как звука, нередко представленного в заимствованиях (здесь следует указать на работу Я. Хилмарссона о полигенетическом характере $*\bar{e}_2$ [Hilmarsson 1991]).

stern [stein] ‘stella’ ‘звезда’. *Грунна 1*.

В записи Бусбека — *stein*, но латинское соответствие ясно указывает на опечатку или описку. Общепринятая коньектура — $*stern$ [Stearns 1978, 155]. Гот. *stairno* (ж.р. -o), ди. *stjarna*, снн. *sterne*, двн. *stern* ‘звезда’

²⁰ Если крым.-гот. *stega* относится к тому же этимологическому гнезду, что о/г $*steigan(an)$, то греч. *στεῖχος* ‘ряд’ всё-таки оказывается родственным этому слову, хотя и иначе (генетически).

²¹ В таком случае двн. *stiega* ‘лестница’ должно осмысляться не как прямая параллель крым.-гот. *stega*, а как еще одно производное от той же основы.

с -r/-n-гетероклитикой в противоположность да. *stcorra*, дфриз. *stera*, дс., двн. *sterro*. Др.-инд. *stār-*, авест. *stārəm* (вин.п. ед.ч.), греч. *ἀστὴρ*, лат. *stella* (< **stēr-lā* или **stēl-nā*), валл. *seren*, корн., брет. *sterenn*, арм. *astl* 'звезда', тох. А *šre-ñ*, В *šciŕye* 'звезды' с разными предположениями об оформлении и семантике индоевропейской основы: **ās-* 'гореть' [Pokorny 1959, 68-69], **ster-* 'простираться' [Walde / Hoffmann 1938-1956, II, 588] и др. [Lehmann 1986, 322]. Наиболее логично предполагать, что перед нами — производное от индоевропейской основы **stā-* 'стоять', поскольку звезда, в отличие от подвижной планеты, всегда осмысливается как неподвижное светило. Однако по каким-то причинам это естественное предположение в словаре В. Лемана не отражено (ср. [Lehmann 1986, 322]).

Неизвестно, подвергся ли конечный гласный в крымско-готском полной редукции (**sterno* > **sterna* > **stern*; ср., однако, крым.-гот. *ano* 'курица' с сохранением конечного гласного, к тому же в виде *o*) или же следует предполагать влияние известных Бусбеку/информанту западногерманских форм.

stul 'sedes' 'сиденье'. *Грунна* 1.

Гот. *stols* (м.р. -а) к греч. *θρόνος* 'престол' (*Мф.* 5, 34). Ди. *stóll*, да., дфриз., дс. *stōl*, двн. *stuol* 'сиденье' > 'стул'. Лит. *pastōlas* 'подставка', др.-рус. *столь* 'престол' (с нулевой ступенью аблаута) < и.-с. **st^(h)ā-* + -l- [Pokorny 1959, 1027, Lehmann 1986, 327].

Повышение *ō* > *u* вполне закономерно, отпадение флексии мужского рода -s допускает разные интерпретации (ср. *bars*, *fers*, где флексия сохраняется).

sune 'sol' 'солнце'. *Грунна* 1.

Коррелирует с гот. *sunno* (ж.р. -n) в переводе *Мк.* 4, 40. В контексте *Мк.* 4,6 и 16, 2 слово *sunno* выступает в среднем роде (ср. *at sunnin urtrinnandin*; возможно, тж. *Неем.* 7, 3, где род не поддается определению), что можно объяснить влиянием гот. *sauil* (ср.р. -а), засвидетельствованного только в контексте *Мк.* 1, 32 [Lehmann 1986, 330].

Гот. *sunno* соответствует ди. *sunna*, да., дфриз. *sunne*, дс., двн. *sunna* (ж.р.), тж. дс. *sunno* (м.р.), гот. *sauil* — рун. *solu* (*l'iggja*), ди. *sól*, что позволяет предполагать чтение диграфа **au** как **o** [Lehmann 1986, 330, 297]. И.-с. **sāwel*/**swen-* представляет собой древнюю гетероклитическую основу, что можно наблюдать в авест. *hvarə* (им.п.), *χvəñg* (род.п.) 'солнце', *χvan-vant-* 'солнечный'²², причем В. Леман указывает, что германское **sunnon-* возникает на основе косвенных надежд [Lehmann 1986, 330].

Примечательно, что согласно «*Alvismál*» названия солнца распределяются следующим образом: *sól* — *meṣ mǫnnum*, *sunna* — *meṣ goðum* 'sól — у людей, *sunna* — у богов'. Аналогичные объединения-противопоставления (ср. *eldr* — *meṣ mǫnnum*, *funi* — *meṣ ǫsum* 'eldr — у людей, *funi* — у асов' и ди. поэтич. *fúrt* при гот. *fon*, род.п. *funins* 'огонь') были охарактеризованы Х. Гюнтертом как «устаревшие древнегерманские слова с высоким

²² Ср. также др.-рус. *слъньце* (-l/-n-гетероклитика).

поэтическим фоном, сакральные архаизмы» [Güntert 1921, 153]; соответственно, *sunna* в древнеисландском — архаизм, соотносённый с «готоскандинавским этимологическим фоном».

Следует учитывать и такую параллель гот. *sauil*, как *sugil* 'название буквы **S** в готском алфавите' Алкуиновой рукописи (гот. *sauil* > **soil*, **suil*), а также да. *sygil*, *sigel*, *segl*, *sægl* 'солнце; название руны ʀ' [Lehmann 1986, 328]. При всем многообразии данных диалектная дистрибуция классических готских форм неясна и требует дальнейшего осмысления. Для крымско-готского можно с уверенностью указывать на обобщение варианта **sunno* (род установить невозможно) — в согласии с готским переводом Евангелия от Луки и в противоположность переводу Евангелия от Марка (ср., однако, появляющиеся там же *sunno* ср. р. -н).

Учитывая, что Алкуинова рукопись отражает вестготские данные, а крымско-готский традиционно считается остготским диалектом, можно предложить следующую гипотезу о диалектном соотношении слов *sunno* и *sauil*: первое является преимущественно остготским, второе — вестготским.

tag 'dies' 'день'. *Грунна 1*.

Гот. *dags*, ди. *dagr*, да. *dæg*, дфриз. *dei*, *dai*, дс. *dag*, двн. *tag* 'день'; ср. тж. дааг 'название буквы **Ð**' в Алкуиновой рукописи. Др.-инд. *ni-dāghās* 'жара, лето', лит. *dāgas*, *dagà* 'жара, время жатвы', др.-прус. *dagis* 'лето' < и.-с. **dhegʰh-* 'гореть, жечь' [Lehmann 1986, 86].

Крым.-гот. *tag* иногда рассматривается исследователями как аргумент в пользу западногерманского характера данных, приводимых Бусбеком [Гухман 1958, 13]. Продолжение гот. *dags* (м.р.-а) в крымско-готском должно было бы выглядеть с сохранением флексии как **daxs*, **daas* (ср. данные Алкуиновой рукописи) или, если флексия отпала — как **dag*. Однако начальный ненапряженный **d** мог быть принят Бусбеком за **t** по аналогии с свн. *tag* [Stearns 1978, 156]. Западногерманский звуковой облик сообщаемой Бусбеком лексемы не даёт оснований считать ее словом-фантомом. В пользу исконного характера слова, восстанавливаемого как **dag*, говорит и то, что оно засвидетельствовано в составе сочетания *knausen tag* 'добрый день', где первое слово не может быть отнесено к западногерманским. Другое объяснение формы — гипотеза О. Хёфлера о «втором передвижении согласных» в крымско-готском [Höfler 1957].

telich 'stultus' 'глупый'. *Грунна 2*.

Вполне убедительно интерпретируется М. Стернсом и В. Леманом как заимствование из турецкого — ср. турецк. *telyg*, *delyg*, тюркск. *deli* 'безумный' [Stearns 1978, 156, Lehmann 1986, 343]. Ранее делались попытки возвести слово к какому-либо германскому источнику, однако все предшествующие гипотезы были неубедительными. Оглушение начального звонкого смычного свидетельствует об отражении формы *telyg*. Реализация начального **t**- вместо **d**- является особенностью западно-кыпчакской диалектной составляющей крымско-татарского языка (см. ниже 6.2.3).

the/tho. *Грунна 3.*

Форма интерпретируется большинством исследователей как крымско-готский определенный артикль [Lehmann 1986, 343, Stearns 1978, 156]. Предполагается, что определенный артикль в данном случае, как и во всех германских языках, развился из указательного местоимения, однако детали генезиса остаются неясными. Т. фон Гринбергер и З. Файст считали, что форма представляет собой продолжение именительного падежа множественного числа или косвенных падежей готского указательного местоимения женского рода (ср. вин. п. ед.ч. þo, им., вин. п. мн.ч. þos) или именительного падежа множественного числа указательного местоимения мужского рода þai [Grienberger 1898, 134, Feist 1939, 476]. М. Стернс полагает, что одна и та же форма могла использоваться как артикль существительных всех родов/падежей — ср. на. the [Stearns 1978, 156–157]. Исследователь отмечает, что вариативность гласного можно приписать особенностям речи информанта [ibid.], не принимая гипотезу Р. Лёве о варьировании в зависимости от качества последующего гласного [Loewe 1896, 142–143].

Заслуживает внимания мнение Э. Хэмпа, высказанное в связи с обсуждением работы М. Стернса: «В исследованиях по крымско-готскому языку как будто принято видеть в этих формах [tho/the — *III*] готский, т. е. германский артикль (или старое указательное местоимение). Не говоря о том, что такое объяснение заставляет нас оставить в стороне формы именительного падежа sa, so, возникает также потребность в объяснении t(h) как рефлекса þ» [Хэмп 1979]. Однако Э. Хэмп выражает предположение, «что эта вокабула, возможно, вовсе не была готской в тот момент, когда Бусбек ее услышал. Прежде чем перейти к своим спискам слов, Бусбек высказывает следующее замечание: «omnibus vero dictionibus praeronebat articulum *tho* aut *the*...» Высказывалось мнение, что этот артикль ставился только перед именами, но Бусбек говорит другое, и я полагаю, что его можно понимать дословно. Мы должны иметь в виду, что информант Бусбека был носителем греческого языка. Когда я занимался полевой работой, мне часто приходилось слышать, как двуязычные индивидуумы употребляют греческий артикль среднего рода τὸ перед формами независимо от их содержания или языка, а также независимо от части речи. Артикль служит просто для номинализации приводимой формы» [Хэмп 1979]. Далее Э. Хэмп высказывает пожелание о проверке этой версии в Крыму на современных носителях греческого языка, что, к сожалению, в настоящее время вряд ли выполнимо... Представляется, однако, что само свидетельство исследователя может служить в данном случае если не решающим доказательством, то серьезным доводом в пользу принадлежности формы tho к греческому языку.

thiine ‘decem’ ‘десять’. *Грунна 3.*

Соответствующее готское количественное числительное — taihun к греч. δέκα (Лк. 19,13). Ди. tíu, да. tīen(e), тѣон, дфриз. tian, де. tēan, двн. zehan ‘десять’. Др.-инд. dáśa, греч. δέκα, лат. decem, валл. dec, арм. tasn, тох. А šāk, В šak ‘десять’ < и.-с. *dekmp- (лит. dešimtis, лтш. desimts, ст.-слав. *десѣтъ*, рус. *десять*, алб. dhjetë < и.-с. *dekmp-t-) [Pokorny 1959, 191–192, Lehmann 1986, 339].

В отношении фонетического облика слова неясно, считать ли отсутствие готского преломления исконным диалектным или позднейшим явлением, то есть следствием вокализации **h** и обусловленного этим повышением [ĕ] > [i]. Что касается формы, то если считать крымско-готское слово непосредственным продолжением гот. *taihun*, наиболее близкой формально оказывается форма родительного падежа множественного числа **taihunc* > **tiunc*; Т. фон Гринбергер реконструировал здесь **taihunja* ср. р. мн. ч. [Grienberger 1898, 131], однако неизвестно, соответствует ли такая модель готскому узусу. М. Стернс указывает, что числительное «десять» также отражено как *-thien*, *-thyen* в крым.-гот. *furdeithien* ‘сорок’, *treithyen* ‘тридцать’ (причем отражение этого компонента как *thunc-* в *thunctua* ‘двенадцать’, *thunctria* ‘тринадцать’ исследователь считает результатом неверной передачи *thiinc-* при печати). По мнению Стернса, конечное *-e* может быть аналогическим, обусловленным общей моделью счета [Stearns 1978, 157].

thiin-ita ‘undecim’ ‘одиннадцать’. *Грунна* 3.

Готское количественное числительное со значением ‘одиннадцать’ — *ainlif** со вторым компонентом *-lif/lib*, ср. глаголы *af-lifnan* ‘оставаться лишним’, *bi-leiban* ‘оставаться’, и внутренней формой «один лишний (сверх десяти)», «два лишних» [Гухман 1958, 116, Lehmann 1986, 17]. Примечательно изменение модели образования числительных от одиннадцати до тринадцати — ср. также крым.-гот. *thunc-tua* ‘duodecim’ ‘двенадцать’, *thunc-tria* ‘tredecim’ ‘тринадцать’ при гот. *fidwortaihun** ‘четырнадцать’ (не *fidwor tigius** ‘сорок’). М. Стернс объясняет эту модификацию турецким влиянием, указывая на модель турецк. *onbir* ‘одиннадцать’ (= «десять-один»), *oniki* ‘двенадцать’ (= «десять-два»), *onüç* ‘тринадцать’ (= «десять-три»). По указанию исследователя, в новогреческом также есть числительные сходного типа — ср. крым.-греч. *ðekatrija* ‘тринадцать’ (= «десять-три»), крым.-греч. *ðekatesira* ‘четырнадцать’ (= «десять-четыре»), но *jéndeka* ‘одиннадцать’, *ðódeka* ‘двенадцать’ [Сергиевский 1934, 557, Stearns 1978, 104–105, 158] (новогреч. *ðekatriá*, *ðekatéssera* — *ένδεκα*, *δόδεκα*). Несмотря на то, что в системе крымско-готских числительных обнаружены иранские влияния, следует обратить внимание на различие крымско-готской модели «десять-один» и перс. *yâz-da* ‘одиннадцать’ (= ‘один-десять’, ср. *da* ‘десять»), *davâz-da* ‘двенадцать’, *siz-da* ‘тринадцать’.

thiinetria ‘tredecim’ ‘тринадцать’. *Грунна* 3.

В первом печатном издании — *thunctria*. Предлагаемая конструкция — *thiinetria*, восстанавливаемая по аналогии с *thiinc-ita* ‘одиннадцать’ [Stearns 1978, 104, 158]. По поводу модели образования числительного см. **thiinita**. В тексте перевода Св. Писания числительное ‘тринадцать’ не засвидетельствовано, однако должно было соответствовать общей модели образования готских числительных от одиннадцати до девятнадцати [Гухман 1958, 116].

thiinetua ‘duodecim’ ‘двенадцать’. *Грунна* 3.

В первом печатном издании — *thunctua*. М. Стернс восстанавливает **thiinc-tua* по аналогии с *thiin(c)-ita* [Stearns 1978, 104, 158]. Соответствующее

числительное в классическом готском — twalif (twalib) к греч. δόδεκα (*Мф.* 10, 1, *Лк.* 6, 13, *Ин.* 6, 67, 6, 71). О модели гот. ainlif и twalif (twalib) см. *thiinita*.

thurn ‘porta’ ‘дверь’, ‘ворота’. *Грунна* 1.

Традиционно сопоставляется с гот. *daur* (ср. р. -а) к греч. θύρα, πύλη, πυλὼν ‘дверь; дверная створка’ (*Мф.* 7, 13 и др.). Гот. *daur* имеет такие параллели, как да., лс. *dog*, днн. *tor* ‘ворота’, ди. *dytt* мн.ч. ‘дверной проем’, да. *duru*, дфриз. *dure*, лс. *dura* мн.ч., днн. *tura*, *turi* мн.ч. ‘дверь’. Др.-инд. *dvār-*, *dvāras* ‘двери, ворота’, авест. *dvarəm* ‘ворота’, греч. θύρα, лат. *foris* ‘дверь’, мн.ч. *forēs* ‘ворота’, ст.-лит. *dures*, лтш. *durvis*, *duris*, др.-црус. *dauris* ‘ворота’, ст.-слав. *двери* < и.-с. **dhwer-* / **dhwor-* / **dhwr-* [Lehmann 1986, 89].

Однако сравнение крым.-гот. *thurn* с гот. *daur* не объясняет **u** вместо ожидаемого **o**, равно как и конечного **-n** [Lehmann 1986, 343]. Кроме того, неясен начальный согласный (**th** в записи Бусбека = крым.-гот. ***t**). Здесь, как в других подобных случаях, возможны два толкования: 1) версия о наличии в крымско-готском напряженных **b**, **d**, **g** [Stearns 1978, 149]; 2) гипотеза о «втором крымско-готском передвижении согласных» [Höfler 1956, 1957], что в любом случае предполагает изменения начальных звонких смычных по сравнению с классическим готским. Гипотеза Хёфлера не может считаться доказанной ввиду ряда контрпримеров, и потому следует учитывать также мнение Стернса о возможном отражении в записи субъективных особенностей произношения информанта-грека. В отношении конечного **-n** еще Т. фон Iринбергером было предложено сопоставление с гот. *daurons* (ж.р.-н, мн.ч.) к греч. θύρα и πύλαι ‘двери, ворота’ (*Мф.* 27, 60 и др.) в отличие от гот. *daur* (ср. р. -а) к греч. πύλη, πυλὼν, θύρα ‘дверь; дверная створка’. Исследователь интерпретировал крым.-гот. *thurn* как отражение готского вин.п. ед.ч. **dauron* [Grienberger 1898, 133]. М. Стернс считал, что крым.-гот. *thurn* можно сравнивать с формой им./вин.п. мн.ч. **n**-основного существительного типа *daurons*, *anstins** [Stearns 1978, 158]. Что касается корневого гласного, то можно предположить повышение готского **o** > **u** (примеры — *bruder*, *plut*, контрпримеры — *broc*, *ocghene*), обращающая при этом внимание на крым.-гот. *uburt* (в сочетании *icel uburt* ‘sit sanum’ < **hail waurþi*), где **u** перед **r** соответствует гот. **o**. При этом в принципе возможна интерпретация конечного **-n** как возможной опечатки (вместо **-u**) [Schröder 1910, 14]. Предположение I. Хёст о заимствовании лат. *turtem* в значении ‘надвратная башня’ — ср. дфриз. *toem*, свн. *turn*, нн. *Turm* ‘башня’ [Høst 1985, 42–44] — не поддается верификации (ср. [Lehmann 1986, 343]).

trei-thyen ‘triginta’ ‘тридцать’. *Грунна* 3.

Соответствующее готское количественное числительное — *þreis tigjus** к греч. τριάκοντα (засвидетельствован вин.п. мн.ч. *þrins tigins* — *Мф.* 27, 3 и род.п. мн.ч. *þrije tigiwe* — *Лк.* 3, 23). Очевидно, флексия **-s** отпала в крымско-готском. К модели образования ср. *furdei-thien*, *thiinita*.

tria ‘tres’ ‘три’. *Грунна* 3.

Готское количественное числительное со значением ‘три’ — *þreis**, засвидетельствованное в им./вин.п. ср.р. *þrija* к греч. τρεῖς (*Мк.* 14, 5). Ди.

þrír (м.р.), þrjár (ж.р.), да. þrīc, дфриз. thrē (м.р.), thria (ж.р.), двн. drī (м.р.), drīo (ж.р.) 'три'. Др.-инд. trāyas, авест. þrāyō, þrī, греч. τρεῖς, τρία, лат. trēs, tria, др.-ирл. trí, tcoir, tēora (ж.р.), лит. trys, ст.-слав. *трие*, *три*, арм. erck', tox. А tre, tri (ж.р.), В trai, tarya (ж.р.), лик. tri- 'три' < и.-е. *tre + i (формант мн.ч.) [Pokorny 1959, 1959, 1090–1092, Lehmann 1986, 365].

В данном случае крымско-готское **t** соответствует готскому **þ** (ср. [Stearns 1978, 159]). Крымско-готское слово соответствует указанной готской форме им./вин. II. ср.р. Примечательно, однако, полное совпадение крым.-гот. tria (не *thria!) и новогреч. τρία.

tua 'duo' 'два'. *Грунна* 3.

В тексте перевода Св. Писания греческому δύο 'два' соответствует гот. twai (м.р., *Мф.* 8, 28), twos (ж.р., *Мф.* 5, 41), twa (ср.р., *Мф.* 27, 51). Дн. tveir, tvær, tvá, да. twægen, twēgen, twā, tū, дфриз. twēn(c), twā, нс. twēne, twā, twō, twē, двн. zwēne, zwā, zwō, zwei 'два' (м.р., ж.р., ср.р.). Др.-инд. dvā, греч. δύο, лат. duo, ст.-слав. *дѣва*, рус. *два* < и.-е. *dwō(u) [Pokorny 1959, 228–232, Lehmann 1986, 350–351].

По всей очевидности, крымско-готское слово соответствует классической готской форме среднего рода twa.

tzo 'tu' 'ты' в **tzo uuarthata** 'tu fecisti' и др. *Грунна* 2*.

Гот. þu к греч. σύ 'ты' (*Мф.* 6, 6). Дн. þū, да. þu, дфриз., нс. thū, двн. t(h)u, du 'ты'. Др.-инд. tū, tú, авест. tū 'теперь, но'; др.-инд. tv-ām, авест. twām, tum, др.-перс. tuvam, греч. σύ, лат. tu, др.-ирл. tū, валл. ti, брет. ti, te, лит. tū, лтш. tu, др.-прус. toū, энкл. tu, ст.-слав. *ты*, арм. du, алб. ti, tox. А tu, В twe (tuwe), хетт. zik (< *te-g- (?) < *tu-, *te-, *t(c)we-/o- [Pokorny 1959, 1097, Lehmann 1986, 366–367].

Очевидно, что крымско-готские слова, содержащие сочетание **tz**, соответствуют готским словам, имеющим глухой межзубный спирант **þ** (крым.-гот. goltz = гот. gulþ), однако более определенно охарактеризовать это соотношение невозможно. Хотя **tz** в записи Бусбека с большой долей вероятности интерпретируется как [θ], нельзя в принципе исключить, что этот диграф передавал не глухой межзубный спирант, а какой-то иной звук — допустим, звонкий межзубный спирант или аффрикату. Сравнивая крымско-готское слово с гот. þu 'ты', можно рассматривать гласный в tzo как долгий закрытый **u**-образный **o** — результат понижения **u** или как долгий **u**, имеющий тенденцию к понижению и произнесенный информантом как **o**. М. Стернс полагал, что Бусбек должен был распознать соответствующее личное местоимение, и потому слово может относиться к группе незнакомых Бусбеку лишь в сочетании с глагольными формами [Stearns 1978, 159].

uburt в iel **uburt** 'sit sanum' 'пусть будет цело и сохранно'. *Грунна* 2.

В. Леман отмечает, что все интерпретации предполагают соотношение **ub** = **uu** [Lehmann 1986, 371]. Иначе говоря, все выдвинутые гипотезы на основании семантики и места в фразе возводят данное крымско-готское слово к гот. wairþan 'становиться' (в переводе Св. Писания — эквивалент греч.

γίνεσθαι 'становиться'; *Мф.* 8, 24 и обширный ряд других употреблений). Ди. *verða*, да. *werðan*, дфриз. *wertha*, нс. *werthan*, днл. *werdan* 'становиться'. Др.-инд. *vártate* 'вертеться', *vartáyati* 'вертеть, вращать, приводить в движение', авест. *varət-* 'вертеть', греч. (I сс.) βρατάναν·τορύνην 'Πλεῖοι, лат. *vertō* 'вертеть', др.-ирл. *ad-bartaigiur* 'сопротивляться', лит. *veřsti*, лтш. *verst* 'вертеть', ст.-слав. *врьмети*, рус. *вертеть*, тох. А *wärt-* 'выбрасывать' < и.-с. **wert-* 'вертеть' [Pokorny 1959, 1156-1158, Lehmann 1986, 391].

Х.Ф. Массман восстанавливал крым.-гот. **uuurt*, предполагая здесь форму опатива настоящего времени — ср. гот. *wairþai* [Massmann 1841, 363]. Следует отметить, однако, что гот. [ǣ] вряд ли можно отражаться в крымско-готском как [u]. Р. Лёве предложил толкование *uburt* как трансформированного в передаче информанта/Бусбека претерита опатива, восходящего к гот. **waurþi*. С последней версией согласился М. Стернс, отмечая, что *t* в данном случае соответствует о/г **ð* (ср. ниже *uuingart*) и предполагая определенные расхождения с готским [Stearns 1978, 162]. И наконец, Т. фон Гринбергер рассматривал *uburt* как существительное, привлекая для сравнения да. *wyrd*, нс. *wurd*, днл. *wurt* 'судьба' и реконструируя гот. **haila waurþ* или **hailawaurþs* 'удачи!' [Grienberger 1898, 124]. Ввиду засвидетельствованного в glossе латинского *sit* (презенс конъюнктива 3 л. ед.ч.) версия Гринбергера выглядит безусловной.

waghen 'currus' 'повозка'. *Γρυννα 1*.

Прямых соответствий в классическом готском нет, очевидно, прежде всего по экстралингвистическим причинам, поскольку в сохранившихся контекстах перевода Св. Писания слово со значением «повозка» не встречается. Однако в готском засвидетельствован целый ряд производных от о/г **weg-* 'двигаться' с разными огласовками: гот. *ga-wigan** (слнл. V) к греч. σαλεύειν 'двигать, трясти' (*Ик.* 6, 38 — *mitads gawigana* при греч. μέτρον σεσαλευμένον), производный каузатив *wagjan* (слнл. I) к греч. σαλεύειν 'двигать' (*Мф.* 11, 7), а также существительные *wegs* (м.р.-а/-i) к греч. σεισμός 'волнение на море, шторм' (*Мф.* 8, 24), κλύδων волны, течение' (*Ик.* 8, 24), *wigs* (м.р.-а) к греч. ὁδός 'путь' (*Мф.* 7, 13), *wiga-deino** к греч. ἄκανθος 'терновник' (*Мф.* 7, 16) [Lehmann 1986, 387, 397, 402]. Такое обилие производных от о/г **weg-* 'двигаться' с разными огласовками позволяет интерпретировать *waghen* не как «западногерманский фантом», но как полноправное слово — продолжение гот. **wagan-*, производного от основы претерита. Ди. *vagn*, да. *wægn*, *wa'n*, дфриз. *wein*, нс. (reidi)-*wagan*, днл. *wagan* 'повозка'. Др.-инд. *vāhanam* 'воз, повозка; сушло', *vāhanam* 'выючное животное; повозка'; др.-ирл. *fep* 'повозка' < и.-с. **wegh-no*, тогда как германские производные — от и.-с. **wogh-no*; без *-n* — греч. ὄχος, лит. *vāžis*, *vežimas* 'воз, повозка', ст.-слав. *возь*, рус. *везти*, *воз* < **wegh-* / **wogh-* 'двигаться; везти' [Pokorny 1959, 1118-1120, Lehmann 1986, 387].

Гласный *e* в крым.-гот. **wagen* < **wagan-* может быть объяснен как результат редукции.

Примечательно, что название повозки, как и других «колесных экипажей» (вплоть до железнодорожного вагона) в современных германских языках (на. *wag(g)on*, нн. *Wagen*) являются континуантами соответствующих древних слов (и еще более древней индоевропейской основы), т. е. можно констатировать высокую устойчивость этого обозначения.

warthata 'fecisti' 'сделал' в **ies warthata** 'ille fecit', **tzo warthata** 'tu fecisti'. *Грунна* 2.

Закономерным образом возводится к готскому слабому глаголу I класса *waurljan* (эквивалент греч. ποιῆν 'делать', 'создавать', 'действовать' — *Ин.* 9, 4, претерит 3 л. ед.ч. *waurlhta* — *Мк.* 6, 21). Рун. *worahito* (Тунг; прет. 1 л. ед.ч.) 'я сделал', *w(o)rlta* (Etelhem; прет. 3 л. ед.ч.), *wurte* (Тюрк; прет. 3 л. ед.ч.), *orte* (Бу; прет. 3 л. ед.ч.) 'сделал'; ди. *yrkja*, прет. *orta*, да. *wyrcean*, прет. *worhte*, днн. *wurchen*, прет. *worahita* 'делать', 'создавать', 'действовать'. Авест. *varəzyciti* 'действует', греч. ῥέζω 'делаю' < **wrgyō-*; авест. *varəzem* 'деятельность', греч. ἔργον 'дело', галльск. *vergo-bretus* < **wergo-* 'делать' (+ *bretus* 'сул'), др.-брет. *guerg* 'действительный', ср.-валл. *gwreith* < **wreġ-tu-* 'делю', арм. *gork* 'работа' < **wergō-* / **worġ-* / **wrgġ-* 'делать' [Pokorny 1959, 1168–1169, I. chmann 1986, 397]²³.

Фонетика формы проблематична ввиду корневого **а**. Его можно объяснить слуховой ошибкой Бусбека или неверным произношением информанта, в обоих случаях предполагая исконное крым.-гот. **wort-* [Stearns 1978, 160] — основу с весьма открытым **о**, приближающимся к **а**. Однако возможна и «этимологическая» интерпретация: так, Э. Шварц видел здесь германское продолжение и.-с. **worġ-* с переходом и.-с. **ō* > о/г **ā*, привлекая для сравнения дс. *warhta*, да. (англик.) *warhte* 'я /он сделал' [Schwarz 1951, 165]. М. Стернс оценивает эту гипотезу как «хорошую возможность» [Stearns, 160], однако следует иметь в виду, что указанные ингвевонские формы могут представлять собой диалектное изменение — переход в *ā* открытого *ō* (результата расширения о/г *ū* < и.-с. **ŭ* в корне с нулевой ступенью). Иными словами, дс. *warhta* и англик. *warhte* представляют собой независимый результат фонетического развития открытого *ō* > *ā*, типологически однородный с крым.-гот. *warthata*. Примечательно, что М. Стернс при обсуждении крымско-готской формы указывает на случаи перехода *ō* > *ā* перед **г** в средненидерландском — слл. *wart* < *word* 'слово', *antwarden* < *antwoorden* 'отвечать', но не дает им должной оценки как германским диалектным явлениям, считая лишь возможным источником ошибки Бусбека [ibid.]. Кроме того, М. Стернс реконструирует начальный согласный как

²³ Как можно видеть, славянские параллели не отмечаются. Однако авест. *varəzyciti* 'действует' заставляет задуматься о возможности отражения и.-с. **worġ-* в рус. *ворожить* 'производить магические действия'. Произведение магических действий часто эвфемистически описывается как «дело, делание»: ср. рус. *ему сделано* — 'в отношении него произведены магические действия, на него наведена порча'.

[v], хотя неизвестно, перешел ли общегерманский (и готский) губно-губной [w] в губно-зубной [v] в крымско-готском; судя по форме **uburt**, этого не произошло.

Морфологическое оформление крым.-гот. **warthata** осмыслялось по-разному. Р. Лёве предполагал двойное обозначение претерита [Loewe 1896, 155–156], Т. фон Гринбергер — исходную форму в виде готского причастия II ср. р. ***waurhtata** [Grienberger 1898, 130], Р. Мух — энклитическое (i)ta [Mux 1898, 200–201]. М. Стернс интерпретировал **warthata** как претерит с утраченным по сравнению с **waurhta h** (***wart-**) и присоединенным указательным местоимением **tata**, ср. **malthata** [Stearns 1978, 160–161]. Это толкование представляется В. Леману наиболее удачным и принято им как основное [Lehmann 1986, 397]. Нельзя исключить также специфическое воспроизведение искомого крым.-гот. ***worhta** / **warhta**, «труднопроизносимого» ввиду скопления согласных.

wichtgata ‘album’ ‘белос’. *Грунна 2.*

Форма сопоставляется с гот. **hwēits*** к греч. λευκός ‘белый’ (Лк. 9, 29, Мк. 9, 3), **ga-hwēitjan** к греч. λευκᾶναι ‘выбелить’ (Мк. 9, 3). Дн. **hwītr**, да., дфриз., дс. **hwīt**, двн. (h)wīz, дфриз. **hwīt(t)**, снл., снп. **wīt(t)** ‘белый’, ‘сияющий, блестящий’. Др.-инд. **śvetās**, авест. **spactō-** ‘белый’, др.-инд. **śvās** ‘завтра’, ст.-слав. **свѣтъ** ‘светлый’, **свѣтѹти** ‘светить, сиять’, лит. **švičsti** ‘сиять’, **šiesūs** ‘яркий, блестящий’ < и.-с. ***kwey-** ‘блестящий, сияющий, белый’ с формантом *-d- [Pokorny 1959, 628–629, Lehmann 1986, 200].

В крым.-гот. **wichtgata** Р. Лёве предполагал метатезу ***hwit-** > ***wiht-** [Loewe 1896, 173–174, 1902–1903, 9], Т. фон Гринбергер — модификацию типа ***uuieth** [Grienberger 1898, 127]. Версия о метатезе находит типологическое подтверждение в развитии да. **hwīt** > са. **whit**, на. **white** и варьировании **wh** ~ **hw** в английских диалектах. Следует, однако, учесть и указание Р. Муха на место слова в списке Бусбека: **wichtgata** помещается там между **atochta** и **mycha** — формами, где присутствует диграф **ch**. Ввиду этого исследователь выдвинул гипотезу о проникновении **-ch-** в результате описки [Mux 1898, 199], что было поддержано Э. Шрёдером и М. Стернсом [Schröder 1910, 13, Stearns 1978, 163]. Таким образом может быть снята проблема истолкования **-ch-**, отмеченная В. Майдом, в связи с этим предположившим интерпретацию **wichtgata** как производного гот. ***hwit-** + суффикс **-aga-** (ср. гот. **stainahs*** ‘каменистый’) + флексии среднего рода **-ata** [Meid 1967]. Эта версия была принята М. Стернсом и В. Леманом [Stearns 1978, 163, Lehmann 1986, 402]. Тем не менее, типология развития германских лабиовелярных в германских языках и диалектах не позволяет отвергнуть версию о метатезе ***hwīt-** > **wicht-**.

«Белый» — единственное цветообозначение в списке Бусбека. Очевидно, наличие этой формы обусловлено важностью цвета и понятия в быту и сельском хозяйстве.

wingart ‘vitis’ ‘виноград, виноградная лоза’. *Грунна 1.*

Гот. **wēina-gards*** к греч. ἀμπελῶν (Ин. 20, 9); ср. тж. **wēin** (ср. р. -a) к греч. οἶνος ‘вино’ (Мф. 9, 17), **wēina-basi*** (ср. р. -ja) к греч. σταφυλή

‘ягода винограда, виноградина’ (Мф. 7, 16, Лк. 6, 44), *wein-drugkja* (м.р.-н) к греч. οἰνοπότης ‘виноныйца, пьяница’ (Лк. 7, 34), *weina-tains* (м.р.-а) к греч. κλήμα ‘виноградная гроздь’ (Ин. 15, 4), *weina-triu* (ср.р.-wa) к греч. ἄμπελος ‘виноградная лоза’ (Ин. 15, 1); *gards* к οἶκος, οἰκία ‘дом; двор’ (Ин. 12, 3), αὐλή ‘двор’; гот. *aurti-gards* к греч. κήπος ‘сад’ (Ин. 18, 1), *midjun-gards* к греч. οἰκουμένη ‘вселенная’ (Лк. 2, 1) [Lehmann 1986, 147]. Композит с такой структурой засвидетельствован не только в готском, но и в других древнегерманских языках: ди. *vín-garðr*, да. *wîn-geard*, нс. *wîn-gardo*, двн. *wîn-gart(o)* ‘виноградник’; ст.-слав. *вино-градъ* — раннее заимствование из германского; о/г **wîn-* < лат. *vīnum* [Stender-Petersen 1927, 365, Lehmann 1986, 400]. Этимология и развернутое обсуждение о/г **wîn-*, и.-с. **we/oīn-o* ‘вино’ — [Pokorny 1959, 1121, Гамкрелидзе /Иванов 1984, 647–655, Lehmann 1986, 399], о/г **garðiz*, и.-с. **ghordhos* (*ghortos*) ‘огороженное место’, ‘сад’ — [Pokorny 1959, 1959, 444, ЭССЯ 1980, VII, 37–38, Lehmann 1986, 147–148].

М. Стернс восстанавливает в исходе крымско-готского слова исконный крымско-готский звонкий спирант ð [Stearns 1978, 163–164], но не учитывает, что ð после шипящего отвердело в *d* уже в классическом готском, то есть и в форме *weinagards* (ср. гот. *waurd*, *hairda*, *haldan*; см. выше обсуждение крым.-гот. *alt*). Конечный *-t* может указывать на особенности речи информанта (оглушение конечного смычного *d*) или на «второе передвижение согласных» по Хёфлеру [Höfller 1956, 1957].

Весьма примечательно, что крымско-готское слово глоссируется у Бусбека как ‘*vitis*’, то есть ‘виноградная лоза, виноград’, а не как ‘*vinca*’ ‘виноградник’. Это значение крым.-гот. *wingart* расходится с классическим готским *weina-gards* = ἄμπελών (не ἄμπελος, соответствием которого является гот. *weina-triu*), но совпадает с ст.-слав., рус. *виноградъ* ‘виноградная лоза, виноград’, заимствованным из германского²⁴ в том же значении, с аналогичным семантически пустым компонентом **gard-* < **garðiz*. Очевидно, крымско-готский сохранил в данном случае свидетельство о бытовой практике переноса наименования «виноградника» на саму лозу.

wintch ‘ventus’ ‘ветер’. *Grunna* 1.

Гот. *winds* (м.р.-а) к греч. ἄνεμος (Мк. 4, 39). Ди. *vindr*, да., нс., дфриз. *wind*, двн. *wint* ‘ветер’ < и. с. **w-ntós* ‘ветер’, ‘веющий’ (активное причастие/ *nomen agentis* от звукоподражательной основы с разными огласовками — **we/wē-/w-*; по В. Леману — *Нew*-, *wē*-, **aw*- [Lehmann 1986, 404]).

М. Стернс полагает, что крымско-готская форма зафиксирована с опечаткой и предлагает конъектуру **wintsch* по аналогии с крым.-гот. *rintsch* < **rinds*, что принято В. Леманом [Stearns 1978, 164, Lehmann 1986, 404].

²⁴ Возможно, имело место переоформление посредством славянских основ (о калькировании говорить вряд ли уместно, поскольку основа *-градъ* не имеет в этом композите собственного значения).

5.3. «Кангилена»

Песня, спетая Бусбеку крымским греком-информантом, определяется в тексте IV Турецкого письма как «cantilena». Это обозначение (англ. the *cantilena*, нем. die *cantilena*) вошло в научный оборот, особенно в новейших исследованиях [Stearns 1978, 121–124, Grønvik 1983], однако зачастую данный отрывок называют просто «песней» [Massmann 1841, 366, Tischler 1978, 12]. М. Стернс толкует слово *cantilena* как «старая песня» («literally 'old song'» [Stearns 1978, 121]), однако лат. *cantilena*, итал. *cantilena* буквально означает «распевное пение, напевание, распевание», и соответствующее музыкальное произведение оформляется как «певучая, напевная мелодия» [Краткий музыкальный словарь 1955, 132]. Лат. *cantilena* выступает также в значениях «песня [вообще]», «народная мелодия»; значение «старая песня» это слово имеет лишь в переносном употреблении — *презр.* «пустая болтовня, старая песня» [Дворецкий 1976, 152]. Очевидно, последнее переносное значение и ввело М. Стернса в заблуждение. Спетая греком песня не определяется Бусбеком как «старая». Это либо «песня» вообще или даже «песенка» (лат. *cantus* «песнь», *canticum* «песня, мелодекламация» указывали бы на «высокий стиль»), либо «протяжная песня, распев», однако по скупому контексту Бусбека трудно судить о манере исполнения.

Полностью сообщение о песне гласит: «Quin etiam cantilenam eius linguae recitabat, cuius initium erat huiusmodi:

Vvara vvara ingdolou
 Scu te gira Galtzou
 Hœmisclep dorbiza ca».

«Затем он исполнил песню на их языке, начало которой было следующим <...>».

В отношении критики текста необходимо отметить разные интерпретации формы Galtzou. М. Стернс указывает, что такие исследователи, как В. Маннхардт, Ф. Браун, П. Скардигли [Mannhardt 1856, Braun 1890, Scardigli 1964, 1973] пользовались теми изданиями IV Турецкого письма, где форма приводится как Galizu, тогда как Г. Куун цитировал текст по второму изданию (Франкфурт, 1595) и трактовал форму как Galtzu [Kuun 1880]. При этом Р. Лёве, В. Штрайтберг и Й. Дирихс придерживаются чтения Galizou [Loewe 1896, 129, Streitberg 1920, 282, Dirichs 1951, 145]. Между тем Стернс подчеркивает, что факсимиле первого издания писем Бусбека содержит форму Galtzou, чему соответствует и выдержка из сообщения Бусбека, сделанная Вулканием [Busbequius 1589, Vulcanius 1597, 53, Stearns 1978, 25 [илл. V], 121]. То же находим во франкфуртском издании 1595 г. (см. рис. 44), с единственным отличием — Galtzu.

О. Грёнвик, оживленно полемизирующий с М. Стернсом по теоретическим вопросам, здесь, как и в других случаях, не расходится с ним в фактологии, принимая чтение Galtzou [Grønvik 1983, 71]. М. Стернс поясняет, что имевшиеся в первом издании Бусбека *t* (Galtzou) могли в некоторых копиях

походить на *i*, что впоследствии привело к разночтениям, причем Р. Лёве и Р. ван де Вельде приводили форму *Galizou*, ссылаясь на первое издание [Loewe 1896, 129, Van de Velde 1965, 65, 1966, 337, Stearns 1978, 121, см. 1]. Ясно, однако, что предпочтение формы *Galizou* обусловлено ритмическими соображениями, то есть интерпретацией строфы как хорса (ср. разметку у Й. Дирихса [Dirichs 1951]). Тем не менее, получаемая в результате такого прочтения «ладкость» вызывает новые вопросы (которые будут рассмотрены ниже), и потому разумнее считать исходной форму с *t*, содержащуюся в первом и втором изданиях Бусбека²⁵ и у Вулканиа.

Характеризуя контекст в целом, исследователи подчеркивают как тот факт, что Бусбек не снабдил записанную песню переводом или каким-либо иным толкованием, так и то, что услышанный текст был воспринят Бусбеком как песня «на их языке», то есть на крымско-готском [Stearns 1978, 121, Grønvik 1983, 72]. Дальнейшие выводы обычно зависят от личных предпочтений интерпретатора. Обычно в тексте интуитивно германские формы, однако следует иметь в виду, что Х. Ф. Массман в свое время отказался делать какие-либо заключения в той области, «где другие уже отважились на более смелые» («wo andere schon kühneres gewagt haben») [Massmann 1841, 366], а М. Стернс также принял эту точку зрения [Stearns 1978, 124]. Основываясь на указаниях в ряде работ [Høst 1971, Tischler 1978, Stearns 1978, 121–124, Grønvik 1983, 71–72], прежде всего представим краткий обзор версий в качестве введения в проблему.

Первое толкование текста принадлежит шведскому археологу Й. Перингсшёльду (1654–1720), издателю труда немецкого гуманиста Й. Кохлея / Кохлеуса «Жизнь Теодориха, короля остготов и всей Италии» [Peringskjöld 1669, Mannhardt 1856, 167]. Перингсшёльд выстроил свою реконструкцию на основе шведского языка, снабдив ее латинским переводом:

Wara wara in dälla
wi sku göra gallipur
hamskipts þorsteliga äoch ä...
Estote obsequentes,
faciamus incantationem
transformamini audacter in...

(«Будьте послушны, // совершим заклинание, // превращайтесь смело в...»²⁶).

В 1758 г. Ф. А. Кнittel предложил реконструкцию, явно сочетающую обращение к классическому готскому (ср. *wardja*, *jer*, *hiuhma*, *slepan*, *wegs* и др.) с познаниями о скальдическом синтаксисе:

²⁵ Разночтение *Galtzou* / *Galtzu* не является определяющим в отношении метра и ритма песни.

²⁶ Перевод здесь и ниже выполнен Н. Г. по доступному (латинскому, немецкому) тексту и сверен с толкованиями М. Стернса там, где таковые имеются.

Vardja, vardja in dalja
 Scura jêra galisip nuh
 – hiuma sclep draibiþ ---- vêga.
 Custos, custos in foveam
 procella tempore congregabit
 populus dormit agitatus ---- motum²⁷.

(«Страж, страж в яме²⁸, // буря в свое время соберет, объединит ---- // люди спят беспокойно ---- // движение»).

Как было отмечено выше, Х. Ф. Массман (1841 г.) отказался от анализа кантилены; за этой выразительной «фигурой умолчания» последовала гипотеза В. Маннхардта [Mannhardt 1856], увидевшего в кантилене реликты не только древнегерманской аллитерации, но и мифологии:

Vârci vârci / I'ggadâllu
 scûta jê'rê / gâlaizê
 hauhmisks hlaiþs / þâurbiza áiv
 Wehre, wehre Ingdall
 dem dahinschusz der jahre der zaubervollen;
 die nahrung des volkes dürftiger je ----

(«Охрани, охрани, Ингдаль²⁹ // прибавление лет волшебных // питание народа скуднее, чем...»).

Э. Фёрстеман предложил иное истолкование. По его мнению, песня является предостережением молодому готу, слишком увлекающемуся пирушками:

«Wohin, wohin, junger Thor?
 Scheue (dich) zu begehren die Becher;
 Hausbrod ist immer derber».

(«Куда, куда, молодой готец? / Бойся желать кубков; / Домашний хлеб всегда грубее»).

Й. Дирихс, воспринявший кантилену как «истинно готскую», выдвинул версию, оцененную М. Стернсом как «the most fanciful interpretation» [Stearns 1978, 123]. И действительно, предполагаемое ироничное содержание песенки определяется в весьма академичном тоне ---- по Дирихсу, песенка представляет собой «eine Warnung vor unbedachtem, tollem Sexualgenusse», «предостережение против необдуманного, безумного сексуального наслаждения» [Dirichs 1951]. Однако если отрешиться от печального комизма, можно видеть, что интерпретатор фактически следует Э. Фёрстеману, лишь заменяя готского «младого повесу» на «красную деву»:

Wâra wâra ingdolôu
 Scû te gîra Gâlizôu

²⁷ Текст цит. по: [Mannhardt 1856, 167, Stearns 1978, 122].

²⁸ Лат. fovea 'волчья яма, западня'.

²⁹ Гибридное имя, сконструированное на основе лн. Ingvi и Heimdallr.

Hiemisclep dorbíza ča.

Vorsichtig, vorsichtig, Jungtolle!

Scheue die Leidenschaften (Begierden) in kundiger (kluger) Weise,

Den Beischlaf, die Türwartereien, die Schändlichkeiten (Schamlosigkeit)! »

«Берегись, берегись, молодая дурочка! / Бойся страстей (желаний) разумным образом — Совместного сна, поджиданья у дверей, бесстыдства!»

Напротив, И. Скардили интерпретировал рассматриваемый отрывок не как застольную или любовную песенку, но как готскую христианскую колыбельную:

Warei warci, aggilu:

Skauta [garawei (?) ga-alith-].

Himi(na)slep [?? biuth izai]...

Veglia veglia, angelo:

in grembo (a te) riposa la creatura (mia).

Concedite (?) sonno celeste... [Scardigli 1964, 296].

«Бодрствуй, бодрствуй, ангелок: / в лоне твоём находится создание (моя).

/ Подари сну (?) небесный сон...»

Последняя по времени германская интерпретация принадлежит О. Грёнвику, реконструировавшему «исходное крымско-готское»:

/warə, warə in-gadolu!

sku:to giro galt-þu,

he:mə šlep: dorbəzə sə!

«Hüte, hüte die Wunderschöne! Begehrtenswerte Hufeisen (Schuhe) zahltest du, / laß die futterbedürftige Stute zu Hause (auf die Weide) los!» [Grønvik 1983, 85].

«Береги, береги прекрасную! / Достойные желания подковы оплатил ты, / Пусти кобылу, пугающуюся в корме, домой (на пастбище)!»

Последняя реконструкция выглядит наиболее гладко с формальной точки зрения, тем более что О. Грёнвик весьма детально аргументирует свою версию, предполагая и «ошибки писца», и диалектные отличия крымско-готского от классического готского, и аналогии в скандинавских балладах [Grønvik 1983, 74–85 passim]. Однако в данном случае, как и во всех вышеприведенных гипотезах, наблюдается одна закономерность, до сих пор не отмечавшаяся исследователями, но от этого не менее явная: чем изящнее формальная сторона реконструкции, тем сомнительнее (если не сказать — беспомощнее) семантическая. Впрочем, к выяснению возможной (и вряд ли возможной) прагматики текста мы обратимся ниже, а прежде приведем версию, конкурирующую с «interpretatio Germana».

В 1880 г. Гёза Кун увидел в кантлене турецкую песню, расшифровав текст таким образом:

vara vara ing dolu

šu tegira gölt (ä) su

Gämi išlep dorb-isä ca

Sensim sensim impletur

Hacc regio tota aqua est

Navis quum illic constitit [Kuun 1880, 243].

«Постепенно, постепенно наполняется, / эта область ---- вся вода, / Когда корабль стоит на том месте...»

После всех германских «кангилен», не похожих ни на готский язык, ни на сколько-нибудь складную песню, эта версия отрадна своей простотой. И едва ли не самое показательное здесь ---- реплика М. Стернса о том, что Куун ошибся в переводе турецкого текста на латынь: «Kuun's latin is faulty: The last line in 'Turkish means 'he is preparing a boat'» [Stearns 1978, 123, f. 3]. Если «gāmi išlep dorb-isä ea», фактически совпадающее с третьей строкой кангилены, означает по-турецки «Он готовит лодку», то и «Hæmisclep dorbiza ea», во-первых, является отрывком турецкого текста, во-вторых, означает: «Он готовит лодку». Единственное, что здесь требует объяснения ---- реализация начального звонкого смычного *g* как *h*. Очевидно, перед нами ---- звонкий фрикативный *ɣ*, имевшийся в языке крымских греков (ср. реконструкцию системы крымско-греческого консонантизма: [Stearns 1978, 52])³⁰. В целом же «турецкая версия» представляет картину, разительно отличающуюся от любого из неverifiedируемых «готских» толкований.

Ф. Браун, решивший проверить новую интерпретацию, обратился за помощью к тюркологу В. Радлову³¹ и пришел к убеждению, что кангилена является «чисто турецкой» («rein türkisch») и описывает водную стихию. Расшифровка Брауна-Радлова выглядит следующим образом:

wara wara ing dolu
schu tegirä gäldi su
häm ischläp dur bizä (ea)³²
gāmi ischläp
gehend, gehend ganz voll
bis hierher kam das Wasser
auch (Alles) machend ist uns --
ein Boot machend ---- [Braun 1890, 60–61].

«Постепенно, постепенно, совсем полный (-ая? -ос?) / до сих пор поднялась вода / всё нам делаю ---- [или:] Готовя лодку ---- »

Формально и семантически непротиворечивая версия о турецкой песне, где упоминаются вода и кораблик, не была принята германистами. Основным

³⁰ Произношение звонкого смычного *g* в начальной позиции может быть связано с особенностями фонетики южнобережного диалекта крымско-татарского языка. Этот диалект наиболее близок к турецкому языку (и отличается от него меньше, чем некоторые турецкие диалекты), однако начальный *g* реализуется в нем специфически. См. ниже 6.2.3.

³¹ У Брауна ---- «Radlof» (работа вышла на немецком языке). Без сомнения, это был акад. В. В. Радлов (см. 6.2.3).

³² Добавление *ea* в турецкий текст может быть избыточным, коль скоро там имеется *ä*, которое Бусбек мог оформить как *ea*. Впрочем, *ea* может быть возгласом-призывом.

аргументом полемики было и остается утверждение о том, что информант не мог исполнить перед Бусбеком песню на турецком языке. Прежде всего, добросовестность информанта, как правило, не ставится под сомнение (и, как уже неоднократно подчеркивалось, это подтверждает целый ряд показательных готских реликтов, которые в то время невозможно было «сконструировать»). Однако Ф. Браун считал, что информант воспроизвел турецкую песню невольно [Braun 1890, 60], искренно считая ее «местной народной». Ф. Браун пришел к такому заключению не на пустом месте; яркий пример аналогичного распоряжения фольклорным материалом приводится в другой его работе [Браун 1890], к которой мы уже обращались (ср. п. 2.2) и еще вернемся ниже. С допущением Брауна согласился и Р. Лёве [Loewe 1896, 207].

Тем не менее, М. Стернс и О. Грёнвик считали неслучайным, во-первых, то, что информант не смог или не захотел отличить турецкую песню от готской, а во-вторых, то, что переводчики Бусбека (или сам Бусбек) не указали информанту на ошибку [Stearns 1978, 124, Grønvik 1983, 72]. По мнению Грёнвика, «то, что язык этой песни является крымско-готским, мы должны принимать как данность» [Grønvik 1983, 72]. Более осторожный М. Стернс выразился так: «Следовательно, у нас нет оснований подозревать, что кангилена представляет нечто иное, нежели говорит нам Бусбек: начало песни на том (новокрымскоготском) языке» [Stearns 1978, 124]. Однако в какой бы форме — более или менее категоричной — ни была выражена эта позиция, по сути она означает, что мы обязаны считать крымско-готским (= германским) всё, что сообщил Бусбеку информант. Тогда это значит также, что ни одно из достоверных заимствований, ныне распознаваемых в этом ново-крымско-готском, не может определяться как таковое, и для каждого из слов типа *telich*, *sada*, *hazer* нужно и впредь искать германскую этимологию. Однако информант не проводил никаких различий между этими безусловными, легко распознаваемыми заимствованиями и словами германской этимологии, считая весь известный ему материал равноценным. Мы видим, что ни в одном из таких случаев ни торкоязычные переводчики, ни Бусбек не опровергли информанта и не оставили своих комментариев. Судя по этим примерам, авторитет информанта в глазах Бусбека основывался не на приведении слов исключительно германской этимологии, но на знании того, какие именно слова употребляет известный информанту народ крымских готв. Разумеется, этот авторитет поддерживался присутствием немого свидетеля — потомка крымских готв (который, заметим в скобках, так же выразил неудовольствия по поводу употребления заимствований и исполнения песни).

Итак, если за лексемными заимствованиями из персидского и турецкого языков признается право на существование в языке крымских готв, неясно, зачем отказывать в этом праве заимствованной песне. Нужно отдавать себе отчет в том, что для информанта эта кангилена была песней «*cis linguae*», то есть крымско-готской, отнюдь не на основании германской

этимологии (о которой он, скорее всего, понятия не имел), но ввиду употребления среди крымских готв. Строго говоря, и эта условная, местная связь кантилины с крымскими готами нам неизвестна. Предполагая наилучшее, мы не можем исключить и того, что находчивый крымский грек, не желая обидеть доброго и щедрого господина, спел первую вспомнившуюся ялгинскую или алуштинскую песню. Если же принять во внимание тогдашний языковой ландшафт Южного берега, то оказывается, что турецкий язык «кантилины» вполне мог быть южнобережным диалектом крымско-тагарского языка. Данный диалект, с одной стороны, настолько близок к турецкому, что превосходит в этом отношении даже некоторые собственно турецкие диалекты, а с другой — наиболее насыщен заимствованиями из греческого и итальянского, то есть отражает исторические контакты крымских тагар Южного берега и Бахчисарая с соответствующими народами (см. ниже 6.2.3).

Неясно, почему М. Стернс и О. Грёнвик считают, что Бусбек владел турецким языком в такой степени, чтобы распознать в песне немного искаженные турецкие слова. Если бы это было так, он не пужался бы в переводчиках, а судя по тексту IV Турецкого письма, он прибегал к их услугам. Непонятно также, почему тюркоязычные переводчики должны были вмешиваться в беседу Бусбека с информантом и выступать в роли консультантов-этимологов. Тогдашняя иерархия вообще вряд ли позволяла им на равных участвовать в беседе господина с гостем, тем более — прерывать исполняемую в дружеской обстановке песню. Как можно видеть, Бусбек в своем рассказе вообще не апеллирует к мнению переводчиков: они для него менее ценны, чем даже «безъязыкий» крымский гот. Таким образом, восприятие песни переводчиками — всецело «за кадром». Может быть, в конце беседы (или обеда), когда информант приступил к исполнению песни, и переводчиков уже отпустили восвояси: как знать? А может быть, они вместе с Бусбеком послушали местную крымскую песню и, подумав: «А у нас в Стамбуле по-другому поют» (или, наоборот: «Совсем как у нас поют»), остались довольны обедом и наградой за приведенных нужных людей? Словом, за скудными строками письма Бусбека можно видеть многое, но следует иметь в виду одно: перед нами — не Константинополь VI в. с живой и со всех сторон дающей о себе знать готской традицией, но Стамбул XVI в., где крымский грек, как поводырь, выводит на историческую арену потомка крымских готв.

Обсудив проблему «информации и дезинформации», рассмотрим текст кантилины с формальной и семантической точки зрения. Что касается фонетики и деления на словоформы, турецкий язык представляет гораздо более удовлетворительную картину, чем германские версии. Обратим внимание хотя бы на тот факт, что сочетание «ing» совершенно естественно размещается в середине турецкой фразы, в то время как в германском этот звуковой комплекс может соотноситься либо с патронимическим суффиксом «-ing»,

который здесь оказывается явно не на месте³³, либо с каким-то бессмысленным искажением исконого германского слова.

В отношении содержания песни необходимо заметить следующее. М. Стернс справедливо отмечает, что жанр кантилены нам неизвестен: «that might be a sailor's song, a hunter's song, a soldier's song, a children's song, a religious song, a harvest song, a drinking song, a love song, etc» [Stearns 1978, 121]. Однако любой из перечисленных песенных жанров имеет свои закономерности, и уместно добавить: однако ни одна из этих песен не может быть бессмысленным набором слов. Так, колыбельная, в которой вместо убаюкивания ребенка будят ангела, или же баллада о кобыле, ввиду песенных подков отправляемой «домой, то есть на пастбище», с известной типологией народных песен явно не согласуются. При этом в любой из германских интерпретаций содержание кантилены с поразительной пластикой отражает научный и культурный кругозор исследователя, «откликаясь» то на мысли об Ингви и Хеймдалле [Mannhardt 1856], то на «ангела в небесах» [Scardigli 1964, 296], то на звуки баллад о Вильгоре Хертугсоне и Фолькваре Ломансоне [Grønvik 1983, 85]. Устремления эти понятны, однако надо учитывать и культурный контекст готской традиции в Крыму. По данным археологии (ср. 1.1), исконная готская (= германская) культура в Крыму прослеживается в пределах ограниченного временного отрезка, соотносимого с ранним средневековьем. В XVI веке в Крыму уже никто не носил одежды с орлиноголовыми пряжками, более того — этот убор уже века не встречался в погребениях. Предполагать полную сохранность традиции в обстановке, когда были утрачены все прочие культурные компоненты, наивно. Если бы кантилена обнаружилась в трактате «О постройках», можно было всерьез заниматься реконструкцией готских форм. В условиях, когда и сами потомки крымских готов забыли родной язык и растворились в вечно многоплеменном населении Крыма, разумнее согласиться с «турецкой» реконструкцией Г. Куна.

Как было сказано выше, Ф. Браун, общавшийся с потомками крымских греков и готов — мариупольскими греками — пришел к тому же выводу. Что же увидел и услышал Браун во время своего путешествия?

Исследователь встретил среди крымских греков представителей другого этнического типа — белокурых и голубоглазых «чалбал», которых он считал потомками крымских готов ([Браун 1890], ср. 2.2). Эта находка исполнила его оптимизма, но дальше дело обернулось весьма неожиданно. «Представьте себе мое удивление, когда я в глухой степи встретился с молодым греком и попросил его спеть мне песню, а он мне в ответ затянул тонким носовым голосом: “Я жанился, переменился, я таперица не твой!”» [Браун 1890, 85]. Остается лишь изумляться универсальности определенных факторов, в разные

³³ Напрашивающаяся в таком случае «германская» реконструкция «*varing*» = «наемник», «варяг» выглядит прямо-таки циничной, но не выходит за рамки принятой методики интерпретаций.

вска обуславливающих одни и те же поступки. Мариупольскому греку конца XIX века, простодушно исполнившему свою *кантилену*, исследователи могут предъявить те же самые претензии, что и греку XVI в. — информанту Бусбeka. Более того, молодой грек в степи явно пытался приспособить русские частушки к традиционной манере греческого пения (ср. упоминание о «тонком носовом голосе»)! Однако сам он вряд ли считал это предосудительным.

Если обратиться к традиционной культуре народов, проживающих по соседству и условиях тесных контактов, то даже в наше время можно найти многочисленные параллели случаю с «кантиленой». Так, мариупольские (азовские) греки вне зависимости от деления на грекоязычных румесов и тюркоязычных урумов считают своими такие известные крымско-татарские танцы, как «Хайтарма», «Хашлама», а также некоторые тюркоязычные песни, поскольку эти мелодии исторически связаны с Крымом. По свидетельству М. Р. Иснароковой, у одной ее подруги была бабушка-гречанка, оставившая своей внучке на память магнитофонную запись народных песен в собственном исполнении: это были оформленные в традиционной греческой манере песни на русском языке. Еще один пример того же «пограничного» взаимопроникновения: некоторые осетинские народные мелодии (песенные и танцевальные) весьма напоминают русские народные мелодии — точнее, казачьи песни и пляски, а одна из осетинских песен и вовсе исполняется на мотив «С ярмарки схал ухарь-купец». Однако и осетины, и русские считают такие песни осетинскими, а не русскими. Учитывая распространенность таких взаимодействий, вряд ли стоит упрекать крымского грека — собеседника Бусбeka — в сознательной дезинформации.

В заключение — еще одна культурная аналогия. Без сомнения, содержание турецкой песни о море и кораблике более всего соответствует реальной географической и бытовой обстановке Крыма. И здесь вспоминается песня, услышанная Лермонтовым в другом причерноморском пристанище древних германцев — Тамани:

«Как по вольной волонке —
По зелену морю,
Ходят все кораблики —
Белонарусники...»

Разумеется, лермонтовская таманская «русалка» пела свою песню на русском языке, и сходство с известной кантиленой здесь исключительно типологическое, а не генетическое, но типология эта весьма показательна: о чем и петь песни у моря, как не о море. Этим можно было бы и закончить, но важно, что море в данном случае — не «море вообще», а всё то же Черное море, чьи берега приютили и объединили разные этносы, в том числе греков и древних германцев. Не случайно проницательная исследовательница германских древностей М. Г. Неценская говорила, что лермонтовская таманская «русалка» напоминает ей готов, германцев (наблюдения Ф. А. Брауна М. Г. Неценской не была известна). Повествование Лермонтова

обычно воспринимается как авторский вымысел, но нельзя не видеть, что в «Тамани» описана представительница несвымыщенного этнического типа, во многом сходного с «чалбап»:

«В ней было много породы... она, т. е. порода..., большей частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Мой певунья, казалось, не более 18 лет. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, только ей свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка-загорелой кожи на шее и плечах и, особенно, правильный нос, ---- всё это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения; ---- и точно, между ними было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...» [Лермонтов 1946, 279]. Как все помнят, загадочная девушка оказывается контрабандисткой, продолжая ту же традицию «пиратского гнезда», к которой в древности принадлежал Крым. Припелыца-повествователя она воспринимает исключительно как чужака, которого следует одурачить, а если он видел лишнее ---- утопить. Мы не можем утверждать, что Лермонтов описал последнюю представительницу потомков причерноморских германцев, однако этот колеблющийся образ и его *кантилена* прекрасно вписываются в пеструю и сложную картину этнических реликтов Причерноморья.

КРЫМСКО-ГОТСКАЯ ФОНЕТИКА

6.1. Постановка проблемы

Несмотря на обилие серьезных современных исследований, интерпретирующих крымско-готские данные как заслуживающий доверия материал, нельзя игнорировать тот факт, что эти данные по-прежнему остаются противоречивыми, особенно в плане фонетики. Потому прежде всего необходимо выяснить, в какой мере оправдана сама постановка вопроса о крымско-готской фонологии и на каких основаниях может производиться реконструкция фонологической системы.

Классические описания материала таких реликтовых древнегерманских языков, как язык вандалов, остготовы Италии [Wrede 1886, 1891] или лангобардов [Bruckner 1895], содержали обзоры фонетической системы соответствующего языка. Однако ясно, что формы, засвидетельствованные в латинской письменной фиксации, современной им или отдаленной достаточно небольшим периодом, сохранились лучше и претерпели меньше влияний, чем крымско-готский материал. Тем не менее, всестороннее описание крымско-готского по возможности должно продолжать традицию, заложенную авторитетными исследователями древнегерманских реликтовых языков. Потому сама идея фонетического обзора реликтового древнегерманского языка имеет прецеденты в науке. Надо лишь сознавать, что, во-первых, любой такой обзор неминуемо является гипотетической реконструкцией (с разной степенью достоверности разных участков), во-вторых, подобная реконструкция всякий раз основывается на учете собственной, уникальной системы факторов и влияний, и, в-третьих — чем больше таких влияний, тем меньше вероятность однозначной реконструкции. В отличие от лексики, где «механические» искажения или исторические заимствования распознаются довольно легко и не ставят под сомнение сам факт существования формы, в фонетике древнего языка такие искажения и заимствования зачастую уже не поддаются верификации и наносят серьезный ущерб материалу. И вероятно, не случайно, что детальная реконструкция крымско-готской фонологической системы была проведена только в XX веке на базе многих достижений фонологии.

Такая реконструкция была осуществлена в известной работе М. Стерна [Stearns 1978, 86–108]. Как отмечалось выше, исследователь проявил в работе особый интерес к фонологической проблематике; потому он пред-

ставил не одну, а несколько сводок-реконструкций, призванных осветить различные аспекты крымско-готского материала. Так, в работе Стернса дан обзор крымско-греческой фонетики, позволяющий постулировать влияние родного языка информанта на воспроизводимый последним германский материал [Stearns 1978, 48–63] (ср. ниже раздел 6.2.1). Затем Стернс проследил систему транскрипции крымско-готских форм у Бусбека [Stearns 1978, 73–86]. И наконец, основной очерк крымско-готской фонетики вошел в раздел с весьма оптимистическим названием «Crimean Gothic Phonology: Its Development from Proto-Germanic» [Stearns 1978, 87–108].

Описание ведется Стернсом в терминах современной фонологии и порой напоминает обобщение наблюдений над живым языком. Однако здесь необходимо иметь в виду, что наиболее «живым» из описываемых у Стернса языков является мариупольский новогреческий — и не только по причине близости к настоящему времени и наличию живых носителей или их непосредственных потомков, но и потому, что описанный этот язык (точнее, диалект или диалектный континуум) М. Сергиевский составил весьма подробную картину фонетики, всемерно удовлетворяющую нуждам современного фонолога. Представляется, что именно успешная реконструкция «языка информанта» побудила Стернса перенести те же принципы на описание крымско-готского (недаром исследователь с симпатией именует Бусбека «the fieldworker»). Но, к сожалению, Бусбек не был идеальным фонологом-«полевиком», основная примета которого — составление детальной фонетической транскрипции, по возможности иллюстрируемой магнитофонными записями. При всем уважении к Бусбеку можно видеть глубину этой методической и технической пропасти. Мы знаем, как трудно судить даже о классическом готском, хорошо представленном и не испытывавшем чуждых влияний (ср. проблему интерпретации готских рефлексов закона Хольцмана). Здесь же, как хорошо показано М. Стернсом, материал подвергся двум мощным посторонним воздействиям — влиянию родного языка информанта и западногерманского лингвистического сознания Бусбека. Разумеется, можно считать эти влияния лишь «источниками помех», но в ряде случаев мы окажемся не в состоянии решить вопрос о том, что отразилось в слове — исконная крымско-готская особенность, отличающая этот диалект от классического готского, или же особенность речи информанта, искажающая исконную восточногерманскую форму. Кроме того, если учитывать, что крымские готы были весьма тесно связаны с крымскими греками (ср. разделы 1, 2.2, 3.2), приходится задаться вопросом — как далеко назад, в историю могла простирается эта «особенность речи информанта»?

Учитывая сказанное, представляется целесообразным рассматривать различные «источники помех» — фонетические влияния, которые могли обусловить и, как уже доказано [Stearns 1978], во многом определили специфический облик крымско-готского материала — не в отрыве от собственно фонетической реконструкции, а в непосредственной связи с ней.

6.2. Языки и диалекты — источники возможного влияния на крымско-готский материал

6.2.1. Вводные замечания

Поистине новую эпоху в исследовании крымско-готских данных открыло обращение к диалектам мариупольских греков — потомков крымских греков. До этого крымско-готский воспринимался как хаотично и безнадежно искаженный восточногерманский материал; о каких-либо основах крымско-готской фонетики говорить не приходилось, поскольку можно было лишь констатировать утраченное. Единственная серьезная попытка реабилитации крымско-готской фонетики была предпринята О. Хёфлером. В своих работах, посвященных восточногерманским реликтовым языкам, он выдвинул гипотезу о проведении в этих языках, а в их числе и в крымско-готском, «второго передвижения согласных» [Höfner 1956, 1957]. В целом это предположение не нашло подтверждения, однако несомненной заслугой Хёфлера стало вовлечение в фонологическую дискуссию фактов, прежде считавшихся «искажениями» и «отступлениями от нормы».

В 70-е годы XX в. М. Стернс в своем анализе крымско-готского материала привлек данные мариупольских греческих говоров, основываясь на работе М. В. Сергиевского [Сергиевский 1934]. Отдавая должное проникательности фонолога, следует отметить его превосходную теоретическую подготовку (его научным руководителем в Калифорнийском университете был фонолог-германист Г. Пенцль). Обзор, проведенный Стернсом, имеет большое значение не только ввиду обращения к работе Сергиевского, но и как осмысление представленных в ней фактов с точки зрения современной фонологии. Оспаривать сделанное в целом нет причин, и потому далее обсуждение этой темы (6.2.1) будет апеллировать к соответствующему разделу работы М. Стернса [Stearns 1978, 48–63]. Кроме того, немаловажное место в работе М. Стернса занимает обсуждение лингвистического сознания Бусбека — носителя западногерманского языка. Факты, установленные в этой области, также будут рассмотрены ниже (6.2.4). Тем не менее, требуется привести соответствующие цитаты и необходимые дополнительные данные по оригиналу исследования М. В. Сергиевского [Сергиевский 1934, 533–550], расположить обзоры особенностей фонетики в традиционном для отечественной германистики порядке и, разумеется, высказать свою оценку тех или иных построений М. Стернса.

Однако даже при самом детальном обсуждении крымско-готского материала еще никем не рассматривался вопрос возможного влияния крымско-татарского языка — или, напротив, устойчивости, «герметичности» крымско-готского в этом отношении. М. Стернс признавал наличие татарского влияния в мариупольском греческом и возможное знакомство информанта Бусбека с тюркскими языками [Stearns 1978, 52]), однако к крымско-татарскому в своей работе не обращался.

Тем не менее, этот лингвистический фактор также требует внимания. Общеизвестны такие обстоятельства, как соседство (а в какую-то эпоху — и смешанные браки) крымских греков и татар, существование тюркоязычных греков, называемых урумы (М. В. Сергиевский называет их «татарофонами» — [Сергиевский 1934, 533]), и, как следствие — значительная лексическая интерференция мариупольского (< крымского) греческого и татарского (перекрестные заимствования). Кроме того, по свидетельствам путешественников, к определенному времени в Крыму появились и тюркоязычные готы. Всё это заставляет задуматься о том, оказал ли крымско-татарский язык влияние на известные нам крымско-готские данные. Потому ниже (6.2.3) будет также предложен краткий обзор основных фонетических особенностей крымско-татарского языка для последующего выяснения возможности влияния этого языка на фонетику крымско-готского.

6.2.2. Мариупольский греческий диалект как потомок крымско-греческого

Наиболее полный обзор мариупольских греческих говоров был осуществлен в 30-е годы в работе М. В. Сергиевского, которая была оценена специалистами как «единственное адекватное описание мариупольского греческого» [Browning 1969, 134, fn. 22], а кроме того, имеет несомненную историческую ценность как живое свидетельство о бытовании этого диалекта в первой половине XX в. Сергиевский дал характеристику языка греческого населения, проживавшего в селах близ Мариуполя и в других местах Донецкой области, пользуясь материалами, собранными им во время экспедиции летом 1933 г. [Сергиевский 1934, 534]. Опираясь на данные Сергиевского и сверяя интерпретации по исследованию Л. Мирамбеля [Mirambel 1959], М. Стернс составил обзор мариупольской греческой фонетики, который, по его мнению, мог выступать как реконструкция звукового строя крымско-греческого диалекта XVI в. При этом исследователь в определенной мере признавал, что мариупольские греческие говоры 30-х годов XX в. — не механическое воспроизведение крымско-греческого диалекта XVI в. Основной теоретической посылкой М. Стернса в этом отношении стало положение Р. Браунинга о том, что «основные черты мариупольского греческого уже сформировались к XV в.» [Browning 1969, 96]. Кроме того, Стернс сделал оговорку, что для нужд последующего обсуждения крымско-готской проблематики фонологические системы мариупольского греческого и крымско-греческого могут рассматриваться как весьма близкие [Stearns 1978, 48]. Однако вряд ли стоит закрывать глаза на то, что после переселения греков из Крыма мариупольский греческий с каждым новым веком своей истории всё более отходил от прототипа. Многие слова претерпевали значительные искажения — так, греческому ἀδελφός 'брат' в мариупольском греческом соответствуют формы *aderfós* и *adrifós*; М. В. Сергиевский отмечает системные отпадения и синкопирования гласных [Сергиевский 1934, 538]. Активно заимствовалась славянская лексика,

язык пополнялся актуальными в 30-годы неологизмами. М. В. Сергиевский приводит в числе примеров лексики слова *kołxóz* 'колхоз', *kapustá* 'капуста', *briyadírs* 'бригадир', *kluńa* 'сарай, клуня', *kosilka* 'косилка', *molotilka* 'молотилка' [Сергиевский 1934, 541, 548, 551], явно не связывающие мариупольский греческий с крымским¹. А по осуществленным в конце XX в. аудиозаписям песен азовских греков-эллинофонов [http://www.azovgreek.com] можно судить, что по сравнению с данными Сергиевского язык фактически утратил систему спирантов. Крымский и мариупольский греческий разделены еще большим отрезком времени, и считать их идентичными нельзя.

Материал мариупольского греческого, имеющий греческую этимологию, в целом сохраняет фонологические характеристики северного греческого диалекта [Сергиевский 1934, 535]. По Р. Браунингу, основными чертами северных греческих диалектов являются: утрата безударных *i* и *u*, слияние безударных *e/o* с *i/u*, возможность появления любого согласного в конечной позиции и наличие многих сочетаний согласных, невозможных для южных греческих диалектов или литературного греческого языка [Browning 1969, 120–121]. Эти особенности хорошо прослеживаются в мариупольском греческом: ср. мариуп. греч. *psar* 'рыба'², *xi'ar* 'ложка', *t'irós* 'погода', *kríjús* 'холод' = новогреч. ψάρι, χουλιάρι, καιρός, κρίος. Кроме того, в мариупольском греческом исконный *x* перед *i*, *e* переходит в *š*, *k* — в *t'*: мариуп. греч. *šil* 'губа', *šer* 'рука', *t'ima* 'волна', *t'irós* 'погода' — новогреч. χείλι, χέρι, κύμα, καιρός [Сергиевский 1934, 540, Stearns 1978, 49].

Исследователи также отмечают влияние крымско-татарского на мариупольский греческий и, очевидно, на крымско-греческий XVI в. [Сергиевский 1934, 586, Stearns 1978, 49]. При этом М. Стернс справедливо подчеркивает, что хотя крымско-татарский и оказал определенное влияние на мариупольский греческий в области фонетики и лексики, крымско-татарские заимствования обнаруживают иное развитие гласных и согласных, нежели исконная лексика. Так, отмеченные выше северогреческие особенности оказываются неактуальными для заимствований из татарского: ср. полный набор фонем в ударном и безударном слоге в мариуп. греч. (< татарск.) *axıldárs* 'умный', *elbét* 'конечно', *tímizgu* 'серебро', *tułá* 'кирпич', сохранение сочетаний *xi-* и *ke-*: *xismét* 'судьба', *alikét* 'вихрь' [Сергиевский 1934, 539]; ср. также [Stearns 1978, 49, fn. 1]. Это расхождение позволяет сделать определенные заключения в плане хронологии фонетических процессов: так, М. Стернс полагает, что заимствования из татарского были осуществлены уже после того, как были осуществлены основные «северогреческие» изменения [Stearns 1978,

¹ При этом в языке одновременно сохранялись такие «архаизмы», как *bazár* в значении 'город' (из тюркского), а не 'рынок' (как в славянском употреблении заимствования).

² Значения всех мариупольских греческих слов приводятся по работе М. В. Сергиевского, а не по изложению М. Стернса, поскольку в последнем случае имеются неточности.

49]. Однако для нас важно, во-первых, то, что мариупольский греческий принимается исследователями за основу для реконструкции крымско-греческого диалекта XVI в., а во-вторых — то, что имеющиеся в мариупольском греческом заимствования из татарского, скорее всего, были осуществлены еще в Крыму (по М. В. Сергиевскому, эти заимствования были «наиболее интенсивными на протяжении последних веков пребывания мариупольских греков в Крыму и, вероятнее всего, еще до их переселения на Азовское море» [Сергиевский 1934, 586–587], с чем соглашается и М. Стернс).

6.2.2.1. Фонологическая система мариупольского греческого.

М.В. Сергиевский дал подробное описание консонантизма мариупольских греческих говоров [Сергиевский 1934, 539, табл.], которое было использовано и в определенной степени уточнено М. Стернсом [Stearns 1978, 51]). Обратимся к этим данным (как отмечалось выше, в таблицу внесены некоторые изменения и уточнения):

		согласные			
		зубные	зубные	палатальные	велярные
слышные	зв.	/b/	/d/		[g] (= /k/)
	глух.	/p/	/t / t' /		/k/
спиранты	зв.	/v/	/ð/	/j/	/ɣ/
	глух.	/f/	/θ/		/x/
сibilанты и шипящие	зв.		/z/	/ʒ/	
	глух.		/s/	/ʃ/	
аффрикаты			/c/ (= [ts])	/č/	
				/dž/	
сопорные:					
латеральные			/l/		
дрожащие			/r/		
носовые		/m/	/n/		[ŋ] (= /n/)

Комментарии М. Стерна к данной таблице [Stearns 1978, 52], опираются на указания М. В. Сергиевского и А. Мирамбеля. По мнению этих исследователей, важной чертой этой системы согласных³ является различие глухих и звонких согласных фонем [Сергиевский 1934, 539–541, Mirambel 1959, 21–23], причем звонкие согласные не оглушаются в конечной позиции [Сергиевский

³ Определяя эту систему согласных несколько уклончиво, мы имеем в виду, что она актуальна прежде всего для мариупольского греческого, тогда как в отношении крымско-греческого XVI в. является гипотетической — ср. ниже проблемы, возникающие при обсуждении вокализма.

1934, 543]. Глухие смычные /p/, /t/, /k/ являются непридыхательными, как и в новогреческом [Сергиевский 1934, 539 и след., Mirambel 1959, 22–23]. Примечательно, что исконному греческому [k] в мариупольском греческом может соответствовать [x], причем без определенной системы: ср. kor ‘девушка, дочь’, но xurcic (при греч. κορίτσα) [Сергиевский 1934, 541]. Звуки [g] и [ŋ] не имеют самостоятельного фонологического статуса и функционируют лишь как аллофоны фонем /k/ и /n/ в сочетании /nk/ (= [ng]): ср. мариун. греч. nuŋ gałá – новогреч. νοῦν καλὰ ‘здравый смысл’ (вин.п.)⁴ [Сергиевский 1934, 543, Stearns 1978, 52]. В то время как новогреческая фонема /x/ имеет палатальный и веларный аллофон, в мариупольском греческом существует только [x]. При этом новогреческому [ç] соответствует мариупольский греческий [š], ср. новогреч. χέρι ‘рука’ — мариун. греч. šer [Сергиевский 1934, 532]. Влияние крымско-татарского на мариупольский греческий сказалось в проникновении аффрикат /č/ и /dž/, а также звонкого смычного /b/ в составе заимствований [Сергиевский 1934, 542]. Кроме того, М. Стернс особо подчеркивает отсутствие в мариупольском греческом долгих согласных (геминат) [Stearns 1978, 52]. Остается заметить, что, судя по данным типологии, мы не можем во всех случаях с уверенностью оценивать фонологический статус смычных и спирантов как самостоятельных фонем или позиционных вариантов, однако для последующего обсуждения крымско-готских данных это не имеет решающей роли.

Вокализм мариупольского греческого суммирован М. Стернсом [Stearns 1978, 50] следующим образом (здесь эта таблица дополнена дифтонгами, о чем см. ниже):

гласные			
	передний ряд		задний ряд
	неогубленные	огубленные	неогубленные
			огубленные
Верхний подъем	[i.]		[u.]
	/i/ [i]		/u/ [u.]
Средний подъем	[e]		[o.]
	/e/ [e.i]		/o/ [o.]
Нижний подъем	[je]		
			/a/ [a.]
Дифтонги		/ij/	/ui/
	/ci/		/oi/

Как можно видеть, система гласных мариупольского греческого отличается широким распространением позиционного варьирования: каждая фонема имеет от одного до трех аллофонов. В мариупольском греческом были также дифтонги, не включенные М. Стернсом в систему, поскольку исследователь

⁴ Значение дано по толкованию М. Стернса, поскольку у М.В. Сергиевского это словосочетание не переводится.

осознавал это построение как реконструкцию крымско-греческого вокализма, а вопрос о дифтонгах в крымско-греческом остается неясным. Судя по примерам из работы М. В. Сергиевского, приведенным и у М. Стернса, дифтонги в мариупольском греческом возникают лишь при определенной трансформации звонких спирантов — ср. *piyáida* мн.ч. от 'источник' < **piyádja*, *leis* 'говоришь' < **lejis* < **leyis* [Сергиевский 1934, 538, Stearns 1978, 50, fn. 16].

М. Стернс отмечает, что представленная система из пяти гласных фонем соответствует системе новогреческого (димотика), где представлены фонемы /*ɪ*/, /*ɛ*/, /*ɑ*/, /*u*/, /*o*/ (открытый), исключая тот факт, что мариупольские греческие /*ɛ*/, /*ɑ*/, /*o*/ — более высокие гласные, чем их открытые новогреческие соответствия /*ɛ*/, /*ɑ*/, /*o*/ [Mirambel 1959, 20, Stearns 1978, 50], поскольку, по М. В. Сергиевскому, мариупольские греческие /*i*/, /*ɛ*/, /*ɑ*/, /*u*/, /*o*/ являются закрытыми при раздельном произношении [Сергиевский 1934, 536, Mirambel 1959, 20, Stearns 1978, 50].

Долгота / краткость гласных нефонематична в мариупольском греческом, и потому М. В. Сергиевский не обсуждает этой проблемы. М. Стернс указывает, что мариупольские греческие гласные, как и новогреческие, были краткими, но могли продлеваться в ударных слогах [Mirambel 1959, 27 *passim*, Stearns 1978, 51]. Однако в ударном слоге мариупольские греческие гласные фонемы могли выступать как полудолгие [*i*ː], [*ɛ*ː], [*u*ː], [*o*ː], [*ɑ*ː] [Stearns 1978, 51].

Что касается характеристики отдельных фонем, то мариупольский греческий /*i*/ имеет аллофоны [*i*ː] (открытый, центральный) после [*x*] и [*ɣ*], а также [*i*] в ударном слоге и [*i*] в остальных позициях⁵. Фонема /*ɛ*/ имеет аллофоны [*ɛ*ː] (напряженный, с глайдом) в односложных словах — ср. мариуп. греч. *pse's* 'вчера' при новогреч. *ψές*, [*jɛ*] в начальной позиции — ср. мариуп. греч. *jé'ma* 'кровь' при греч. *αἷμα* [*é̞ma*], [*ɛ*ː] в ударном слоге, [*ɛ*] в остальных позициях. Фонема /*u*/ имеет аллофоны [*u*ː] ([*u*ːː]; напряженный) в ударном слоге, [*u*] в прочих позициях. Аллофонами фонемы /*o*/ являются [*o*ː] ([*o*ːː]; напряженный) в ударном слоге, [*o*] в остальных позициях. Фонема /*ɑ*/ также имеет аллофон [*ɑ*ː], реализуемый в ударном слоге [Сергиевский 1934, 536–538, Stearns 1978, 51].

Заключая обзор, необходимо отметить, что при всей детальности исследования позиция М. Стернса, определившего сведения о мариупольской греческой фонетике как реконструкцию крымско-греческой фонологической системы, по сути является довольно спорной. Потому здесь (6.2.1.1) приведенные системы консонантизма и вокализма трактовались исключительно как мариупольские греческие. Разумеется, можно предполагать, что система крымско-греческого вокализма совпадала с мариупольской вплоть до аллофонов (далее М. Стернс даже делает на основании этого определенные выводы о фонетике крымско-готского), однако надежнее считать эту подробную

⁵ Характеристика каждого гласного по ряду, подъему и огубленности / неогубленности содержится в таблице.

таблицу обзором гласных фонем и аллофонов мариупольского греческого, каковой она по сути и является. При всем консерватизме языка фонетика представляет собой весьма динамичную область, и нельзя забывать, что мариупольский греческий «по Сергисевскому» и крымский греческий XVI в. разделены значительной дистанцией во времени и в пространстве. Дабы не делать произвольных выводов, уместнее считать, что в данных обзорах мы имеем дело с мариупольским греческим --- а потому и дифтонги, явно позднего комбинаторного происхождения, также должны быть включены в общую систему, хотя в крымском греческом их еще могло не быть.

6.2.3. Крымско-татарский язык: основные особенности

6.2.3.1 Генетическая и диалектная характеристика

Крымско-татарский язык принадлежит к тюркским⁶ и в исторических условиях формирования населения Крымского полуострова сложился как язык типологически неоднородный⁷. Крымско-татарский разделяется на степной, средний и южный диалекты⁸, относящиеся соответственно к кыпчакско-ногайскому, кыпчакско-половецкому и огузскому типам тюркских языков. Неоднородность крымско-татарского языка выявляется на фонетическом, морфологическом и лексических уровнях. Характерными чертами крымско-татарской фонетики являются: последовательное соблюдение небной гармонии и губной гармонии до 2-го слога включительно для всех диалектов и наддиалектного языка (сингармонизм); в диалектах имеются вторичные, т. е. заместительные долготы, возникшие в результате вторичного выпадения интервокального согласного и унодобрения соседних гласных [ЛЭС 1990, 246].

Иногда особо отмечается, что хотя крымско-татарский язык традиционно относят к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков (в которую также входят карачаево-балкарский, кумыкский и караимский языки), средний диалект, на котором базируется литературный язык, занимает промежуточное положение между кыпчакскими и огузскими языками, поэтому такая классификация является не совсем корректной. При этом диалектная дистрибуция внутри крымско-татарского обусловлена существованием трех субэтнических групп крымских татар --- таты, ногаи и южнобережцы, каждая из которых имеет свой диалект. Южнобережный диалект относится

⁶ О тюркских языках см.: [ЛЭС 1990, 527–528]. Вопрос о генетическом отношении этой языковой семьи к алтайским языкам является, вопреки «Британской энциклопедии» 1976 г. издания и М. Стернсу (ср. [Encyclopaedia Britannica 1976, 635–639, Stearns 1978, 37]), не установленным фактом, но гипотезой, предполагающей объединение тюркских, тунгусо-маньчжурских и алтайских языков [ЛЭС 1990, 527].

⁷ Следует отметить, что это положение в определенном смысле актуально и для крымско-готского языка.

⁸ Последний также называется южнобережным.

к огузским языкам и очень близок к турецкому. Он отличается от литературного турецкого меньше, чем некоторые собственно турецкие диалекты. Особенностью этого диалекта является также значительное количество греческих и итальянских заимствований. *Стенной* диалект, на котором говорят погаи, относится к кыпчакским языкам и родствен карачасво-балкарскому и погайскому языкам. Наиболее распространенный *средний* диалект, на котором говорят таты, является промежуточным между двумя вышеупомянутыми. В нем присутствуют как кыпчакские, так и огузские черты. На основе этого диалекта основан современный литературный крымско-татарский язык.

Крымско-татарская языковая норма претерпела ряд изменений. Новейшая история этого языка началась в конце XIX в. благодаря деятельности просветителя Исмаила Гаспринского. Он фактически создал крымско-татарский литературный язык, который, в отличие от современного, базировался на южнобережном, огузском диалекте. В 1928 г. прошедшая в Крыму лингвистическая конференция приняла решение о создании нового литературного языка на основе среднего диалекта, так как именно этот диалект имеет больше всего носителей и является в равной степени понятным для носителей двух других. Этот второй литературный язык, начало кодификации которого было положено в 1920-е годы, используется в общих чертах и по сей день. Потому ясно, что разные описания крымско-татарского языка опираются на разные диалектные нормы.

Описание крымско-татарского языка начала XX в. представлено в работе А. М. Самойловича [Самойлович 1916], к которой мы и обратимся. Как подчеркивает автор, крымско-татарский язык первоначально принадлежал к западно-турецкой (в современной терминологии — западно-кыпчакской) группе, но впоследствии, по причине сближения с Османской империей, усвоил южнотурецкий характер [Самойлович 1916, 7]. Обзор фонетики, представленный у А. М. Самойловича, приводится по принятым ныне правилам описания фонологических систем. Относительно оформления следует отметить, что в настоящее время в крымско-татарском языке применяется как кириллический, так и латинский алфавит.

6.2.3.2. Крымско-татарский язык: фонетика.

Для крымско-татарского языка начала XX в. засвидетельствована следующая фонологическая система:

		согласные				
		губные	зубные	палатальные	велярные	гортанные
смычные	зв.	/б/	/д/		/г/	
	глух.	/п/	/т/		/к/ /к'/	
спиранты	зв.	/в/				/х/ = /γ/
	глух.	/ф/		/ч/	/х/	/һ/

	губные	зубные	палатальные	велярные	горланные
сibilанты	зв.	/з/	/ж/		
	глух.	/с/	/ш/		
аффрикаты		/ч/			
			/ц/ = /дж/		
сопорные:					
латеральные		/л/			
дрожжащие			/р/		
носовые	/м/	/н/		/ц/ = /η/	

Каждый из согласных звуков, описанных у А.М. Самойловича отдельно, без указания на варьирование, представлен в этой таблице как отдельная фонема, хотя, возможно, какие-то звуки могли являться аллофонами (например, *к* и *к'*?) Однако, поскольку более детальная реконструкция не может играть особой роли при последующем сравнении с крымско-готским, уточнения в случае необходимости должны проводиться специалистами-тюркологами. Звуки, обозначенные у Самойловича специфическими символами, здесь снабжены пояснениями-аналогами в рамках таблицы. Особо отметить нужно лишь графему *к*, обозначающую глухой смычный, более велярный, чем /к/ [Самойлович 1916, 14–15]. По другим указаниям, звук похож на слитно произнесенное [кх]. Звуки *ф* и *ж*, по А. М. Самойловичу, в крымско-татарском начала XX в. встречались только в заимствованиях (главным образом из арабского, персидского и турецкого языков), а горланный *h* — только в словах турецкой этимологии (как исключение — в ономастических словах, например, *haidy* ‘прочь’). Примечательно, что в иноязычных вкраплениях этот звук совершенно опускался; по записям акад. Радлова, вместо перс. *hāftā* ‘неделя’ в Бахчисарае говорили *афта* [Самойлович 1916, 13]⁹.

Значительный интерес представляет отмеченное А. М. Самойловичем диалектное варьирование звонких и глухих смычных в начале слова. Так, звук *д* в начале слов турецкой этимологии свойствен южно-турецким диалектам, а в западно-турецких [западно-кыпчакских] в начале слов ему соответствует звук *т*; в некоторых крымско-татарских говорах звук *д* встречается в начале слова вместо *т* под южно-турецким влиянием. То же имеет место в отношении звука *г* в начале слова вместо *к*. По записям акад. Радлова, в Бахчисарае говорили: *түйүтү* ‘он упал’ — осман.-турецк. *düyüntü*, *турду* — осман.-турецк. *dürdü*, *käl* ‘приходи’ — осман.-турецк. *gäl* и т.д. Что же касается глухого смычного *к*, то в южнобережном и соседних диалектах ему соответствовал *х*; по Радлову, в Мисхоре вместо *кардаш* ‘брат’ говорили: *хар-*

⁹ Ссылка на статью В. В. Радлова в изд.: «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. V. Одесса, 1863.

даш, вместо *куш* 'птица' — *хуш*, вместо *бакты* 'посмотрел' — *бахты* и т.д. [Самойлович 1916, 13]. Таким образом, глухие смычные в южноберсержном диалекте (на котором говорили в исторических местах расселения крымских готов) претерпели нечто вроде «передвижения согласных» по сравнению с турецким. Весьма важно отметить здесь, что татарские заимствования в мариупольском греческом сохраняют ту же особенность: ср. *xismét* 'судьба' вместо *kismet*. Кроме того, в крымско-татарском отмечается ряд случаев ассимиляций согласных [Самойлович 1916, 19].

В описании системы крымско-татарского вокализма встречаются расхождения, потому ниже представлен суммарный обзор:

	гласные				
	передний ряд		средний ряд		задний ряд
	неогубленные	огубленные	неогубленные	неогубленные	огубленные
верхний подъем	/i/	/y/	/ɨ/		/u/
	/ɨ/				
средний подъем	[e] /ö/				/o/
нижний подъем			/a/ [ä]		

Эта таблица также трактует каждый отдельно описанный звук как фонему. Звук *е* у А. М. Самойловича не отмечается, однако существуют крымско-татарские слова, где засвидетельствован *е* — ср. крым.-татарск. *бет* 'лицо', *кемер* 'десна'. Тот же факт — номинальное отсутствие *е* и его фактическое наличие в ряде слов — обсуждается у М.В. Сергиевского [Сергиевский 1934, 539]. Потому звук *е* внесен в таблицу условно. Отмечаемый у Самойловича гласный *ä* в других описаниях характеризуется как показатель смягчения предшествующего согласного. Очевидно, речь всё же идет о палатализованном *а*.

Основные фонетические явления в области вокализма, отмечаемые А. М. Самойловичем — различные закономерности сингармонизма — уподобление по палатальности, лабиальности и т.д. [Самойлович 1916, 16–17].

Ударение в крымско-татарском языке падает на последний слог [Самойлович 1916, 19].

6.2.4. Лингвистическое сознание Бусбека как носителя западногерманского языка

Иным фактором, повлиявшим или способным оказать влияние на оформление крымско-готского материала уже не при воспроизведении информантом, но при восприятии адресатом, была языковая принадлежность Бусбека. По наблюдениям М. Стерна, весьма важную роль здесь сыграли

нидерландская и немецкая фонология и орфография. Система транскрипции Бусбека была рассмотрена выше (4.2); обратимся к вопросу о фонологической и орфографической интерференции.

Исследователи отмечают, что Бусбек был знаком с целым рядом языков, однако некоторые звуки, воспроизводимые информантом, могли быть распознаны им неточно и, соответственно, неверно интерпретированы. Так, для Бусбека как носителя нидерландского и немецкого языков спирант [θ], скорее всего, был необычным; потому этот звук был оформлен в записи как *tz* [ts] — ср. крым.-гот. *goltz* 'золото', *tzo* 'ты', *statz* 'земля' [Braune / Mitzka 1967, § 83, Stearns 1978, 72].

С другой стороны, подчеркивается, что Бусбек распознавал германскую принадлежность крымско-готских форм прежде всего на основании близости к нидерландскому и немецкому языкам. Потому слова, показавшиеся нидерландцу хорошо знакомыми, могли быть восприняты им как более близкие к западногерманским параллелям, нежели это было в действительности [Tomaschek 1881, 57, Braun 1890, 56, Stearns 1978, 72]. Однако М. Стернс справедливо замечает, что мы не можем точно определить размеров этой интерференции. Достоверными можно считать лишь заключения в области тех форм, которые были определены самим Бусбеком как «*nostratia aut parum differentia*» [Stearns 1978, 72] (ср. словарь, лексемы группы 1). При этом важно, что именно это сходство было для Бусбека определяющим в его заключениях о языке крымских готов. Другие слова — «*cum nostra lingua non satis congruentia*» (группа 2) — были для него скорее источником недоумений. Следует еще раз напомнить, что памятники готского языка получили известность лишь в 1597 году, а в дни Бусбека вопрос о специфике готского по сравнению с другими германскими языками еще не мог иметь под собой надежной основы.

Запись крымско-готских форм по правилам средненидерландской орфографии объясняется не только тем, что сам Бусбек был нидерландцем, но и тем, что адресат «Турецких писем», Николаус Мишо ван Индевелдт, также был нидерландцем. Помимо таких заметных особенностей, как использование диграфов *ae* и *oe* (ср. 4.2), отмечается полное или почти полное совпадение ряда форм из сообщения Бусбека с соответствующими средненидерландскими: крым.-гот. *Apel* 'pomum' — слл. *apel*, *appel* 'яблоко' (лл. *appel*), *Hoef* (коньсктура **Hoef*) 'caput' — слл. *hoeft* 'голова' (лл. *hoofd*), *Miera* 'formica' — слл. *micre* 'муравей' (лл. *mier*), *Schietē* 'mittere sagittam' — слл. *schieten* 'стрелять' (лл. *schieten*), *VVingart* 'vitis' — слл. *wingart* 'виноградник' (лл. *wijngaard*) [Stearns 1978, 73]¹⁰. Учитывая вероятные коньсктуры, число этих примеров можно увеличить (ср. 5.2.2 — крым.-гот. *Broe*, Criten [< Eriten]).

Однако в некоторых случаях Бусбек ориентируется на немецкую орфографию: крым.-гот. *Alt* 'senex' — ривн. *alt* 'старый', *Bruder* 'frater' — ривн.

¹⁰ При обсуждении орфографических особенностей крымско-готские слова приводятся в орфографии Бусбека (с прописной буквы, с написанием VV /Vv — w и т.д.).

bruder 'брат', Schuuester 'soror' — ривн. schwester 'сестра', Tag 'dies' — ривн. tag 'день', Ich 'ego' — ich 'я' [Stearns 1978, 73] (другая интерпретация начального глухого смычного в крым.-гот. tag приведена ниже — см. 6.3.2.1). Исследователи полагают, что это связано с ориентацией Бусбека на западногерманскую читательскую аудиторию в целом [Scardigli 1964, 295, Stearns 1978, 73], однако важно отметить, что указанные формы также соотносятся у Бусбека с «нашими», то есть сам он не делает в данном случае различия между нижне- и верхненемецким. Вероятно, то, что он услышал от информанта, больше всего напомнило ему соответствующие верхненемецкие слова; возможные причины такого оформления исконных крымско-готских слов информантом будут рассмотрены ниже (6.3.).

И наконец, некоторые крымско-готские слова могли быть записаны Бусбеком как по нидерландскому, так и по немецкому образцу: крым.-гот. Lachen 'ridere' — сил. lachen (нл. lachen), ривн. lachen 'смеяться', VVaghen 'currus' — сил. waghen, ривн. waghen 'повозка'. Сочетание нидерландской и немецкой практики М. Стернс усматривает в оформлении крым.-гот. Schlipen 'dormire' — сил. slapen (нл. slapen), ривн. schlafen 'спать' [Stearns 1978, 73]. В отношении последнего примера также необходимо подчеркнуть, что использование триграфа sch (≈ |š|; ср. 4.2) могло понадобиться Бусбеку лишь в том случае, если начальный звук слова произносился как шипящий, а не как сibilант s.

6.3. Крымско-готская фонетика

6.3.1. Основания и принципы реконструкции

Как указывалось во введении к настоящему разделу (6.1), описание крымско-готской фонетики может представлять собой лишь гипотетическую реконструкцию. Однако и в плане реконструкции могут выделяться разные уровни — а именно, обсуждение крымско-готской фонологической системы на «синхронном» уровне, то есть при воспроизведении материала информантом, или же воссоздание «исконной крымско-готской» фонетики, еще не претерпевшей искажений. Для различения этих уровней М. Стернс ввел в своей работе термин «native Crimean Gothic», что уместно перевести как «автохтонный крымско-готский». Но правомерно ли считать дошедший до нас материал совершенно «исавтохтонным»? Отдавая должное тщательности М. Стернса, предложившего целый ряд фонологических реконструкций, следует иметь в виду, что этот автор нигде не задается вопросом о временных рамках бытования крымско-готского. Если же соотносить функционирование языка с десятистовым или еще более протяженным периодом (VI–XVI вв. или даже III–XVI вв.), насыщенным этническими и культурными метаморфозами, то

станет очевидной условность постановки вопроса об «автохтонности» крымско-готского в позднюю эпоху. Те данные, которые сообщил Бусбек информант, и были автохтонным крымско-готским языком XVI века — реликтами готского языка, сохраненными в среде крымских греков. Как известно, «автохтонный» крымский гот («native informant» по М. Стернсу) не мог поделиться и этим, и строго говоря, в соответствии с этим мы должны были бы в данном случае констатировать гибель языка («Sprachtod»). Очевидно, что для крымско-готского языка XVI в. понятие «native» (автохтонный, родной и т.д.) уже стало неактуальным — он уже ни для кого не был родным.

Как можно видеть по словарю, крымско-готский язык всё же в значительной мере сохранил свой германский характер в области лексики (к примеру, английский язык в ходе истории претерпел куда более значительные изменения), однако ценность последней фиксации данных в фонетическом плане невелика. Фонетика — «мягкие ткани», зачастую невозстановимые. К сожалению, владение фонологическим инструментарием не обеспечивает надежности реконструкции. Потому вряд ли имеет смысл воспроизводить предложенные М. Стернсом подробные построения, представляющие «исконную крымско-готскую» фонологическую систему как результат развития общегерманской и — с учетом ряда искажений — источник фактической крымско-готской [Stearns 1978, 87–100]. При всем уважении к усилиям фонолога нельзя считать корректной избранную им методику интерпретации крымско-готских данных как «полевого материала», известного во всех деталях. Ср., например: «Звонкий аллофон [d] аккуратно воспроизводится информантом как крымско-готский [d] и транскрибируется Бусбеком как <d>»¹¹ [Stearns 1978, 94]. Прежде всего, имеющегося в нашем распоряжении материала в подавляющем большинстве случаев недостаточно для точных заключений о статусе звука как фонемы или аллофона — кроме отдельных позиций, отмеченных М. Стернсом на основании сравнения с крымско-греческим (см. ниже 6.3.2.2, гласные). Кроме того, мы не знаем, как информант воспроизводил соответствующий звук — «аккуратно» или, к примеру, в виде звонкого спиранта [ð] (влияние греческой фонетики); транскрибировал ли Бусбек с исключительной чистотой или допускал отклонения в соответствии со своими понятиями о формах (а во многих случаях приходится предполагать последнее) и т.д.

Особенно шатки основания на «полевом» подходе заключения вроде следующего: «Исконный крымско-готский *v* корректно воспроизводился греческим информантом как крымско-готский [v]» [Stearns 1978, 93]. Здесь М. Стернс имеет в виду такие примеры, как крым.-гот. *wingart*, *wintch*, *siliur*, *warthata*¹², но не учитывает, что «исконный» звук в данном случае мог

¹¹ «The voiced allophone [d] is accurately reproduced by the informant as CG [d] and transcribed by Busbecq as <d>».

¹² В случаях, где крымско-готские слова приводятся в качестве фонетических примеров, их значение опускается.

быть иным (см. ниже, 6.3.2.1, спиранты / сонанты). Очевидно, что любые утверждения о природе или дистрибуции звуков имеют вес лишь там, где они подкреплены солидным практическим материалом, а данные Бусбека в этом отношении — отнюдь не образец. В ряде случаев мы даже не знаем, какой звук представлен в крымско-готской форме: ср. *wintch*, *icltsch*, *rintsch*, *bortotsch*, где графическое оформление заставляет предполагать аффрикату [tʃ], а этимология не дает к тому оснований (см. ниже обсуждение соответствующей позиции). Подобные примеры не единичны; еще более сложно положение в области вокализма (см. ниже 6.3.2.2).

После всех изменений, которые на протяжении веков претерпела фонологическая система крымско-готского, тотальная «общегерманская» реконструкция, то есть системное восстановление германских прототипов, оказывается неактуальной. Мы можем лишь отмечать и обсуждать успешные значимые позиции, известные нам по классическому готскому и параллелям в других древнегерманских языках, и восстанавливать германские прототипы для конкретных форм, а не выводить эти формы из германских прототипов. Иначе придется констатировать, что общегерманский звонкий смычный *b — аллофон спиранта *b̥ в начале слова и после носовых — отражался в крымско-готском то как **b** (крым.-гот. *baar*, *bruder*, *brunna* и др.), то как **p** (крым.-гот. *plut*)¹³, а общегерманский глухой межзубный спирант *p̥ — то как **tz** = [θ] (крым.-гот. *goltz*, *tzo*), то как **d** (крым.-гот. *bruder*). Более того, слова с непроясненной этимологией вообще не могут привлекаться для иллюстрации «развития общегерманских фонем». Итак, общегерманская фонологическая система в качестве предпосылки реконструкции оказывается излишней, хотя это не отменяет самого поиска возможных общегерманских источников в нужных случаях. Трактовка общегерманского звукового строя в настоящей работе является традиционной для отечественной германистики и основывается на известных пособиях [СГГЯ II, 1962, Ершова 1996].

Далее, средством верификации крымско-готского материала традиционно является сопоставление с классическим готским, однако проведение параллелей не означает постановки знака равенства. Нам неизвестно, какой была крымско-готская фонетика VI в., совпадала ли она с современной ей классической готской фонетикой (также известной нам лишь в реконструкции) или отличалась от нее (а если так, то в какой мере). Потому фонологическая система, восстанавливаемая для языка готской Библии [Braune 1905, Гухман 1958, Marchand 1973], также не может считаться начальным этапом реконструкции крымско-готской фонетики.

¹³ Примечательно, что у М. Стернса в реконструкции общегерманского консонантизма вообще не представлен общегерманский звонкий смычный **b** — аллофон спиранта *b̥ [Stearns 1978, 93], однако этот недочет никак не отражается на объяснении конкретных крымско-готских форм.

Многоступенчатая реконструкция крымско-готской фонетики, предложенная М. Стернсом, обычно оценивается как «образцовая», однако, как было показано выше, самые детальные реконструкции могут оказаться всего лишь благопожеланиями. С другой стороны, существуют и радикально иные точки зрения на крымско-готский материал --- ср. теорию «второго восточногерманского передвижения согласных» [Höfler 1956, 1957] или «западногерманскую» интерпретацию данных в работе О. Грёнвика [Grønvik 1983]. Потому новый обзор крымско-готской фонетики --- разумеется, с учетом уже имеющихся исследований --- отнюдь не лишен смысла. И поскольку в настоящей работе последняя фиксация крымско-готского материала также принимается как одна из стадий существования языка, представляется уместным прежде всего рассмотреть фонологическую систему, восстанавливаемую по самим крымско-готским формам, какой бы противоречивой эта система ни казалась. При этом из соображений корректности не будут употребляться термины «фонема» и «аллофон», поскольку при описании столь проблемного материала мы не располагаем достаточными данными для соответствующих выводов. Формы из «каптителы» привлекаться не будут, так как, в отличие от лексических заимствований, вся поэзия представляет собой иноязычное вкрапление (см. 5.3).

6.3.2. Эмпирическое описание материала

Засвидетельствованные крымско-готские формы распределяются по ячейкам традиционной фонологической «сетки» следующим образом (порядок примеров соответствует списку Бусбека, наиболее условные соотношения отмечаются вопросительным знаком).

6.3.2.1. Согласные.

Смычные

звонкие

<i>зубные</i>	<i>зубные</i>	<i>велярные</i>
b	d	g
broc	bruder	wingart
bruder	ada	reghen
bars	schediit	goltz
boga	cadariou	oeghene
brunna	fyder	boga
breen	sada	waghen
uburt	furdeithien	geen
baar	gadeltha	stega
borrotsch	wichtgata	

<i>глухие</i>		
<i>зубные</i>	<i>зубные</i>	<i>велярные</i>
p	t	k
plut	plut	kor
apel	stul	kommen
schlipen	wingart	criten
stap	alt	knauen
kilemschkop	wintch?	cadariou
	salt	kilemschkop
	thurn	
	stein	
	tag	
	schieten	
	criten	
	schuualth	
	uburt	
	rintsch?	
	statz	
	telich	
	stap	
	gadeltha	
	atochta	
	wichtgata	
	lista	
	schediit	
	borrotsch?	
	warthata	
	malthata	
	ita	
	tua	
	tria	
	athe	
	thiine	
	thiinita	
	thiinetua	
	thiinetria	
	stega	
	treithyen	
	furdeithien	

Спиранты

звонкие

<i>губно-губной?</i>	<i>губно-зубной? (см. т.ж. Сонанты)</i>
siluir?	v?
seuene?	wingart
	wintch
	siluir
	waghen
	schuualth
	knaucn
	wichtgata
	warthata
	tua
	seuene?

глухие

<i>губно-зубной</i>	<i>межзубный (см. т.ж. Аффрикаты?)</i>	<i>велярный</i>	<i>фарингальный?</i>
f	θ	ch [x]	h
fisc	goltz	lachen	hus
hoef	statz	telich	hoef
fers	tzo	wichtgata	handa
fyder	mycha	hazer	
fyuf	ich		
furdeithien			

Сибиллянты и шипящие

звонкие

z

marzus

hazer

глухие

s	š
stul?	stul?
hus	schuuester
siluir	wint[s]ch?
schuuester	fisc- fisch?
salt	stern?
stern?	schieten
sunc	schlipen

bars	schuualth
singhen	schnos
menus	ieltsch?
fers	rintsch?
statz?	statz?
stap?	stap?
lista	schediit
ies	borrotsch?
seis	kilemschkop
seucne	stega?
stega?	
sada	

Аффрикаты?

ts?	č?
stap < tsap?	wintch
	ieltsch
	rintsch
	borrotsch

Сонорные

<i>латеральные</i>	<i>дрожжащие</i>	<i>носовые</i>		
l	r	m	n	ŋ / ŋk
plut	broc	mine	wingart	ringo / rinck singhen
stul	wingart	miera	reghen	
alt	reghen	kommen	wintch	
siluir	bruder	marzus	thurn?	
goltz	schuuester	menus	kor[n]?	
salt	siluir	mycha	stern	
apel	kor	kilemschkop	sunc	
schlipen	thurn	malthata	mine	
lachen	stern		oeghene	
schuualth	bars		handa	
iel	miera		brunna	
ieltsch	rinck/ringo		waghen	
ael	brunna		schieten	
telich	criten		schlipen	
gadeltha	breen		kommen	
lista	uburt		singhen	

<i>латеральные</i>	<i>дрожжащие</i>	<i>носовые</i>
kilemschkop	marzus	lachen
malthata	baar	criten
	rintsch	geen
	fers	breen
	borrotsch	knauen
	warthata	schnos
	tria	menus
	fyder	rintsch
	thiinetria	ano
	treithyen	seuene
	furdeithien	nynе
	hazer	thiine
		и производные

Сонанты

губно-губной? (см. т.ж. Спиранты)

w?
wingart
wintch
siluir
waghen
schuualth
knauen
uburt
wichtgata
warthata
tua
seuene

Рассмотрим основные черты засвидетельствованной системы консонантизма в порядке, указанном в таблице. Многие позиции оказываются противоречивыми, что отнюдь не случайно.

*Звонкие смычные **b, d, g**.*

Прежде всего, бросается в глаза отсутствие звонкого смычного **d** в начальной и конечной позиции (все примеры содержат только интервокальный **d**). Этот факт при значительном количестве форм с начальным и конечным **t** заставляет предполагать оглушение соответствующего звонкого смычного во всех позициях, кроме интервокальной. Контрольным примером может служить слово *telich* 'глупец' (< турецк. *delyg*, *telyg* 'глупец, безумный'), где из двух возможных вариантов выбран глухой. Единственный исконный германский **d** в начале корневой морфемы уцелел в слове *gadeltha* (см. этимологию в разделе 5.2.2), где интервокальная позиция сочетается с морфемным швом

(готский префикс *ga + корень с начальным этимологическим *d). Мариупольский греческий (и, очевидно, крымско-греческий) не обнаруживает тенденции к оглушению $d > t$, но такое явление отмечалось в западно-кыпчакских диалектах крымско-татарского языка (см. выше 6.2.3.2). Эта особенность в принципе могло быть свойственна речи информанта, что означало бы его знакомство с крымско-татарским или влияние последнего на крымско-греческий. Однако могло быть и так, что крымско-готский, при соседстве с крымско-татарскими диалектами в позднюю эпоху, подвергся определенному влиянию с их стороны. Показательно, что оглушение звонких смычных **d** и **g** отмечается в диалекте бахчисарайских татар, то есть жителей горного Крыма, ближайших к области крымских готов. Оглушение начального **d** любой этимологии (германской и тюркской) наблюдается во всех примерах — ср. *thurn*, *tag*, *telich*. Эта системная утрата начального **d** заставляет предполагать здесь влияние западно-кыпчакских диалектов крымско-татарского (хотя форма *tag* могла быть записана Бусбеком и по аналогии с западногерманским — ср. выше, 6.2.4).

Далее, поразительная многочисленность примеров с глухим смычным **t** по сравнению с другими звуками, представленными в рамках «случайной выборки» довольно равномерно, при учете германских этимологических параллелей (см. словарь по соответствующим позициям) показывает, что звук **t** имел в позднем крымско-готском гетерогенное происхождение. В частности, он обобщает примеры с этимологическим германским ***t** (*salt*, *schieten*, *criten* и др.), с этимологическим германским ***d** (*tag*, *thurn* и др.), с этимологическим тюркским ***d** (случай *telich*) и, что особенно интересно, с этимологическим общегерманским звонким межзубным спирантом ***ð** — *plut*, *wingart*, *alt*.

Последнюю позицию следует обсудить подробнее. В классическом готском здесь представлен глухой **p** (ср. гот. *bloþ*, *alþeis* с характерной для готского элиминацией закона Вернера в противоположность другим древнегерманским языкам) или звонкий ***ð** > **d** (ср. *weinagards*), однако в общегерманском для всех трех примеров восстанавливается звонкий ***ð**. Таким образом, можно предположить, что в этих случаях в раннем крымско-готском, в отличие от классического готского, сохранялся общегерманский звонкий ***ð**. Затем этот звук претерпел специфическое развитие — отверждение и оглушение — в ходе веков, или оглушился в речи информанта, или же был воспроизведен Бусбеком с ориентацией на западногерманские формы. М. Стернс придерживается в отношении этих примеров «комбинированной» точки зрения об отверждении звонкого спиранта и влиянии западногерманских форм на осмысление материала Бусбеком [Stearns 1978, 95], но выбрать единственное решение здесь вряд ли возможно. Примечательно, что звонкий межзубный спирант существует в мариупольском греческом, то есть произнесение данного звука вряд ли было трудным для информанта; но, как отмечал М. Стернс, сам Бусбек мог не опознавать спирантов, поскольку они были нехарактерны для немецкого и нидерландского языков [Stearns 1978, 72]. Тем не менее, в заключение необходимо отметить, что за крымско-готским **t** может

стоять и этимологический глухой спирант ***p** — ср. *tria* и, возможно, *uburt* (если форма восходит к о/г **werþan*(an) 'становиться'). Эти контрпримеры несколько снижают доказательность соображений об отмеченной выше корреляции **t** // ***ð**, но с другой стороны, еще более наглядно показывают полигенетический характер крымско-готского **t**.

Звонкие смычные **b** и **g** хорошо представлены в начальной позиции и в подавляющем большинстве случаев являются этимологическими, то есть восходят к о/г ***b/b** и ***g/g** — ср. *bruder*, *bars*, *boga*; *goltz*, *geen*, *gadeltha*. Можно видеть, что начальный звонкий смычный **g**, в отличие от ***d**, обычно не подвергается оглушению. Возможные контрпримеры — *criten* и *cadariou* — допускают, помимо возведения к формам с этимологическим ***g**, иные интерпретации. Таким образом, возможное влияние крымско-татарской фонетики на крымско-готский консонантизм не было всеобъемлющим.

В отличие от **b** и **g**, звонкий смычный **d** в интервокальной позиции, как и глухой **t**, восходит к разным источникам. В двух случаях — *fyder* и *furdeithien* — **d** достоверно продолжает общегерманский ***ð**. Как говорилось выше, М. Стернс полагал, что общегерманский звонкий спирант отвердел в крымско-готском [Stearns 1978, 95], однако вновь следует повторить, что звук, обозначенный у Бусбека графемой **d**, мог и не быть смычным.

Весьма примечательна форма *ada*, которую по праву можно назвать «вершиной идентичности» этимологических готских форм, поскольку она отражает специфический готский рефлекс двойного полугласного **jj** по закону Хольцмана (см. 5.2.2, *ada* и с. 204, сонанты). Готское **ddj** (ср. гот. *twaddje* 'двоих' при ди. *tveggja*, двп. *zweiō*) традиционно считается смычной геминатой. Этой точке зрения следует и М. Стернс, говоря о возможной утрате геминаты в речи информанта, чей родной язык не имел двойных согласных [Stearns 1978, 57]. Однако есть версия о том, что сочетание **ddj** могло обозначать в готском не двойной, а простой согласный — звонкий смычный в интервокальной позиции [Иценская 1997]. Потому в крым.-гот. *ada* могло и не быть предполагаемой замены двойного смычного простым.

В любом случае, специфическое отражение двойного полугласного ***jj** как ***ddj** > **d(j)** или ***dj** > **d(j?)** ясно указывает на готскую принадлежность данных, и даже наиболее последовательные сторонники версии о западногерманском диалектном соотношении крымско-готского (О. Грёнвик) вынуждены объяснять эту форму последующей готизацией изначально западногерманского (или северогерманского) диалекта. Если это действительно имело место (ср. интересные данные археологии о различиях в погребальном обряде крымских германцев раннего средневековья — раздел 1.1), то могло происходить лишь в начальную эпоху бытования германских диалектов в Крыму. Потому при любой точке зрения на генезис крымско-готского приходится признать, что готское в этом германском диалекте присутствует с весьма давних пор.

Форма *bruder* со звонким смычным **d**, очевидно, является плодом «западногерманской интерпретации» Бусбека, поскольку, во-первых, он поместил

это слово в начале списка известных ему, и во-вторых, глухой спирант [θ] передается в крымско-готском как *tz* (ср. выше). Другие примеры со звонким смычным *d* являются заимствованиями (*sada*) или имеют неясную этимологию (*schediit*, *cadariou* — по всей вероятности, тоже заимствования).

Глухие смычные p, t, k.

Глухие смычные *p* и *k* обнаруживают как несомненные германские этимологические корни (*apel*, *schlipen*, *kor*, *kommen*, *knauen*), так и выступают в вероятных заимствованиях (*stap*, *cadariou*). Проблемными случаями является лишь *plut* (и, возможно, *crīten*; если из **grētan*), где источником является общегерманский **b* (и соответственно, **g*). М. Стерне предполагает здесь реализацию глухих (то есть ненапряженных) аллофонов (ср. [Stearns 1978, 59]). Действительно, иначе для такого поведения [b]¹⁴ нет никаких оснований (даже в крымско-татарском), но всё же несистемность этого явления так и остаётся загадкой. Можно лишь констатировать, что даже при возможном наличии в крымско-готском ненапряженных **b* и **g* — а в таком случае, и **d*, ибо данное изменение должно было касаться всех звонких смычных — всё же нет достаточных оснований говорить о проведении в крымско-готском «второго передвижения согласных» по версии О. Хёфлера [Höfler 1956, 1957].

С другой стороны, если обратиться к самой идее масштабного звукового сдвига в области согласных, то можно поставить вопрос иначе. Выше уже говорилось о возможном влиянии западно-кыпчакских диалектов крымско-татарского на этимологический крымско-готский **d* (или, если дело обстояло иначе, влиянии произношения информанта); при этом в тех же диалектах оглушался и начальный *g*, а глухой смычный *k* переходил в *x*. Все примеры этого рода представлены и в крымско-готском — ср. приводившиеся выше *thurn* и др. при этимологическом **d*, *crīten* при этимологическом **g*, а также *ich*, *mycha* при этимологическом германском **k*. Выше указывалось также, что оглушение *k > x* sporadически имело место и в мариупольском греческом¹⁵, очевидно, под влиянием западно-кыпчакских диалектов крымско-татарского.

Оглушение начального **d > t* в крымско-готском не знает исключений, но оглушение других смычных представлено неравномерно: здесь, как и в мариупольском греческом, представлен и этимологический *k*, и развившийся из него в ряде примеров *x*. Если допустить, что крымско-готский консонантизм в позднюю эпоху получил под влиянием крымско-татарского мощный импульс «оглушения», то при одновременном сохранении известной самостоятельности крымско-готского его фонологическая система, с одной стороны, могла откликнуться на этот импульс, с другой — обнаруживать реликты прежнего

¹⁴ По М. Стернеу, **b*, но это неверно, т. к. речь идет о начальной позиции.

¹⁵ Потому М. Стерне интерпретировал крым.-гот. *ich*, *mycha* как отражение особенностей фонетики информанта [Stearns 1978, 62–63]. К примерам из крымско-татарского исследователь не обращался.

состояния (сходное положение вещей наблюдается и в мариупольском греческом). В таком случае крайним проявлением тенденции к утрате звонкости начальных смычных будет пример *plut*, где начальный губной **b* ориентируется на оглушение начального зубного **d* исключительно под давлением системы. При этом в языке сохраняется целый ряд реликтовых контрпримеров, свидетельствующих об изначальной неорганичности такого оглушения.

Проблема лабиовелярных смычных.

Характерные для древнегерманских языков лабиовелярные смычные на имеющемся материале не отмечаются — ср. *kommen* ‘venirе’ при гот. *qiman* ‘приходить’. Это может объясняться по-разному: во-первых, общей тенденцией распада лабиовелярных в германских языках, во-вторых, возможным влиянием западногерманской аналогии в случае *kommen* и в-третьих, малым объемом данных. Примечательно, что реконструкции М. Стерна вообще не учитывают лабиовелярных даже на общегерманском уровне [Stearns 1978, 93, 95, 99], однако в крымско-готском сохранился интересный пример — *wichtgata* ‘album’ при гот. *hucits* ‘белый’, требующий обсуждения в рамках этой темы (см. ниже обсуждение спирантов).

Глухие спиранты.

Реконструкция системы спирантов наиболее надежна в отношении глухих целевых. Звук *f* представлен в ряде слов и, очевидно, является глухим губно-зубным спирантом, если, конечно, произношение его не имело каких-то специфических особенностей. В случае *hoef* (конъектура *hoef[t]*) ‘caput’ этимология позволяет предполагать корреляцию по глухости-звонкости с искомым звонким губно-губным **b* — ср. гот. *haubif* ‘голова’ (оглушение спирантов в конечной позиции хорошо прослеживается в классическом готском: ср. *ga-hlaiba* ‘сотрапезник, товарищ’ — *hlaifs* ‘хлеб’, *libaida* ‘жил’ — *libaif* ‘живет’ и т.д.).

Сочетание *tz* у Бусбека традиционно интерпретируется как обозначение глухого межзубного спиранта [θ] — случаи *goltz*, *statz*, *tzo*, что согласуется с этимологией этих слов¹⁶. Контрпримеры — случаи, где этимологический глухой спирант обозначен иначе: ср. *bruder* при гот. *broþar*, *tria* при гот. *þreis* (и, возможно, *uburt* при **waurþ*). Первый случай может объясняться аналогией с западногерманским, второй — труднопроизносимым сочетанием **þr-*, «упрощенным» либо информантом, либо Бусбеком (либо языковым обиходом).

¹⁶ В принципе нельзя исключить и воспроизведение этого искомого спиранта в виде аффрикаты [ts]. В доступных нам образцах говоров азовских греков (народные песни) глухая аффриката [ts] сохраняется, тогда как спиранты фактически не представлены. Вероятно, эта особенность связана с влиянием русского языка, однако нам неизвестно, какие влияния мог испытывать крымско-греческий в XVI в. (тем более что информант Бусбека прибыл из области Перекопа). Как указывалось выше, звонкий *ð* в записях Бусбека особо не отмечается: означает это упущение при записи или отсутствие соответствующего звука?

Последовательное проведение у Ёусбека написаний **h / ch** --- **h** в начальной позиции (*hus* и др.), **ch** в интервокальной и конечной (*lachen* и др.) --- не имеет исключений и, очевидно, свидетельствует о корреляции фарингального спиранта [h] и велярного [x], характерной для германских языков (и «захватившей» даже заимствование --- ср. *telich*). Поскольку такая дистрибуция предполагается уже для классического готского, вряд ли стоит объяснять такое различие исключительно особенностями орфографии Ёусбека. Кроме того, крым.-гот. *ano* ‘gallina’ при гот. *hano* ‘петух’ и, очевидно, крым.-гот. *asl* ‘lapis’ при гот. *hallus* ‘камень’ свидетельствуют о наличии в крымско-готском начального фарингального спиранта. Неизвестно, развили ли крымско-готский велярный [x] палатальный аллофон [ç] после палатального гласного (*mycha*, *ich* и др.), как в немецком языке, или же велярный характер звука сохранялся и в этой позиции. Вопрос о происхождении [x] < *k (*mycha*, *ich*) обсуждался выше (см. глухие смычные **p**, **t**, **k**).

Проблема глухого лабиовелярного спиранта h^w.

В данной выше таблице особо не отмечается позиция **h^w** --- глухого лабиовелярного спиранта, поскольку следы его обнаруживаются лишь косвенно и гипотетически в примере *wichtgata* ‘album’, имеющем этимологические соответствия с начальным общегерманским лабиовелярным --- гот. *hwēits*, ди. *hvit* ‘белый’ и др. Ёнсе Р. Лёве предполагал метатезу **hwit* > **wiht* [Loewe 1896, 173–174, 1902–1903, 9], что находит типологическое подтверждение в развитии ди. *hwīt* > са. *whit*, на. *white* и варьировании **wh** ~ **hw** в английских диалектах. Однако Р. Мух заметил, что *wichtgata* располагается в списке между *atochta* и *mycha* --- формами, где присутствует диграф **ch** --- и предположил, что **-ch-** могло проникнуть в результате описки [Mux 1898, 199]. С этим согласились Э. Шрёдер и М. Стернс [Schröder 1910, 13, Stearns 1978, 163], и М. Стернс даже выдвинул конъектуру **witgata* [Stearns 1978, 92], тем самым предполагая окончательный распад лабиовелярного спиранта. Однако типология развития германских лабиовелярных в германских языках и диалектах не позволяет отвергнуть версию о метатезе **hwīt* > *wicht*.

Звонкие спиранты.

Положение со звонкими спирантами в крымско-готском неясно. К сожалению, для реликтового языка нельзя исходить из посылки о симметрии отдельных позиций фонологической системы (наличие глухого межзубного спиранта заставляет предполагать наличие соответствующего звонкого и т.п.). Когда-то (в раннем крымско-готском) так, очевидно, и было --- но в позднем крымско-готском, утрачивающем или уже утратившем свою однородность, могло быть и по-другому. Кроме того, мы не располагаем материалом, достаточным для надежных теоретических заключений. Так, если исходить из идеи об отвердении звонкого спиранта ***ð** и сохранении глухого **þ**, то ближайшей аналогией такого развития будет древнеанглийская система спирантов. Однако в таком случае, чтобы в системе не создавались лакуны, остальные звонкие спиранты должны быть представлены хотя бы в виде ал-

лофонов — ср. древнеанглийские [θ] / [ð], [f] / [v], [s] / [z] в соответствующих позициях. Проверить эту дистрибуцию на крымско-готском материале невозможно. Все указанные глухие спиранты представлены только в начальной и конечной позиции, а не в «контрольной» интервокальной, но это обусловлено лишь скудостью материала (некоторые другие соображения о дистрибуции глухих и звонких спирантов см. ниже, при обсуждении *s/z*). Если же считать, что звонкий спирант *ð претерпел модификации вплоть до «древневерхненемецкой стадии», то есть сначала отвердел, а потом оглушился, то эта точка зрения равнялась бы принятию идеи о «втором передвижении согласных» в крымско-готском¹⁷. В таких условиях глухой **p** должен был бы отвердеть в **d**, но этого не происходит (ср. *izo* и др.) — а значит, изменения звонкого спиранта *ð не обусловлены самостоятельным, системным развитием крымско-готского консонантизма, но каким-либо образом привнесены извне. Таковы общие заключения о состоянии крымско-готских спирантов.

Следы губно-губного *b, оглушившегося в **f** в конечной (или близкой к конечной) позиции, отмечаются в примере *hoef*, рассмотренном выше в рамках системы глухих спирантов, а также, возможно, в примерах *seuene* и *siluir* — ср. гот. *sibun* ‘семь’ и *silubr* ‘серебро’ с интервокальным губно-губным спирантом. Однако в последнем случае нельзя исключить и таких факторов, как влияние западногерманской аналогии у Бусбека или воспроизведение информантом / переход в позднем крымско-готском **b** > **v** (ср. [Stearns 1978, 86]). Таким образом, существование губно-губного звонкого спиранта в крымско-готском имеет этимологические основания, но не поддается окончательной верификации.

Звонкий *ð либо уже не существовал, либо не воспроизводился информантом, либо фонетически / графически не выделялся Бусбеком (примеры с этимологическим *ð также см. выше, при обсуждении *t*). Если этот факт связан с общей тенденцией к сужению или упразднению системы спирантов, то такая тенденция могла быть обусловлена влиянием крымско-татарского, где межзубные спиранты не представлены. Ясно, что в таком случае речь должна идти не об особенностях речи информанта — крымского греска, в чьем языке спиранты были хорошо представлены¹⁸, но о результатах языкового контакта, позднее воспроизведенных информантом.

Звонкий фрикативный *g восстанавливается М. Стернсом на основании того, что этот звук присутствовал в классическом готском и мариупольском греческом [Stearns 1978, 96, 99], но на деле всё несколько сложнее. По записи Бусбека *g не прослеживается; тем не менее, и это не аргумент, потому что Бусбек мог не выделять этого аллофона¹⁹ графически. Но, с другой стороны,

¹⁷ Что, как было показано выше, для крымско-готских смычных системно не отмечается.

¹⁸ Их наличие в крымско-греческом подчеркивает М. Стернс [Stearns 1978, 96], строящий на этом основании свою интерпретацию развития крымско-готских спирантов.

¹⁹ В данном случае можно с уверенностью говорить об аллофоне, поскольку фонемой является /g/.

в позднем, реликтовом крымско-готском фрикативного *g* могло уже не быть, а сравнение с мариупольским греческим может быть излишним — ведь в начале XX в. в мариупольских греческих говорах отмечается и звонкий *ð*, который, тем не менее, не просцируется М. Стернсом на крымско-готский материал. Необходимо подчеркнуть, что в подобных случаях мы можем трактовать формы у Бусбека двояким или даже множественным образом, но настаивать исключительно на одной трактовке не имеем права.

Проблема $v < *w$.

Определение статуса звука, передаваемого у Бусбека графемами *w* и *uu*, также весьма сложно. М. Стернс исходит из той посылки, что в «исконном крымско-готском» в примерах типа *wingart*, *wintch* и др. был представлен губно-зубной спирант *v*. Однако с той же долей вероятности в этих примерах можно усматривать губно-губной сонант **w*, поскольку для общегерманского традиционно восстанавливается именно **w*. Разумеется, указанный сонант мог отвердеть в крымско-готском — а мог и сохраняться. Фонетика мариупольского греческого — здесь не довод; иноязычные информанты вполне способны воспроизводить звуки, чуждые для их родного языка. Лингвистическая компетенция Бусбека также не является основанием для выводов: если он был незнаком со звуком [w], он тем более мог воспринять этот звук как [v], но «восприятие», каким бы оно ни было, в записях вообще не отражается (Бусбек следует здесь орфографической традиции своего времени). Единственным косвенным указанием на губно-губной характер [w] может быть форма *uburt < *waurþ-*. То, что *uburt* продолжает какую-то из форм *o/g *werþan(an)* ‘становиться’, вполне вероятно при учете сочетания с *icl* ‘vivus sive sanus’ и устойчивости формулы **hailaz &* глагол бытия / становления в германских языках (ср. да. *wasceil*, даже проникшее в корнский язык в виде *wassel*). Таким образом, «излишний» *b* в *uburt* может передавать губно-губной [w] в произношении информанта / восприятии Бусбека. Однако, поскольку точная интерпретация форм с *w* невозможна, в таблице они со знаком вопроса отнесены и к спирантам, и к сонантам.

*Спилянты *s* и *z*. Проблема аффрикат.*

Что касается крымско-готских *s* и *z*, то по сохранившемуся материалу наблюдается следующая дистрибуция: *s* — в словах германской этимологии, преимущественно в начальной и конечной позиции (кроме *lista*), *z* — в заимствовании *hazet* и слове неясной этимологии — *marzus*, очевидно, также являющемся заимствованием. Нет ни одного примера, который позволял бы судить о поведении *s* в интервокальной позиции (в случае *lista* мы имеем последующий глухой смычный *t*). То, что в классическом готском *z* являлся отдельной фонемой — не слишком веский довод; в перс. *hazār* этот звук имеется изначально, а у заимствований может быть своя, специфическая фонетика. Если *s* и *z* были самостоятельными фонемами в словах германской этимологии, то это означало бы, что крымско-готская система исходила из дистрибуции спирантов, близкой к классической

готской. Однако имеющийся материал не позволяет делать каких-либо однозначных заключений.

Существенно, что в крымско-готском не отмечается ни одного случая ротацизма (перехода $z > r$). Разумеется, мы не располагаем достаточным количеством примеров, но крым.-гот. *schnos* 'sponsa' при ди. *snor*, да. *snoru*, дфриз., снн. *snore*, двп. *snur(a)* 'сноха' обнаруживает отсутствие ротацизма; не представлен $-r$ и в окончаниях существительных (ср. *bars*, *fers*).

Важно отметить особенность развития германского s в позиции перед германским этимологическим $*w$ (сонантом), сонорными l и n и глухим смычным k : здесь наглядно представлен переход $s > [\check{s}]$ во всех позициях, но преимущественно в начальной. Слова, в которых засвидетельствован этот переход, относятся и к группе знакомых Бусбеку (*schuuester*, *schuualth* и др.), и к группе неизвестных (*ieltsch*, *schnos*), то есть оформление слов не может всюду объясняться западногерманской аналогией. Если это явление — результат органичного развития крымско-готских форм, то оно обусловлено специфическим (нечетким) характером исконного германского s^{20} . В случае *schediit* звук, скорее всего, представлен в заимствовании (см. 5.2.2, словарь). Примеры *wint[s]ch*, *ieltsch*, *rintsch* и *borrotsch* в фонетическом плане неясны — о возможном противоречии между их графическим оформлением и значением звука говорилось выше. Судя по этимологии, исходными сочетаниями были $-ds$ ($*winds$, $*rinds$) и $-ls$ ($*hails$). Соответственно, следует предполагать указанное развитие $s > [\check{s}]$, но в таком случае слово *ieltsch* должно было бы графически оформляться как *ielsch**. В других примерах сочетание **tsch** образовано сочетанием: зубной смычный $t + [\check{s}] < s$. Образовалась ли при этом настоящая аффриката $[\check{t\check{s}}]$ или здесь всё же следует говорить о сочетании $t + [\check{s}]$? Ввиду невозможности точного определения звука рассматриваемые примеры были со знаком вопроса помещены в разные ячейки таблицы. Слово *borrotsch* имеет неясную этимологию; если она всё же является германской (см. 5.2.2, словарь), то перед нами — ещё один пример развития конечного $s > [\check{s}]$ в сочетании с предшествующим зубным или межзубным звуком (и та же проблема в отношении аффрикаты или сочетания $t + [\check{s}]$).

По орфографии Бусбека нельзя заключить, переходит ли начальный $s > [\check{s}]$ в сочетании *st* (ср. *stern*, *statz* и др.). Как известно, в западногерманской орфографии $[\check{s}]$ в этой позиции графически не выделяется. Давление системы должно было бы обусловить переход $s > [\check{s}]$ и в этой позиции, но для крымско-готского как реликтового языка можно предполагать как проведение, так и отсутствие соответствующего изменения (ср. [Stearns 1978, 97] без предпочтения какой-либо версии).

²⁰ Эта артикуляция германского s реконструируется по аналогичному развитию соответствующих сочетаний в ранненововерхненемецком, а также по заимствованиям в другие языки и по материалу древнерусско-немецких разговорников.

Особый (возможно, даже, экзотический) случай представляет крым.-гот. *stap* 'сапра'. Слово, по всей очевидности, является отражением карпато-балканского кросс-культурного термина — обозначения козла (см. 5.2.2, словарь), и О.Н. Трубачев предполагает здесь передачу аффрикаты [ts] средствами крымско-готского языка. Потому *st* в этом примере можно интерпретировать трояко: как аффрикату [ts], как сочетание [st] или, если *s* и в этой позиции перешел в [š] — как сочетание [št].

Сопорные.

Система сопорных хорошо представлена в крымско-готском. От категорических заключений о природе [r] мы воздержимся, поскольку эта характеристика никак не отражается на письме. Следует, однако, иметь в виду, что звук [r] в лингвистическом окружении крымско-готского был переднеязычным. Для крымско-готского отмечается также звук [ŋ], который в конечной позиции подвергался оглушению: ср. *rinck sive ringo*. В случае *singhen* 'canere' для засвидетельствованного [ŋ] восстанавливается германский лабиовелярный носовой *ŋ^w — ср. гот. *siggwan* 'петь; читать вслух', однако этот звук подвергся распаду уже в ряде древнегерманских языков (ди. *syngja*, *syngva*, ла. *singan*, др.-лвн. *singan* 'петь') и может восстанавливаться лишь для весьма ранней эпохи бытования крымско-готского.

Многочисленность случаев с носовым *n* не в последнюю очередь обусловлена сохранением в крымско-готском флексии инфинитива *-n* — ср. *schieten*, *schlipen* и другие глаголы (исключений нет).

Примечательно, что в области сопорных сосредоточились все крымско-готские геминаты: *brunna*, *kommen*, *borrotsch*. М. Стернс считает, что в первых двух примерах имеет место влияние западногерманской орфографии, а в случае *borrotsch* Бусбеку понадобилось таким образом указать на краткость корневого гласного [Stearns 1978, 86]. Представляется, однако, что примеры эти разнородны. Крым.-гот. *kommen* явно оформлено по западногерманскому образцу (отнесено к группе слов, знакомых Бусбеку). То же можно было бы сказать в отношении крым.-гот. *brunna* 'fons', если бы оно не было идентично гот. *brunna* 'колодец'. Однако Стернс, как уже говорилось (см. выше обсуждение судьбы **ddj*), исходит из посылки о том, что отсутствие геминат в крымско-готском не позволяло информанту воспроизводить их в крымско-готском. На самом деле об этом нельзя судить категорично — быть может, информант умел произносить такие звуки в иноязычных словах. Краткий *o* неоднократно встречается в списке Бусбека и без последующего двойного согласного — ср. *kor[n]*, *schnos*, *boga* и др., и потому в случае *borrotsch* (группа неизвестных Бусбеку) уместно видеть следование произношению информанта. Однако для проблемы геминат *borrotsch* имеет ценность лишь как свидетельство о возможности воспроизведения информантом двойных (или долгих) согласных, то есть как доказательство исконности крым.-гот. *brunna*. Этимология *borrotsch* неясна, и гемината здесь в любом случае не имеет отношения к германской системе консонантизма. Если слово восходит к готскому, то гемината

в крымско-готском мнимая (возможно, это лишь отражение раскатистого *г* информанта), а если имеет негерманские корни — вопрос тем более снимается.

Сонанты *w* и *j*.

Проблема сонанта *w* в крымско-готском была затронута при обсуждении статуса **w* (v?). Кратко суммируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что вопрос о переходе в крымско-готском германского этимологического сонанта **w* в губно-зубной спирант *v* (во всех позициях, но прежде всего в начальной) или сохранении губно-губного **w* не может иметь однозначного решения.

Сонант *j* в засвидетельствованных крымско-готских формах не сохранился. М. Стернс отмечает пример *lachen* 'ridere' при гот. *hlahjan* 'смеяться' (снгл. 6, *j*-през.) [Stearns 1978, 98], однако в словаре (5.2.2) было указано, что в данном случае инфикс *j* мог отсутствовать в крымско-готском изначально. Примеры *ies*, *iel*, как было показано М. Стернсом, относятся к области модификаций крымско-готского вокализма (см. ниже, 6.3.2.2). Общегерманский двойной полугласный **jj* претерпел в крымско-готском развитие по закону Хольцмана, наиболее близкое к классическому готскому — ср. *ada* 'ovum' при гот. *twaddje* 'двоих', *iddja* 'шел'. Детальные заключения о полном совпадении с классическим готским или каких-то тонких отличиях остаются недоступными ввиду неясности как истинного фонологического статуса *d* в крым.-гот. *ada*, так и готских рефлексов двойных полугласных.

6.3.2.2. Гласные

Прослеживаемая по записям Бусбека система гласных наиболее достоверна в области элементарных определений ряда и подъема гласных. Как отмечает М. Стернс, информант не проводил различий между краткими и долгими гласными, поскольку это не было характерно для фонологической системы крымско-греческого [Stearns 1978, 55]. Возможно, при долгом бытовании крымско-готского в грекоязычном окружении эти различия в какой-то момент стерлись и внутри самого реликтового языка. В любом случае, исконные общегерманские долгие и краткие гласные могут прослеживаться в крымско-готском — как, впрочем, и в классическом готском — лишь этимологически, хотя для крымско-готского положение осложняется возможностью влияния крымско-греческого. Как установил М. Стернс, это влияние с особой отчетливостью сказалось именно в области вокализма (ср. [Stearns 1978, 53–57, 87–91]). И здесь положение оказывается иным, нежели при обсуждении имеющейся системы консонантизма и при реконструкции прототипов. В целом ряде случаев количественная и даже качественная характеристика гласного оказывается настолько многозначной, что выбор в пользу одного из нескольких решений может стать либо серьезной ошибкой, либо чисто умозрительным построением. Потому данная ниже таблица также является лишь эмпирическим описанием материала, а возможные прототипы тех или гласных будут обсуждаться ниже.

	<i>передний ряд</i>		<i>средний ряд</i>	<i>задний ряд</i>	
	<i>неогубленные</i>	<i>огубленные</i>	<i>неогубленные</i>	<i>неогубленные</i>	<i>огубленные</i>
<i>верхний подъем</i>	i				u
	wingart				plut
	wintch				stul
	siluir				hus
	fiset				bruder
	min				thurn
	miera				sunc
	rinck / ringo				brunna
	schlipen				uburt
	singhen				marzus
	criten				cadariou?
	rintsch				
	telich				
	wichtgata				
	mycha				
	lista				
	schediit				
	cadariou				
	kilemschkop				
	ies?				
	ich				
	ita				
	и производное				
	tria				
	fyuf				
	nyne				
	thiine				
	и производные				
<i>средний подъем</i>	e	[ei] / [je]			o
	reghen	seis	iel		broe
	schuuester	treithyen	и производные		goltz
	stern	ies?			kor
	sune	furdeithien			hoef

	<i>передний ряд</i>		<i>средний ряд</i>	<i>задний ряд</i>	
	<i>неогубленные</i>	<i>огубленные</i>	<i>неогубленные</i>	<i>неогубленные</i>	<i>огубленные</i>
<i>нижний подъем</i>	mine				oeghene
	oeghene				boga
	miera?				ringo
	waghen				kommen
	apel				schnos
	schieten				ano
	schlipen				borrotsch
	kommen				cadariou
	singhen				kilemschkop
	lachen				tzo
	criten				
	geen				
	breen				
	knauen				
	menus				
	fers				
	telich				
	gadeltha				
	schediit				
	kilemschkop				
	seuene				
	athe				
	nyne				
	thiine				
	и производные				
	hazer				
			a		
			alt		
			salt		
			tag		
			bars		
			handa		
			boga		
			miera		
			brunna		

	<i>передний ряд</i>		<i>средний ряд</i>	<i>задний ряд</i>	
	<i>неогубленные</i>	<i>огубленные</i>	<i>неогубленные</i>	<i>неогубленные</i>	<i>огубленные</i>
<i>нижний подъем</i>			waghen apcl schuualth marzus baar ael statz ada ano stap gadeltha atochta wichtgata mycha lista cadariou warthata malthata ita и производное tua и производное tria и производное athe stega sada hazer		

Эмпирически засвидетельствованный инвентарь гласных, в отличие от согласных, позволяет сделать единственное заключение о том, что в крымско-готскую систему гласных входили по крайней мере пять звуков:

i u
e o
a

Такая система в общих чертах совпадает с общегерманской, но может считаться лишь «базовой». Прежде всего, материал не позволяет провести

последовательных различий долгих и кратких гласных. В записи Бусбека примеры с долгими гласными единичны — *thiine* и производные, *schediit*, *bros*, *oeghene*, *acl*, *baar*. При этом долгота гласных отнюдь не везде обоснована этимологически: ср. *thiine* при гот. *taihun* ‘десять’, *acl* при гот. *hallus* ‘камень’, *baar* при *barn* или *baug* ‘дитя’. В случае *schediit* этимология неясна, а положение долгого гласного в конечном слоге довольно экзотично. Лишь в *bros* и *oeghene*, судя по системе транскрипции Бусбека (см. 4.2), отражен долгий [ō], восходящий к общегерманскому дифтонгу **au* (ср. соответствующие позиции в словаре, 5.2.2), однако написание *bros* может быть ошибочным (как вместо слл. *bros*, так и вместо слл. *brot*).

М. Стернс особо подчеркивает, что в мариупольских греческих говорах и, очевидно, в крымско-греческом не существовало оппозиции долгих и кратких и гласных [Stearns 1978, 55]. Представляется, что в данном случае характеристика фонетики информанта заслуживает внимания, поскольку долгие гласные, как правило, менее четко воспроизводятся информантами, не имеющими противопоставления долгих и кратких гласных в родном языке. Возможно также, что в позднюю эпоху бытования крымско-готского оппозиция гласных по долготы / краткости перестала соблюдаться под влиянием иноязычного окружения (крымско-греческий, крымско-татарский языки). Кроме того, как говорилось выше, сам Бусбек почти не обращал внимания на характеристику гласных по данному признаку. С учетом этих обстоятельств долгота и краткость крымско-готских гласных может восстанавливаться лишь этимологически (ср. [Stearns 1978, 87–91]), однако считать такую реконструкцию абсолютно надежной нельзя.

Отсутствие последовательного противопоставления гласных по долготы — краткости является определенным препятствием для заключений об открытости / закрытости звуков. И наконец, почти невозможно проследить и даже реконструировать аллофонное варьирование гласных, весьма важное для описания любой системы вокализма. Аллофоны в крымско-готском с достаточной степенью надежности восстанавливаются только для фонемы *e* (см. ниже).

Рассмотрим отдельные позиции наблюдаемой системы гласных по принципу, проводившемуся для системы согласных (от крымско-готских форм — к общегерманским прототипам там, где последние достоверно восстанавливаются).

Гласный *i* представлен весьма обширно (уступает только *e* (+ *ei*, *je*), что вполне согласуется с данными этимологии, указывающими на полигенетичность этого звука в позднем крымско-готском. Крымско-готские примеры с *i* в первом (= корневом) слоге в подавляющем большинстве относятся к словам германской этимологии; исключением может являться лишь неясное *kilemschkor*, однако и в этом случае преобладают гипотетические германские параллели. Напротив, слова с предположительно негерманской этимологией имеют *i* в неначальном слоге — *telich*, *schediit*, *cadariou*. Исключение — германское *siluir*, где М. Стернс усматривает в безударном слоге энентетический *i*, варьирующий, по мнению исследователя, с энентетическим *e* — ср. *reghen*, *waghen* [Stearns 1978, 90] (< **regh*,

*wagn). Однако соотношение классической готской формы *silubr* с крымско-готским *siluir* неясно. М. Стернс не обсуждает этого вопроса подробно; судя по замечанию об энететическом гласном, он предполагает развитие **silub̥g > *silubug > *siluvir*²¹ > *siluir* в произношении информанта и/или передаче Бусбека. Тем не менее, последовательность **silub̥g > *silubug* скорее отразилась бы в позднем крымско-готском как **silubur* (ср. *ubur* как вероятное отражение попытки информанта передать губно-губной **w*) или *siluur**. Кроме того, энететический *i* не типичен для крымско-готского, поскольку во всех других случаях мы наблюдаем *e*: ср. отмеченные М. Стернсом *reghen*, *waghen*, *apel* и *hazer* (в заимствовании), а также *bruder*, *schuuester*. Энететический *e* хорошо бы согласовался и с известными Бусбеку западногерманскими формами, тем более, что он отнес слово *siluir* к группе знакомых ему. Остается предположить, что исходный *i* в *siluir*, в отличие от примеров с исходным *e* (результатом редукции — см. ниже), был либо обусловлен каким-то особым звуковым обликом этого слова, трудного для информанта или Бусбека, либо возник при записи или даже печати. В любом случае, можно видеть, что *i* в конечном (— безударном) слоге крымско-готских слов германской этимологии является проблематичным.

Крымско-готский корневой *i* восходит к разным источникам — прежде всего, к этимологическому германскому *i*: ср. *wintch*, *fiset*, *rinck* / *ringo*, *singhen*, *rintsch*, *fyuf* (если принимать конъектуру **fynf* [finf]), *fyder* < **fidwor*, *nyne* < **niun^e/i*. В этих случаях *i* представлено в индоевропейском прототипе (*fiset*) или было обобщено из **i_ε* перед носовым слогом в раннегерманскую эпоху (*wintch*, *rinck* / *ringo*, *singhen*, *rintsch*, **finf* < **fimf*, *nyne* < **niun^e/i*²²). Далее, крымско-готский *i* обнаруживается в словах, где достоверно или гипотетически восстанавливается общегерманский **i_ε* — ср. *siluir* (в корневом слоге), *lista* (если из германского), *ich*, *ita*. В отношении крымско-готских рефлексов *o*/г **i_ε* принято говорить об «а-умлауте» в крымско-готском — ср. *reghen* при гот. *riġn*, *schuuester* при гот. *swistar* [Kickers 1928, 15, Lehmann 1986, 77]; сюда же, возможно, относится *seuene* при гот. *sibun* 'семь', если Бусбек не поддался здесь западногерманской аналогии. Однако можно видеть, что случаи сужения *o*/г **ē > i* (выбора узкого *i* из аллофонов **i_ε*) в крымско-готском также наблюдаются, хотя и не столь широко, как в классическом готском. Более того, пример *thiine* при гот. *taihun* свидетельствует о явном нарушении обычной для готского дистрибуции *i_ε*, то есть о снятии готского преломления по каким-то причинам. Так происходит не во всех случаях: ср. *stern*, *fers*, где *i* не появляется. Потому возможно, что вариативность *i_ε* в чем-то обусловлена произношением информанта.

В крымско-готском сохранились примеры, где *i* восходит к германскому **ī*: *wingart*, *wichtgata*, *tria*. В первом случае прототипом был *o*/г **ī* в составе

²¹ Ср. концепцию Стернса об отвердении **b̥ > *v* в крымско-готском.

²² Гот. *niun* 'девять' традиционно трактуется как двусложное слово, где *iu* представляет собой сочетание двух фонем: /i/ + /u/, а не удлиненный дифтонг [CITЯ 1963, III, 356].

заимствования из латыни (ср. гот. *wein*, ди. *vīn*, да. *wīn* 'вино'), в остальных — о/г ***ī** < ***ei** (ср. гот. *hveits* 'белый', *þreis* 'три'); в форме *mīera* источником может быть как о/г **meuriōn*-, так и о/г **mīōn*- (см. 5.2.2, словарь).

В целом ряде случаев крымско-готский **i** является продолжением общегерманского ***ē**₁ — ср. *mine* при гот. *mena* 'луна', *schlipen* при гот. *slēpan* 'спать', *mucha* при гот. *mekī* 'меч', и, возможно, *citen*, если это слово восходит к гот. *gretan* 'плакать'. Это соответствие традиционно (и наиболее удовлетворительно) объясняется сужением о/г ***ē**₁ в **ī** — явлением, засвидетельствованным в остготском [Wrede 1891, 160–163] — ср. вариативность форм *letan* / *leitān* 'оставлять', *qens* / *qeins* 'жена' в рукописи готского перевода Евангелия от Луки. Крымско-готский ***ī** < ***ē**₁ весьма примечательно оттеняет проблему крымско-готских рефлексов о/г ***i** / **ē**. Если ***ē**₁ сужался в **ī**, то распределение ***i** / **ē** также должна была соответствовать этой тенденции. Однако этого не происходит, и даже для перехода ***ē**₁ в **ī** мы имеем контрпример: крым.-гот. *bresp* 'жарить' < о/г **brē*₁-. Таким образом, можно констатировать, что дистрибуция продолжений ***i** / **ē**, ***i** / **ē** была в крымско-готском противоречивой и, очевидно, нарушенной по сравнению с исконным состоянием (каким бы оно ни было).

Та же противоречивость наблюдается в отношении дистрибуции и/о, восходящих к исконным ***ū** / **o**, ***u** / **o**. С одной стороны, крымско-готский **u** отражает этимологический германский ***ō** — ср. *plut* при гот. *bloþ* 'кровь', *stul* при гот. *stols* 'сиденье, престол', *bruder* при гот. *broþar* 'брат', что дает основания говорить о повышении ***ō** > ***ū**, также характерном для классического готского и особенно остготского (ср. [Wrede 1891, 164]). С другой стороны, долгий германский ***ū** в одном случае отразился в крымско-готском как **o** — ср. *tzo* при о/г **rū* 'ты', что прямо противоречит приведенным выше фактам (если даже ***ō** > ***ū**, то этимологический ***ū** тем более должен сохраняться). Кроме того, явная тенденция к сужению и повышению в подсистеме долгих гласных должна иметь соответствия в подсистеме кратких, как то было в классическом готском (выбор высокого варианта общегерманской фонемы ***ū** в немаркированной позиции, готское преломление — в маркированной). Однако в крымско-готском общегерманский ***ū** перед **a** последующего слога реализуется как **o** — ср. *boga*, *goltz*, что вновь заставляет предполагать «а-умлаут», как и в случае *reghen*²³. Классическое готское преломление (**ū** + **r, h, h^w** = **ō**) в крымско-готской форме *uburt* не наблюдается (если она происходит из **waurf*-); возможно, аналогичный случай — крым.-гот. *thurn*, однако соотношение этой формы с гот. *daur* 'дверь' неясно. Впрочем, для того, чтобы говорить о полном снятии преломления в крымско-готском, необходимо располагать более обширным материалом, а у нас его нет.

В нескольких случаях крымско-готский **u** восходит к этимологическим общегерманским ***ū** и ***ū**: ср. *sunne* при гот. *sunna* 'солнце', *brunna* при гот. *brunna* 'ключ, источник' и *hus* при гот. *gud-hus* 'храм' (о/г **hūsan*- 'дом'). Однако

²³ Тем не менее, как уже отмечалось в рамках словаря, этот «а-умлаут» не затронул ***ō** в крым.-гот. *plut* (гот. *bloþ* — а-основа среднего рода).

в целом германские примеры с *u* не вполне ясны (ср. выше; в отношении *bruder* предполагается также влияние западногерманской аналогии на запись Бусбека). Гласный *u* также представлен в заимствованиях / словах неясной этимологии — ср. *magrus*, *cadariou* (если в последней форме *u* — не результат описки или опечатки).

Гласный *e* представлен в крымско-готском наибольшим количеством примеров. Он выступает как в корневом, так и в исходном слоге, как в словах германской этимологии (ср. ниже), так и в заимствованиях (*telich*, *schediit*). Примеры с *e* в корневом (в словах германской этимологии — ударном) слоге — *reghen*, *schuuester*, *stern*, *geen*, *breen*, *menus*, *fers*, *gadeltha*, *schediit*, *seucne*; при этом в *geen* и *breen* представлен не долгий гласный, а стык корневого и тематического гласного. В примерах *reghen*, *schuuester*, *stern*, *menus*, *fers*, *seucne* (и, очевидно, *gadeltha*) прототипом является германский * $\frac{e}{i}$. Как отмечалось выше, готского сужения здесь не наблюдается (ср. гот. *riġn*, *swistar*, *mimz*, *sibun*, *ga-diliggs*), однако природу этого явления (исконное диалектное или отражающее трансформацию в реликтовом языке) определить невозможно. Обсуждая проблему готского преломления, еще раз следует подчеркнуть, что крым.-гот. *stern* ‘stella’ и *fers* ‘vir’ не расходятся со своими готским параллелями — ср. гот. *stairno* ‘звезда’, *fairhous* ‘mip, человечество’.

В искорневом (в словах германской этимологии — безударном) слоге *e* выступает весьма часто, что при учете этимологических параллелей позволяет интерпретировать *e* в этой позиции как результат редукции — ср. *sune* при гот. *sunna* ‘солнце’, *mine* при гот. *mena* ‘луна’, *oeghene* при гот. *augona* ‘глаза’, *apel* при о/г **apul-* ‘яблоко’, *schlipen* при гот. *slepan* ‘спать’, *kommen* при гот. *qiman* ‘приходить’ и др. (есть и контрпримеры — *ringo*, *ano*, *handa* и другие многочисленные слова с конечным -*a*, не перешедшим в *e*). В глаголах германский тематический гласный *a* всюду развился в *e*. М. Стернс отмечает, что редуцированный гласный представлен и в заимствованиях — ср. *hazer* при ср.-перс. *hazar* ‘тысяча’ [Stearns 1978, 90]. Однако, по мнению Стернса, во всех подобных случаях следует восстанавливать редуцированный [ə], воспроизводившийся информантом как *e* (ср. таблицу: [Stearns 1978, 91]). Исследователь, безусловно, прав, говоря о редукции в позднем крымско-готском, однако вряд ли стоит в такой степени детализировать реконструкцию. Так, известно, что ряд общегерманских звуков подвергся редукции в древнеанглийском или древневерхненемецком, но, рассматривая такие примеры, как ла. *fæder* /двн. *fater*, мы вряд ли будем говорить о «редуцированном ə» в применении к фактам древних языков (а не словам из современного английского или немецкого, где наличие соответствующего звука подтверждено живыми фонетическими наблюдениями). Потому в настоящей работе крымско-готский безударный *e* принимается как данность, что соответствует практике описания древних языков.

И напротив — углубленный филологический подход М. Стернса позволил объяснить соотношение *e*, *ei* и (в некоторых случаях) *ie* в крымско-готском. Исследователь отметил интересную закономерность. Корневые *ei* и *ie*

в крымско-готских формах восходят к общегерманскому *ē* или являются результатом стяжения общегерманского дифтонга *ai* — ср. крым.-гот. *seis* при гот. *saihs* ‘шесть’, *icē* при *hails* ‘здоровый, целый и невредимый’ и, вероятно, *ies* при гот. *is*, двн. *er* ‘он’ (исключения — *miera*, *schieten*, где германский этимологический **e* не представлен). При этом в мариупольских греческих говорах гласная фонема /*e*/ имеет аллофоны [*ei*] и [*je*] (примеры см. выше, 6.2.2.1). Потому с большой долей вероятности можно считать, что отмечаемые в крымско-готском *ei* и *ie* обусловлены характерной особенностью речи информанта [Stearns 1978, 54, 88]. Примечательно, что такое произношение *e* сохраняется в мариупольских греческих говорах и по сей день: ср. греческую песню «*Ē mare*», в аудиозаписи которой отчетливо слышно, как исполнительница произносит: [*ei marci*] (с открытым [*e*]). Таким образом, для *e* в позднем крымско-готском следует восстанавливать два указанных аллофона. Другие аллофонные варьирования (ср. подробную реконструкцию варьирования открытых и закрытых аллофонов *ē*: [Stearns 1978, 91] остаются полностью гипотетическими, и в настоящем обзоре эти реконструкции не учитываются.

Гласный *o* объединяет примеры с этимологическим германским *ō* — ср. *kor[n]* при гот. *kaurn*, ди. *korn* ‘зерно’ и германским **ǣ*/*ō* — ср. *goltz*, *boga*, *schnos* и, возможно, *borrotsch* и *kilemschkop*. Есть примеры, где наличие *o* не вполне обусловлено этимологически — ср. *ringo* и *ano* при *o/r* **ringaz* ‘кольцо’, **haneniz* ‘пестух’ (гот. *hana*). В случае *kommen* (как и в да. *cuman*) решающим является распад лабиовелярного или его специфическое воспроизведение информантом, хотя нельзя исключить и «западногерманскую интерпретацию» у Бусбека. И наконец, крым.-гот. *cadariou* представляет собой фактически непроницаемый пример, позволяющий констатировать лишь возможность употребления *o* в неначальном слого, как в *ringo* и *ano*.

В ряде случаев крымско-готский *o* восходит к общегерманскому дифтонгу **au*, что свидетельствует о стяжении этого дифтонга (как и *ai*; ср. выше обсуждение *seis*) в крымско-готском: ср. *broc* (или *brot*) при *o/r* **brauda* ‘дрожжевой хлеб’, *hoef* (или *hoeft*) при гот. *haubīp* ‘голова’, *oeghene* при гот. *augona* ‘глаза’. Существует (и ныне является распространенной) точка зрения, согласно которой готские диграфы *ai*, *au* во всех позициях обозначали монофтонги (обзор точек зрения и дискуссию см.: [Ганина 1999]), однако даже при следовании гриммовской интерпретации этих диграфов очевидно, что *o/r* **ai*, *au* стянулись в остготском диалекте VI в. [Wrede 1891, 165–166]. Примечательно, что рефлексy *o/r* **au* обозначаются у Бусбека диграфом *oe* — [*ō*], хотя, как отмечает М. Стернс, информант вряд ли воспроизводил долгие и краткие гласные.

Примеры с крымско-готским *a* прежде всего указывают на сохранность германского этимологического *a* в корневом слого — ср. *alt*, *salt*, *tag*, *bars*, *handa*, *waghen*, *apel*, *schuualth*, *statz*, *ada* и др. Можно видеть, что крымско-готский, как и классический готский, остался не затронут таким комбинаторным изменением, как палатальная переклассовка. Это может сви-

действовать как об архаизме (консерватизме) крымско-готских форм, так и об определенных тенденциях внутри самого языка, не желавшего «продвигаться» в этом отношении (впрочем, обе тенденции могли быть взаимосвязаны). Кроме того, крымско-готский **a** на удивление хорошо сохранился в позиции абсолютного конца слова — ср. не только спорные (по разным причинам) крым.-гот. *handa*, *brunna*, *mycha*, *lista*, но и вполне «отчетливые» *gadeltha*, *atochta*, *wichtgata* (сильная форма прилагательных среднего рода). М. Стернс предполагает в исходе этих слов редуцированный [ə], но здесь эта реконструкция имеет еще меньше оснований, чем в случае с безударным **e**. Конечный **a** в формах *warthata*²⁴ и *malhata* (ср. гот. *waurhta*, **maþlida*) ясно указывает на сохранение исконного готского **a**. Почему в одних случаях (тематический гласный глаголов) гласный **a** подвергся редукции, а в других хорошо сохранился? Можно указать лишь на реликтовый характер языка, существовавшего на особом положении: с одной стороны, максимальная консервативность, с другой — проникновение «нелогичных» инноваций извне.

Как было показано выше на примерах отражений общегерманских ***ai** и ***au**, дифтонги в крымско-готском языке не отмечаются. Очевидно, то же касается и рефлексов от ***eu/iu** (гот. *iu*). Крым.-гот. *miera* и *schieten* в соответствии с орфографической практикой Бусбека, очевидно, обнаруживают [ī]. Пример *schieten* достоверно имеет своим прототипом форму с германским дифтонгом ***eu/iu** (> **ie** > [ī]?), тогда как в случае *miera* возможны разные реконструкции (ср. выше и словарь).

В целом крымско-готский вокализм, наблюдаемый по записям Бусбека, представляет собой еще более противоречивую картину, нежели консонантизм. Почти каждый «опорный случай» имеет контрпримеры, и потому однозначно судить на основании вокализма об исконном диалектном положении крымско-готского в германской языковой области не представляется возможным.

Закljučая обзор фонетики, необходимо указать, что возможные иноязычные влияния на крымско-готскую фонологическую систему распределялись по-разному. Так, влияние крымско-татарского предполагается в области консонантизма, тогда как вокализм не обнаруживает соответствующей специфики (сингармонизма в крымско-готском нет). Напротив, реально прослеживаемое влияние крымско-греческого сказалось прежде всего в области вокализма. Проблема крымско-греческого влияния подробно обсуждалась М. Стернсом (с гипотетическим распространением ряда мариупольских греческих фактов на крымско-готский), тогда как вопрос о крымско-татарском (западно-кыпчакском) влиянии впервые выдвинут в настоящей работе. И конечно же, такое внимание к фонологическим системам негерманских языков — соседей крымско-готского — обусловлено непосредственно наблюдаемой спецификой поздней крымско-готской фонетики.

²⁴ Для *warthata* отмечается переход этимологического **þ** в **a** — возможно, под влиянием последующего **r**.

КРЫМСКО-ГОТСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

Сведения о морфологическом строе крымско-готского языка сами по себе весьма скудны. Более того, их досадный недостаток — сравнительно малая информативность в грамматическом плане. Если бы Бусека спрягали в поход германисты, они бы непременно дали ему краткий, но содержательный вопросник, который позволил бы наметить важнейшие морфологические признаки и изоглоссы крымско-готского. Как выглядит форма будущего времени? Как образуется претерит глаголов *schlipen* 'спать' и *geen* 'идти'? К какому типу основы принадлежит слово со значением «долина»? Какова форма сослагательного наклонения прошедшего времени (не менее трех примеров)? Но дипломат-гуманист XVI века еще не ставил вопросов в таком аспекте, и потому всю возможную информацию приходится извлекать лишь из засвидетельствованного материала. Статус его неоднозначен.

Если бы таким набором данных был представлен неизвестный нам реликтовый язык, мы вряд ли смогли бы удовлетворительно судить о его грамматическом строе. Однако крымско-готский материал встраивается в общую систему древнегерманской морфологии, и поэтому является в определенной степени прозрачным — особенно в том, что касается системы глагола и склонения прилагательного. Тем не менее, нельзя прямо просцировать общегерманское или готское состояние на крымско-готский, к примеру, относя крымско-готские существительные к тем типам основ, по каким распределялись их готские этимологические параллели. Осторожность здесь нужна не потому, что любое соотнесение в принципе воспринимается как ложное, а потому, что в грамматическом строе древнегерманских языков есть более и менее устойчивые позиции. Так, деление глаголов на классы в целом менее подвержено варьированию, нежели отнесение имен существительных к тому или иному типу основы и грамматическому роду. И хотя некоторые косвенные суждения по последней проблеме придется высказать, они будут обусловлены лишь теми сведениями, которые может предоставить материал. В целом же любое конкретное явление, пусть и единичное, ценнее общего заключения, не подтвержденного точными фактами.

Поскольку в крымско-готском лучше всего представлены реликты глагольной системы, представляется целесообразным начать обзор морфологии имен — с глагола.

7.1. Глагол

В крымско-готском языке глаголы изначально должны были подразделяться на сильные и слабые, как то было во всех древнегерманских языках. Одна-

ко среди засвидетельствованных форм нет ни одной оппозиции «презентс — претерит»; почти все глаголы представлены лишь в инфинитиве. Разумеется, их можно распределить по рядам аблаута сильных глаголов, однако сам вопрос о том, до каких пор в крымско-готском аблаут сохранялся как средство образования претерита, остается неразрешимым. Единственным полноправным реликтом аблаутного чередования в системе глагола является форма *uburt* ‘sit [sanum]’, интерпретируемая исследователями как продолжение раннекрым.-гот. **wurþ* — опгатива претерита глагола **werþan* ‘становиться’, ср. гот. *wairþan* ‘становиться’, опгатив претерита **waurþi*. Готское преломление в данном случае снимается (см. 5.2.2, обсуждение *uburt*), однако нулевая ступень чередования в основе претерита множественного числа (от которой образуется форма опгатива претерита) прослеживается ясно. Соответственно, сохранение аблаута в системе глагола прослеживается даже по столь скудным данным.

Существительное *schuualth* ‘смерть’ также обнаруживает аблаутное чередование при сравнении с готским сильным глаголом 3 класса *swiltan** ‘умирать’, претерит 3 л. ед.ч. *swalt* (*Жк.* 8, 42). Однако, как известно, аблаут как словообразовательное средство относится к весьма ранней (общегерманской) эпохе, и указанная крымско-готская форма — если она действительно является существительным, а не ошибочно глоссированным претеритом глагола — даст лишь самое общее свидетельство о существовании аблаута в крымско-готском.

Тему образования претерита позволяют затронуть также параллели германских слабых глаголов — крым.-гот. *warthata* ‘[ille] fecit / [tu] fecisti’ и *malthata*, по структуре аналогичная первой, но глоссированная как ‘ego dico’ — ‘я говорю’. Крым.-гот. *warthata*, по всей очевидности, является формой претерита единственного числа, поскольку у нее есть наглядная параллель в виде гот. *waurhta* (претерит 1 и 3 л. ед.ч.) < *waurkjan* (сглг. 1) ‘делать’ (обсуждение проблем фонетической трансформации см. в словаре). Следует отметить, что согласно общим правилам спряжения готский глагол *waurkjan* должен был иметь форму претерита 2 лица единственного числа **waurhtes*, тогда как в крымско-готском *warthata* глоссировано и посредством лат. ‘[tu] fecisti’, ‘ты сделал’. Это указывает на упрощение или распад парадигмы претерита в позднем крымско-готском; возможно, это связано с недостаточной языковой компетенцией информанта, но не будем забывать о том, что он владел языком лучше, чем прямой потомок крымских готов.

Другая форма — *malthata* — при несомненной связи с готским слабым глаголом 1 класса *maþljan** оказывается проблематичной, поскольку в списке Бусбека она истолкована как форма настоящего времени. Сам готский глагол *maþljan** сохранился только в 1 л. ед.ч. настоящего времени *maþlja* (*Ин.* 14, 30), от которой крым.-гот. *malthata* явно отличается. Чтобы объяснить соотношение *malthata* с ‘ego dico’, М. Стернс предложил членение формы в виде: *mal-* + *thata* (= гот. *þata* ‘это’) и толкование ‘I say that’ [Stearns 1978, 107]. Как указано в словаре (см. 5.2.2), это — само по себе «экономное» — предположение не подтверждается готскими фактами (ни одного случая такой контракции не засвидетельствова-

но), а кроме того, основная проблема состоит в том, что М. Стернс аналогичным образом интерпретировал крым.-гот. *warthata*: *war-* + *thata* 'he made, did that', что представляется излишним ввиду соответствия этой формы гот. *waurhta*. Поэтому гипотеза М. Стернса в отношении *malthata*, *warthata* представляется избыточной, и здесь уместнее предположить контаминацию значений «я сказал» = «я говорю» и употребление претерита в функции настоящего времени -- ср. гот. *wiljau* (оптатив претерита от неправильного глагола *wiljan* 'хотеть') 'я хотел бы' = 'я хочу' или типологически сходное нн. *ich möchte* 'я хотел бы' = 'я хочу'.

Значительное формальное сходство крым.-гот. *warthata* и *malthata* заставляет предполагать здесь не использование указательного местоимения в позиции, но крайнее упрощение способов образования претерита. Готский неправильный глагол *waurkjan* имел претерит *waurhta* с вариантом дентального суффикса *-t-*, тогда как правильный слабый глагол 1 класса *maþljan* должен был иметь претерит **maþlida* с дентальным суффиксом *-d-* [ð]. Однако в крымско-готском мы в обоих случаях видим *th* = [t]¹, что указывает не только на распад исконной системы спирантов, но и на определенную неактуальность бывших различий (если бы это было необходимо, язык сохранил бы особый звук).

Распределение крымско-готских глаголов по *этимологическим* (это слово следует особо подчеркнуть) рядам аблаута и типам выглядит следующим образом.

Исконные сильные глаголы

- 1 класс не представлен;
- 2 класс *schieten* 'стрелять';
- 3 класс *singhen* 'петь';
- uburt* ---- оптатив претерита 3 л. ед.ч. от глагола **werþan* 'становиться';
- 4 класс *kommen* 'приходить';
- 5 класс не представлен;
- 6 класс *lachen* 'смеяться';
- 7 класс *schlipen* 'снять';
- criten* 'плакать', если // гот. *gretan* 'плакать, рыдать'.

Слабые глаголы

- 1 класс *malthata* --- претерит 1, 3 л. ед. ч. (переосмыслен как настоящее время?);
- 1 класс *неправ.* *warthata* --- претерит 3 л. ед.ч.

Неправильные глаголы

geep 'идти'.

Исконное соотношение глагола *breen* 'жарить' остается неясным (параллели см. в словаре, 5.2.2).

¹ Германскому звонкому спиранту **ð* в крымско-готском соответствует *t* (см. выше, 6.3.2.1).

В отношении сильных глаголов следует отметить, что продолжение германского сильного глагола **qīþran*(an) 'говорить, сказать' в позднем крымско-готском не представлено. Между тем гот. *qīþan* со своим претеритом *qaf* является не только основным глаголом речи в готском, но и одним из самых частотных сильных глаголов в готских памятниках. Напротив, в крымско-готском мы находим слабый глагол *malþata* в качестве основного глагола речи. Это свидетельствует прежде всего о диалектных различиях по сравнению с классическим готским, однако может и являться показателем вытеснения исконных сильных *verba dicendi* слабыми². Такая тенденция — вполне в духе готского языка, где даже в церковных текстах слабый глагол *matjan* 'есть' занимает ведущие позиции по сравнению с сильным *itan* 'есть'.

Следует также особо обсудить глаголы *kommen* и *geen*. Крым.-гот. *kommen*, в сопоставлении с ди. *coma* и да. *cuman* 'приходить', трактуется Э. Шварцем как аористно-презентный глагол³ в 4 классе сильных глаголов [Schwarz 1951, 163]. Шварц никак не объясняет *mm* в крымско-готской форме; логично предположить, что исследователь видел здесь диграф, а не геминату. Таким образом, исконная крымско-готская форма должна быть восстановлена в виде **ko-men* (-en < -an по редукции, как и в других крымско-готских глаголах). Если запись Бусбека адекватно передает исходные данные, то является ли этот глагол аористно-презентным — и насколько правомерна постановка вопроса о германском аористно-презентном глаголе «приходить» (4 класс сильных глаголов)?

Еще Дж. Райт [Wright 1907] возводил двн. *komap* к исходному *qesman*, считая, что в данном случае речь должна идти не о нулевой ступени в инфинитиве, но о гласном нормальной ступени, лабиализованном в результате распада лабиовелярного. Основания к тому имеются. Индоевропейская основа, к которой восходят все германские параллели со значением 'приходить' — **g^wem-* с лабиовелярным в анлауте [Ichmann 1986, 276]. Кроме того, важно, что да. *cuman* имеет претерит *swom*, а в древневерхненемецком засвидетельствованы формы *qesman* и *komap*. Это означает, что для крым.-гот. **ko-men* можно предположить ту же схему развития: **kw-* > *ku-* > *ko-*. По сути дела, единственным доводом в пользу отнесения ди. *coma*, *kuma*, да. *cuman*, дфриз. *kuma*, лс. *kuman*, двн. *kuman* (*cuman*), *komap* (*coman*) к подгруппе аористно-презентных глаголов является наличие в 4 классе такого глагола, как ди. *trōða* // да. *trudan* 'ступать'. Таким образом, крым.-гот. **ko-men* можно рассматривать двояко: 1) как форму,

² Такая тенденция вполне характерна для реликтового языка. Так, в «Halbdeutschn», имевшем определенное распространение в Эстонии начала XX в., немецкие сильные глаголы стали спрягаться в претерите по слабому типу: ср. *sreibte* (*schrieb* 'писал'), *sterbte* (*starb* 'умер'), *rüfte* (*rief* 'звал') и т.п. (наблюдения проф. И. Рёзлер над языком прозы Бертрама).

³ Аористно-презентные глаголы — фономорфологическая разновидность во 2 и 4 классах германских сильных глаголов. Аористно-презентный глагол имеет в инфинитиве *u*, что объясняется обобщением нулевой огласовки индоевропейского аориста (однократного действия в прошлом). Ср. гот. *lukan* 'закрывать, запира́ть' при аблаутной модели 2 класса *kūsian* 'выбирать, пробовать'.

генетически не связанную с гот. *qīman* (версия Шварца); 2) как продолжение крымско-готского глагола с начальным лабиовелярным (иной вопрос, какую исходную форму следует реконструировать с учетом некоторых особенностей или потенций крымско-готского вокализма: **kwīman* или **kwēman*).

Э. Шварц считал, что крым.-гот. *geep* следует сопоставлять прежде всего с ди. (поздн.) *gā* 'идти', тогда как гот. *gaggan* (основа с индоевропейской редупликацией) является, по его мнению, более дальней параллелью⁴. Примечательно, что у В. Лемана крымско-готский глагол *geep* не вынесен в отдельную статью (что принято в этом словаре для ряда крымско-готских слов), но при этом прямо не сравнивается с гот. *gaggan* [Lchmann 1986, 137–138]. Соответственно, положение крым.-гот. *geep* рассматривается здесь как отдельная проблема [Lchmann 1986, 138].

Ди. (поздн.) *gā* имеет параллели в других скандинавских языках — шв. *gå*, дат. *gaa* — и сопоставляется с древнегерманскими *verba piga* со значением идти: да. *gān*, ис. *gān*, днн. *gān*, *gēn* 'идти' [Lchmann 1986, 138]. Возводя крым.-гот. *geep* к о/г **gē-* < и.-е. **ghē-*, Шварц предполагал, что атематический глагол **gēn* — ср. днн. *gēn* — был оформлен в раннем крымско-готском как **gean*. По мнению Шварца, в отношении развития о/г *ē* > *e* (ср. *mycha*, *mine*, где *ē* > *i*) следует учесть аналогичное развитие с в гот. *saian* 'сеять', *waian* 'веять' [Schwarz 1951, 164]. Возможно, впрочем, что данный глагол все же был в крымско-готском односложным: Р. Лёве восстанавливал крым.-гот. **gep* на основании того, что диграф *ee* обозначал в средненидерландском [с] [Loewe 1903, 7; обсуждение — Stearns 1978, 137]. В любом случае, сама интерпретация крым.-гот. *geep* как исконно атематического глагола была принята М. Стернсом [Stearns 1978, 116–117, 137] и В. Леманом [Lchmann 1986, 138]⁵.

7.2. Имя существительное

М. Стернс полагает, что для крымско-готского существительного были актуальны категории рода, числа и падежа [Stearns 1978, 101]. О сохранении категории рода можно судить по косвенным данным, а именно — по формам прилагательных, где флексии указывают на мужской или средний род [Stearns 1978, 102–103] (ср. ниже, 7.3). Что касается числа, то на актуальность этой категории указывает форма *ocghene*, глоссированная как 'oculi'; ср. здесь гот. *augona* 'глаза' и др. (см. 5.2.2). По мнению Стернса, крым.-гот. *ringo* (в контексте «*rinck sive ringo* 'annulus'» 'rinck или ringo кольцо') также может являться формой множественного числа, сообщенной информантом, но не получившей специального толкования у Бусбеска [Stearns 1978, 102]. Сохранение паде-

⁴ В словнике готской Библии представлен также претерит *gaggida* (только Лк. 19, 12) — ср. да. *gengde*. Соответствующий инфинитив восстанавливается в виде *gaggjan** и представляет собой итератив к *gaggan* [Lchmann 1986, 137].

⁵ Реконструкция индоевропейской основы в виде **ghe(y)-*.

жа как особой категории можно видеть в том же приветствии *knauen tag*, но вопрос о степени сохранности надежной системы не поддается разрешению. Можно видеть, что эта проблема весьма мало занимала Бусека, оформившего крымско-готский материал в виде глоссария, а не сводки (микро)контекстов. Очевидно, что самой частотной в таком случае оказывается форма именительного падежа. Однако, как справедливо указывают исследователи, именительному падежу латинских глосс не обязательно должен соответствовать тот же падеж крымско-готских форм. Информант мог приводить слова в том падеже, в каком он привык их слышать или употреблять – то есть не в именительном, а в винительном (прямые дополнения) [von Grienberger 1898, 135, Stearns 1978, 101].

Флексия а-основы мужского рода в крымско-готском в одних случаях отпадала (ср. *stul* при гот. *stols*), в других, очевидно, сохранялась (ср. *wintch*, *rintch*, *fers*) [Stearns 1978, 102]. Пронаблюдать какие-либо закономерности здесь невозможно как ввиду скудости материала и возможности разных трактовок, так и потому, что реликтовый язык с какого-то времени мог уже не развиваться по законам, свойственным живому языку (ср. отмеченную Ф. Вреде тенденцию к отпадению флексии *-s* в остготском), но сохранять более древние формы.

7.3. Имя прилагательное

Крымско-готские прилагательные, приведенные в списке Бусека, оформлены по сильному склонению, что, по всей очевидности, обусловлено их самостоятельным употреблением. Представлены следующие формы (ср. [Stearns 1978, 103]):

мужской род, единственное число, именительный падеж

alt ‘senex’ // гот. *alpeis* ‘старый’;

ieltsch ‘vivus, sanus’ // гот. *hails* ‘здоровый; целый и сохранный’;

telich ‘stultus’ < тюркск.

мужской род, единственное число, винительный падеж

knauen (tag) ‘bonus dies’⁶ // ср. гот. *blindana* ‘слепого’;

средний род, единственное число, именительный (и винительный) падеж;

atochta ‘malum’ // ср. гот. *hauhata* (ср. р. ед. ч. вин. п.) ‘высокое’⁷;

gadeltha ‘pulchrum’;

wichtgata ‘album’;

iel ‘[sit] sanum’ // ср. гот. *blind* (ср. р. ед. ч. им./вин. п.).

Следует подчеркнуть, что тип склонения крым.-гот. *telich* ‘stultus’ остается неизвестным. М. Стернс не оговаривает этого обстоятельства, но мы не

⁶ Обсуждение глоссы см. ниже.

⁷ В контексте *ana fairguni hauhata* ‘на гору высокую’ (Лк. 4, 5).

можем судить, оформлялось ли данное заимствование по образцу германского сильного склонения, или же здесь действовали какие-то особые правила.

Форма *knausen* (*tag*) глоссирована у Бусбека как *bonus* (*dies*). Ввиду ее сходства с готской сильной формой прилагательного в винительном падеже единственного числа исследователи единодушно указывают, что правильным переводом было бы *'bonum diem'* [von Grienberger 1898, 124, Stearns 1978, 103]. Однако это расхождение обусловлено узусом конкретных языков: в то время как в крымско-готском приветствие «добрый день» должно было иметь форму винительного падежа (ср. нл. *guten Tag*), в латыни требуется именительный. Соответственно, такое расхождение не ставит под сомнение самой трактовки *knausen* как сильного прилагательного в винительном падеже мужского рода.

Кроме того, по приведенным выше соответствиям можно видеть, что прилагательные с германской флексией среднего рода *-ia* (сильное склонение) регулярно передаются латинскими формами среднего рода, то есть родовая принадлежность крымско-готских форм явно осознавалась информантом и Бусбеком.

7.4. Местоимение

Известные по данным Бусбека местоимения распределяются следующим образом:

личные местоимения

1 л. ед.ч. *ich*; 2 л. ед.ч. *tzo*; 3 л. ед.ч. *ics*.

Этимология этих местоимений обсуждается в словаре (5.2.2). Следует отметить, что во всех приводимых Бусбеком примерах личных глагольных форм местоимение не опускается, в отличие от классического готского.

Вопрос о реликтах других местоимений является спорным. Как было сказано выше, М. Стернс полагал, что в формах *malhata*, *warhata* представлено указательное местоимение среднего рода **þata* (ср. гот. *þata* 'это') в постпозиции (ср. [Stearns 1978, 102], однако здесь предпочтительнее видеть последовательность, образованную консонантным исходом корня и суффиксом слабого претерита. Равным образом, формы *the* и *tho*, которые традиционно сопоставлялись с формами множественного числа или косвенных падежей готских указательных местоимений *sa* / *þata* [Grienberger 1898, 134, Feist 1939, 476, Stearns 1978, 102], получают не менее убедительную интерпретацию как греческие определенные артикли *ὁ* — вкрапления [Хэмпи 1979].

75. Наречие

В данном случае обобщенное обозначение целиком совпадает с имеющимися фактами, поскольку среди сохранившихся данных представлено

лишь одно наречие --- lista ‘parum’ ‘мало’. Это слово имеет дискуссионную этимологию, однако наиболее перспективным следует считать сравнение с да. lǣst, дфриз. lēst ‘наименьший’ [Holthausen 1898, 34, Schwarz 1951, 36, Stearns 1978, 144]. М. Стернс справедливо усматривает здесь реликт германской формы превосходной степени с суффиксом -ist- [Stearns 1978, 103]. Если крым.-гот. lista восходит к гот. *leitista в форме им. п. мн.ч. ср.р. [Grienberger 1898, 128–129] или представляет собой синкопированное *lei(t)-sta < *leit-a-sta (им./вин. п. ед.ч. ср.р.) [Loewe 1902–1903, 11], идея об отражении суффикса превосходной степени также остается в силе.

7.6. Числительные

Крымско-готская система числительных отражена в списке Бусбека довольно полно, однако ввиду ориентации на бытовые принципы счета там представлены лишь количественные числительные. Обобщим эти данные (ср. [Stearns 1978, 104]):

1 ita	12 thunctua (конъектура *thiinctua)
2 tua	13 thunctria (конъектура *thiinctria)
3 tria	...
4 fyder	20 stega
5 fyuf (конъектура *fynf)	...
6 seis	30 treithyen
7 seuenc	40 furdeithien
8 athe	...
9 nync	100 sada
10 thiinc	1000 hazer
11 thiinita	

Этимология этих форм также подробно рассмотрена в словаре (5.2.2). Необходимо отметить лишь важнейшие особенности. Очевидно, что перед нами — система числительных реликтового германского языка. Несмотря на то, что числительные являются одной из самых устойчивых групп лексики, в крымско-готском можно видеть заимствования из иранских языков --- sada ‘сто’ и hazer ‘тысяча’. Кроме того, важно также изменение германской модели образования числительных от одиннадцати до тринадцати: ср. здесь крым.-гот. thiinita при гот. ainlif, thunctua (*thiinctua) при гот. twalif, а также thunctria (*thiinctria) при гот. fidwortaihun* ‘четырнадцать’ (готское числительное ‘тринадцать’ не сохранилось). М. Стернс объясняет эту модификацию турецким влиянием, указывая

на модель турецк. *onbir* 'одинадцать' (= «десять-один»), *oniki* 'двенадцать' (= «десять-два»), *onüç* 'тринадцать' (= «десять-три»). По указанию исследователя, в новогреческом также есть числительные сходного типа — ср. крым.-греч. *ðekatrija* 'тринадцать' (= «десять-три»), крым.-греч. *ðekatesira* 'четырнадцать' (= «десять-четыре»), но *jéndeka* 'одинадцать', *dódeka* 'двенадцать' [Сергиевский 1934, 557, Stearns 1978, 104–105, 158] (новогреч. *ðekatriá*, *ðekatéssera* — *éndeka*, *dódeka*). Несмотря на то, что в системе крымско-готских числительных прослеживается иранское влияние, следует обратить внимание на различие крымско-готской модели «десять-один» и иперс. *yâz-da* 'одинадцать' (= 'один-десять', ср. *da* 'десять'), *davâz-da* 'двенадцать', *siz-da* 'тринадцать'.

7.7. Лексика

Лексика крымско-готского языка включает в себя следующие этимологические слои: слова индоевропейской и (общегерманской) этимологии, определяемые как исконная германская лексика (1), заимствования (2) и слова неясной этимологии (3), причем в составе последнего слоя закономерным образом также должны присутствовать представители двух первых.

7.7.1 Исконная германская лексика

Слова германской этимологии в самом широком смысле — от общегерманских лексем индоевропейской этимологии и специфических общегерманских лексем (в том числе и ранних заимствований) до арсальных германизмов — представлены в крымско-готском словнике наиболее широко. Так, из 88 приведенных Бусбеком слов⁸ 75 (даже с учетом спорных этимологий — не менее 70) относятся к германской лексике, что составляет 80–85 % всего словника. Это следующие лексемы:

ada 'яйцо', *acl* 'камень', *ano* 'курица', *apel* 'яблоко', *athe* 'восемь', *baag* 'мальчик', *bars* 'борода', *boga* 'лук', *breen* 'жарить', *broc* 'хлеб', *bruder* 'брат', *brunna* 'источник, ключ', *criten* 'плакать', *fers* 'муж', *fiset* 'рыба', *fyder* 'четыре', *furdei-thien* 'сорок', *fyuf* 'пять', *gadeltha* 'красивый', *geen* 'идти', *goltz* 'золото', *handa* 'рука', *hoef* 'голова', *hus* 'дом', *ich* 'я', *icl* 'жизнь или здоровье' / *ieltsch* 'живой и здоровый', *ics* 'он', *ita* 'один', *knauen* [tag] 'добрый [день]', *kommen* 'приходить', *kor* 'пшеница', *lachen* 'смеяться', *lista* 'мало', *malthata* 'го-

⁸ Здесь и далее повторы и материал кангилсны не учитываются. Напротив, все однокоренные числительные приводятся как самостоятельные лексемы, поскольку здесь важно сохранение германской основы в конкретных случаях. Общий порядок слов здесь — алфавитный, лишь у числительных единицы для каждой основы приводят десятки. Все слова приводятся с учетом коллуктур.

ворю; сказал', *menus* 'мясо', *miera* 'муравей', *mine* 'луна', *mycha* 'меч', *nyne* 'девять', *oeghene* 'глаза', *plut* 'кровь', *reghen* 'дождь', *rinck / ringo* 'кольцо', *rintsch* 'гора', *salt* 'соль', *schieten* 'стрелять', *schlipen* 'спать', *schnos* 'невеста', *schuualth* 'смерть', *schuuester* 'сестра', *seis* 'шесть', *sevene* 'семь', *siluir* 'серебро', *singhen* 'петь', *statz* 'земля', *stega* 'двадцать', *stern* 'звезда', *stul* 'сиденье', *sune* 'солнце', *tag* 'день', *tua* 'два', *thiine* 'десять', *thiin-ita* 'одиннадцать', *thiinetua* 'двенадцать', *tria* 'три', *thiinetria* 'тринадцать', *trei-thyen* 'тридцать', *thurn* 'дверь, ворота', *tzo* 'ты', *uburt* 'пусть будет; было бы', *waghen* 'повозка', *warthata* 'сделал', *wichtgata* 'белое', *wingart* 'виноград', *wintch* 'ветер'.

Большинство этих слов имеет бесспорную или общепризнанную этимологию. Потому в целом можно констатировать германский характер крымско-готского словаря. При этом, как можно видеть даже на этом ограниченном материале, в некоторые весьма устойчивые группы лексики проникают заимствования. Такое соотношение консерватизма, с одной стороны, и серьезных инноваций — с другой, характерно для крымско-готского как реликтового языка.

7.7.2. Заимствования

Слов, являющихся заимствованиями, в списке Бусбека немного, однако они убедительно свидетельствуют об интенсивных контактах крымско-готского с другими языками и, как это ни парадоксально при малом количестве заимствованных лексем — о значительном иноязычном влиянии. Так, одна из наиболее устойчивых групп лексики — числительные — содержит заимствования из иранских языков: *sada* 'сто', *hazer* 'тысяча', а модель числительных после 10 и до 20 калькируется по тюркскому образцу (см. 5.2.2 и 7.6). Далее, заимствуются обиходные слова, не обозначающие специфических реалий или понятий: *schediit* 'свет', *telich* 'глухой'. С большой долей вероятности можно утверждать, что последний посетитель крымско-готского языка — информант Бусбека считал допустимым снабжать крымско-готские слова греческим определенным артиклем, переданным в записи как *the/tho*. Единственным кросс-культурным словом можно считать лишь *stap* 'коза', связывающее крымских готом с балканской скотоводческой культурой. Тем самым ставится весьма интересный вопрос о возможности контактов крымских готом и готов, расселившихся на Балканах и в прибалканском ареале (особенно на территории распространения черняховской культуры), который, однако, остается открытым.

Можно видеть, что наиболее яркими и распознаваемыми являются заимствования из иранских и тюркских языков. Слова, гипотетически интерпретируемые как заимствования из других языков — *sadagiou* и, возможно, *magzus* — по своему облику сильно отличаются от предполагаемых параллелей и потому отнесены ниже к словам неясной этимологии. Судя по рассмотренным фактам, поздний крымско-готский словарь должен был изобиловать заимствованиями. Однако ясно, что для Бусбека были важны прежде

всего слова, доказывавшие германский характер крымско-готского, и потому многие «чуждые» слова не были им записаны, как он сам и указывал.

7.7.3. Слова неясной этимологии

К этой группе относятся следующие лексемы: *atochta* 'шлюх(-ой,-ос,-о)', *borrotsch* 'воля', *cadariou* 'солдат', *kilemschkop* 'пей чашу; пей до дна', *marzus* 'свадьба'. В настоящей работе выдвинуты новые этимологии этих слов (см. 5.2.2, словарь), предполагающие их исконный (*atochta*, *borrotsch*, *kilemschkop*) или заимствованный характер (*borrotsch* по другим версиям, *cadariou*, *marzus*), однако сделать окончательный выбор в пользу какой-либо версии не представляется возможным. Указанные слова не составляют определенной лексико-семантической или лексико-тематической группы.

7.7.4. Предметный фон

Сохранившаяся крымско-готская лексика представляет собой обозначения необходимых реалий и понятий. Даже при учете определенного отбора слов Бусбеком можно составить определенное понятие о хозяйстве и культуре крымских готов. В словаре представлены германские обозначения сельскохозяйственных и плодовых культур — *kor* 'пшеница', *wingart* 'виноград', *apel* 'яблоко', средства передвижения и перевозки — *waghen* 'повозка, телега', домашних животных и птицы — *star* 'коза', *ano* 'курица', важнейшего промыслового объекта — *fisc* 'рыба' и различных продуктов — *ada* 'яйцо', *broc* 'хлеб', *menus* 'мясо', *salt* 'соль' (эта группа слов создает впечатление, что список Бусбека отчасти создавался буквально в процессе застольной беседы). Германскими словами готы обозначали драгоценные металлы — *goltz* 'золото', *siluir* 'серебро' и украшения — *rinck* / *ringo* 'кольцо'. Судя по данным лексики, оружие крымских готов было довольно простым — ср. *mucha* 'меч', *boga* 'лук', *schieten* 'стрелять из лука'; обозначение традиционного германского вида оружия — копья — равно как и заимствованные названия оружия (напр., обозначение сабли) в списке Бусбека не представлены, хотя причины этого могли быть разными. «Воин» обозначался словом неясной — возможно, греческой — этимологии *cadariou*; если это действительно заимствование из греческого, то основное определение военной деятельности крымских готов явно сложилось в эпоху охраны византийских крепостей. Единственным цветообозначением в списке является *wichtgata* 'белый' — очевидно, вследствие большого значения этого цвета в хозяйстве (белая ткань, белая мука и т.д.). В целом словник, зафиксированный Бусбеком, оставляет ощущение неполноты ввиду отсутствия, к примеру, обозначений «отца» и «матери» при наличии таких терминов родства, как *bruder* и *schuuester* и т.п. Однако сам Бусбек подчеркивал, что многие из сообщенных ему крымско-готских слов не были им записаны.

Рис. 1. Ансамбль женских украшений крымских готов. Суук-Су. Вторая половина VI-VII в.

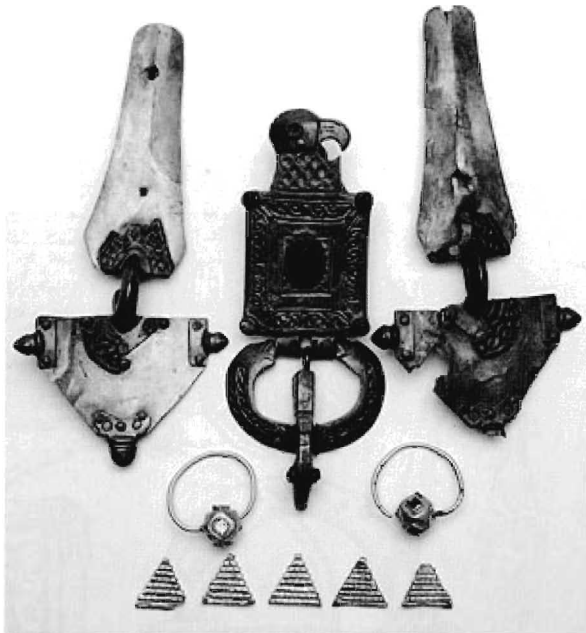
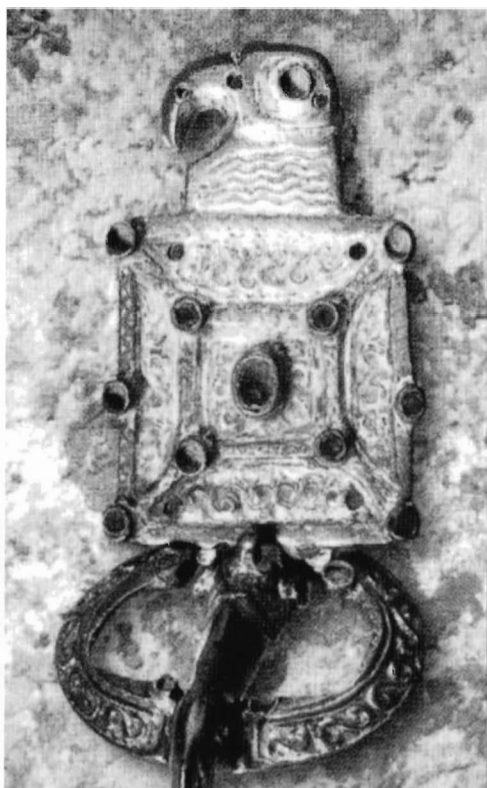
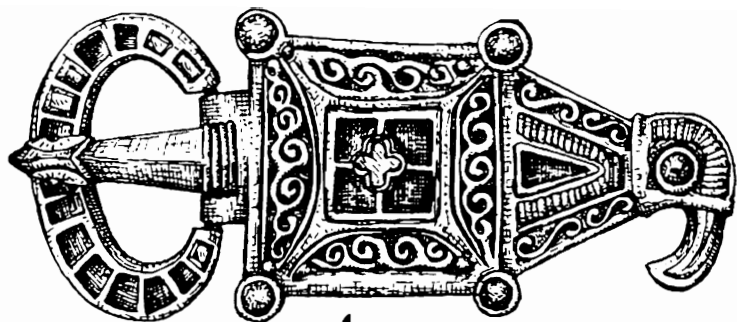

Рис. 2. Орлиноголовая пряжка. Керчь. Склеп 163/1904. Первая половина VI в.

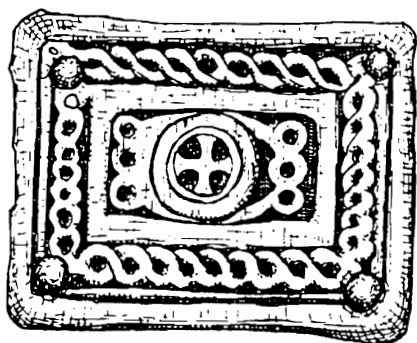
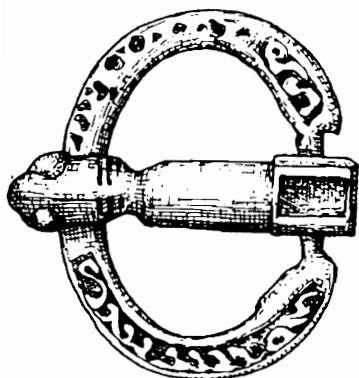

Рис. 3. Орлиноголовая пряжка. Керчь. Первая половина VI в.

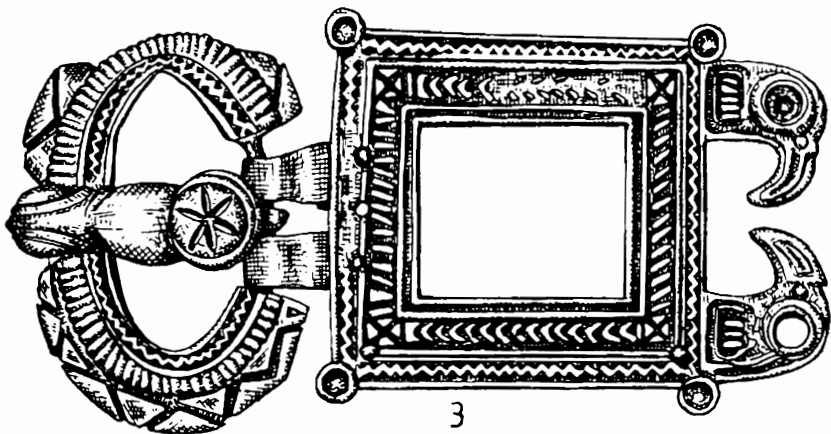

1

2

3

Рис. 4. Привозные германские (остроготские и гепидские) пряжки. Керчь.

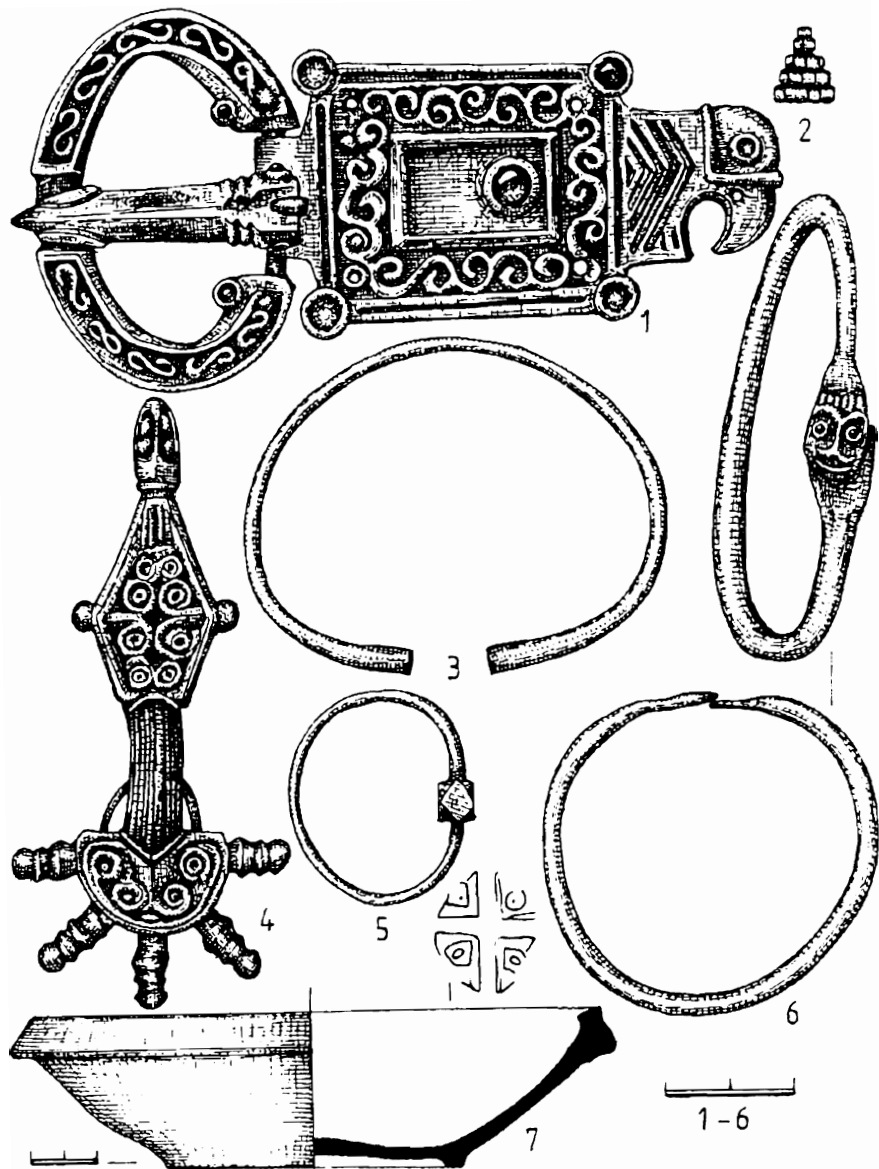

Рис. 5. Украшения и детали германского женского костюма и краснолаковая миска LR-C формы 3F. Керчь. 1, 2 – плитовая могила 1/1905; 3-5, 7 – земляная могила 19/1904, женское захоронение в северном подбое; 6 – склеп 163/1904, женское захоронение напротив левой лежанки.

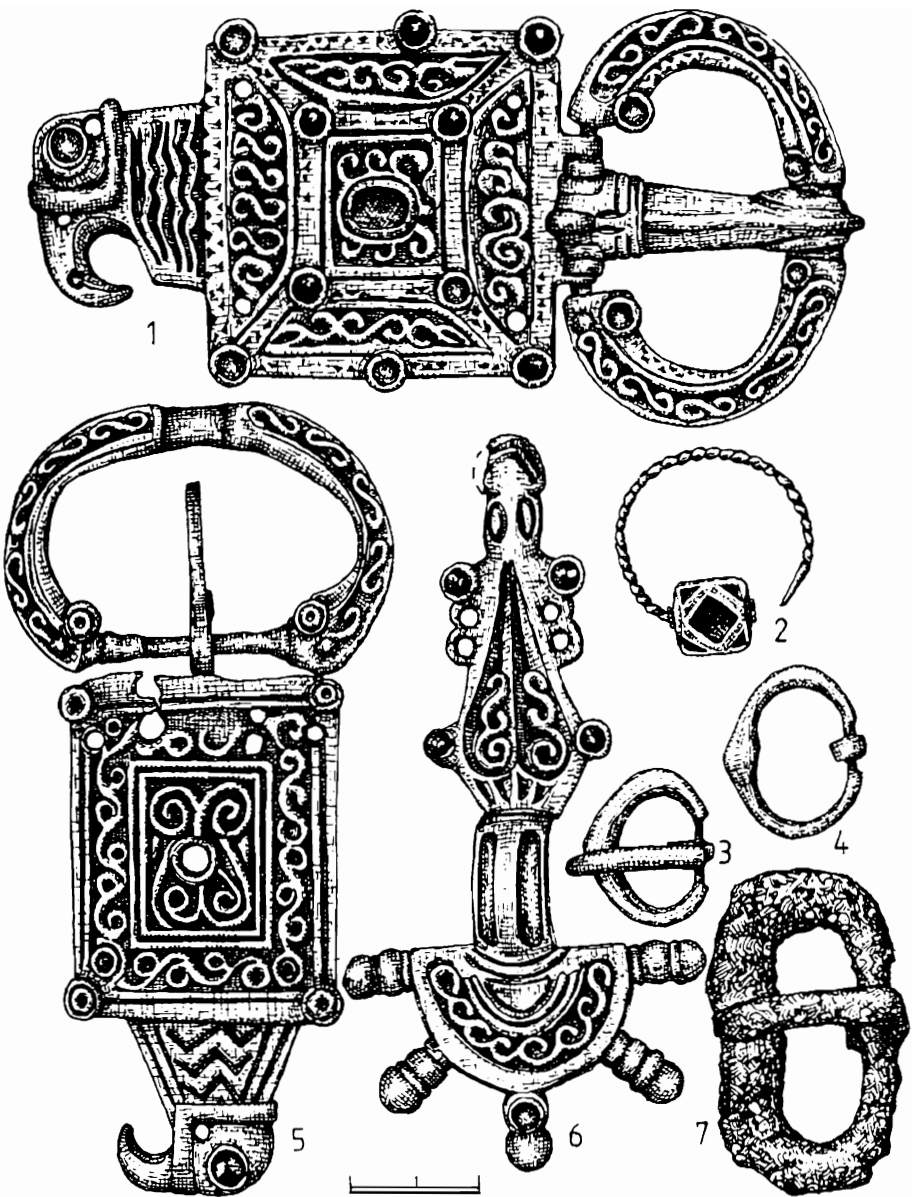

Рис. 6. Находки из Керчи. 1, 3, 4, 7 – из слоя земли на полу склепа 152/1904; 5, 6 – верхнее захоронение в склепе 152/1904; 2 – плитовая могила, открытая в 1977 г.

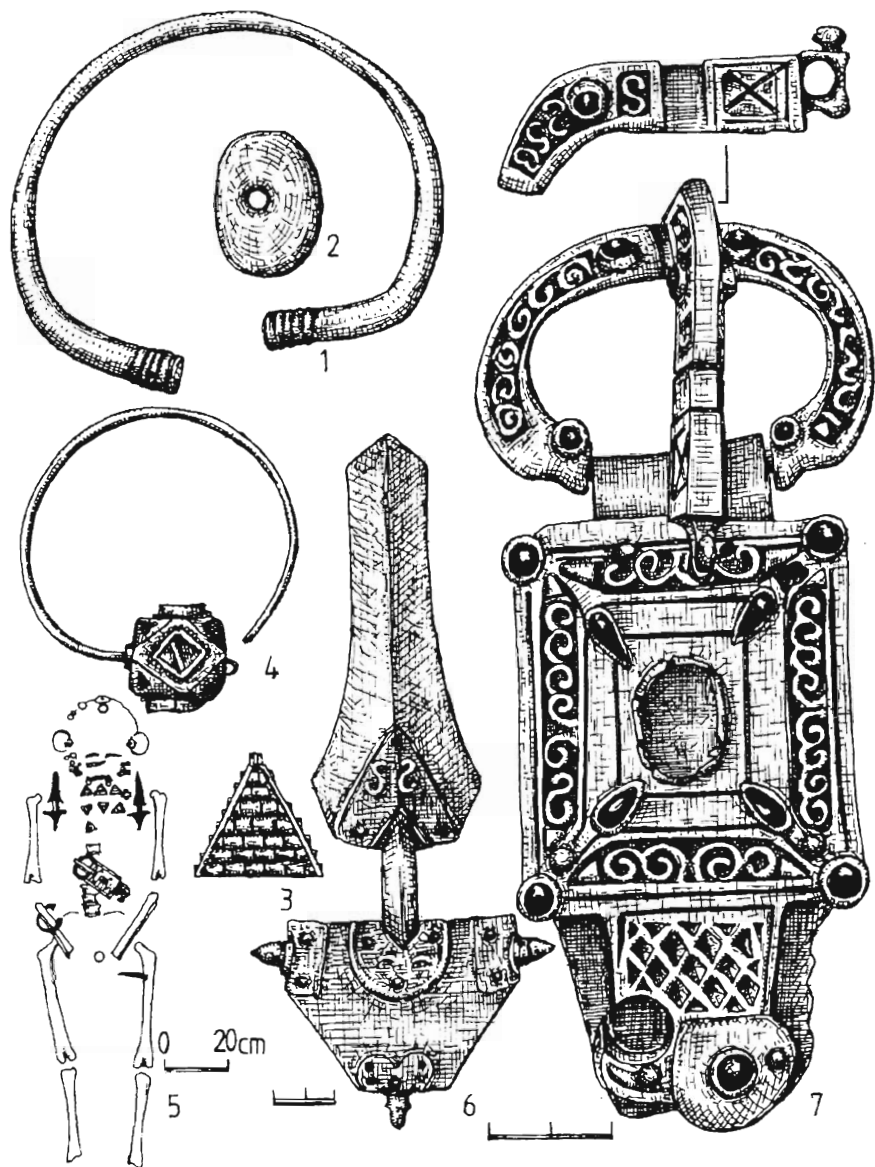

Рис. 7. Находки из Суук-Су: 5 – план женского захоронения, склеп 56, ; 1-4, 6, 7 – найденные в захоронении украшения и детали германского костюма.

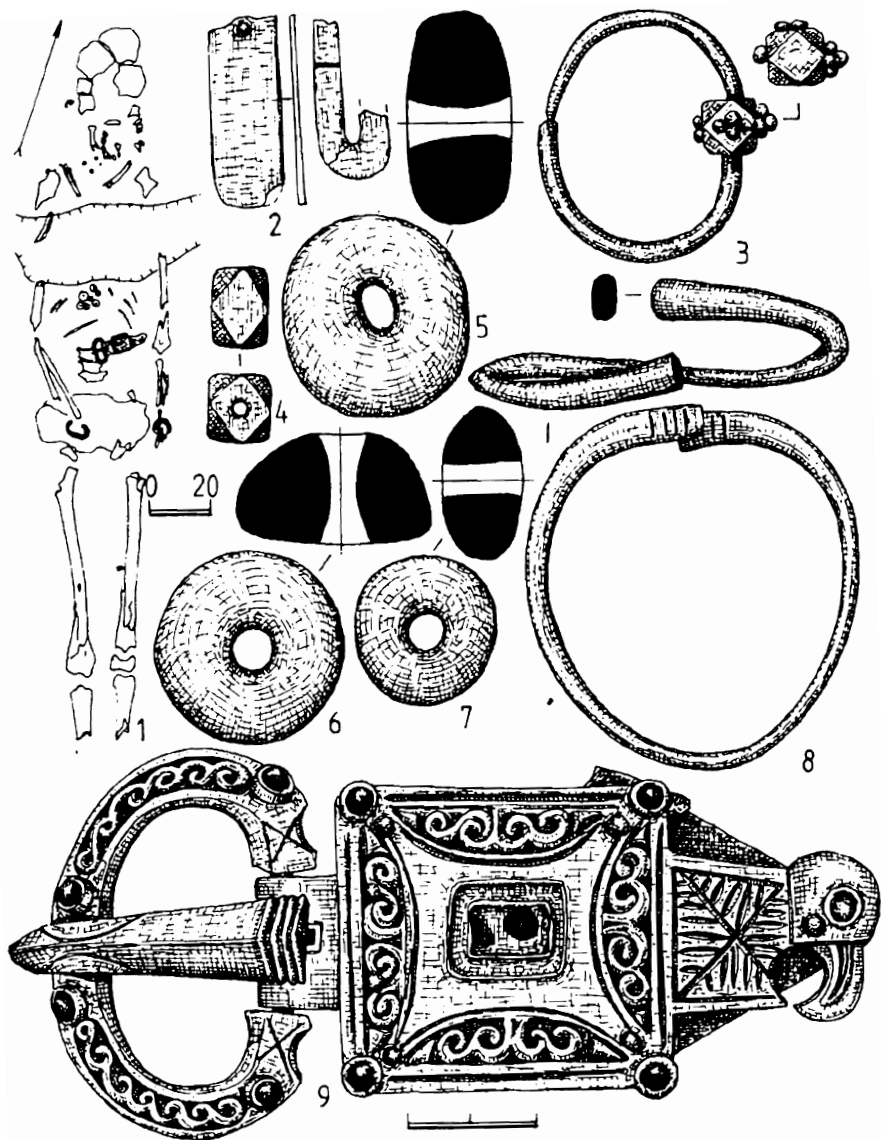

Рис. 8. Лучистое. Склеп 74. 1 – план женского захоронения 2; 2, 4–9 – находки из захоронения (2 – наконечник ремня, 4–7 – бусы, 8 – браслет, 9 – орлиноголовая пряжка I варианта); 3 – серьга из склепа 102, погребения 9. 2 – бронза, 3, 8, 9 – серебро, 4 – синее стекло, 5 – янтарь, 6 – известняк, 7 – халцедон

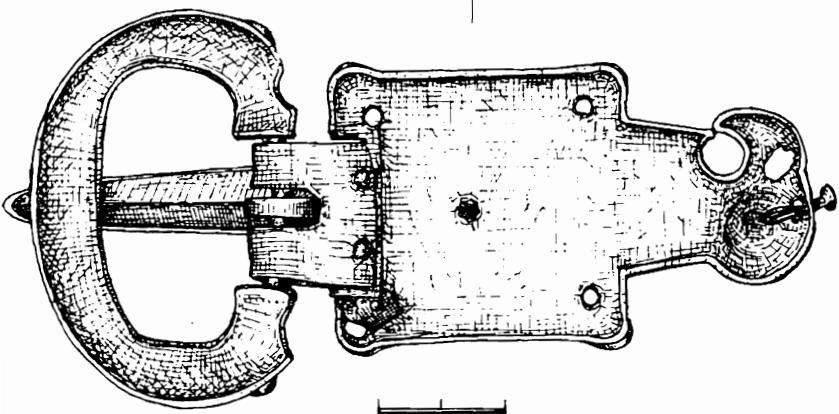
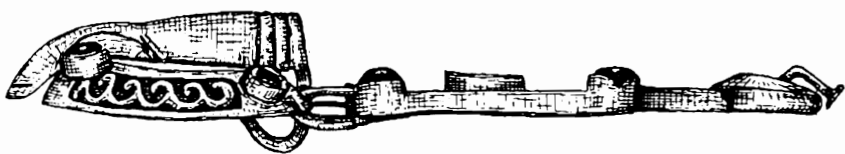
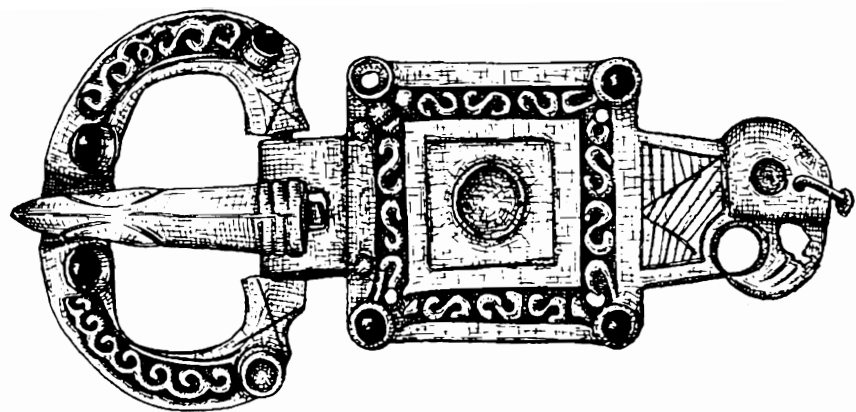

Рис. 9. Орлиноголовая пряжка I варианта. Лучистое, склеп 102, погребение 9.

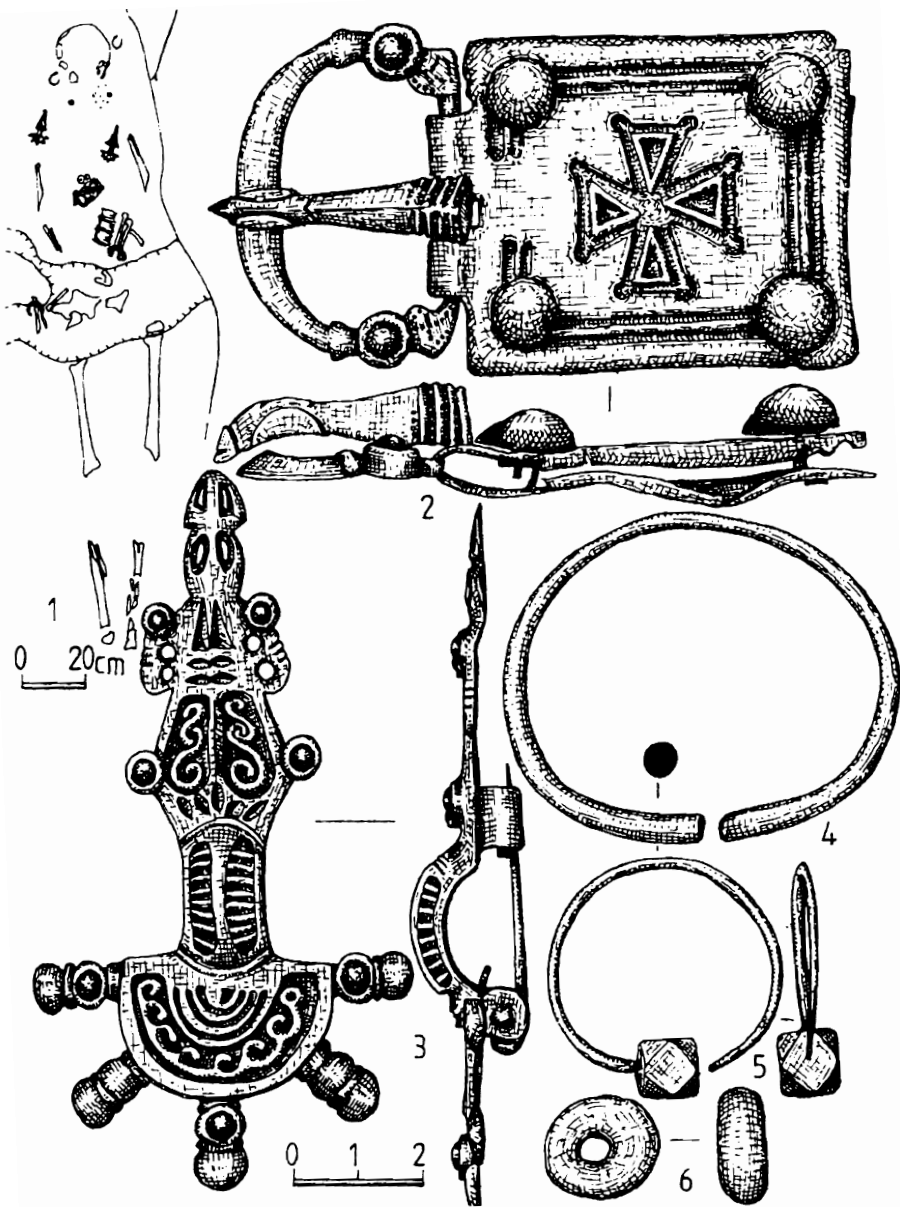

Рис. 10. Лучистое, склеп 77

1 – план женского захоронения 1; 2-6 – украшения и детали германского костюма из захоронения.

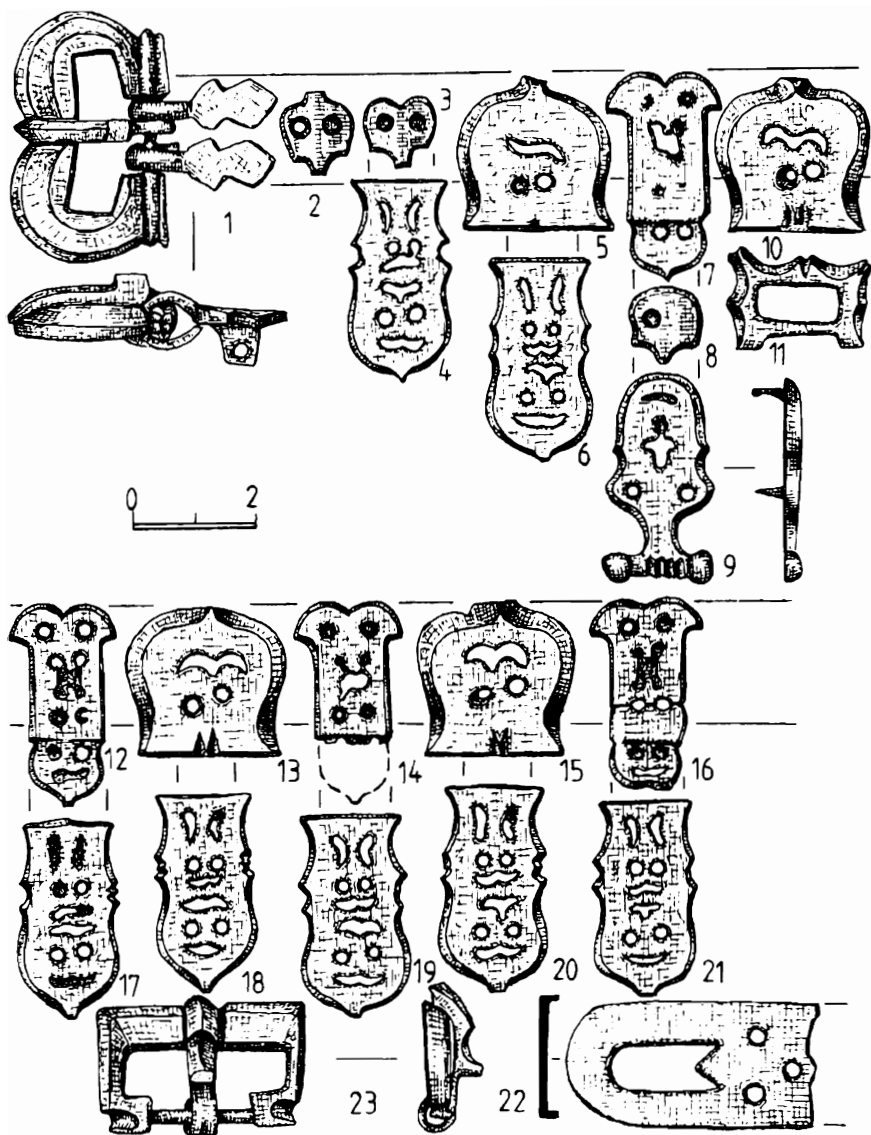
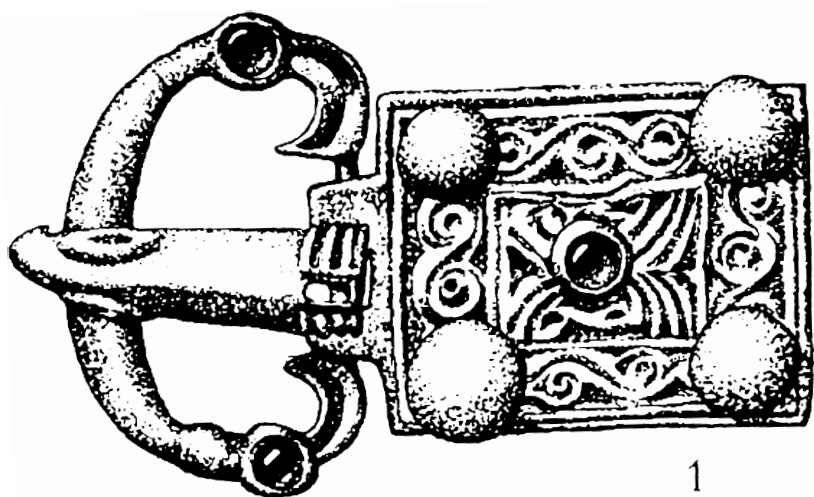
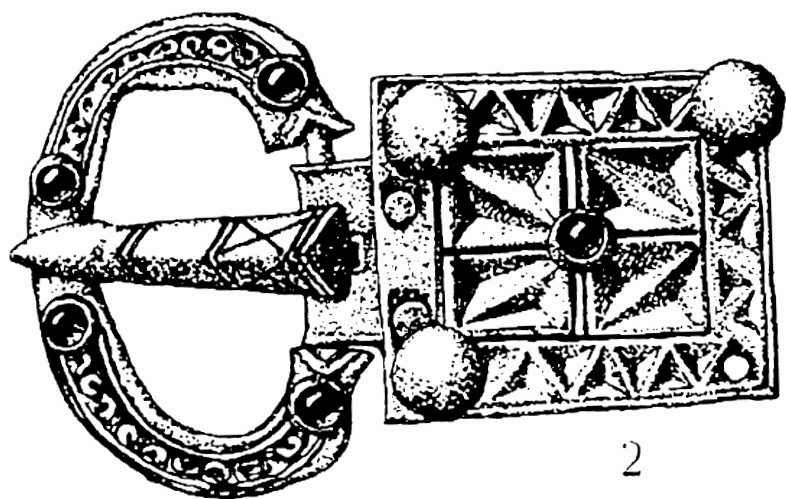

Рис. 11. Детали геральдического поясного набора второй половины VI в.
Лучистое, склеп 74, захоронение 1.

1

2

Рис. 12. Большие пряжки с прямоугольным щитком. Скалистое.
1 – вариант 3, скелн 683; 2 – вариант 1-3, скелн 138.

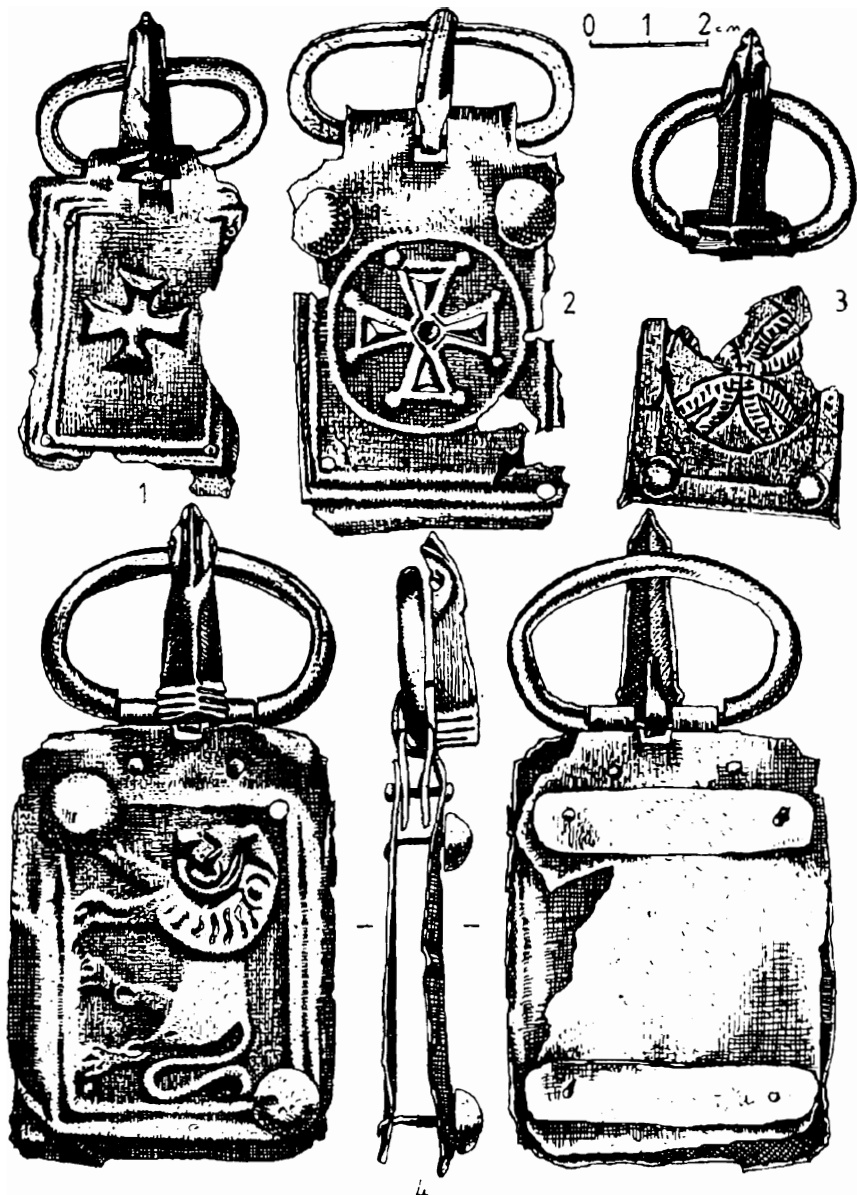

Рис. 13. Большие пряжки с прямоугольным щитком из Крыма.
 1 – вариант 5-1, Херсонес, склеп 62; 2 – вариант 5-2, Скалистое, подбойная могила 433; 3 – вариант 2, Херсонес; 4 – вариант 6, лучистое, склеп 10, захоронение 14.

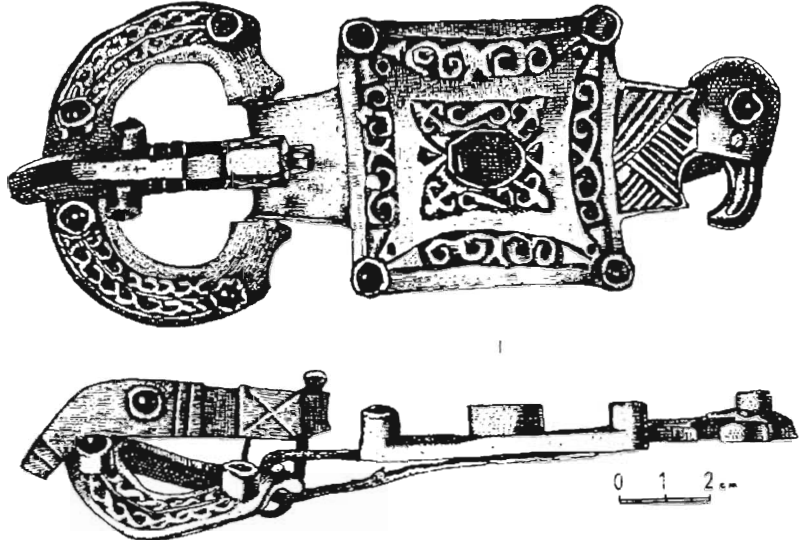

Рис. 14. Орлиноголовая пряжка II варианта.
Лучистое, склеп 38, захоронение 17.

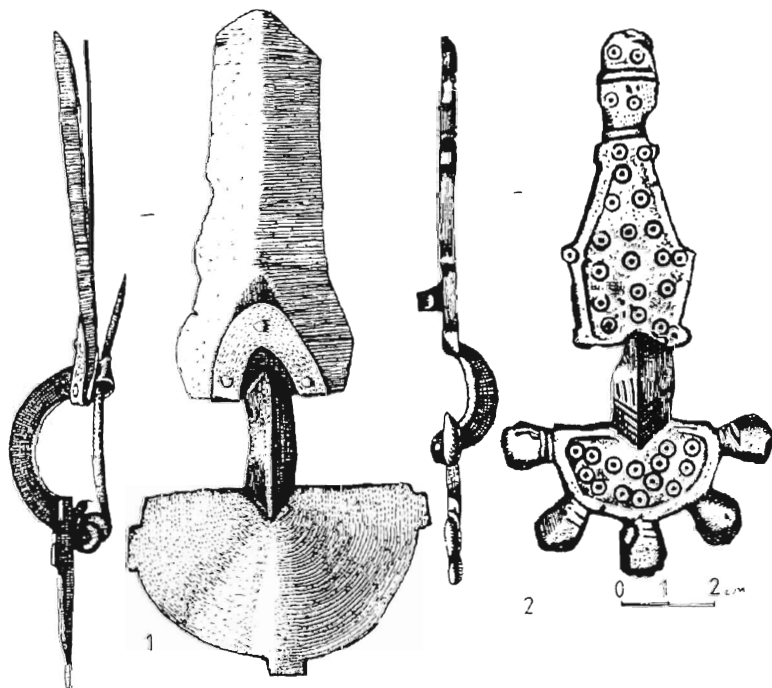

Рис. 15. Фибулы VII в. 1 – двухпластинчатая фибула варианта IIв-3, Суук-Су, склеп 169, захоронение 1; 2 – днепро́вская пальчатая фибула I типа, Лучистое, склеп 54, захоронение 13.

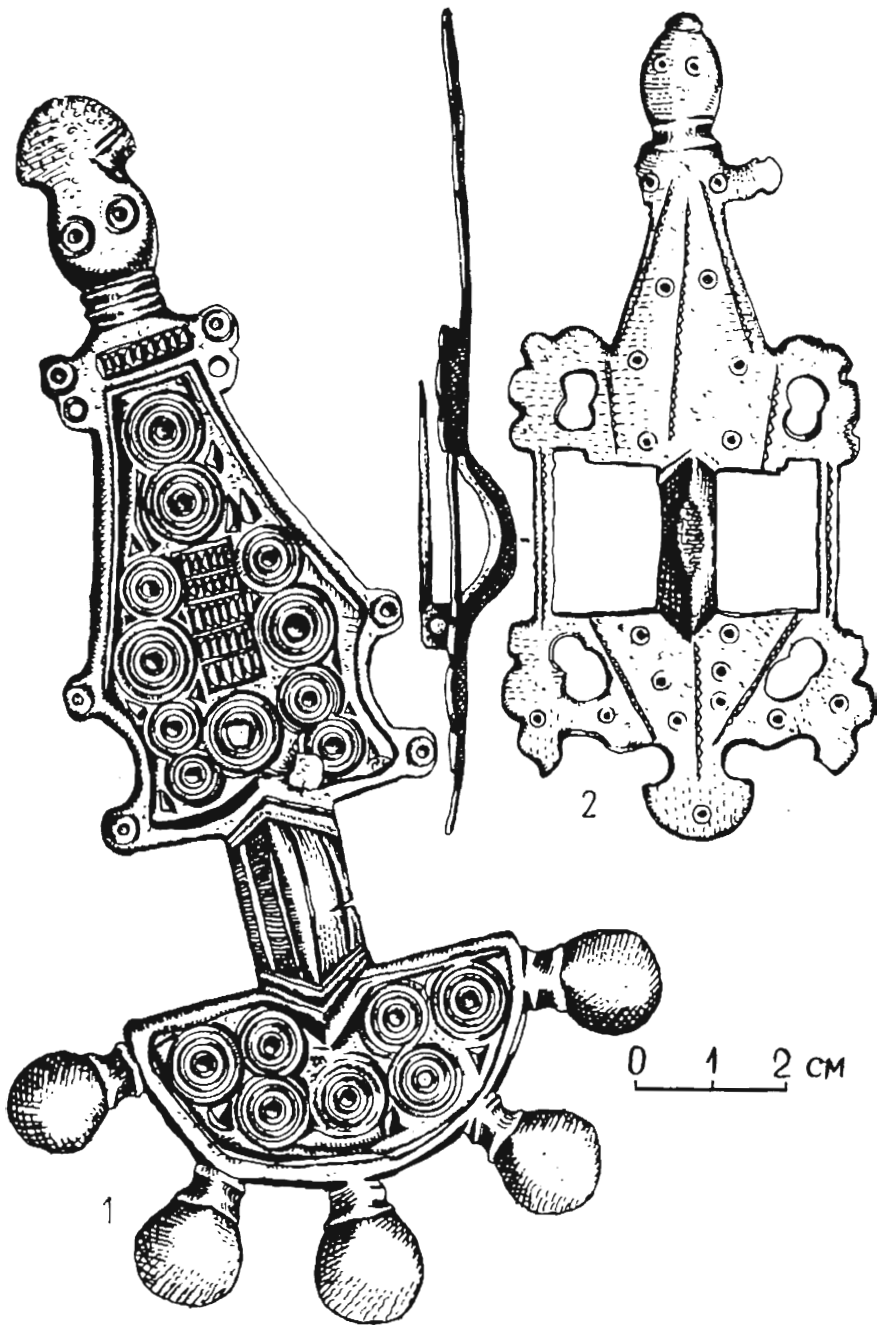

Рис. 16. Днепровские фибулы. Лучистое, склеп 46а, захоронение 4.

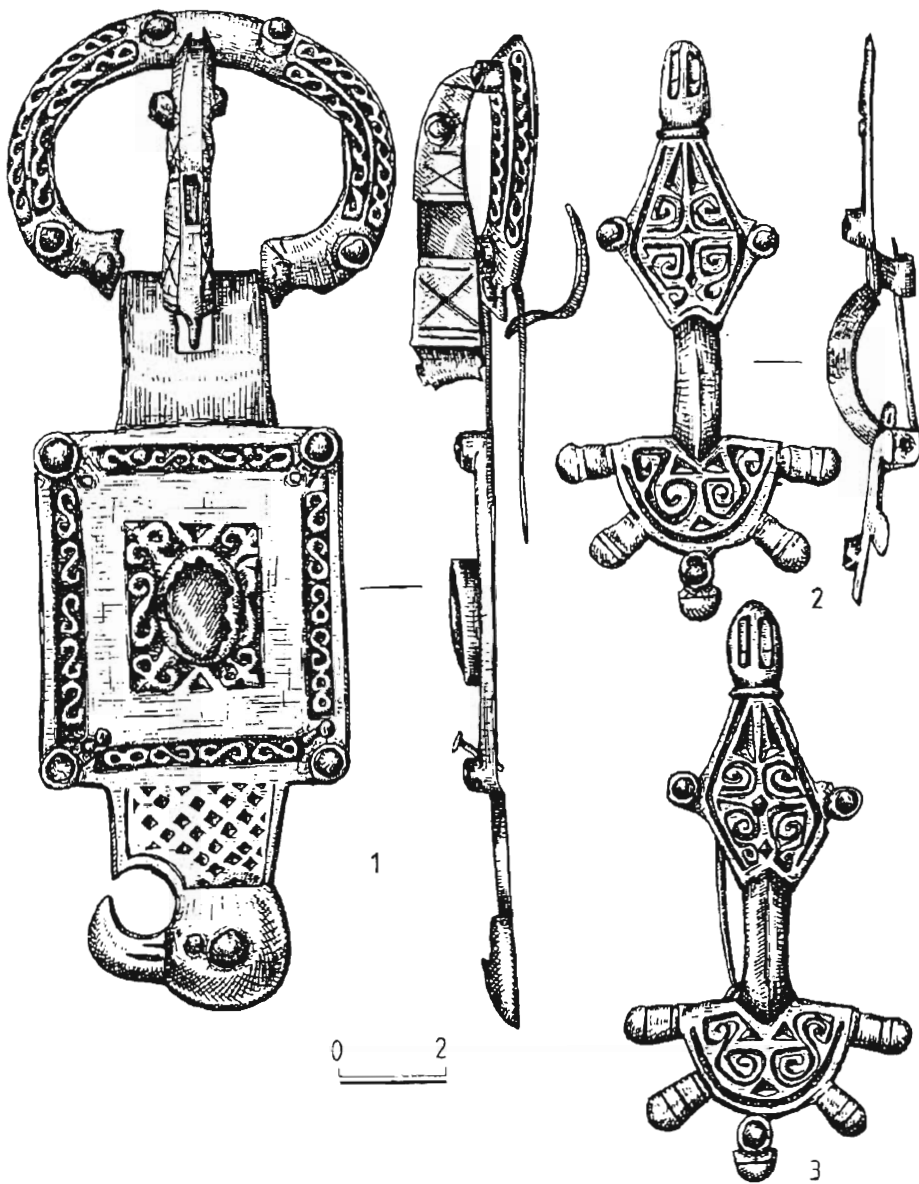

Рис. 17. Орлиноголовая пряжка 4 варианта и фибулы типа Керчь 2 варианта. Лучистое, склеп 54, захоронение 12.

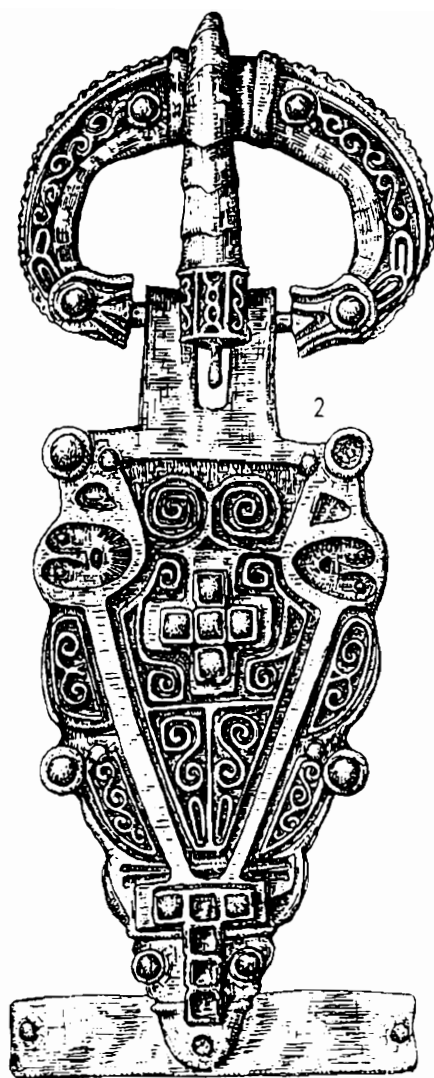
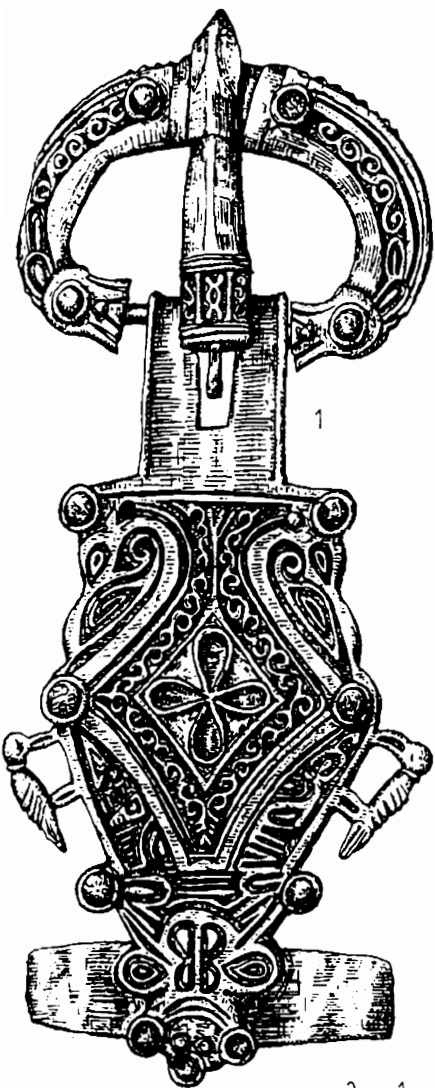

Рис. 18. Пряжки с ромбовидным щитком.
1 – Скалистое, склеп 288; 2 – Аромат, склеп 2.

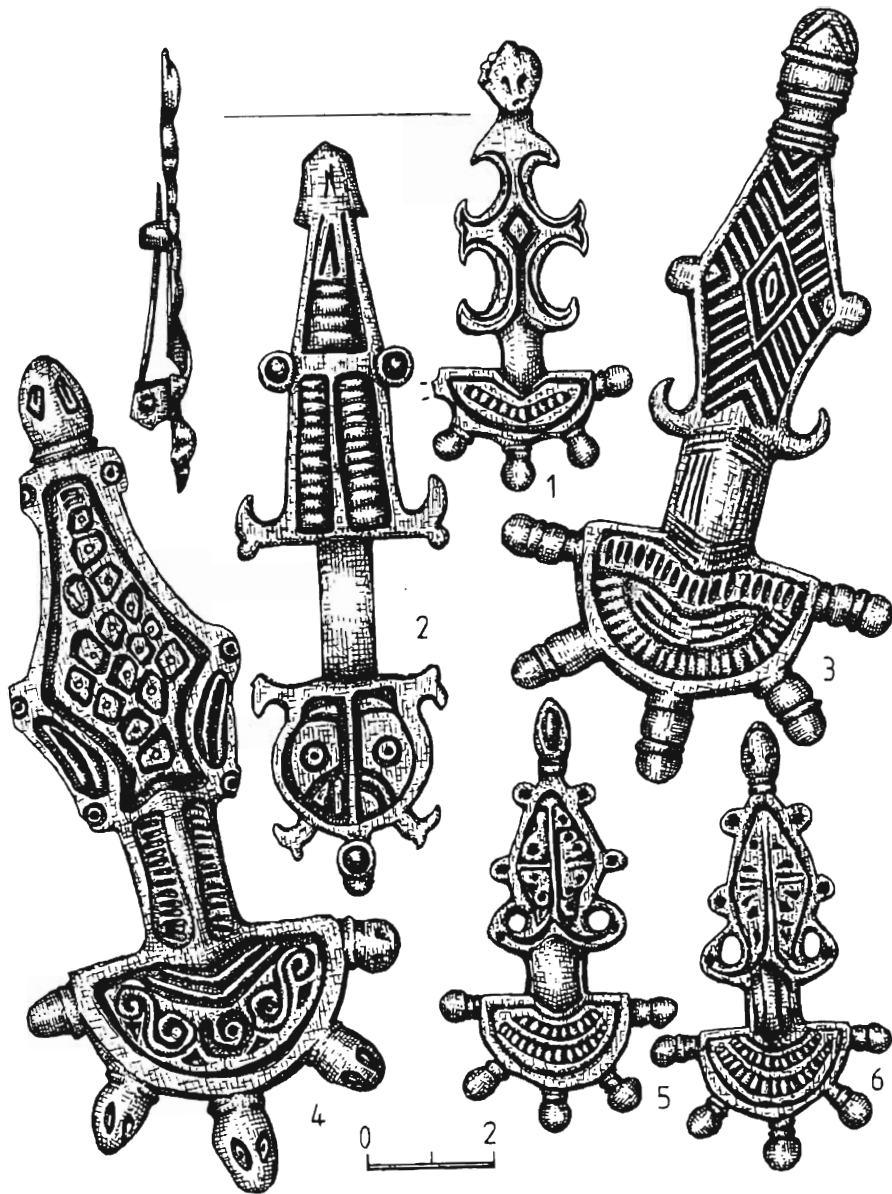

Рис. 19. Фибулы VII в.

1, 4, 6 – Лучистое (1, 6 – склеп 10, захоронение 4; 4 – склеп 54, захоронение 20);
2 – Эски-Кермен, склеп 257, захоронение 5; 3 – Баштановка; 5 – Херсонес

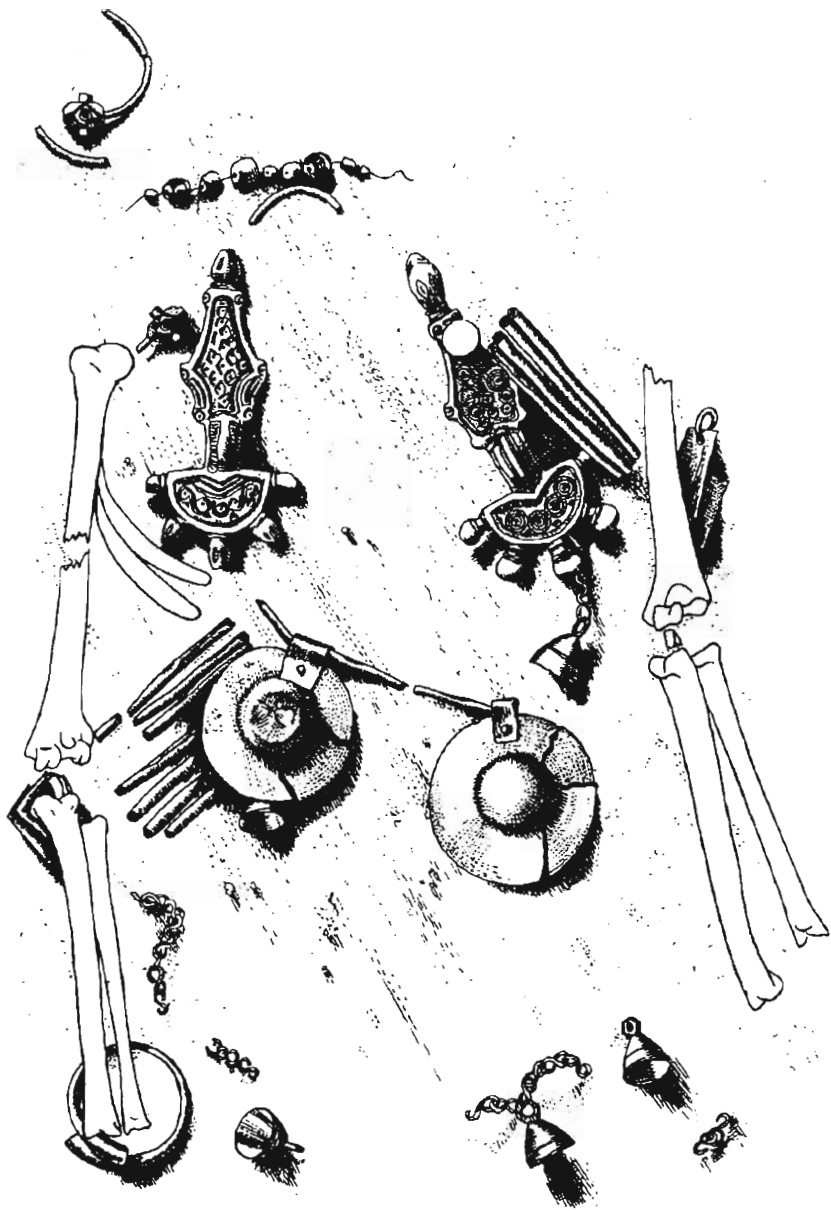

Рис. 20. Лучистое. План захоронения 20 в склепе 54.

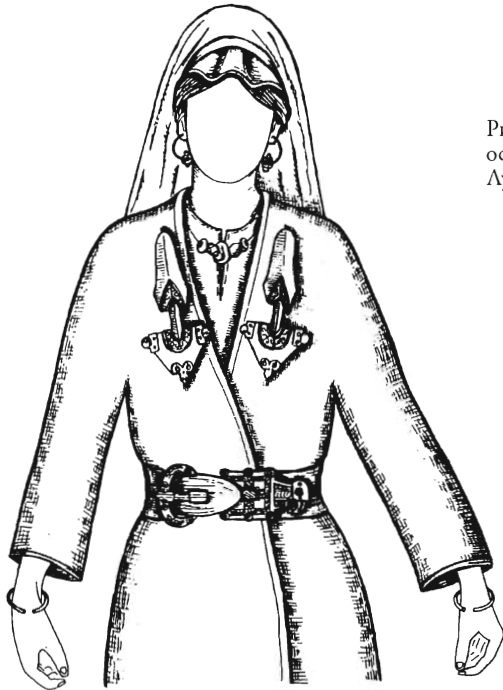

Рис. 21. Реконструкция женского
остроготского костюма.
Лучистое, склеп 10, захоронение 5.

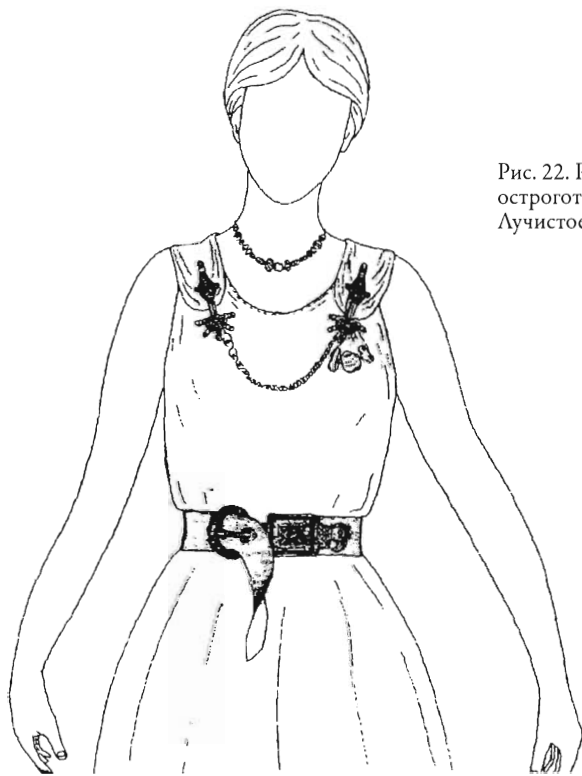
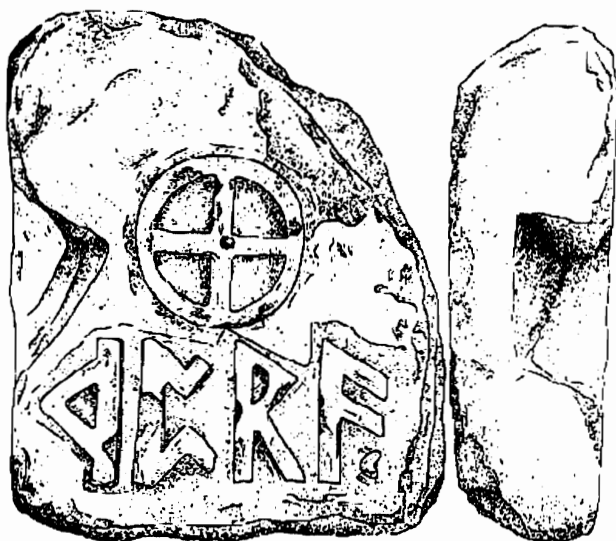

Рис. 22. Реконструкция женского
остроготского костюма.
Лучистое, склеп 54, захоронение 12.

Рис. 23. Реконструкция женского
остроготского костюма.
Лучистое, склеп 43, захоронение 4.
Реконструкция Э. А. Хайрединовой.

Рис. 24. Рунический
камень с горы Опук:
подлинный или
поддельный артефакт?

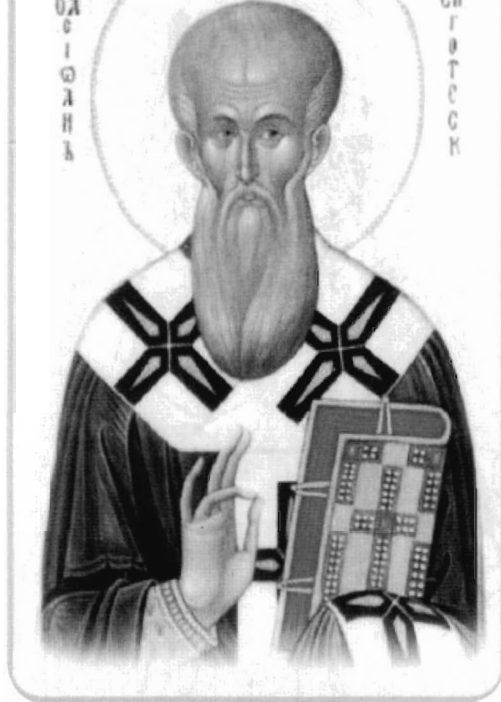

Рис. 25. Св. прп.
Иоанн Готский

Рис. 26. Мемориальный
комплекс св. Иоанна
Готского. Партенит, Крым

Рис. 27. Мангуп.

Рис. 28. Мангуп. Руины укреплений.

Рис. 29. Руины Сюреньской крепости (Scivarin у Бусбека).

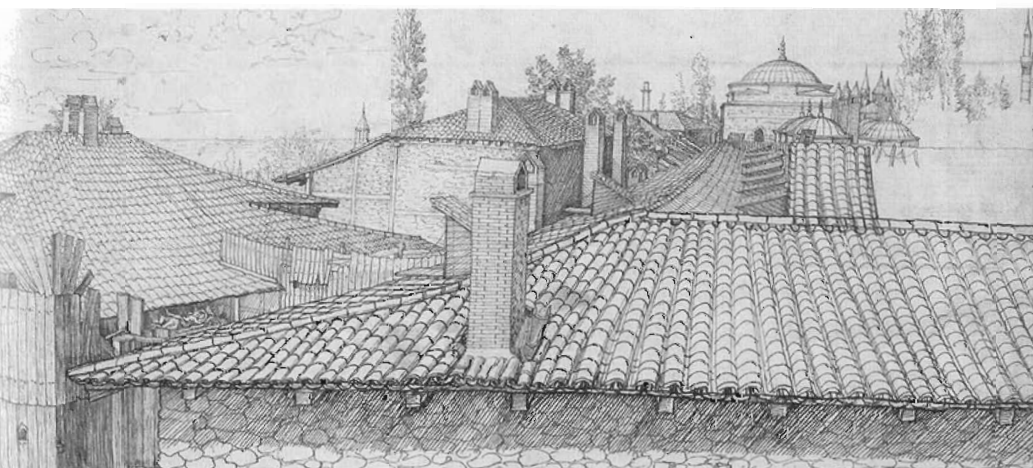
Рис. 30. Эски-Кермен.

Рис. 31. Ожье Гислен де Бусбек. Подпись: «Ожье де Бусбека, Священной Римской Империи военного советника и при турецком султানে посла, Мельхиор Лорк из Гольштейна изобразил. Константинополь, сентябрь - начало октября, 1557. Богу Хранителю и Вождю» (пер. с лат. Н. А. Ганиной).

Рис. 32. Мельхиор Лорк. Вид на крыши Константинополя. 1555-1559

Angerius istic est situs Busbe-
quius,
Quis ille? quem virtutis & pru-
dentia,
Habuere carum, gratia, ipsi Cæ-
sares.
Hunc aula eorum vidit, aula &
extera
Asia Tyranni. Quæ viri felicitas?
Probavit hæc, & illa. in omni tem-
pore,
In munere omni, Nestorem se
præbuit
Lingua atque mente. Jam quies
eum sibi (stulit,
Et patria hæc spondebat, ecce su-
viam per ipsam, miles incertum
an latro.
Sed sustulit, simulque sidus Belgicæ,
Quod nunc choreas fulget inter
astricas.

IUSTVS LIPSIVS,
*magno amico exiguum monu-
mentum P.*

Рис. 33. Юст Липсий. Эпитафия
Оже Гислену де Бусбеку.
(О. Г. де Бусбек. Турецкие письма.
Лейпциг, 1689.

ITINERA
CONSTANTINOPOLITANVM
ET
AMASIANVM
AB

Augerio Gissenio Busbequio ad Soliman-
num Turcarum Imperatorem C. M.
Oratore confecta.

*Eiusdem BUSBEQUII de re militari con-
tra Turcam instituenda consilium.*

ALTERA EDITIO.

ANTVERPIÆ.
Ex officina Christophori Plantini.

Рис. 34. О. Г. де Бусбек.
Путешествие в Константинополь
и Амасью. Антверпен, 1582 г.
Титульный лист.

Рис. 35. О. Г. де Бусбек.
Турецкие письма. Изд. 1-е.
Париж, 1589. Титульный лист.

EPISTOLA QVARTA. 136
articulum the aut the nostratia aut parum dif-
feretia. hegerant

Bre, Panis.	Tag, Dies.
Plut, sanguis.	Oeghene, Oculi.
Sed, Sedes.	Bari, Barba.
Hu, Dimus.	Handa, Manus.
Vingart, Vitis.	Baga, Arum.
Reghen, Pluvia.	Miera, Formica.
Bruder, Frater.	Rinek, sine
Schuefster, Sacer.	Ringu, Annulus.
Alc, Senex.	Brinna, Feni.
VVintch, Ventus.	VVaghen, Currus.
Siluir, Argentum.	Apel, Pomum.
Giltz, Aurum.	Schiet, Mittre sagitta.
Kar, Triticum.	Schlipen, Dormire.
Salt, Sal.	Kemmen, Venire.
Fiset, Piscis.	Singhen, Canere.
Huef, Caput.	Lachen, Ridere.
Thoun, Porta.	Eriten, Flere.
Stein, Stella.	Geen, Ire.
Sunc, Sol.	Green, Affare.
Mitte, Luna.	Schuualsch, Mori.

Knauen tag erat illi Bonus dies : Knauen bo-
num dicebat, & pleraque alia cum nostra lin-
gua non satis congruentia vsurpabat, vt

Id, Vita sine sanitas.	Bar, Puer.
Idisch, Vinus sine sanum.	Acl, Lapis.
Id vbiut, Sit sanum.	Mennu, Caro.
Marzum, Nuptia.	Rijsch, Mons.
Schues, Sponsa.	Fers, Vir.
Marz, Terra.	Lisla, Patrum.

Рис. 36. Список крымско-
готских слов в первом издании
«Турецких писем».

AVGERII
GISELII
BVSBEQVII D.
LEGATIONIS TVRCICÆ
Epistola quatuor.

QVAVRM PRIORES DVÆ
ante aliquot annos in lucem prodierant
sub nomine Itinerum Constanti-
nopolitani & Amasiani.

ADICTÆ SVNT DVÆ ALTERÆ.

Eiusdem de re militari contra Turcam
instituenda consilium.

PARISIIS,
Apud Ægidium Brys, via Iacobæ,
ad insigne Lilij albi.

M. D. LXXXI. X.

AVGERII BVSBEQVII

Ada, Ovum.	Schedut, Lux.
Ann, Galkina.	Erratsch, Voluntas.
Teluch, Stimulus.	Cadarium, Miles.
Strap, Capra.	Kilemschky, abibe calice.
Gadetha, Psalterium.	Tro Vvarihata, iustici.
Atochta, Malum.	Ici Varihata, ille fecit.
VVichigata, Album.	Ich malibata, Ego dico.
Atycha, Ensis.	

Iustus ita numerabat. Ita, tua, tria fyder, fyuf,
seis, seuene, proflus, vt nos Flandri. Nam vos
Brabantii, qui vos Germanicè loqui facitis, hic
magnificè vos effertre, & nos soletis habere de-
tisiui, ac si istam vocem pronunciemus ranci-
dus, quam vos seuene effertis. Prosequebatur
deinde Atche, nyne, thüine, thüivita, thunetua,
thunetua, &c. Viginti dicebat flega, triginta
treithyen, quadraginta furdeithien, centum
sada, hazer mille. Quinetiam cantilenam eius
linguæ recitabat, cuius initium erat huius-
modi.

VVaca vvaraing dolus
Seu te era Galkin
Hamiselep dorki Taca.

Hi Gothi an Saxones sint, non possum diudi-
care. Si Saxones, arbitror eo deductos tempo-
re Caroli magni, qui eam gentem per varias
orbis terrarum regiones dissipauit. Cui rei te-
stimonio sunt vrbes Transiluanie hodièque
Saxonibus incolis habitæ. Atque ex iis fero-
cissimos fortasse longius etiam summoueri
placuit in Tauricam vique Chersonesum, vbi

Рис. 37. Список крымско-
готских слов в первом издании
«Турецких писем».

Рис. 38. Экземпляр «Турецких писем» О. Г. де Бусбека. Изд. 2-е.
Франкфурт, 1595.

A V G E R I I
G I S L E N I I
B V S B E Q V I I D. L E -
G A T I O N I S T V R C I C Æ
Epistolæ quatuor.

*Q V A R V M P R I O R E S D V Æ
ante aliquot annos in lucem prodierunt sub
nomine Itinerum Constantinopolitani & A-
masiani.*

A D I E C T Æ S V N T D V Æ A L T E R Æ.
Eiusdem de re militari contra Turcam insti-
tuenda consilium.

Cum I N D I C E omnium locupletissimo.

F R A N C O F V R T I

Apud heredes Andreæ Wecheli, Claud. Marnium
& Ioann. Aubrium.

M. D. XCV.

Ascriptus catalogo Bibliothecae Ar. Nesu...

ipſos potius indicaret quid vellet, parceret operæ, nihilominus, vt ipſe abeſſet, poſſe perfici: ſed nec quicquam, nam mox aderat, eaque expromebat quæ raro ſine offenſione à Ruſtano audiebantur: vt accidit, cùm aliquando nō eam haberi domini ſui rationem, quæ debebat, expoſtularet. Nam quid vos, inquiebat, arbitramini Budam, Strigonium, Albam Regiam ac reliqua Hūgariz oppida fortasſe veſtro Marte capta exiſtimatis? ſed fallimini, vos ea per nos habetis. nā niſi fuiſſent diſcordiæ & continua bella, quæ inter noſtros & Hiſpaniæ reges interceſſerūt, tantum abſuiſſet, vt illis poriri potueritis, vt per Carolum quintum vix Conſtantinopoli tuti futuri fueritis. Non tulit diutius Ruſtanus, ſed grauiter exandeleſcens: Quid mihi tuos, quid Hiſpaniæ reges narras? ea Domini mei potentia eſt, vt ſi omnes veſtri Chriſtiani principes arma coniungant, & ſimul ei bellum inferant, non flocci faciat, ac facilem victoriam de cunctis reportet. Quo dicto in cubiculum iratus ſe recepit, faceſcere iuſſo oratore. Non poſſum hoc loco præterire quæ de gente accepi, quæ etiamnum incolit Tauricam Cherſoneſum, quam ſape audieram ſermone, moribus, ore denique ipſo & corporis habitu, originem Germanicam referre. Itaq; me diu cupiditas tenuit videndi ab ea gente aliquem, & ſi fieri poſſet inde erudi aliquid quod ea lingua ſcriptum eſſet, ſed hoc conſequi non potui. Caſus tamen vtrunque deſiderio meo ſatiſfecit. Cū eſſent duo luciliſſime dele-

gati, qui nescio quas querelas nomine eius gentis ad principem deferrent, meique interpretes in eos incidissent, memores quid eis mandassem si id usu veniret, ad prandium illos ad me adduxerunt. Alter erat procerior, toto ore ingenuam quandā simplicitatē prę seferens, ut Flander videretur aut Batauius: alter erat breuior, compactiore corpore, colore fusco, ortu & sermone Græcus, sed qui frequenti commercio non contemnendum eius linguę usum haberet. nam superior vicinitate, & frequenti Græcorum consuetudine sic eorum sermonem imbiberat, ut popularis sui esset oblitus. interrogatus de natura & moribus illorum populorum, congruentia respondebat. Aiebat gentem esse bellicosam, quę complures pagos hodięque incoleret, ex quibus Tartarorum regulus, cum expediret, octingentos pedites sclopetarios scriberet, præcipuum suarū copiarum firmamentum: primarias eorum vrbes, alteram Mancup vocari, alteram Sciuarin. Ad hæc multa de Tartaris eorumque barbarie: in quibus tamen singulari sapientia non paucos reperiri memorabat. Nam de rebus grauissimis interrogatus, breuiter atq; appositè respondere. Ea de causâ non temerè distitare Turcas, reliquas quidem nationes scriptam in libris habere sapiētiam, Tartaros libros suos deuorasse, idē in pectoribus eam habere reconditam, quam promāt cum opus sit, & veluti diuina fundāt oracula. Eosdem esse perquam immundis moribus: si iurulentum aliquid apponatur

natur in mensa, nulla requirere coclearia, sed ius
vola manus haurire. Enektorum equorum car-
nem deuorare, nullo foco admotam. offas tan-
tum sub equestri sella explicare, quibus equino
calore reperfactis tanquam opipare conditis ve-
sci. Gentis regulum è mensa argentea cibum ca-
pere. primum inferri ferculum caput equi, vt &
postremum, quemadmodum apud nos primò
nouissimòque loco honòs habetur butyro. Nùc
adscribam pauca vocabula de multis quæ Ger-
manica reddebat. nam haud minus multorum
planè diuersa à nostris erat forma: siue quòd e-
ius linguæ natura id ferat, siue quòd eum fugie-
bat memoria & peregrina cum vernaculis mu-
tabat: omnibus verò dictionibus præponebat
articulum tho aut the nostratia aut parum diffe-
rentia. hæc erant

Broe. Panis.

Plut. Sanguis.

Stul. Sedes.

Hus. Domus.

VVingart. Vitis.

Reghen. Pluuia.

Bruder. Frater.

Schneester. Soror.

Alt. Senex.

VVintch. Ventus.

Siluir. Argentum.

Goltz. Aurum.

Kor. Triticum.

Salz. Sal.

Tag. Dies.

Oeghene. Oculi.

Bars. Barba.

Handa. Manus.

Boga. Arcus.

Miera. Formica.

Rinck sine

Ring. Annulus.

Brunna. Fons.

VVaghen. Currus.

Apel. Pomum.

Schietē. Mittere sagittam.

Schlupen. Dormire.

Kommen. Venire.

R 2

Fiset. Piscu.

Hocf. Caput.

Thurn. Porta.

Stirn. Stella.

Sune. Sol.

Mine. Luna.

Singhen. Canere.

Lachen. Ridere.

Eriuen. Flere.

Geen. Ire.

Breen. Affare.

Schynalib. Mors.

Knauen tag erat illi Bonus dies: Knauen bonum dicebat, & pleraque alia cum nostra lingua non satis congruentia usurpabat, ut

Iel. Vita sine sanitas. Baar. Puer.

Ichsch. Viuum sine sanus. Ael. Lapis.

Iel uburi. Sit sanum. Menus. Caro.

Marzu. Nuptia. Rintsch. Mons.

Schuos. Sponsa. Fers. Vir.

Siatz. Terra. Lista. Parum.

Ada. Onum. Schedit. Lux.

Auo. Gallina. Borrotsch. Voluntas.

Telich. Stultus. Cadariou. Miles.

Stap. Capra. Kilemschhop. ebibe calicē.

Gadeliba. Pulchrum. Tzo Vvaribata. infecisti.

Atochia. Malum. Joz Varthata. Ille fecit.

Vvichigata. Album. Ich malibata. Ego dico.

Mycha. Ensis.

Iustus ita numerabat. Ita, tua, tria fyder, fyuf, feis, seuene, prorsus, ut nos Flandri. Nā vos Brabantii, qui vos Germanicē loqui facitis, hic magnificē vos efferre, & nos soletis habere derisui, ac si istam vocē prononciemus rancidius, quāna vos Seuten effertis. Prosequebatur deinde Athe, nync, thüne, thiinita, thunetua, thunetria, &c. Viginti dicebat stega, triginta treithyen, quadraginta

Рис. 43. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 260.

EPISTOLA QVARTA. 161

Triginta furdeithien, centum sada, hazer mille. Cynnetiam cantilenā eius linguae recitabat, cuius incipiens erat huiusmodi:
 Istara vvara ingdolum
 Sen tegira Galizia
 Hemiolep dorbizaca.

Hi Gothian Saxones sint, non possum diuēdicare. Si Saxones, arbitror eo deductos tempore Caroli magni, qui eam gentem per varias orbis terrarum regiones dissipauit. Cui rei testimonio sunt vrbes Transilvaniae hodieq; Saxonibus incolis habitatae. Atque ex his ferocissimos fortasse longius etiam summoueri placuit in Tauricam atque Cherfonesum, vbi quidem inter hostes religionem adhuc retinent Christianam. Quod si Gothi sunt, arbitror iam olim eas sibi sedes tenuisse Getis proximas. Nec erraturum fortasse, qui sentiat maiorem partē eius interualli, quod est inter Gothiam insulam & Procopiam, quam hodie vocant, à Gothis aliquando infellam. Hinc diuersa Gothorum, Westgothorum & Ostrogothorum nomina: hinc peragratius orbis vortoris & seminarium ingens barbaricae multitudinis. Habes quae de Taurica Cherfoneso ex his Procopiensibus didici. Audi nunc quae ex quodam errore Turca de vrbe, & regione Cathais. Erat is è secta genere, cui pietas est per longinquas regiones vagari, & in altissimis montibus in locis desertis & vastis Deum venerari. percussit totum orientem, vbi sibi cognitos Lusitanos commemorabat: incensus de-

Рис. 44. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 261.

Рис. 45. Грамота императрицы Екатерины II
об определении положения греков в России (1779 г.).

Рис. 46. Потомок мариупольских греков в конце XX в.
на плато Чуфут-Кале (во второй половине VI-VII вв. – городище).

ГЛАВА 8.

ДИАЛЕКТНОЕ И АРЕАЛЬНОЕ СООТНЕСЕНИЕ КРЫМСКО-ГОТСКИХ ДАННЫХ

Крымско-готский лексический материал осмыслился исследователями по-разному. Так, уже Х. Ф. Массман [Massmann 1841] задавался вопросом о том, в какой степени запись Бусбека отражает истинные крымско-готские формы, тогда как Л. Дифенбах [Diefenbach 1851] отнес к готскому словарю все лексемы, за исключением артикля *the/ tho* и материала кантилины. В. Штрайтберг охарактеризовал крымскоготский как «остготский» [Streitberg 1896]. Р. Лёве высказал мнение, что крымско-готский — язык осевших в Причерноморье герулов, то есть язык западногерманской группы, испытавший влияние готского [Loewe 1896, 165]. Эта точка зрения вскоре была оспорена Т. фон Гринбергером [Grienberger 1898] и Р. Мухом [Much 1898], указавшими на несомненные восточногерманские черты крымско-готского. Критическое отношение к данным Бусбека было выражено в пособии М. М. Гухман [Гухман 1958, 13]. И, наконец, наиболее крайним проявлением критицизма можно считать мнение, в числе других приведенное у В.И. Равдоникаса [Равдоникас 1932, 11, ссылка: «С. Curtis»]: записанные Бусбеком слова принадлежат языку потомков англосаксов, некогда составлявших стражу византийских императоров, то есть являются древнеанглийскими (не поддержано Равдоникасом).

М. Стернс, обобщив результаты более ранних исследований и вновь подвергнув крымско-готский языковой материал разностороннему анализу, пришел к заключению, что пришел к заключению, что по совокупности фонетических и некоторых морфологических признаков эти данные могут быть определены как реликты одного из языков (диалектов) восточногерманской группы [Stearns 1978, 119]. Вопрос о лексических изоглоссах будет подробно обсуждаться ниже.

8.1. Крымско-готский и восточногерманский

8.1.1. Фонетика

В качестве наиболее характерных черт крымско-готского, объединяющих его с восточногерманскими языками (и прежде всего — готским), следует отметить: 1) крымско-готское соответствие *o/g ē* — *i* в словах *mine* ‘луна’, *mycha* ‘меч’, *schlipen* ‘снять’ (при северо- и западногерманском *ā* в проти-

воположность гот. *ē*, имевшему в остготском тенденцию к сужению --- ср. [Wrede 1891, Krause 1968]); 2) реализацию закона Хольцмана в крым.-гот. *ada* 'яйцо' с характерным готским рефлексом **d*(*dj*) --- ср. гот. *twaddje* 'двоих'; 3) отсутствие ротацизма и оглушение *o/r z > s* в исходе слова, наблюдаемое в лексемах *ies* 'он', *fers* 'муж' и др. [Stearns 1978, 110–114].

Известны, однако, следующие примечательные особенности крымско-готского вокализма: 1) наличие *ē* в *reghen* 'дождь', *schuuester* 'сестра'; 2) отсутствие или снятие готского преломления в *uburt* (< **wurþ*[-i?]); 2) понижение *ū* в *ō* перед *a* следующего слога в *boga* 'лук', *goltz* 'золото' (ср. [Kickers 1928] об «а-умлауте» в крымско-готском). Налицо явное расхождение с классическим готским, однако неясно, было ли оно исконным или позднейшим. Следует заметить, что лексемы *boga*, *goltz*, *reghen*, *schuuester* отнесены Бусбеком к первой группе («*nostratia aut parum differentia*»). Как уже указывалось, при записи слов этой группы давление системы средненидерландской фонетики/среднемецкой орфографии зачастую оказывалось определяющим (ср. [Stearns 1978, 71 и др.], раздел 6.2.4 настоящей работы). Поэтому эти факты не могут служить решающим доводом при определении положения крымско-готского среди других германских языков. Кроме того, приходится считаться и с контрпримерами: как ни трактовать *a* в крым.-гот. *warhata* 'сделал' (к возможностям объяснения ср. [Schwarz 1951, 165, Stearns 1978, 160]), приходится предполагать исконный *ō*, то есть имевшееся когда-то готское преломление. Доказательность примеров с кратким *e* также снижается ввиду наличия случаев типа *ich* 'я', *lista* 'мало'.

В крымско-готском, в отличие от классического готского, широко представлена редукция гласных в безударных слогах, что следует считать закономерным этапом развития языка. К явлениям этого типа относится также переход *sk > [š]*, *sw > [šw]*.

В отношении фонетических различий следует также отметить, что система спирантов в крымско-готском сильно трансформирована и редуцирована по сравнению с классическим готским (и общегерманским состоянием). Однако имеющееся состояние может объясняться как самостоятельным развитием языка, так и влиянием иноязычного окружения.

8.1.2. Морфология

Крымско-готский и классический готский объединяет следующая яркая морфологическая изоглосса: флексия именительного (винительного) падежа среднего рода прилагательных *atochta*, *gadeltha*, *wichtgata*, копелирующая с готской флексией сильного прилагательного типа *blindata* [Stearns 1978, 118–119]. Другие особенности --- форма множественного числа существительного *ocghene* при гот. *augona* (-n; ср. р. мн.ч.) или формы слабого претерита *warhtata*, *malthata* объединяют крымско-готский не только с готским, но и с другими древнегерманскими языками.

Важнейшие расхождения крымско-готского и классического готского в этой области: 1) наличие в крымско-готском атематического глагола *geen* 'идти'; 2) фор-

ма оггатиwa претерита uburt 'да будет; было бы' без конечного -i — ср. гот. *waurfi (однако этот случай отличает крымско-готский и от западногерманского — ср. днн. wurdī, nāmi и т.д. — и может быть объяснен позднейшим синкопированием ископного германского -i); 3) перестройка моделей в системе числительного.

8.1.3. Лексика

Крымско-готский имеет мало специфических изолекс с готским. Прежде всего, большинство слов германской этимологии, представленных в списке Бусбека, принадлежит к общегерманским, поскольку эти слова обозначают самые распространенные и обиходные понятия. Кроме того, мы лишены возможности сравнивать крымско-готский и готский по целому ряду лексических позиций, поскольку состав известного нам готского словаря обусловлен внелингвистическими причинами — спецификой перевода Св. Писания и в классическом готском не представлены такие частотные слова, как «яйцо», «муравей» и пр. Мы не знаем, сколь широко было диалектное варьирование внутри готского и насколько словарь известного нам корпуса готских текстов — иначе говоря, церковноготского языка (ср. [Ланина 2001]) — отличался от готского языка в качестве целого. Потому здесь не следует переоценивать ни малого числа специфических изолекс, ни сравнительно большого количества расхождений. Возможно, не меньшие расхождения мы бы обнаружили при сопоставлении языка остготов Италии или вестготов Испании VI в. с языком вульфилианского перевода Библии IV в. (ср. существенное расширение «бытового» готского словаря по данным заимствований в романские языки [Gamillscheg 1934, I, 300–398]).

Даже в таких случаях, когда налицо прямые лексические расхождения между готским и крымско-готским, косвенные данные могут существенно изменить картину. Так, корреляция крым.-гот. rinck /ringo 'кольцо' // ди. hringr, да., дфриз., нс. hring, днн. (h)ring 'кольцо' при классич. гот. figgragulþ к греч. δακτύλιον 'перстень' в готском переводе Лк. 15, 22 не означает, что продолжение o/r *hr²/ngaz отсутствовало во всех восточногерманских языках (диалектах), кроме крымско-готского. Этимология, предложенная Л. Стендер-Петерсеном и поддержанная М. Фасмером для рус. *серьга*, возводит это слово к вост.-герм. *ausa-hrings < o/r *auza-hringaz [Stender-Petersen 1927, 393], ср. тж. гот. имя собств. Ringilio (ок. 479 г.) И обратно, иногда «отсутствие в крымско-готском соответствия слову из готской Библии, по сути дела, оказывается мнимым» [Топоров 1983, 239]; исследователь указывает на реконструкцию слова *razna (по крымско-татарским данным) на основе сопоставления с гот. razn 'дом' (ср. [Karsten 1928, 182 с опорой на сообщение Й. Микколы, Feist 1939, 396, Schwarz 1951, 164]).

Лишь два крымско-готских слова не имеют иных параллелей, кроме готских — 1) menus 'мясо' // гот. minz 'мясо' (старое индоевропейское обозначение мяса, для древнегерманских языков уже ставшее реликтовым); 2) borrotsch 'удовольствие' (если из герм.; ср. 5.2.2) // гот. ga-baurjoþus 'удовольствие'

[Stearns 1978, 117]. Это составляет 2,2% лексики, однако общее число крымско-готских слов, имеющих параллели в классическом готском (наряду с другими германскими языками), равняется 56, что составляет 64% лексики¹.

Лексические расхождения в собственном смысле (то есть в том случае, если в классическом готском представлено другое обозначение того же понятия) обобщаются следующим образом:

обобщение много общегерманского слова по сравнению с готским
 крым.-гот. broc (общегерм.) -- гот. hlaifs (общегерм.) 'хлеб';
 крым.-гот. hus (общегерм.) -- гот. gairn (общегерм.) 'дом' (ср., с одной стороны, крым.-гот. gairna 'обрешетка крыши' < крым.-гот., с другой --- гот. gud-hus 'храм' в переводе Ил. 18, 20).

обобщение слова, периферийного в готском, в качестве основного обозначения

крым.-гот. ael 'камень' (общегерм.; гот. hallus* 'скала') // гот. stains (общегерм.);
 крым.-гот. statz (общегерм.; гот. staps 'место') // гот. airpa (общегерм.);
 крым.-гот. rintsch (готосканд.) // гот. fairguni (общегерм. по этимологии; гот. --- в качестве обозначения горы, отличного от о/г *berg-; ср. гот. baigahai 'гористая местность');
 крым.-гот. malthata (общегерм.; гот. maþljan* 'разговаривать') // гот. qar 'сказал' < qipan 'говорить' (общегерм.; тенденция к замене в зап.-герм. и сканд. языках в средний и новый период).

Такие различия по сравнению с готским составляют 6 слов или, соответственно, 7% лексики.

Весьма важный случай представляет собой крым.-гот. schuualth 'смерть', при надежных общегерманских параллелях представляющее собой инновацию по сравнению со всеми древнегерманскими языками --- ср. гот. dauþus, ди. dauði, ла. dēaþ, дфриз. dāth, де. dōd, двн. tōd 'смерть'.

В случае, если слово, имеющееся в крымско-готском, не представлено в готском переводе Св. Писания по лингвистическим причинам, говорить о расхождении в собственном смысле нельзя. Крымско-готские слова этого круга, имеющие германскую этимологию, могут рассматриваться как дополнения к известному нам готскому материалу, однако нельзя исключить их диалектного своеобразия:

крым.-гот. bars 'борода' (общегерм.);
 крым.-гот. boga 'лук' (общегерм.);
 крым.-гот. rinck / ringo 'кольцо' (общегерм.);
 крым.-гот. waghcn 'повозка, телега' (общегерм.);
 крым.-гот. apel 'яблоко' (общегерм.);
 крым.-гот. schieten 'стрелять' (общегерм.);

¹ Кроме особенно показательных случаев, десятичные дроби в моих процентных расчетах округляются до целых чисел по общепринятым правилам.

крым.-гот. *breen* 'жарить' (зап.-герм.);
 крым.-гот. *schnos* 'невеста' (общегерм. в значении «сноха»);
 крым.-гот. *ada* 'яйцо' (общегерм.);
 крым.-гот. *atochta* 'плохой' (общегерм.? гот.?);
 крым.-гот. *lista* 'мало' (зап.-герм.);
 крым.-гот. *stega* (общегерм., если учитывать готланд. *stäig*, приводимое у Ф. Клуге).

В эту группу входит 12 крымско-готских слов, что составляет 14 % всей крымско-готской лексики. Ясно, однако, что сама возможность подобного гипотетического расширения готского словаря основана на лингвистической убедительности крым.-гот. *ada* 'яйцо' с характерным восточногерманским рефлексом двойного полугласного по закону Хольцмана.

Вопрос о заменах исконных германских слов заимствованиями обсуждался выше (5.2.2, 7.6, 7.7.2).

Обобщая параллели и расхождения крымско-готского и классического готского, нужно отметить следующее. Хотя между крымско-готским и готским, равно как готским и другими восточногерманскими языками обычно ставится знак равенства, реальная ситуация внутри этого диалектного ареала могла быть весьма многообразна. В целом представляется корректным определение крымско-готского как восточногерманского/готского диалекта [Stearns 1989, 184]. Идея о том, что крымско-готский представляет собой совершенно самостоятельный германский язык, игнорирует план диахронии — как исторической, так и лингвистической. По этому принципу и современный английский язык в синхронии можно было бы причислить к романским или «романо-германским» ввиду мощного романского влияния и несходства современного состояния языка с древнеанглийским. Но это было бы неверно. И коль скоро крымско-готский язык в ходе времени сохранил яркие восточногерманские черты, исконное его соотношение с восточногерманским ареалом не подлежит сомнению. А если при этом учитывать, что развитие общегерманского * \bar{e}_1 осуществилось в крымско-готском по остготской модели, то становится ясно, что крымско-готский является не просто одним из восточногерманских языков, но одним из готских диалектов.

8.2. Крымско-готский и скандинавский

8.2.1. Постановка проблемы

Проблема готско-скандинавских языковых связей, обозначенная еще в работе Х. Циммера [Zimmer 1876], по-прежнему является одним из актуальных вопросов германской ареальной лингвистики. Выделение и систематизация

тизация фонетических, морфологических и лексических признаков, общих для готского и скандинавского, было произведено Э. Шварцем и легло в основу его концепции гото-скандинавского единства [Schwarz 1951]. Тем не менее, многие положения Э. Шварца и других представителей немецкой диалектографии были расценены как дискуссионные [Kuhn 1955, Arndt 1959, Жирмунский 1962, Stearns 1978]. Интерпретация лингвистического материала крымско-готского языка является одним из важных аспектов осмысления проблемы. Сопоставление крымско-готского словаря и лексических данных древних и современных скандинавских языков или диалектов — один из аспектов решения проблемы диалектной принадлежности крымско-готского.

Сопоставление крымско-готского и скандинавского материала может проводиться по нескольким основным направлениям. Первый, традиционно разрабатываемый аспект — этимологизация. В этом случае скандинавские данные, источником которых могут являться как древние языки, так и современные диалекты, привлекаются в качестве этимологических параллелей — оснований для верификации крымско-готских лексем. Впрочем, для этого направления приходится констатировать, что приведенный информантом лексический материал малоспецифичен и содержит большое количество лексем с надежными индоевропейскими и общегерманскими параллелями (термины родства, обозначения металлов, небесных светил).

Тем не менее, скандинавские соответствия сыграли решающую роль при этимологизации слов *rintsch* 'гора' и *knaucn* [tag] 'добрый [день]', поскольку крым.-гот. **rints* (**rinds*?) находит удовлетворительное объяснение лишь при сравнении с норв. диал. *rind*, *rinde*, *rende* 'горный хребет' [Much 1898, 200], а крым.-гот. *knaucn* (< **knawana*) — на фоне ди. *knár* 'способный, умелый', 'храбрый' [Tomaschek 1881, 62] (подробнее см. 5.2.2, словарь).

Второй и наиболее актуальный аспект сопоставления — проблема крымского-скандинавских изоглосс. Наиболее четко этот круг вопросов был обозначен Э. Шварцем [Schwarz 1951, 163 ff]. Как указывалось выше, исследователь считал, что в крымско-готском остались нереализованными некоторые характерные восточногерманские тенденции (сужение о/г **ē* в *ī*, готское преломление). Кроме того, Шварц отмечал «а-умлаут» и предполагал возможность озвоичения глухого межзубного спиранта в интервокальном положении (крым.-гот. *bruder*). Тем не менее, неизбежно возникает вопрос: могут ли эти факты указывать на особую близость крымско-готского и скандинавского? Представляется, что ввиду бытования сходных тенденций как в северо-, так и западногерманском ареале подобные черты могут быть предварительно определены лишь как восточногерманские/неготские.

При определении особенностей морфологии крымско-готского Э. Шварц считал весьма важными следующие параллели: крым.-гот. *gecn* // (ноздн.) ди. *gá* (при гот. *gaggan*), крым.-гот. *kommen* // ди. *koma* (гот. *qiman*), однако ввиду

наличия параллелей в ряде древнегерманских языков крымско-готские глаголы *geep* и *kommen* не могут быть выделены как специфические крымско-готско-скандинавские изоглоссы. Как справедливо заметил В. И. Топоров, подобные случаи должны служить основанием для постановки проблемы о диалектных различиях внутри готского [Топоров 1983, 239].

Приводимые Э. Шварцем примеры крымско-готско-скандинавских соответствий также не представляют ареальных изолекс. Так, крым.-гот. *broc* 'хлеб' имеет своей параллелью не только ди. *braud*, но и да. *brēad*, дфриз. *brād*, дс. *brōd*, двн. *brōt* 'хлеб'. Крым.-гот. *mīcra* 'муравей' можно сравнить как с ди. *maura* (м.р.), швед., норв. диал. *maur*, швед. *myra*, дат. *myre*, но и с нн. *mīc*, сил. *mīcere*, *myre* 'муравей', что осознавал и сам Бусбек, отнесший слово к «*nostratia aut parum differentia*» и оформивший его по правилам среднегерманской орфографии. Крым.-гот. *hus* имеет соответствия не только во всех древнегерманских языках, но и в языке готской Библии, точнее говоря, в готском переводе Евангелия от Иоанна (*Ин.* 18, 20) — *gudhus** (ср.р.-а) к греч. ἱερόν 'святилище, храм'. И даже крым.-гот. **stern* 'звезда', коррелирующее с гот. *stairno* и ди. *stjarna* (г-/п-гетероклитика в отличие от западногерманской г-гетероклитики), имеет соответствие в виде двн. *sterno*.

С учетом сказанного можно выделить следующие основные крымско-готско-скандинавские изоглоссы и расхождения.

8.2.2. Фонетика

Наиболее показательные изоглоссы: 1) следы усиления двойного полугласного *jj > ddj* по закону Хольцмана: крым.-гот. *ada* 'яйцо' // ди. *egg*. Следует отметить, что усиление **jj* (в отличие от **ww > гот. ggw*, ди. *ggv*), составляющее основную фонетическую готско-скандинавскую изоглоссу, имеет различные результаты в готском и скандинавском (ср. гот. *twaddje* // ди. *tweggja* род. п. мн.ч. 'двоих'), а само усиление полугласных определяется в новейших работах как диахронно-типологическая константа, реализующаяся в определенных участках германского языкового ареала на протяжении всей его истории [Щецкая 1997]; 2) понижение *ū > ō* перед *a* следующего слога (*boga*, *goltz*), характерное для северо- и западногерманского ареалов [ср. Krahc/Meid 1969, 36, Stearns 1978, 131].

Основное расхождение в области фонетики — отсутствие в крымско-готском ассимиляций согласных и таких комбинаторных изменений гласных, как палатальная, веларная и др. переслазки. Ср. также сохранение флексии инфинитива *-n* в крымско-готском.

8.2.3. Морфология

К сожалению, данные Бусбека в этом отношении мало показательны. Нет возможности пронаблюдать способ образования прошедшего времени

сильных глаголов во 2 л. ед.ч., флексию род.п. мн.ч. и т.п. Однако имеющийся материал все же позволяет провести некоторые сопоставления.

1) Отсутствие атематического глагола *dōn — ср. крым.-гот. tzo warthata 'ты сделал', ies warthata 'он сделал' // гот. waurkjan — waurhta, ди. yrkja — orta; 2) функционирование атематического глагола — производного и.-с. *ghē(y)-: крым.-гот. gēcn // (поздн.) ди. gā паряду с да. gān, ис. gān, двн. gān, gēn, сил. gacn. Крымско-готские и скандинавские данные не образуют в данном случае узкоарсальной изоглоссы, но, будучи сопоставлены, позволяют внести коррективы в положение о частичной утрате односложного атематического глагола *gān- (*gēn-) в восточно- и северогерманском ареале [ср. Жирмунский 1962, 142]; 3) как возможную, хотя и не поддающуюся полной верификации изоглоссу можно рассматривать корреляцию крым.-гот. ita // ди. citt 'один'.

Важнейшие расхождения: 1) местоимение 3 л. ед.ч. — крым.-гот. ies (к объяснению вокализма ср. указания М. Стерна на особенности крымско-греческого произношения по Сергиевскому: [Stearns 1978, 54, 140, Сергиевский 1934]) коррелирует с гот. is, а не с ди. hann; 2) образование превосходной степени наречия «мало» (прилагательного «малый»): крым.-гот. lista 'мало' // да. læst, дфриз. lēst (по предпочтительной этимологии; ср. [Stearns 1978, 144, Lehmann 1986, 233]).

8.2.4. Лексика

1) Обобщение r-n-гетероклитики: крым.-гот. *stern 'звезда' // ди. stjarna, ср. тж. гот. stairno 'звезда'. Как было указано выше, значимость изоглоссы умалывается наличием в двн. sterno 'звезда' паряду со sterro; 2) Изолексы: крым.-гот. rintsch 'гора' // норв. диал. rind, rinde, rende 'горный хребет'; крым.-гот. knaue (прилаг. м. р. вин.п. ед.ч.) 'добрый [день]' // ди. knár 'способный, умелый', 'храбрый'.

Итак, лишь два крымско-готских слова (2,2 % при исходном количестве лексем, равном 88) не имеют иных соответствий, кроме скандинавских. Примечательно, что аналогичным образом крымско-готские данные соотносятся со словарем готской Библии (ср. выше). Сам по себе этот процент может выглядеть ничтожно малым, однако следует учесть, что не менее 66 лексем (75 %) имеют скандинавские соответствия паряду с параллелями в других германских языках². Напомним, что в отношении классического готского налицо несколько иная картина: не менее 56 лексем (64 %) имеют готские соответствия паряду с другими параллелями. При этом 13 крымско-готских лексем (15 %) имеют соответствия в скандинавском, не имея параллелей в классическом готском (обратное соотношение — 4, то есть 4,5%). По всей

² Приблизительность обусловлена наличием «погрешности» — определенного числа лексем с непроясненной и традиционно спорной этимологией — ср. kilemschkor и др.

очевидности, это во многом обусловлено ограниченностью дошедшего до нас словника готского перевода Св. Писания.

К важнейшим лексическим расхождениям крымско-готского и скандинавского должно быть отнесено отсутствие прямого соответствия крым.-гот. *schlipen* 'спать' (ср. гот. *slepan* 'спать') в скандинавском, где представлено лишь этимологически родственное существительное — ди. *slápr* 'ленивец'.

Имеющийся крымско-готский материал не позволяет постулировать специфической «крымскоготско-скандинавской» общности и вслед за Э. Шварцем считать крымско-готский северогерманским диалектом, подпавшим под влияние готского. Установленные крымскоготско-скандинавские изоглоссы должны быть охарактеризованы как генетические, то есть объединяющие язык крымских готов (как и другие готские диалекты) со скандинавскими диалектами на основе древней генетической общности.

8.3 Крымско-готский и западногерманский

8.3.1. Постановка проблемы

Учитывая свидетельства источников о том, что наряду с готами в Северное Причерноморье проникли герулы, Р. Лёве выдвинул версию о западногерманской диалектной принадлежности крымско-готского [Loewe 1896, 165]. Уже после выхода в свет работы М. Стерна была предпринята попытка возродить эту давнюю гипотезу. О. Грёнвик выступил с утверждением, что ввиду сохранения о/г *ē* и наличия «а-умлаута» крымско-готский может быть *per definitionem* оценен лишь как северо- или западногерманский язык [Grønvik 1983, 56]. Почему О. Грёнвик счел возможным при этом игнорировать такую яркую фонетическую особенность крымско-готского, как переход о/г **ē*₁ в *i* (не в *ā*, как в северо- и западногерманском!), остается неясным. Грёнвик также выразил мнение, что М. Стерну не следовало придерживаться традиционного членения древнегерманских диалектов на восточно-, западно- и северогерманскую группы, но обосновать новую, четырехчастную классификацию [Grønvik 1983, 53]. Отвечая О. Грёнвику, М. Стерн справедливо указал, что по ряду известных причин крымско-готские лексические данные не могут рассматриваться как достаточное основание для пересмотра традиционного членения [Stearns 1989, 184].

В настоящее время большинство исследователей обоснованно считает герулов разноплеменной воинской элитой, возникшей преимущественно на ранней скандинавской основе (см. 1.1.3). Таким образом, мы не располагаем достаточными данными, чтобы считать герулов носителями западногерман-

ского языка/диалекта. Далее — и это весьма существенный момент — даже если герулы были носителями западногерманского диалекта (и соответственно, скорее ранними ингвсонами, чем ранними скандинавами), то их язык IV–VI вв. (или даже более ранней эпохи) должен был сильно отличаться от западногерманских языков, известных нам в более поздней письменной фиксации. Между тем О. Грёнвик, признающий специфически готскую реализацию закона Хольцмана в крымско-готском, считает, что последний представляет собой западногерманский диалект, впоследствии «готизированный». Хронологические критерии при таком подходе не соблюдаются. И, как было показано выше, вся совокупность фактов указывает на то, что крымско-готский получил западногерманскую интерпретацию со стороны Бусбека, точнее — подвергся серьезной *реинтерпретации*.

Означает ли это, что тема крымско-готско-западногерманских изоглосс должна быть закрыта? Отнюдь нет. Это значит, что в центре внимания должны находиться не такие детали фонетики, как обобщение того или иного аллофона о/г * ϵ / i (подобные расхождения могли быть и внутри готского/восточногерманского диалектного ареала), но вопросы о морфологических и лексических изоглоссах. Обратимся к рассмотрению всех соответствующих позиций.

8.3.2. Фонетика

Основные схождения крымско-готского и западногерманского таковы: 1) отсутствие готского сужения; 2) описанный выше (см. 6.3.2.2, 8.2.2) «а-умлаут» (понижение \ddot{u} в \ddot{o} перед a следующего слога); 3) отвердение общегерманского звонкого межзубного спиранта с последующим оглушением (plut ‘кровь’, alt ‘старый’), хотя это может быть и не отражением естественного процесса, а результатом «западногерманской интерпретации» Бусбека; 4) проведение редукции краткого гласного в безударных слогах (тематический гласный инфинитива, окончания существительных); 5) переход $sk > [š]$, $sw > [šw]$ (в первом случае — как в немецком и английском языках, во втором — как в немецком), с той же оговоркой, что и для п. 3.

Расхождения недвусмысленно указывают на исконный восточногерманский характер крымско-готского: 1) отражение закона Хольцмана по готскому, а не по западногерманскому типу; 2) переход о/г * ϵ / i в i — ср. крым.-гот. minc ‘луна’ // да., дфриз. mōna, дс., двн. māno ‘месяц, луна’; крым.-гот. mycha ‘меч’ // да. mæsse, дс. makī ‘меч’; // крым.-гот. schlīpen ‘спать’ // да. slāpan, дс. slāpan, двн. slāfan ‘спать’.

8.3.3. Морфология

Изоглоссы крымско-готского и западногерманских языков: 1) образование превосходной степени наречия «мало» (прилагательного «малый»): крым.-гот. lista ‘мало’ // да. læst, дфриз. lēst; 2) наличие атематического глагола geen ‘идти’

// да. gān, лс. gān, лви. gān, gēn, сил. gasn 'идти' (ср. также поздн. ди. gā). Кроме того, крымско-готский сохраняет старую готско-немецкую изоглоссу (как морфологическую, так и лексическую) — личное местоимение 3 л. ед.ч. м. р. от основы *^h/z — крым.-гот. ics, гот. is 'он' // лви. er 'он'.

Наблюдаемые расхождения: 1) отсутствие в крымско-готском атематического глагола *dōn (см. выше, 8.2.3); 2) флексия сильного прилагательного ср.р. им. и вин.п. ед.ч. (см. 8.1.2).

8.3.4. Лексика

Лишь одно крымско-готское слово не имеет иных параллелей, кроме западногерманских: lista 'мало' (для stega 'двадцать' Ф. Клуге предлагал сопоставление с гутн. stäig). С одной стороны, изолекса lista может свидетельствовать о давних и специфических (минуя известных нам готский ареал) связях крымско-готского с западногерманским. С другой — количество изолекс всё же невелико и не даёт оснований говорить о некоем преимущественном родстве крымско-готского и западногерманского.

Лексические расхождения крымско-готского и западногерманских языков фактически обозначены в предыдущих разделах. Остается только их суммировать: крым.-гот. mīmiz 'мясо', borrotsch 'удовольствие' (если к гот. ga-baurjopus), rintsch 'гора' и knauen [tag] 'добрый [день]'. Это составляет 7 % лексики.

8.4. Выводы

В вопросе о диалектной принадлежности крымско-готского следует согласиться с заключением М. Стерна о том, что в рамках традиционной трехчастной классификации древнегерманских языков («восточногерманский — скандинавский — западногерманский») крымско-готский следует определять как восточногерманский язык / диалект [Stearns 1978, 119]. Исследование показало, что идеи об особой близости крымско-готского к скандинавскому (О. Шварц) или западногерманскому (О. Грёнвик) не имеют под собой реальной почвы. Однако не подлежит сомнению, что, во-первых, этот восточногерманский язык или диалект мог отличаться значительным свособразием по сравнению с известным нам восточногерманским материалом, и во-вторых, претерпел существенную трансформацию ввиду особых условий бытования и специфической письменной фиксации. Методика глоттохронологии в настоящее время утратила былую популярность ввиду своей прямолинейности³. И всё же не будет лишним сказать,

³ Исходной посылкой является тезис о том, что словарь языка обновляется на 19,5 % за 1000 лет (ср. [Costello 1973]).

что Дж. Костелло, исследовавший крымско-готский с этой точки зрения, считал его не прямым потомком библейско-готского, но близкородственным языком («sister language»), отпочковавшимся от предка библейско-готского примерно в 147 г. по Р.Х. [Costello 1973, 491, Stearns 1978, 35–36]. Но даже и не пользуясь этой методикой, можно видеть, что крымско-готский занимает особое положение среди древнегерманских языков, с одной стороны, явно тяготея к восточногерманскому ареалу, с другой — обнаруживая «врожденные и благоприобретенные» расхождения.

ВОПРОС О РАСШИРЕНИИ КРУГА КРЫМСКО-ГОТСКИХ ДАННЫХ

9.1. Топонимика

О. Н. Трубачев, детально исследовавший древнюю крымскую топонимику, пришел к заключению, что «географическая номенклатура Крыма готских (германских) следов практически не сохранила» [Трубачев 1999, 215]¹. И хотя исследователь отметил, что не следует отказываться от дальнейшего продолжения поисков, он подчеркнул, что «рассчитывать в будущем на обнаружение не только скоплений, но даже отдельных ярких германских элементов в пределах Крымской Готии трудно» [ibid.].

Германские этимологии древних крымских топонимов *Дóрос*, *Дáрос*, *Лóрас* (название горного района Юго-Западного Крыма) и *Фуина* (название горы), предложенные В. Томашком, были впоследствии отвергнуты [Neumann / Düwel 1985, Трубачев 1999, 215]. Название горы удовлетворительно этимологизируется из греческого («дымящаяся»). Что же до этимологии названия *Дори*, известного в целом ряде вариантов — *Дорós* (Житие св. Иоанна Готского), *Лорó* (Прокопий Кесарийский), *Дóрас* / *Дóрантос* (VII в.) и др. — то она всегда была спорной². Возведение к греч. *дорó* 'лес,

¹ Впервые опубликовано: [Трубачев 1989].

² В книге Т. М. Фадсевой и А. К. Шапошникова, о которой подробно см. ниже, выражается мнение о том, что транскрипция *Лорó* как *Дори* является плодом «устоявшейся псевдонаучной традиции», поскольку греческий *υ* (ипсилогон) чаще передает «узкие огубленные гласные типа [u, ʊ]» [sic] [Фадсева, Шапошников 2005, 201]. Это неверно. Прежде всего, название *Дори* принадлежит не «псевдонаучной», а истинно научной традиции исследования Крыма, начиная с архимандрита Арсения и А. А. Васильева. Во-вторых, греческий *υ* обозначал огубленный гласный [y], а не [u] (для чего служил диграф *ου*); восприятие греч. *υ* славянами как «у» [u] иногда имело место: ср. *соунагога* (Ассеманиево Евангелие, Саввина книга) [Хабургаев 1994, 119], но это не означает, что греч. *υ* непременно должен передаваться звуком «у». В-третьих, чтение славянской буквы *у* (ижицы, передававшей греч. *υ*) как [и], давно принято как в литургических текстах, так и в науке: ср. в *Херувимской песни* греч. *доруфоруóμевон* — слав. *дориносима* (с позднейшей заменой ижицы-у на и); греч. *Лоруфóрос* — рус. *Дорифор* (известная статуя коньконосца работы Поликлета). Впрочем, некоторые положения этой книги поражают своей оригинальностью, как уже говорилось и еще будет сказано ниже. Здесь же приходится выразить удивление по поводу того, что А. К. Шапошников, являющийся соавтором О. Н. Трубачева

лесистый' (по Dubois de Montpréaux; ср. [Васильев 1921, 323]) не отвечает ни формальным, ни семантическим критериям — во-первых, приходится считаться с устойчивыми вариантами названия типа Λάρος, Λώρας, во-вторых, данная область издревле была не более лесистой, чем другие. Столь же произвольно и сопоставление с гот. *daurōns* 'двери' (по Томашеку и Брауну; ср. [Васильев 1921, 323]): готская форма не совпадает с засвидетельствованными вариантами топонима, и кроме того, Дори является по своему географическому расположению не внешней, а внутренней областью горного Крыма. Идея о «готском произношении» названия Тавриды (согласно архим. Арсению и Васильевскому; ср. [Васильев 1921, 324]) также неубедительна. В поисках удовлетворительной этимологии А. А. Васильев привлекал для сравнения кельтское (по его мнению) **dūros*, *dūrus* (*Durostorum*, Λορόστολος, Λορύστολον)³ или осетинские *дор* 'камень', *дзар* 'дверь, ворота' [Васильев 1921, 328], однако точных выводов не делал. Наиболее удачное решение было предложено О. И. Трубачевым в рамках общей концепции о таврской и синдо-меотской основе древней крымской топонимики: «Мы имеем здесь перед собой, так сказать, сплошь древнесиндийские образования *dara-* м. 'пещера', также название горы, *darī* ж. 'пещера', *darīvat-*, прилаг. 'обильный пещерами'. Ничто так не характеризует эту часть Крыма, как пещеры и целые пещерные города» [Трубачев 1999, 45]. В связи с дискуссией о происхождении названия Дори и шире — о существовании готских топонимических реликтов в Крыму — исследователь делает весьма важное замечание: «Вообще готы не оставили следов в топонимии Крыма, видимо, потому, что селились в местах, уже хорошо обжитых таврами» [ibid.]. И действительно, обширный топонимический материал, исследованный О. И. Трубачевым, никак не соотносится с германским этимологическим фоном⁴. Вероятно, помимо

по словарю индоарийских реликтов в труде «Indoaria in Северном Причерноморье» [Трубачев 1999], не только считает предложенную Трубачевым этимологию *Дори* «сомнительной», но и приравнивает понятие «индоарийский» к «цыганскому» [sic] [Фадеева, Шапошников 2005, 201]. Подобная оценка древних индоарийских (таврских и синдомеотских) реликтов в Северном Причерноморье заставляет лишь пожалеть о том, что замечательный по своей глубине и тщательности анализа труд О. И. Трубачева остался до такой степени непонятым.

³ Фракийское?

⁴ Проблема истолкования топонима *Oium* у Иордана [Get. 26–27] лежит за рамками данной работы, поскольку этот географический объект при любой локализации соотносится не с Крымом, а с Северным Причерноморьем в самом широком смысле. Название *Oium* традиционно возводится к гот. **aijōtm* 'страна, изобилующая водой' (готская форма дат. п. мн. с характерным для VI в. стяжением дифтонга; ср. нн. *Lu* 'пойма реки, заливной луг'). По мнению Е. Ч. Скржинской, «желанная земля» *Oium* находилась на Днепре [Скржинская 1997, 188]. В. И. Топоров локализовал эти земли в устье Дуная, усмотрев здесь дунайские плавни [Топоров 1983, 253–255]. Однако О. И. Трубачев видел в *Oium* искаженное илиниевское *Eon* (Plin. HN VI, 18) — название Синдского полуострова, поскольку Иордан назвал словом *Oium* землю близ

сложившегося топонимического ландшафта на то была еще одна причина: готы жили замкнуто и не распространяли свою культуру, но с течением времени воспринимали местную.

Тем не менее, поиск «готского следа» всегда привлекал этимологов. В 80-х годах XX в. Г. Нойман и К. Дювель предложили германскую интерпретацию топонима *Алушта* (название города и протекающей там реки). Их версия опиралась на «исходную форму» *Alust*, выведенную на основании упоминания этого места у Прокопия Кесарийского в трактате «О постройках» [*De aed.* III, 7, 11]: τὸ Ἀλούστον καλούμενον, хотя, по указанию О. Н. Трубачев, запись 1384 г. ἡ Ἀλούστα, равно как и записи типа *Lusta* в генуэзских документах XIV в. и современная форма *Алушта*, определенно свидетельствуют об *-а*-основе женского рода [Трубачев 1999, 216]. Г. Нойман прямо связал сконструированную им «крымско-готскую форму» *Alust* с нидерландскими топонимами *Elst*, *Elste*, *Eliste*, *Aalst*, *Alost*, *Alosta*, возводимыми к о/г **alista-/alusta* ‘ольховый, ольховая’ [Neumann / Düwel 1985, 281–282]. Указав, что старой формой названия *Алушта* было *Salusta* (Идриси, 1153 г.) и *Schalusta* (т.п. Географ Нубийский), О. Н. Трубачев отверг версию Ноймана и этимологизировал название *Алушта* (древнее *Salusta*) «как сложение со вторым компонентом *-usta/-osta* той же этнолингвистической породы, что и *Parosta*, *Рукуста*, и с реконструируемым значением ‘устье гор **salā*’, причем под последним гипотетически предполагалось древнее местное (индоарийское, таврское) название Крымских гор, буквально ‘сток, склон’» [Трубачев 1999, 216]. Эти возражения против гипотезы Ноймана вполне обоснованны. Кроме того, *Алушта* никогда не отличалась произрастанием ольхи — более того, среди типичных представителей растительности горного Крыма (пояс дубовых, буковых, сосновых лесов, пихляковый пояс) ольха вообще не фигурирует (ср. [Крым: Путеводитель 1982, 21–25])⁵.

Однако даже при таком положении дел О. Н. Трубачев отметил, что не следует отказываться от дальнейшего продолжения поисков германских реликтов и счел возможным выдвинуть германскую этимологию для единственного крымского топонима — *Suti*. Это зафиксированное Шильтбергером (ср. выше, 2.1) название плодородной области, принадлежащей к городу Кырк-Йеру; в источнике отмечалось, что турки называют эту область *Than* (*That*) [Трубачев 1999, 215]⁶. Исследователь заключает, что такая точная

Меотиды, куда переправились готы *stenso amne transposita* ‘перейдя огромную реку’, которой в Приазовье мог быть только Керченский пролив [Трубачев 1999, 214]. Существенно, однако, что Иордан или его источник в любом случае мог соотносить готское **aujom* с неясной географической (или уже эпической) реальностью — либо в качестве действительного наименования, либо по народной этимологии из Еоп.

⁵ Справедливости ради отметим, что ольха однажды упоминается у Палласа среди деревьев горного мелколесья [Паллас 1999, разд. VI]. Тем не менее, *Алушта* расположена не в горном лесу.

⁶ Со ссылкой: [Кеппен 1837].

информация позволяет отклонить сопоставление названия *Суты* с *Сугдеей* и вариантами ее названий, и привлекает сообщение Snorri Стурлусона («Сага об Инглингах», I) о том, что к северу от Черного моря простирается страна Свитьод Великая. С. Д. Ковалевский, на чьи примечания ссылается О. Н. Трубачев, указывает, что Свитьод (Svíþjóð, букв. 'народ свесв') — древнее название средней Швеции, Сваланды [Сага об Инглингах 1973, 238–239]. Контекст «Саги об Инглингах» гласит: «*En norðan að Svartahafi⁸ gengr Svíþjóð hin mikla eða hin kalda*» 'К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция' [Heimskringla 1894, 9], перевод по изданию: [Круг Земной 1980, 11]. М. И. Стеблин-Каменский трактует это место иначе: «Названия "Скифия" (лат. Skythia, исл. Skytía) и "Швеция" (исл. Svíþjóð) в силу их созвучности отождествлялись, и здесь, как и всюду в данном словосочетании, вместо первого употреблено второе» [Стеблин-Каменский 1980, 634], что соответствует традиционному толкованию XIX в. (ср. [Шафарик 1848, 147]).

О. Н. Трубачев интерпретировал факты иначе. По его мнению, Свитьод Великая — «(само)название старой области готской причерноморской экспансии (наука уже накопила ряд вторичных аналогий об обозначении областей вторичной колонизации таким способом — Magna Graccia — об Италии, Великороссия, Wielkopolska и др.)», «любопытный остаток готского *Swi-þiud-, собственно 'свой народ'». Попутно он отметил, что старое отождествление (эмендация) древнеисландского Svíþjóð как Skyþjóð должно считаться неправильным [Трубачев 1999, 215]. Модель *Swi-þiuda хорошо согласуется с засвидетельствованным для Балкан (IV–V вв.) топонимом Gutthiuda 'языческая страна готов', бытовавшем в готском языковом обиходе. Но, к сожалению, однозначное заключение в данном случае невозможно, поскольку географическая компетенция Snorri допускает как ориентацию на формулу типа «Великая Скуфь», так и на реликты древних преданий о расселении германцев. Недаром знаменитое соотношение асов с Азией («Сага об Инглингах» II, пролог «Младшей Эдды») оценивается наукой то как эвгемеристическое и тем самым фантастическое, то как исторически верное и весьма важное для уяснения сармато-германских контактов [Щукин 2005, 85–89]. А если учитывать отнюдь не голословное заключение М. Б. Щукина о существовании ранних (еще до продвижения готов на земли Скифии) «сармато-германских и даже скандинаво-причерноморских контактов» [Щукин 2005, 85], проблема связи названий Свитьод и Скифии

⁷ Орфография названия Svíþjóð во всех цитатах дается в соответствии с изданием Финнура Йоунссона.

⁸ При обсуждении «скандинаво-черноморской» проблематики следует задуматься о происхождении древнеисландского названия Черного моря — Svartaháf. Нам оно кажется «вполне современным», но текст относится к XIII в. Что здесь: калька иранского (сарматского)? Славянского? Если иранского, то в какую эпоху и в чьей традиции?

выходит на совершенно новый (и одновременно весьма древний!) уровень, напоминающий «постановку вопроса» в «Песни о Хлёде», где столько же вспомнено, сколько забыто («на готской земле / могилы священные, / камень чудесный / в излучинах Данна» и т.д.).

С другой стороны, примечательно, что для Иосафато Барбаро (конец XV в.; ср. выше, 2.1) Тана — венецианская колония на северном побережье Черного и Азовского морей, в дельте Дона [Скржинская 1971]. Than (= Suti) у Кырк-Йера (Кырк-Ора, «Сорока Крепостей») — другой географический объект, относящийся к горному Крыму. Однако указание на Свитьод Великую «к северу от Черного моря» каким-то образом объединяет обе Таны — горную и степную. Если гипотеза О. Н. Трубачева о *Suti* как реликте **Swiþiuda* верна — то распространялось ли это название на приазовскую Тану, то есть на область древнего расселения германцев в Приазовье? Вопрос закономерный, но так и остающийся вопросом. И, как можно видеть, истолкование топонима *Suti* также проблематично.

Куда более проблематичны предложенные в книге Т. М. Фадеевой и А. К. Шапошникова германские этимологии некоторых крымских топонимов [Фадеева, Шапошников 2005, 274–275]⁹. Так, название реки в Крыму *Бельбек* сравнивается с гидронимом Велибок и возводится к германскому **bel-bek* ‘источник топора’. Однако, помимо весьма странной семантики

⁹ Выдвигаемые там этимологии принадлежат А. К. Шапошникову, как и главы по истории Крымской Готии (о житии св. Иоанна Готского, о «Записке готского топарха», «Описании города Феодоро» монаха Матфея). К сожалению, от этих и других полезных глав книги невыгодно отличается раздел «Язык таврических готов». Автор не учитывает ни одной лингвистической работы по крымско-готскому языку и рассматривает (позднее) крымско-готскую фонетику без всякого учета влияний и искажений, при этом допуская неточности в передаче, указании значения и этимологических соотношениях форм (подробно рассмотреть множественные ошибки было бы возможно лишь в рецензии). Нельзя назвать удачным и раздел «История религии готов», согласно которому у готов-тетракситов, «как и у прочих народов, принятие иудео-христианства всегда было лишь поверхностным официозом, языческие обряды и предания сохранялись, оставаясь вполне очевидными и в ханжеских церковных оболочках» [Фадеева, Шапошников 2005, 252]. «Иудео-христианство готов» особенно интригует (а вдруг автор считает готов караимами, или, напротив, караимов — готами?). Говоря же серьезно — странно, как подобный пассаж, о коем судить предоставляю читателям, мирно уживается в книге с научной публикацией жития св. Иоанна Готского (который, впрочем, по мнению комментатора, творил чудеса не то «действием гипноза», не то «энергетическим бесконтактным воздействием на объекты неживой природы» и посетил в Иерусалиме места... «где проповедовал и творил чудеса Иешуа ха-Ноцри» [Фадеева, Шапошников 2005, 206 и 195]). Но не лучшее обстоит дело и с осмыслением готского языка: вольный пересказ эддических мифов с древнеисландскими именами в «готской» транскрипции (например, «Хаймделб» — *Heimdallr*) и остаточными древнеисландскими словами («Фимбулвстр» как «готская мифологема») не вносит вклада в изучение темы.

названия¹⁰, германские праформы восстановлены здесь неверно: в любом случае нужно реконструировать *bīl- ‘топор’ и *bak(-ja-z) ‘ручей’ (ср. рус. *багно* ‘болото’, нл. *Bach* ‘ручей’ [Чемоданов 1962, 54]). А поскольку в крымско-готском, как и в готском, не было i-умлаута, которым обусловлены такие формы, как ди. *beckr*, да. *bese* ‘ручей’, то название ручья от этой основы должно было бы выглядеть как *bak(i). Кроме того, в классическом готском ручей обозначается другим словом — *rinno*. Внешнее звуковое сходство — не критерий; крымский *Бельбек* (гидроним и название плато) напоминает сирийский *Баальбек*, но делать какие-либо выводы на одном этом основании нельзя.

То же касается названия крымской реки *Стиля*. А. К. Шапошников возводит ее к германскому *still- ‘тихий, спокойный’ [Фадеева, Шапошников 2005, 274]. Семантика также проблематична: крымские реки редко бывают тихими. Но даже если Стиля типе остальных рек в Крыму, этимология неверна с формальной точки зрения. Основа прилагательного *still- не является общегерманской и засвидетельствована только в западногерманском ареале: да. *stille*, дфриз. *stille*, нс. *stilli*, двн. *stille* ‘тихий, спокойный’ [Bosworth / Toller 1976, 920–921]. Древнеанглийское *still* возводится этимологами к да. *stillan* ‘оставаться на месте’, в свою очередь, происходящему от да. *stæl*, *steal* ‘место’ — ср. ди. *stallr*, а за пределами германского — др.-инд. *sthāla* ‘твердая почва’ [Skeat 1995, 464]. В готском «место» обозначалось как *stafs*, а в крымско-готском — как *statz* (см. 5.2.2, *statz*), и если бы даже в крымско-готском было обозначение, родственное ди. *stallr*, оно (в отсутствие умлаута) могло выглядеть только как *stals. Думать же, что от этого гипотетического слова образовался глагол, аналогичный древнеанглийскому *stillan*, а от глагола — прилагательное *still-* (с характерной западногерманской геминатой!), значило бы совершенно забыть о «бритве Оккама». Представляется, что здесь нужно обратить внимание на хазарский гидроним *Астиль*. В наиболее известном своем варианте и применении — *Итиль* — он соотносится не с Крымом, но функционирование подобного гидронима в Крыму, занятом хазарами, вполне возможно. Если же настаивать на германской этимологии (и спокойствии) реки *Стиля*, тогда уж уместнее предположить в этом след пребывания немецких колонистов XIX в.

¹⁰ А. К. Шапошников указывает, что «готское название реки Бельбек калькируется татар. *Балтачакрак* «источник топора» [Фадеева, Шапошников 2005, 236]. Однако подразумеваемая здесь методика В. Гюргиса и О. П. Трубацэва основывается на конкретном соотношении топонимов. Указание на кальку должно означать, что *Бельбек* называется по-татарски *Балтачакрак* — не иначе. Однако *Балтачакрак* — название деревни под Бахчисараем, а р. *Бельбек* находится не там, а близ Мангуша и Эски-Кермена. Причисляя этот вопрос, как и нерешенную проблему семантики, к «недоуменным», могу лишь сказать, что форма *бек* в любом случае не относится к готскому языку (обоснование см. выше).

Этимологии названий крепости *Фуна* (ср. тж. название горы *Фунна*) и селения *Форос* (Fori XIV–XVII в.) [Фадеева, Шапошников 2005, 237] также произвольны. Название *Фуна* (*Фунна*) давно было признано греческим, а не готским, о чем говорилось выше со ссылкой на О. И. Трубочева (несдаром не включившего этот топоним в свой реестр «Germanica» в Крыму). Предполагать, что название Fori прямо произведено от готского предлога или наречия *fauga* ‘перед, впереди’ означает игнорировать все семантические законы топонимики: урочище с названием «перед» стоит знаменитого «еще-еще-наволока», но последний всё-таки попал на карту по недоразумению (да еще в советские времена колхозы называли «Вперед»). Но даже если такое уникальное явление имело место — неясно, чем Fori-Форос «переднее» всех остальных точек береговой линии между Севастополем и Ялтой: тогда уж такого названия заслуживали бы мысы Айя, Фиолент, Сарыч, Ай-Тодор, а не довольно ровный в этом смысле Форос (а небольшие мысы есть и в соседнем Меллассе). Кроме того, ни предлоги, ни наречия не склоняются и не имеют множественного числа, и Fori (а не *fora) необъяснимо и с формальной точки зрения.

Неясно и положение с топонимом *Фурт-Сала* (селение в Крыму), который А. К. Шапошников сравнивает с двн. *furt* ‘брод’ [ibid.]¹¹. В классическом готском слово со значением «брод» не засвидетельствовано по лингвистическим причинам. Если предположить, что в крымско-готском существовало слово-продолжение от *ford- (ср. здесь да., лс. *ford* ‘брод’), то в позднем крымско-готском оно должно было выглядеть как *fort (ср. *wingart* ‘виноградник’). Германская огласовка корня — тонкий вопрос: с одной стороны, да. *ford*, двн. *furt* традиционно производятся от глагола *faran* ‘передвигаться’, зд. ‘переправляться’. В таком случае можно было бы восстанавливать *f^u/_ord-, то есть корень с нулевой ступенью гласного и развитием эпентетического и из слогового сонорного r (и.-с. *rǫtós, закон Вернера в германском). Тогда двн. *furt* оценивалось бы как сохранение общегерманского эпентетического и, который в да., лс. *ford* подвергся понижению. При таком развитии фонетики ничто не помешало бы восстановить (позднее) крымско-готское *furt со снятием готского преломления, как в *uburt* < *waurþi. Но, с другой стороны, германское *ford- оправданно сопоставляется с лат. *portus* (с развитием значения «гавань» > «брод» и тем же звонким спирантом по закону Вернера в германском; ср. гот. *flodus* // греч. *πλωτός*), и тем самым в германской основе предполагается не понижение эпентетического и перед r, но исконный краткий гласный o — перфектная огласовка известной индоевропейской

¹¹ К сожалению, исследователь не приводит истории названия, что в таких случаях (ср. казус с Алуштой) играет решающую роль. В моей работе германские этимологии крымских топонимов не выдвигаются, поскольку при работе с топонимикой важен не подбор похожих фонетических комплексов, а тщательное, документированное прослеживание многовековой истории названия и осмысление топографических особенностей (ср. «Indoagica в Северном Причерноморье» — [Трубочев 1999]).

основы *rġr-/rōr- (и тогда корневой гласный в двн. furt повышается по закономерностям этого отдельного языка). Второй вариант предпочтительнее, и в таком случае основа должна была бы иметь в крымско-готском продолжение *fort (кстати, по поводу сохранения о/г *ō ср. крым.-гот. kor[n] 'зерно'). Но даже если в крымско-готском была основа *forð-, которая перешла в *furt в результате самостоятельного развития или искажения, дело исследователя — обосновать топографическую привязку. Топонимы на -furt всегда связаны с достаточно крупными равнинными реками (пеший переход вброд обозначался у германцев глаголом *wadan-). Насколько можно судить, брод-переправа, перевоз — нетипичная для Крыма реалья. Соответствует ли местность у селения *Фурт-Сала* условиям, заявленным в этимологии? Если да (если это место действительно славилось бы своей переправой), то во втором компоненте можно даже было бы увидеть не индоарийское *sala- 'склон' (ср. [Трубачев 1999, 51, 83–88], а германское *sal- 'селение' от *saljan 'проживать'. Но в целом здесь, как и в рассмотренных выше случаях, остается актуальной формулировка О. П. Трубачева: «*Pseudogermanica*».

А. К. Шапошников предлагает также германскую этимологию названия Scivarin (древний город Крымской Готии, ср. упоминание у Бусбeka — 3.2.) с двн. scivaro 'обломок скалы, камня', нн. Schiefer [Фадеева, Шапошников 2005, 275]. Положение с этим топонимом представляется неясным. С формальной точки зрения всё достаточно гладко: двн. scivaro (sic) имеет параллель в виде на. shiver 'обломок, щепка', которое является скандинавским заимствованием и соотносывается с ди. skifa 'ломтик' [Skeat 1995, 432, Cleasby / Gudbrand Vigfusson 1957, 550], причем последнее сближается с нн. Scheibe, двн. scība [Cleasby / Gudbrand Vigfusson 1957, 550]. Соответственно, основа в готском выглядела бы *skīb(ar-) > skivar в позднейшем оформлении, а компонент -in в таком случае был бы суффиксом принадлежности, соотношения с материалом (гот. -īn- < о/г, и.-с. * -īn-; ср. гот. eisameins 'железный' и др.). Таким образом, название города (горного урочища) могло бы означать 'скально-осыпной' (но, конечно, не «шиферный»!). Но, с другой стороны — и это куда более существенно — еще Ф. Брун проводил аналогию Scivarin — *Сюрень* [Брун 1874, 51], что наносит удар по германской этимологии.

«Мансур» и «Scivarin» уже в традиции Возрождения считались древними городами Крымской Готии. Ср. здесь указание И. С. Пиоро: «Если подтвердится ранняя дата (VI в.) основания Сюреньского укрепления, господствовавшего над Бельбекской долиной, то можно будет с большей уверенностью говорить, что эта крепость (или убежище) была построена для защиты местного населения. Во всяком случае, открытые поблизости от укрепления могильник и поселение, свидетельствующие о наличии в его округе оседлого населения уже в VI–VII вв., подтверждают, на наш взгляд, мнение о том, что на Сюрени еще со времен Юстиниана I могло существовать какое-то укрепленное убежище» [Пиоро 1990, 134]. Однако название *Сюрень* (а не *Скиврень /-ин, *Ширень /-ин) не является германским.

Выдвинутая А. К. Шапошниковым этимология топонима *Мангун* [Фадеева, Шапошников 2005, 274], казалось бы, в целом приемлема, но при подробном рассмотрении материала возникают аналогичные проблемы. Топоним интерпретируется у Шапошникова как сложное слово, но первый компонент не объясняется, хотя в рамках готской интерпретации само собой разумелось бы готское *manpa ‘человек’. Второй сопоставляется с диалектным (южным) немецким Gurf ‘вершина’. Это слово (в литературный немецкий язык вошел его вариант Gipfel < Gipf) происходит от свн. kurre, korre ‘вершина, верхушка (какого-либо предмета)’ [Grimm DWB, VII, Sp. 7522]. Последнее сопоставляется с зап.-англ. sor ‘круглый холм’ и свн. korf ‘вершина, верхушка’ > Korf ‘голова’ [Cleasby / Gudbrand Vigfusson 1957, 351].

Как указывал А. Л. Бертьс-Делагард, этимология названия *Мангун* неизвестна, но у татар он — *Mángun*, а не *Manğun* [Бертьс-Делагард 1918, 34]. У Бусбека название засвидетельствовано в форме Mancur; соответственно, если думать о готской реконструкции, то следует восстанавливать *Man-kur ‘холм / вершина людей’, то есть «обжитая вершина» (но не «голова человека»), поскольку «голова» обозначается в готском и крымско-готском словами haubîr / hocft). Однако никакой уверенности в том, что топоним имеет германское происхождение, у нас нет. Более того, О. Н. Трубачев относил название *Мангун* (*Mángun*, *Mancur*, *Mancoria*, *Mancap*) к таврским или синдесотским и восстанавливал форму *ma(ia)n-kar- ‘гора материнских (вар.: меотов)?’ / ‘материнская гора’, интерпретируя *ma(ia)n как первоначальный род. п. мн.ч. ‘материнских? меотов?’ и *кара- как ‘гора’ (‘холм, бугор’) [Трубачев 1999, 255]¹². Примечательно, что по-татарски *Мангун* называется *Баба-даг(и)* ‘отчая гора’ или *Баба-кая* ‘отчая скала’ [Трубачев 1999, 255, Харитонов 2004, 144]. При любом взгляде на проблему необходимо учитывать, что основа *man- имеет еще одно отражение в топонимии Крыма — ср. название речки *Манаготра*, по Трубачеву — *ma(ia)n-gotra ‘род Манаса?’ / ‘род меотов (вариант: материнских)’ [Трубачев 1999, 148, 254]. На этом фоне германская этимология выглядит сомнительной. Приходится повторить сказанное выше: странно, что А. К. Шапошников, выступавший как соавтор О. Н. Трубачева по словарю этимологических реликтов в трубачевской «Indoarica», в собственном исследовании даже не ссылается на индоарийскую этимологию¹³.

В заключение обзора крымской «Gotica vel Pseudogotica» нужно указать на один топоним в Крыму, не отмеченный исследователями. Это южнокрымское название *Бал-Гота*. В этом месте находится некрополь с плитовыми

¹² Обсуждение этимологии названий Сафа, Саффа (*Кафа* = Феодосия) и Паптикалаиов (*Паптикапей* = Керчь), где О. Н. Трубачев также усматривает компонент *кара- ‘холм, бугор’ [Трубачев 1999, 246], не входит в задачи данной работы.

¹³ Между тем С. В. Харитонов, считающий название *Мангун* этимологически темным, всё же приводит версию О. Н. Трубачева как основную [Харитонов 2004, 144].

могилами (вещи датируются VII в.) (ср. [Лйбабин 1999, 93]. О значении первого компонента сложного слова судить не могу, из германского он не этимологизируется. Второй же компонент явно связан с этнонимом *Gut-/ *Got-, который, очевидно, дошел в иноязычном оформлении. Тем не менее, пока это лишь гипотеза, для проверки которой требуется кропотливая работа с источниками по истории Крыма.

В целом же следует констатировать вслед за О. Н. Трубачевым, что древняя крымская топонимия сформировалась без участия готского (германского) компонента. Вероятные причины этого были указаны выше. Ясно также, что если готы и давали свои названия различным местностям и урочищам (а в раннюю эпоху это должно было иметь место), процесс этот не затрагивал их равноправных соседей, называвших те же места иными именами. Кроме того, материальная устойчивость исконных топонимов как таковых обычно весьма высока. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о множестве балгизмов в Подмосковье, славянских топонимах в Восточной Германии, индейских названиях в США — как и о том, что старая крымская топонимия радикально изменилась лишь в XX в. под государственно-идеологическим влиянием (и под угрозой государственно-идеологической альтернативы типа «Севастополь» — «Геодорихсхафен»). Однако крымские готы не создали ни сильной государственности¹⁴, ни разветвленной хозяйственной системы (ср. топонимы Франции и Италии с германской этимологией, свидетельствующие о соответствующих владениях). В масштабе полуострова оказалось актуально лишь противопоставление «Готских Климатов» или «Крымской Готии» всем остальным областям. Кроме того, в определенный период к формированию местной топонимии подключились тюркоязычные племена, в чью эпоху и были записаны многие старинные крымские топонимы. С учетом всех этих соображений становится ясно, почему топонимия Крыма не испытала прочного германского влияния.

9.2. Ономастика

Германские ономастические реликты в Крыму и Северном Причерноморье весьма немногочисленны. Тем не менее, специфика функционирования имен собственных, то есть возможность их автономного употребления на протяжении веков и в иноязычных памятниках, обусловила как само наличие материала, так и его достоверность. Кроме того, в отличие от топонимии,

¹⁴ М. Б. Шукин пишет, что готы в Крыму «сохраняли свою государственность и этническое самосознание вплоть до 1476 г.» [Шукин 2005, 420], однако ясно, что государственность эта была весьма специфической. По сравнению с готской Испанией и даже Италией это скорее предгосударственная стадия, так и не воплотившаяся в определенную государственную форму.

мы можем с полным правом говорить о реальном и широком присутствии германских имен в поздисангичном и раннесредневековом Крыму, поскольку все германцы носили тогда только такие имена. Другое дело, что имена эти существовали внутри замкнутой и исконно бесписьменной племенной общности и не распространялись среди других народов Крыма, но лишь иногда «вырывались наружу».

Известны упоминания епископа Унилы и его диакона Модуария в послании св. Иоанна Златоуста: «Μοδουάριος ὁ διάκονος... Οὐνίλας ὁ ἐπίσκοπος...» «диакон Модуарий..., епископ Унила» (см. раздел 1.2.2.2). Формы Οὐνίλας и Μοδουάριος вполне удовлетворительно этимологизируются как гот. *Hūnila < *hūns ‘медвежонок, молодой зверь’ (ср. ди. hūnn ‘медвежонок’) и *Mōðuharjis ‘гнев, мужество + войско’ (ср. двн. Muother) [Braun 1890, прим. 1, Tischler 1978, 15]. Как отмечалось в указанном разделе, эти лица соотносятся не с Крымом, а с Боспором. Тем не менее, сама фиксация германских имен в раннесредневековом византийском источнике вполне естественна и достоверна.

Упомянутый в житии святых мучеников Иппы, Пинны и Риммы¹⁵ епископ Готто (< *Got-/Gut-?), чье имя особо отмечает Й. Тишлер [Tischler 1978, 15], не связан с Крымом, как и сами эти святые.

Поиск имен германской этимологии в греческой эпиграфике Причерноморья не дал ощутимых результатов. Что касается приводимых Й. Тишлером имен, извлеченных из греческих надписей, то германскую этимологию может иметь лишь одно — Γότο (< *Got-/Gut-) из Пантиканея [Tischler 1978, 17]¹⁶. Другие — Γομαρία и Γαττιων из Пантиканея, Ατυθοος и Ιλθη из Феодосии [ibid.] — лишь насильственным путем могут быть истолкованы как германские, никаких аналогий или надежных параллелей здесь нет. То же касается и загадочного ΗΡΦΥΔΥΛ (Harfidil?) — имени с иудейского надгробия в Паргенисте. Более того, из контекста последней надписи следует, что упомянутое лицо было священником: ΗΡΦΥΔΥΛ // hkwhn tnwh // nfšw (Harfidil?) hak-kōhēn tānūah nafsō ‘ΗΡΦΥΔΥΛ священник предал на покой свою душу’ [Chwolson 1882, 142–146, Tischler 1978, 30]. Вряд ли стоит доказывать, что иудаистские священники той эпохи не могли носить германских имен, будь то даже в Крыму¹⁷.

¹⁵ Ἰννᾶ, Ῥημᾶ, Ρινᾶ (род. п.). По данным Г. Райхерта, первое имя является киλικийско-исаврийским, второе может быть германским (ср. гот. gimisa дат. п. ед.ч. ‘покой’, имя собств. Remes-arius и др.), кельтским или фракийским, а третье давно признано иллирийским [Reichert 1989, 134]. Ввиду окончания «-α» имена были переосмыслены в России как женские.

¹⁶ Надпись [Γ]ΙΡΑΝΙΗΣ // ΓΟΤΟΥΟΣ [КБН 1965, № 26]. Исследователи указывают, что надпись (вопреки В. В. Латышеву) не датируется ввиду того, что орнаменты не сохранились [КБН 1965, № 26, Tischler 1978, 29].

¹⁷ Как известно, потомки крымских готов активно сопротивлялись хазарам (ср. житие св. Иоанна Готского). Но даже при переходе германца в иудаизм такой человек вряд ли сделался бы священником.

По состоянию на вторую половину XX в. ситуацию с германским именословом в Крыму можно было квалифицировать как практически полное отсутствие данных или утрату ономастической традиции. Примечательно, что единственное достоверно германское имя — Гото — оказывается в то же время этническим определением, то есть во многом ориентировано вовне. Тем не менее, считать его прозвищем-указанием этноса не позволяет использование той же основы в мужском имени Ostrogotha (легендарный предок готских королей династии Амалов, *Get.* 79) и женских именах Ostrogotho и Thiudigotho (внучатные дочери Теодориха Великого, *Get.* 297).

Укажем на аналогичное имя на закладной плите из раннесредневекового Херсона. Согласно описанию А. И. Айбабина, близ комплекса Западной базилики находится склеп, высеченный в незавершенном рву у первой куртины. Его закрывала закладная плита с крестом с раздвоенными концами и надписью: «κ(υρ)ιη, τι κуетυν ποιησει τον δουλο[v] τον τ(ου) θε(ου) ι' ουτου» 'Господи, упокой здесь раба Божия Гота' [Айбабин 1999, 127]. Исследователь приводит имя в написании с прописной буквы, но не высказывает никаких суждений о нем и далее считает, что на описанной выше плите «упомянут гот» (ср. [Айбабин 1999, 168]). Однако традиция церковного поминовения в данном случае требует имени (и только имени), и если эта надпись является полной, то на ней представлено имя, происходящее от этнонима, но не этноним как таковой. В связи с этим следует вспомнить и свидетельство о рабыне «из Зихии»¹⁸ по имени Гото, проданной 23 сентября 1277 г. в Генуе [Vasiliev 1936, 123, Пцукин 2005, 457] (ср. 1.1.8). Подчеркнем, что речь здесь идет не об именовании раба посредством этнонима по римской практике, но о функционировании древнего имени, которое, благодаря корреляции с этнонимом, в определенную эпоху смогло особым образом выделять готов при их самоопределении в чуждой этнической среде (ср. армянское имя *Армен*, призванное особо подчеркивать связь индивида с этносом при том, что отнюдь не каждого армянина зовут *Армен*).

На этом довольно-таки скудном фоне неожиданным образом возникает отмеченное О. Н. Трубачевым имя из мангунской греческой надписи, датированной второй половиной XIV в.: «почтеннейший сотник Χυτάβη» [Трубачев 1999, 215]¹⁹. Исследователь с полным правом интерпретирует это имя как «германское (готское) *hwītan-, субстантивированное прилагательное в роли прозвища «Белый», ср. гот. hwcits 'белый', нем. weiß, germ. hwīta-» [ibid.]. Эта простая и, если угодно, живая этимология разительно отличается от натянутых толкований имен типа Готариа, Harfidil и наглядно показывает, какой была «Лотия, которую мы потеряли».

¹⁸ Область проживания племени зихов — черкесов на черноморском побережье Кавказа.

¹⁹ Публикация надписи: [Малицкий 1933, 9].

Однако потеря эта была закономерной. Готы в Крыму с течением времени грецизировались, обращались к византийско-малоазийской культуре. Кроме того, уже с VI в. распространяется практика перемены имени при вступлении в монастырь [Lexikon... VII, 1962, 783]. Тем самым уроженец Партенита св. Иоанн Готский мог получить свое имя как при крещении, так и при постриге. Поддерживавшие его местные военные аристократы могли носить германские имена (вроде «почтеннейшего сотника Хвитана»), но в житии св. Иоанна Готского они не упоминаются.

Таким образом, по понятным причинам германский ономастический материал в Крыму весьма небогат, но дальнейшее пополнение данных всё же возможно. Так, в связи с данной темой следует вспомнить (см. 1.2.2.3), что в VI веке для борьбы с гуннами были присланы на Боспор и привели под своим командованием готов некие *Годила* и стратиг *Бадуарий* (вин. н. *Вадобуагрюн* у Малаалы; *Вадобуагрюн* у св. Феофана Исповедника) [Айбабин 1999, 95]. Имена их являются германскими и происходят соответственно от **Gut-/Got-* или *o/g* **gōdaz* ‘хороший’ + уменьшительный суффикс *-il-* и от *o/g* **baðu-* ‘битва’ + **war-* ‘охранять, защищать’ или **harijz* ‘войско’ (ср. упомянувшиеся выше имя диакона Модуария). Бадуарий, назначенный стратилатом Скифии, впоследствии был отозван, но приведенные им готы остались на Боспоре и поселились там с семьями (ср. 1.1.7, 1.2.2.3). Как можно видеть, готские воины в эту эпоху носили германские имена.

В связи с темой причерноморских «*Germanica* и *Pseudogermanica*» следует упомянуть абхазское женское имя *Гунда*, которое носители языка считают древним. На фоне археологического присутствия германцев в Абхазии (см. 1.1.6) напрашивается сопоставление с германским **gunþjō* ‘битва’, но для того, чтобы делать выводы, нужно проверить кавказскую этимологию имени.

В заключение нужно указать на коренное различие ономастической ситуации в области крымских готов и, с другой стороны, в готской Испании или даже Италии IV–VI вв. Из фактического отсутствия готского ономастикона в Крыму следует парадоксальный вывод: получается, что здесь германцы наименьшим образом противопоставляли себя местному населению. Однако важно помнить, что в разные века дело обстояло по-разному. В раннюю эпоху германцы были самостоятельным этносом, но сами оставались бесписьменными, а Крым в раннем средневековье был для Византии «глухой деревней» без особого стратегического значения. Отсутствие же крупного корпуса имен в последующие века свидетельствует о том, что готы, имея в своей среде и аристократов, и воинов, так и не образовали общекрымской аристократической и военной элиты, но восприняли местную традицию.

Исследование корпуса крымско-готских данных, засвидетельствованных у О. Г. де Бусбека, показывает, что эти данные являются подлинными. Однако специфическое бытование крымско-готского языка как реликтового (находящегося в чуждом окружении), а также этническая принадлежность информанта и интерпретация крымско-готских слов носителем западногерманского языка наложили свой отпечаток на исконный германский материал.

В вопросе о диалектной принадлежности крымско-готского следует согласиться с выводом М. Стернса, что в рамках традиционной трехчастной классификации древнегерманских языков («восточногерманский — скандинавский — западногерманский») крымско-готский определяется как восточногерманский язык / диалект [Stearns 1978, 119]. Однако не подлежит сомнению, что, во-первых, этот восточногерманский язык или диалект мог отличаться значительным своеобразием по сравнению с известным нам восточногерманским материалом, и во-вторых, претерпел существенную трансформацию ввиду особых условий бытования и специфической письменной фиксации.

В диалектном плане крымско-готский материал обнаруживает противоречия. С одной стороны, он явно тяготеет к восточногерманскому ареалу, что доказывают очевидные фонетические изоглоссы с классическим готским, с другой — обнаруживает фонетические и лексические расхождения, что может объясняться как искажением автохтонных слов в устах информанта и записи Бусбека, так и смешением в крымско-готском разнодиалектных форм (восточно- и восточногерманских). Представляется, что отнесение крымско-готского к тому или иному германскому диалектному ареалу всегда будет иметь статус нерешенного вопроса ввиду невозможности верификации форм, скудости материала и множественности этимологических решений. Кроме того, язык крымских готов в любом случае приобрел за века самостоятельный статус, поскольку при сохранении ярких реликтовых особенностей он насыщался заимствованиями и менял свой лексический состав. Всё это позволяет заключить, что крымско-готский занимает особое положение среди древнегерманских языков. И поскольку диалектная картина внутри восточногерманского ареала остается неясной ввиду ограниченности или даже отсутствия данных, уместно выделять крымско-готский язык в особый древнегерманский ареал (микроареал).

Предполагаемое некоторыми исследователями влияние готов и шире — германцев на топонимику Крыма фактически не прослеживается (кроме неясного и до сих пор специально не обсуждавшегося топонима *Бал-Гота*). Для

ономастики Крыма можно определенно констатировать присутствие основы *Gut-/Got- в именах собственных, хотя эти и другие реликты крайне немногочисленны.

Сопоставление даты фиксации крымско-готских реликтов с данными археологии показывает, что готы в эту эпоху уже давно утратили свою самобытную германскую культуру. Однако язык их оказался поразительно устойчивым в обиходе и при всех изменениях, закономерных на протяжении долгого времени и при контакте с другими языками, сохранил весьма древние особенности.

Источники

- Аммиан Марцеллин. Римская история (*Res Gestae*) / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб, 1996.
- Барбаро и Контарини о России. / Пер., подготовка текста, вступ. ст. и комм. Е. Ч. Скржинской. М., 1971.
- Вестберг Ф. Записка готского топарха // Византийский временник. 1909. Т. 15. Вып. 1 (1908). С. 71–132.
- Вестберг Ф. Записка готского топарха (Окончание) // Византийский временник. 1910. Т. 15. Вып. 2–3 (1908). С. 227–286.
- Дойл А. К. Полное собрание произведений. М., 2010.
- Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 70–92, 105–142.
- Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии / Пер. А. Никитского. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. 13. С. 25–34.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. Изд. 1-е. М., 1960.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб, 1997.
- Книга Правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отц. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, [М. – Сергиев Посад], 1992 [репр. изд. 1893 г.].
- Корпус Боспорских надписей. / Ред. В. В. Струве и др. М.-Л., 1965. [Фонд КБН 1965].
- Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб, 1896.
- Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. М., 1946.
- Никифор, патриарх. Бревиарий // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, пер., коммент.) М., 1980. С. 145–184.
- Описания крымских чудотворных икон Пресвятой Богородицы. [Струков Д. М.] Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. Изд. Симферопольской и Крымской епархии, 2003.
- Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 201–298.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер., стат., комм. А. А. Чекаловой. М., 1993.

- Путешествие в восточные страны Илано Каринии и Рубрука. М., 1957.
- Сказание о жизни Антония Римлянина // Памятники старинной русской литературы. СПб, 1860. Т. I.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980 [репринг: М., 1995].
- Снорри Стурлусон. Сага об Инглингах. / Пер. с др.-исл. и примечания С. Д. Ковалевского. // Средние века. Сборник. Вып. 36. М., 1973. С. 238-239.
- Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.
- Страбон. География в 17 книгах. / Пер., ст. и комм. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- [Струков Д. М.] Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. М., 1878.
- Феодорит блаж., еп. Кирский. Церковная история. М., 1993.
- Феофан Исповедник, св. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Пикифора (тексты, пер., коммент.) М., 1980. С. 17-144.
- Чемоданов И. С. Хрестоматия по истории немецкого языка. Изд. 2-е, доп. М., 1978.
- Busbequius Augerius Gislenius. D. legationis Turcicae epistolae quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectae sunt duae alterae. Eiusdem de re militari contra Turcam instituenda consilium. Parisiis, apud Aegidium Beys, 1589.
- Busbequius Augerius Gislenius. D. legationis Turcicae epistolae quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectae sunt duae alterae. Eiusdem de re militari contra Turcam instituenda consilium. Francofurti, apud Andreae Wecheli. Claud. Marnium & Ioann. Aubrium, 1595.
- Busbequius Augerius Gislenius. D. legationis Turcicae epistolae quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectae sunt duae alterae. Eiusdem de re militari contra Turcam instituenda consilium et Solimanni turc. imp. legatio [Ebraimi Strotschenii] ad Ferd. I imp. rom. Lipsiae, sumptibus M. Guentheri, 1689.
- Chwolson D. Corpus Inscriptionum Hebraicarum, enthaltend Grabschriften sowie auch Schriftproben aus Handschriften vom IX.-XV. Jahrhundert. St. Petersburg, 1882 [пер. Hildesheim, 1974].
- Heimskringla. Nóregs konunga sögur af Snorri Sturluson. / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1894.
- Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus. V. 52. Paris, 1859.

Словари

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.

- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Топоров В. И. Прусский язык. Словарь. *A-D*. М., 1975; *K-L*. М., 1984.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. /Пер. и ред. О. Н. Трубачева. М., 1964-1973.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. /Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974-.
- Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 10. Leipzig, 1879.
- Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T. N. Toller. Oxford, 1976.
- Buck C. D. Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago --- Illinois, 1949.
- Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. / Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. Oxford, 1957.
- Diefenbach L. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Frankfurt 1846-51. Bd I-II (rpt: Wiesbaden, 1967).
- Encyclopaedia Britannica: Macropaedia. Vol. 1. Chicago-London-Toronto, 1976.
- Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
- Franckel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd I-II. Göttingen --- Heideilberg, 1962-1965.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967.
- Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3d ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden, 1986.
- Lexikon für Theologie und Kirche. Begr. von Dr. M. Buchberger. 2. Aufl. Hrsg. von J. Höfer und K. Rahner. Bd I-X. Freiburg i.B., 1957-1965. Bd VII. 1962.
- Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I-II. Bern ---- München, 1959.
- Seebold E. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben (JanL, ser. practica 85). The Hague and Paris, 1970.
- Skeat W. W. The Concise Dictionary of English Etymology. Ware (Hertfordshire), 1995.
- Vries, Jan de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
- Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. Heidelberg, 1938-1956.

Научная литература

- Лйбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Лйбабин А. И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. [--- Лйбабин 1999а].

Амброс А. К. О двушастинчатых фибулах с накладками // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982. С. 107–121.

Арсений, архимандрит. Готская сархия в Крыму. // Журнал министерства народного просвещения. 1873. Ч. CLXV. N 165. С. 60–86.

Бабенчиков В. П. Из истории Крымской Готии // ИГЛИМК. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. / Отв. ред. С. Д. Димитров. М.-Л., 1935. С. 145–155.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

Беликов Д. И. Христианство у готов. Казань, 1887.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995.

Бергс-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 55. С. 1–44.

Бергс-Делагард А. Л. К вопросу о местонахождении Маврокастроны «Записки готского топарха» // Записки Одесского общества истории и древностей. 1919. Т. 33. С. 1–20.

Бергс-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. № 57. С. 1–135. + [1] л. схем., [1] л. карт.

Божилев И. «Апоимът на Хазе»: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София, 1979.

Браун Ф. А. Мариупольские греки // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 78–92.

Брун Ф. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в южной России // Записки Императорской Академии наук. Т. 24. Кн. 1–2. СПб, 1874. С. 1–60.

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

Васильев А. А. Готы в Крыму. // Известия Российской академии истории материальной культуры. Л., 1921. Т. I. С. 265–344. Л., 1927. Т. 5. С. 179–282.

Васильевский В. Г. Труды [в 4-х томах]. Т. 2. Вып. 1. СПб, 1909. Т. 2. Вып. 2. СПб, 1912. Т. 3. Пг., 1915.

Виноградов А. Ю., Гайдуков П. Е., Желтов М. С. Пенсерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. 2005. № 1. С. 72–80.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. К реконструкции праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

Ганина Н. А. Straua (Get. 258) в свете новейших разработок и концепций // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999, № 2. С. 86–97.

Ганина Н. А. Готская языческая лексика. М., 2001.

Ганина Н. А. К проблемам истолкования votивных надписей культа матрон // Индоевропейское языкознание и классическая филология. VI. Материалы чтений памяти И. М. Троицкого. СПб, 2002. С. 40–45.

Ганина Н. А. К проблемам языковой принадлежности и интерпретации votивных надписей культа матрон // РАН. Институт языкознания. Теория,

история, типология языков. Материалы чтений памяти В.П.Ярцевой. Сборник I. М., 2003. С. 145–152.

Ганина И. А. Древнегерманские реликтовые языки: проблемы и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006, № 3.

Ганина И. А., Сквайрс Е. Р. Корреспонденты I устава Шмидта: филологическая панорама // Сквайрс Е. Р., Ганина И. А. Пемелкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов I устава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 423–441.

Гухман М. М. Готский язык. М., 1958 [Репр.: М., 1994 и след.].

Джигунова Ф. Население северо-западного Предкавказья в эпоху раннего средневековья. Дис. ... канд. ист. наук. / Кафедра археологии СПбГУ. [СПб], 1995 (рукопись).

Джуха И. Г. Одиссея мариупольских греков. Вологда, 1993.

Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982. С. 69–107.

Ершова И. А. Введение в германскую филологию. Выпуск I. Фонетика. М., 1996.

Ершова И. А. Введение в германскую филологию. Выпуск II. Древнегерманский глагол. М., 1998.

Жирмунский В. М. Племенные диалекты древних германцев // Сравнительная грамматика германских языков. Т. 1. Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1962. С. 125–161.

Зализняк А. А. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2004.

Зеленецкий А. Л. Истоки немецкого языка. Калуга, 1992. Ч. II.

Зеленецкий А. Л. Истоки немецкого языка. / Изд. 2-е, переработанное. Калуга, 2006.

Иванов В. В. Русск. *молить* и хет. *malda(i)* // Этимологические исследования по русскому языку. I. М., 1960. С. 80–86.

Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Казанский М. М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир-М., 2001.

Карганев А. В. Вселенские Соборы. СПб, 2002.

Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб, 1837.

Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма: Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы // Советская археология. 1958. № 28. С. 198–218.

Крым: Путеводитель. / Сост. С. К. Сосновский. Симферополь, 1982.

Кулаковский Ю. А. Проплос Тавриды. Киев, 2002.

Куник А. А. О записке Готского Топарха (по поводу новых открытий о таманской Руси и крымских Готах) // Записки Императорской Академии наук. Т. 24. Кн. 1–2. СПб, 1874. С. 61–160.

Куфтин Б. А. Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова: Материалы и вопросы. / Мемуары этногр. отд. О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и этнографии. М., 1925. Вып. 1.

Лавров В. В. Герулы в Причерноморье // *Stratum plus*. Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, 1997 [<http://www.stratum.ant.md>].

Ламбин П. О Тмутараканской Руси. Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Песторовой летописи» // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171. [Отд. 2]. С. 58–95.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб, 2005.

Литаврин Г. Г. «Записка греческого топарха» (Документ о русско-византийских отношениях в начале X века) // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1957. С. 114–130.

Ляпневский С., прот. История христианства в земле Русской с I по XI ввк. М., 2002.

Майко В. В. О локализации Фулл и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 133–145.

Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангуна. // ИГЭИМК. Вып. 71. Л., 1933.

Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 2004.

Медведев И. П. Неожиданный Бенедикт: заметки по материалам архива ученого // Византийский временник. Т. 55 (1994). С. 27–32.

Медведев И. П. Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. Медведев И. П. СПб., 2004. С. 522–583.

Медведев И. П. Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: Еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? // Византийский временник. 2007. Т. 66 (91). С. 307–322.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. / Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.

Милюков П. П. Время и место действия записки греческого топарха // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве 1890 / Под ред. П. С. Уваровой. Т. 3. М., 1897. С. 278–289.

Миронов С. А. История нидерландского литературного языка (IX–XVI вв.). М., 1986.

Миронов С. А., Зеленский А. Л., Иванова Н. В. Нидерландский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М., 2000. С. 274–299.

Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII ввк. М., 2001.

Последие варягов: диалог культур. М., 1996.

Исещкая М. Г. Современные диалекты и реконструкция праязыковых состояний (германское усиление полугласных). // Функциональная стратификация языка: синхрония и диахрония. Тверь, 1997.

Осинова М. А. К этимологии рус. *мормыш*, *мормышка* // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 164–171.

Паллас П.-С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. / Пер. С. И. Белявской, А. И. Бертьс-Делагарда. М., 1999.

Пиоро И. С. Крымская Готия: Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. Киев, 1990.

Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. // Готский сборник. Л., 1932. С. 5–106.

Расковский М. В. Верхненемецкое передвижение согласных в свете диахронической фонологии (К вопросу о соотношении антропофонического и системного подхода к звуковым изменениям) / Лингвистические исследования: Уч. зап. фак-та иностранных языков. Тула, 1969. Вып. 2. С. 215–227.

Самойлович А. М. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Петроград, 1916.

Сергиевский М. В. Мариупольские греческие говоры // Известия АН СССР (Отделение общественных наук). 1934. № 7. С. 533–587.

Сизова И. А. Становление германского глагольного словообразования (на материале готского языка). М., 1978.

Сквайрс Е. Р., Гапина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. Скржинская Е. Ч. Иордан. *Getica*. Комментарий. СПб, 1997. С. 175–375.

Скржинская Е. Ч. Вводные очерки // Барбаро и Контарини о Москве. М., 1971. С. 5–109.

Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 14–44.

Сравнительная грамматика германских языков. Т. II–III. М., 1962, 1963.

Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) // *Stratum plus*. Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, 1999. № 5 [<http://www.stratum.ant.md>].

Стеблин-Каменский М. И. Снорри Стурлусон. «Круг Земной». Примечания // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980 [Репринт: М., 1995].

Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавский язык. Изд. 2-е, испр. М., 2002.

Сюзюмов М. Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. / Пер. М. М. Копыленко. Ст. М. Я. Сюзюмова. Комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988. С. 137–165.

Ткачук М. Е. Гетика, которую мы потеряли // *Stratum plus*. Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, 1999. № 3 [<http://www.stratum.ant.md>].

Топоров В. П. Древние германцы в Северном Причерноморье: результаты и перспективы. // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 227–263.

Трубачев О. П. Germanica и Pseudogermainica в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологический комментарий // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 50–55.

Трубачев О. П. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

Трубачев О. П. Труды по этимологии. Т. I. М., 2004.

Тюрин Е. А. Погребения V века н. э. с конями могильника «Гора великанов» (Hünenberg) // Российская археология. 2006. № 1. С. 148–156.

Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки. / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М., 2003.

Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006.

Успенский Ф. И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X в. // Киевская старина. 1889. № 5–6. С. 253–294.

Фадеева Т. М., Шапошников А. К. Княжество Феодоро и его князя. Симферополь, 2005.

Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.

Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. СПб, 2004.

Хартахай Ф. Христианство в Крыму. М., 2003.

Хлевов А. А. Об историко-культурной интерпретации керченских рун // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001.

Хэмн Э. Формы tho/the у Бусбека // Этимология 1977. М., 1979. С. 150. (Пер. с англ. О. П. Трубачева).

Чемоданов Н. С. Место германских языков среди других индоевропейских языков // Сравнительная грамматика германских языков. Т. I. Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1962. С. 19–113.

Шафарик П. И. Славянские древности. / Пер. с чеш. О. Бодянского. Часть историческая. М., 1848. Т. II. Кн. 1.

Щукин М. Б. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб, 2005.

Эпоха Меровингов: Европа без границ. Буклет выставки в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва, 12 марта – 13 мая 2007 г.). СПб, 2007.

Antonsen E. H. A Concise Grammar of the Older Runic Inscriptions. Tübingen, 1975.

Arndt W. The Performance of Glottochronology in Germanic // Language. 1959. V. 35. P. 180–192.

Augerius Gislenus Busbecquius, 1522 – 1591, vlaams humanist en keizerlijk gezant. Hulde bij het vierde eeuwfeest van het begin van zijn gezantschap in het Oosten, 1554 – 1954. Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België. Ed. F. J. de Waele et al. Brussels, 1955.

Beck I. Studien zur Erscheinungsform des heidnischen Opfers nach altnordischen Quellen. München, 1967 [Diss. München].

Bezzenberger A. *Hvaiva* // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1879. Bd 3. S. 80–81.

Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889 /1890. Programmschrift. Sankt-Petersburg, 1890. S. 1–88.

Braune W. Gotische Grammatik. Tübingen, 1905.

Braune W., Mitzka W. Althochdeutsche Grammatik. Tübingen, 1967.

Browning R. Medieval and Modern Greek. London, 1969.

Bruckner W. Die Sprache der Langobarden. Strassburg, 1895.

Brugmann K. Ahd. *henna*, ags. *hen* // Indogermanische Forschungen. 1916–17. Bd 37. S. 249–253.

Caron W.J.H. Klank en teken: Versamelde taalkundige studie. Groningen, 1972.

Carr Ch.T. Nominal Compounds in Germanic. (St. Andrews Univ. Pub. 41). London, 1939.

Coetsem F. van. Reconditioning and umlaut in Germanic, and the question of *c₂ // NOWELE: North-Western European Language Evolution. 1998. Vol. 31–32. P. 423–437.

Costello J. R. The Placement of Crimean Gothic by means of Abridged Test Lists in Glottochronology // Journal of Indo-European Studies. 1973. № 1. P. 479–506.

Dirichs J. Die einzigen gotischen Verse // Neophilologus. 1951. Bd 35. S. 145–151.

Feist S. Die germanische und die hochdeutsche Lautverschiebung. // Neophilologus. 1917. N 2. S. 20–34.

Förstemann E. W. Geschichte der deutschen Sprachstammes. Wiesbaden 1874–1875 [rpt: 1966]. Bd I–II.

Fowkes R. A. Crimean Gothic *cadariou* ‘miles’, ‘soldier’ // Journal of English and Germanic Philology. 1946. Vol. 45. P. 448–449.

Franck J. Mittelniederländische Grammatik: mit Leseestücken und Glossar. 2. Aufl. Leipzig, 1910.

Friedrich P. Proto-Indo-European Trees // Indo-European and Indo-Europeans. Papers presented at the University of Pennsylvania. /Ed. By G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970.

Gamillscheg E. Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs. Bd I–III. Berlin, 1934–1936.

Germanische Rest- und Trümmersprachen. / Hrsg. von H. Beck. Berlin-New York, 1989.

Grienberger Th. Von. [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1898. Bd 30. S. 123–136.

Grimm J. Deutsche Grammatik. Bd II. Berlin, 1878.

Grønvik O. Die dialektgeographische Stellung des Krimgotischen und die krimgotische cantilena. Oslo, 1983.

Güntert H. Von der Sprache der Götter und Geister. Halle, 1921.

Hamp E. P. Crimean Gothic fers // *The Journal of English and Germanic Philology*. 1973. Vol. 72. P. 60-61.

Hamp E. P. Western Indo-European Notes // *Indogermanische Forschungen*. 1976. Bd 81. S. 36-40.

Hilmarsson J. On * c_2 in Germanic // *Acta Linguistica Hafniensia*. 1991. Vol. 23. P. 33-47.

Höfler O. Die hochdeutsche Lautverschiebung und ihre Gegenstücke bei Goten, Wandalen und Burgundern // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. 1956. Bd 93. S. 294-318.

Höfler O. Die zweite Lautverschiebung bei Ostgermanen und Westgermanen // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* (Tübingen). 1957. Bd 79. S. 161-350.

Höfler O. Kleine Schriften. Hamburg, 1992.

Høst G. Spuren der Goten im Osten. // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1971. Bd 25. S. 45-90.

Høst G. Anmerkungen zum Krimgotischen. // *Zeitschrift für das deutsche Altertum*. 1985. Bd 114. S. 141-145.

Holthausen F. [Rez.]. C. C. Uhlenbeck. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache // *AinZDA*. 1898. Bd 24. S. 32-36.

Holthausen F. Gotica. // *Indogermanische Forschungen*. 1929. Bd 47. S. 329-333.

Holthausen F. Etymologisches und Grammatisches. // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 1942. Bd 66. S. 265-275.

Jacobs J. Vergelykende klank- en vormleer der middelvlaamsche dialecten. Erste deel, klankleer. Gent, 1911.

Jacobs J. Het Westvlaamsch: van de oudste tijden tot heden (De nederlandse dialecten in den loop der eeuwen: Een verzameling van historische dialectbloemlezingen. Deel 1). Groningen / ten Haag, 1927.

Jellinek M. Geschichte der gotischen Sprache. Berlin — Leipzig, 1926.

Karsten T. Die Germanen: Eine Einführung in die Geschichte ihrer Sprache und Kultur. Berlin, 1928.

Kauffmann F. Zur Geschichte des niedersächsischen Bauernhauses // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1907. Bd 39. S. 282-288.

Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la Mer d'Azov // *Ancient West and East*. Vol. 1. № 2. Leiden-Boston, 2002.

Kieckers E. Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik. München, 1928 (rpt: München, 1960).

Kisch G. Magyarische Elemente im Krimgotischen // *Korrespondenzblatt des Vereins für Siebenbürgische Landeskunde*. 1925. Bd 48. S. 1-3.

Kluge F. Die Elemente des Gotischen. Eine erste Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft. Straßburg, 1911.

Kock A. Zur Laut- und Formenlehre der altnordischen Sprachen // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 1891. Bd 15. S. 244-267.

- Krahe H., Meid W. Germanische Sprachwissenschaft I: Einleitung und Lautlehre. 7. Aufl. Berlin, 1969.
- Krause W. Handbuch des Gotischen. München, 1968.
- Kuhn H. Zur Gliederung der germanischen Sprachen. // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1955. Bd. 86. H.1. S. 1-47.
- Kuun G. Codex Cumanicus. Bibliothecæ ad templum divi marci venetiarum. Primum ex integro edidit prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit. Budapestini, 1880.
- Lehmann W. Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952.
- Le Roux T.H., Le Roux J. J. Middel nederlandse grammatika. Pretoria, 1969.
- Liewehr F. Wie Konstantin-Kyrill mit Wulfilas Bibelübersetzung bekannt wurde? // Beiträge zur Namenforschung. 1952. Bd 3. S. 287-290.
- Loewe R. Die Reste der Germanen am schwarzen Meere: Eine ethnologische Untersuchung. Halle, 1896.
- Loewe R. Jakob Ziegler über die Krimgoten // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1901. Bd 26. S. 561-568.
- Loewe R. Die Krimgotenfrage // Indogermanische Forschungen. 1902-1903. Bd 13. S.1-84.
- Loey A. van. Middel nederlandse spraakkunst II. Klankleer. Groningen, 1962.
- Mannhardt W. Ueber eine gothische mundart // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1856. Bd 5. S. 166-180.
- Marchand J. The sounds and phonemes of Wulfilas Gothic. The Hague — Paris, 1973.
- Massmann H. F. Gothica Minora // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1841. Bd I. S. 294-393.
- Massmann H. F. Langobardisches Wörterbuch // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1841. Bd I. S. 548-562. (= Massmann 1841a).
- Meer M. J. van der. Historische Grammatik der niederländischen Sprache. Heidelberg, 1927.
- Meid W. Wortbildungslehre // Germanische Sprachwissenschaft. 6. Aufl. Hrsg. von H. Krahe. (Sammlung Goschen 1218). Bd. III. Berlin, 1967. S.188-192.
- Meid W. Bemerkungen zum indogermanischen Wortschatz des Germanischen // Das Germanische und die Rekonstruktion der indogermanischen Grundsprache. Akten des Freiburger Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft, Freiburg, 26-27. Febr. 1981. /Hrsg. von J. Untermann, B. Brogyanyi. Amsterdam, 1984. S. 91-112.
- Menner R. J. Crimean Gothic *cadarion* (*cadariou*), Latin *centurio*, Greek *κεντυρίον* // The Journal of English and Germanic Philology. 1937. Vol. 37. P. 168-175.
- Meulen, R. van de. Twee onverklaarde woorden: Krimgotisch *borrotsch*, Oudpruisisch *wissams* // Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen (Afd. Letterkunde). Nieuwe reeks. 1956. Deel 19 (10). S. 339-356.
- Mirambel A. La langue grecque moderne: description et analyse. Paris, 1959.

- Molinari M. Considerazioni sul gotico di Crimea // Incontri Linguistici 1975. Vol. 2. P. 97–118.
- Much R. [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere // Ainziger. Indogermanische Forschungen. 1898. Bd 9. S. 193–209.
- Neumann G., Düwel K. Alust ---- ein krimgotischer Name? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (Göttingen). 1985. Bd 98. H.2. S. 280–284.
- Noreen A. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923.
- Peringskjöld J. Vita Theodorici Regis Ostrogothorum et Italiae, Auctore Joanne Cochlaeo Germano. Stockholm, 1699.
- Reichert H. Die Bewertung namenkundlicher Zeugnisse für die Verwendung der gotischen Sprache. Methodendiskussion an Hande der Namen der Märtyrer aus der Gothia des 4. Jahrhunderts // Germanische Rest- und Trümmersprachen. / Hrsg. von H. Beck. Berlin-New York, 1989. S. 119–141.
- Scardigli P. Lingua e storia dei Goti. Firenze, 1964.
- Scardigli P. Die Goten: Sprache und Kultur. München, 1973.¹
- Schönfeld M., Loey A. van. Historische Grammatica van het Nederlands: Klankleer, Vormleer, Woordforming. Zutphen, 1959.
- Schröder E. Busbecq's krimgotisches Vokabular. Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Göttingen, 1910.
- Schwarz E. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen: Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprachen. Bern, 1951.
- Ševčenko I. The date and author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. № 25. P. 115–188 + [18] sh. of. ill. (28 plates).
- Siebs Th. Krimgotisch *kilemschkop* // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1922. Bd 46. S. 170–172.
- Stearns M. Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Diss., Univ. of California, Berkeley, 1973.
- Stearns M. Busbecq's Crimean Gothic Data: Distortion by the nonnative informant // Leuvense Bijdragen. 1975. Vol. 64. P. 49–58.
- Stearns M. Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Stanford, 1978.
- Stearns M. Das Krimgotische // Germanische Rest- und Trümmersprachen. / Hrsg. von H. Beck. Berlin-New York, 1989. S. 175–194.
- Stender-Petersen A. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927.
- Streitberg W. Urgermanische Grammatik. Heidelberg, 1896.
- Streitberg W. Gotisches Elementarbuch. 5. u. 6. Aufl. Heidelberg, 1920.
- Szemerényi O. Germanica I (1–5) // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1979. Bd 93. S. 103–125.
- Tischler J. Hethitisch *natuka/i-* 'schrecklich': krimgotisch *atochta* 'malum' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1978. Bd 92. S. 108–111.

¹ Переиздание ---- перевод работы 1964 г.

Tischler J. Neu- und wiederentdeckte Zeugnisse des Krimgotischen. Innsbruck, 1978 (= Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften. / Hrsg. von W. Meid).

Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.

Uhlenbeck Ch. C. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. 2 Aufl. Amsterdam, 1900.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

Velde R. G. van de. Het Krimgotisch. Berichtgeving en Problematiek // Leuvense Bijdragen. 1964. Bd 53. S. 102–119.

Velde R. G. van de. Crimean Gothic. The contemporary Dutch tradition // Leuvense Bijdragen. 1965. Bd 54. S. 63–71.

Velde R. G. van de. De studie van het Gotisch in de Nederlanden. Bijdrage tot een status quaestionis over de studie van het Gotisch en het Krimgotisch. Gent, 1966.

Vulcanius, Bonaventura. De litteris et lingua Getarum sive Gothorum. Item de Notis Lombardicis. Quibus accesserunt Specimina variarum Linguarum, quarum Indicem pagina quae Praefationem sequitur ostendit. Lugduni Batavorum, 1597.

Wagner N. Zum -s-losen Nominativ Singular des Maskulinums im späten Ostgotischen // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. 1984. Bd 19. S. 144–154.

Wrede F. Über die Sprache der Wandalen. Strassburg — London, 1886 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker LIX).

Wrede F. Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker LXVIII).

Wright J. Historical German Grammar. Vol. 1. Phonology. Oxford, 1907.

Zimmer H. Ostgermanisch und Westgermanisch. // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1876. Bd. 19. S. 393–462.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Тексты Ветхого и Нового Завета

<i>Ис.</i> — Книга Исидора	<i>Еф.</i> — Послание к Ефессянам
<i>Мф.</i> — Евангелие от Матфея	<i>Фил.</i> — Послание к Филиппийцам
<i>Мк.</i> — Евангелие от Марка	<i>Кол.</i> — Послание к Колоссянам
<i>Лк.</i> — Евангелие от Луки	<i>2 Фес.</i> — Второе Послание к Фессалоникийцам (Солунянам)
<i>Ин.</i> — Евангелие от Иоанна	<i>1 Тим.</i> — Первое Послание к Тимофею
<i>Рим.</i> — Послание к Римлянам св. апостола Павла	<i>2 Тим.</i> — Второе Послание к Тимофею
<i>1 Кор.</i> — Первое Послание к Коринфянам	
<i>2 Кор.</i> — Второе Послание к Коринфянам	

Названия памятников и источников

Латинские памятники

<i>Claud.</i> — Клавдий (император)	<i>Hist. eccl.</i> — Церковная история
<i>Germ.</i> — Германия (Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии)	<i>SHA</i> — <i>Scriptores Historiae Augustae</i>
<i>Get.</i> — <i>Getica</i> Гетика (Иордан. О происхождении и деяниях гетов)	<i>Tac.</i> — Тацит (император)

Греческие памятники

<i>Bell. Goth.</i> — Война с готами (Прокопий Кесарийский)	<i>Dexipp.</i> — Дексипп
<i>Bell. Pers.</i> — Война с персами (Прокопий Кесарийский)	<i>Hist. eccl.</i> — Церковная история
<i>De aed.</i> — О постройках (Прокопий Кесарийский)	<i>Malal.</i> — Иоанн Малала
	<i>Nikeph.</i> — Никифор, патриарх
	<i>Zonar.</i> — Иоанн Зонара
	<i>Zosim.</i> — Зосим

Старославянские памятники

ЖК — Житие св. Кирилла (Константина Философа)

Готские памятники

Sk. — Скиринс

Древнеисландские памятники

Нав. — *Hávamál* — Речи Высокого

Языки и диалекты

- авест.* — авестийский
алб. — албанский
алт. — алтайский
англск. — английский
аргосск. — аргосский
арм. — армянский
атт. — аттический
болг. — болгарский
брет. — бретонский
валл. — валлийский
вед. — ведийский
венг. — венгерский
венет. — венецкий
вост.-герм. — восточногерманский
галльск. — галльский
герм. — германский
гомер. греч. — гомеровский греческий
гот. — готский
готосканд. — готоскандинавский (арскал)
греч. — древнегреческий
греч. (Гес.) — греческий (Гесихий)
гутт. — гуттунский
да. — древнеанглийский
дат. — датский
дрв. — древневерхненемецкий
ди. — древнеисландский
диал. — диалектный
дор. — дорийский
др.-брет. — древнебретонский
др.-валл. — древневаллийский
др.-герм. — древнегерманский
др.-евр. — древнесеврейский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-корн. — древнекорнский
др.-лат. — древнелатинский
дрперс. — древнеперсидский
др.-прус. — древнепруссский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
дс. — древнесаксонский
дфриз. — древнефризский
див. — древнешведский
зап. — западный
зап.-англ. — западноанглийский (-ос)
зап. герм. — западногерманский
и.-е. — индоевропейский
ион. — ионийский
иран. — иранский
исл. — исландский
итал. — итальянский
кашуб. — кашубский
кельт. — кельтский
корн. — корнский
крым.-гот. — крымско-готский
крым.-греч. — крымско-греческий
крым.-тат. — крымско-татарский
лангобардск. — лангобардский
лат. — латинский
латинизир. — латинизированный (-ос)
лит. — литовский
лти. — латышский
лув. — лувийский
макед. — македонский
мариуп. греч. — мариупольский греческий
мик. — микенский
младшгерун. — младшгерунический
на. — новоанглийский
нар.-лат. — народная латынь
ни. — новоисландский
нл. — нидерландский
ниж.-нем. — нижненемецкий
ни. — новонемецкий
новогреч. — новогреческий
норв. — норвежский
нперс. — новоперсидский
общегерм. — общегерманское
о/г — общегерманский
осет. — осетинский
оск. — оскский (осский)
осман.-турецк. — османский турецкий
перс. — персидский
позднелат. — поздняя латынь
польск. — польский
прагерм. — прагерманский
ривн. — раннепоздненемецкий
рум. — румынский
рун. — рунический
рус. — русский

санскр. — санскрит
 сви. — средненевернеемецкий
 сев.-герм. — северогерманский
 серб. — сербский
 сканд. — скандинавский
 слав. — славянский
 словацк. — словацкий
 словен. — словенский
 словин. — словинский
 слл. — средненидерландский
 стл. — средненемецкий
 ср.-англ. — среднеанглийский
 ср.-брет. — среднебретонский
 ср.-валл. — средневаллийский
 ср.-ирл. — среднирландский
 ср.-перс. — среднеперсидский
 ср.-лат. — среднеславянская латынь
 ср.-брабант. — среднебрабантский
 ср.-флам. — среднефламандский
 ст.-лит. — старолитовский

ст.-польск. — старопольский
 ст.-слав. — старославянский
 татарск. — татарский
 тох. А — тохарский А
 тох. В — тохарский В
 турецк. — турецкий
 укр. — украинский
 умбр. — умбрский
 фин. — финский
 финно-угор. — финно-угорский
 флам. — фламандский
 фрак. — фракийский
 хетт. — хеттский
 хорв. — хорватский
 цслав. — церковнославянский
 чеш. — чешский
 шв. — шведский
 эол. — эолийский
 этрусск. — этрусский
 юж. — южный

Грамматические сокращения

вин. — винительный падеж
 гл. — глагол
 глух. — глухой
 дат. — дательный падеж
 дв. — двойственный
 ед. — единственный
 ж.р. — женский род
 зв. — звонкий
 им. — именительный падеж
 корн. — корневая основа
 л. — лицо
 мест. — местоимение
 мн. — множественный
 м.р. — мужской род
 наст. — настоящее время
 неопр. — неопределенный
 непр. — неправильный
 нескл. — несклоняемый
 осн. — основа; -осн. — основной
 предл. — предлог

прет.-през. — претерито-презентный
 прил. — прилагательное
 притяж. — притяжательный
 прич. — причастие
 прош. — прошедшее время (= претерит)
 род. — родительный падеж
 сл. — слабый
 си. — сильный
 см. — смотри
 сочет. — сочетание
 ср. — сравни
 сравнит. степ. — сравнительная степ.
 — степень
 ср.р. — средний род
 сущ. — существительное
 ч. — число
 энкл. — энклитический
 j-през. — j-презентный
 n-през. — n-презентный

Индоевропейский

*ab(a)lo-	111	*gcr-	133
*abl-	111, 112	*ghadh-	123
*ablo-	111	*ghē-	218, 232
*ablu-	112	*ghedh-	123
*altós	110	*ghel-	124
*ās-	154	*ghēy-	123, 124, 218, 232
*aw ² -	163	*ghor-dh-(os)	137
		*ghor-t-(os)	137
*bhar-dhā	114	*gh _l -to-	124
*bhegwh-	115	*gnā-	133
*bhel-	142	*gr-II-nom	134
*bher-	114, 115	*grno-	134
*bh(e)r-cw-	117	*g ^w cl-	133
*bh _l -	142	*g ^w cm-	133
*bh _l ō-t-	142	*g ^w cr-	133
*bhrē-	115	*g ^w ṛṇ-	133
*bhr-cw-II-	116		
		*Hew ² -	163
*dckṛṇ	141, 156		
*dckṛṇ-t-	156	*i-	129
*dek'ú-	121		
*dheg ^w h-	155	*kailo-	128
*dhwer-	158	*kan-	109
*dhwor-	158	*kap-ut-	126
*dhwṛ-	158	*kel-	110, 134
*dwō(u)	159	*kcm-	125
		*k _l -	134
*c-	129	*kṛṇtom	145
*c-newen	141	*ks(w)cks	148
*čr-	17	*kwetur	121
*cr-l-	17	*kwetwṛ	121
*cr-n-	17	*kwey-	162
*cy-	129	*kwey-d-	162
*gel-	133		
*gen-	133	*ley-s-	135

*malt ^h -	136	*septm	148
*matlo-	136	*(s)ka-	132
*mcl-	136	*(s)kā-	132
*mē-n-	140	*(s)kcII-	132
*modl-	136	*(s)kcwd-	146
*mol-	136	*snusā (-os)	146
*mol-(dh)-tlo-	136	*stā- (st ^h ā-)	151
*mormo-	139, 140	*steigh-	153
*morwo-	139	*ster-	154
*motlo-	136	*st ^(h) ā-l-	154
		*st ^(h) ā ₁ tis	151
*newm	141	*swcĕks	148
*newy	141	*swcl-	147
		*swcn-	154
*oII ₁ iom	109	*swc-sōr	147
*oktōu-	112		
*oktōw-	112	*tc-	159
*ok ^w -	141	*t(c)wc-/o-	159
*ok ^w i-	141	*trc-i	159
*ōr-	17	*tu-	159
*ō(w)-	109		
*ō(w)(i)om	108	*w-	163
*ōwom	109	*wc-	163
*oy-no-	131	*wē-	161
*pcisk-/pisk-	121	*wegh-	160
*penkwc-	122	*wegh-no	160
*pēr-	243	*wei-n-o	163
*perkw-	120	*wcks	148
*pōr-	243	*werĝ-	161
*pŕtós	243	*wergo-	161
		*wert-	160
*rek-	143	*w-ŕtós	163
*ram-	144	*wogh-	160
*rem-	144	*wogh-no	160
		*woi-n-o	163
*sal(-d-)	145	*worĝ-	161
*sāwel	154	*wormo-	139
*scĕks	148	*wreĝ-tu-	161
*seng ^w h-	150	*wŕĝ-	161
*sep̄m	148	*wŕgyō-	161

Готский

а) классический готский и Алкуинова рукопись
(запись латиницей или греческим алфавитом
в зависимости от источника)

*addj-	108	biugan	115
aflifnan	157	blinds	219, 226
ahtau	112, 149	bloma	142
ahtaudogs	112	bloþ	142, 195, 210
ahtautehund	112	broþar	116, 124, 198, 210
ahtuda	112	brinnan	117
ainabaur	114	brunna	117, 203, 210
ainlif	157, 158, 221		
ainabaur	114	daaz	155
ains	130, 131, 163, 228	dags	143, 155
airþa	228	daur	158, 210, 238
aldomo	110	daurawardo	117
alþeis	110	daupus	228
alpiza	110	drigkan	
ara	17	(driggan)	132
athaban	113	driugan	117
atkunnan	113	du	113
atsaiþuan	133		
atwisan	133	fahcþs (faheds)	145
augo	142, 211, 212, 218, 226	faihu	125
aurtigards	163	fairguni	144, 219, 228
		fairþous	119, 120, 211
bairan	114	faura	243
bairgahei	114, 228	fauramapleis	135
barn	101, 113, 114, 208	fidurdogs	121
baur	113, 114, 208	fidurfalþs	121
berusjos		fidurragini	121
(birusjos)	140	fidwor	121
bidan	135	fidwortaihun	121, 221
bidjan	135	fidwor-tigjus	121
bileiban	157	figgragulþ	124, 143, 227
binah	113	fimf	122
binauht	113	fisks	120

flodus	243	hailjan	128, 129
fon	154	hails	127, 128, 129, 202, 212, 219
frahinþan	125	hairda	163
frumabaur	114	hairus	140
gabaurjaba	115	haldan	163
gabaurjaþus	115, 227, 235	hallus	109, 110, 199, 208, 228
gabruks	116	hana	110, 111, 212
gadars	113	handugs	112
gadauka	117	handus	125
gadiliggs	122, 211	harjis	117, 247
gadrauhts	117	haubiþ (haubid)	126, 198, 212, 245
gaggan	123, 218, 230	hauhs	219
gaggida	230	hiuhma	165
gahailjan	128	hlahjan	134, 204
gahailnan	128	hlaiþs	116, 166, 198, 228
gahails	128	hund	145
gahlaiþa	198	hvaiteis	134
gahveitjan	162	hveits	134, 162, 198, 199, 210
gaidw	123	iddja	204
galimpan	131	ik	127
gamunda	113	is	129, 130
ganah	113	ita	130
garazna	126	itan	135, 217
gards	162, 163	jains	130
gaskapjan	132	jer	165
gaswiltan	147	kaurn	134, 212
gatilaba	123	kiusan	138, 217
gatilon	123	kunnan	113
gatils	123	letan (lcitan)	210
gawigan	160	liban	198
gops	123	ligan	135
gretan	119, 210, 216	liuga	138
grcts	119	liugan	138
gudhus	138, 210, 228	magan	113
gulþ	110, 124, 142, 159		
gulþeins	124		
Gutthiuda	240		
haban	113		

mahts	113	saihuan	113
manaseþs		salt	145
(manascips)	140	sauil	154, 155
matjan	217	sibun	148, 149, 200, 209, 211
mapl	135	siggwan	150, 203
mapleins	135	sik	113
mapljan	135, 137, 213, 215, 216, 228	silubr	149, 200, 209
meki	127	sitan	135
mena	140, 210, 211	skapjan	132
midjungards	163	skulan	113
miluks	149	skulds	113
mimz	139, 211, 227	slēpan	146, 165, 210, 211, 233
modags	113	stainahs	162
		stains	228
niun	141, 209	stairmo	153, 211, 231, 232
		stapa	151, 152
ogan	113	staps	151, 152, 228
Ostrogotha	248	steigan	152
Ostrogotho	248	stols	154, 210, 219
qens (qeins)	140, 210	sugil	155
qiman	120, 133, 134, 198, 211, 218, 230	sunno	154, 155
qipān	217, 228	swes	147
		swiltan	147, 215
razn	39, 126, 127, 227, 228	swistar	147, 148, 209, 211
Remesarius	144	swultawairþja	147
Remisnuera	144		
Remisol	144	taihun	156, 157, 208, 209
rign	143, 209, 211	Thiudigotho	248
rimis	144	tigjus	
Rimismundus	144	(лат. II. мн. ч.)	121, 152, 157, 158
Ringilio	227	til	123
rinno	242	twaddje	
		twai	121, 152, 159
sa	220	twalif (twalib)	158, 221
saian	218		
saihs	148, 212	pata	220
saihs-tigum		paurban	113
(лат. II. мн. ч.)	148	paurfts	113
		þreis	158, 198, 210

pu	124, 137, 143, 159	weinatriu	163
pusundi	125	wcindrugkja	163
		wigadcino	160
unhaili	128	wigs	160
unhails	128	wiljan	216
		winds	163, 202
wagjan	160	wisan	113
waian	218	wulfs	143
wairpan	129, 159, 160, 215		
wardja	165	Βαδούαριον (вин.п. сд.ч.)	249
waurd	110, 163		
waurkjan	137, 161, 162, 213, 215, 216, 232	Γ'oto	247, 248
		Γ'ότου (вин.п. сд.ч.)	248
waurms	140		
wcgs	160, 165	Μοδούαριος	46, 247
wcin	162		
wcinabasi	163	Οὐνίλας	46, 247
wcinagards	162, 163, 195		
wcinatains	163	ῥῆξ	47

б) крымско-готский

ada	72, 94, 96, 103, 104, 108, 190, 193, 196, 204, 207, 212, 222, 224, 226, 229, 231		226, 229, 263, 272
acl	94, 96, 101, 104, 109, 110, 111, 193, 199, 207, 208, 222, 228, 242	baar	94, 96, 101, 104, 113, 114, 142, 189, 190, 194, 207, 208, 222
alt	93, 96, 110, 116, 124, 142, 163, 186, 191, 193, 195, 206, 212, 219, 234,	bars	93, 96, 101, 114, 142, 151, 154, 190, 193, 196, 202, 206, 212, 222, 228
ano	94, 96, 110, 111, 154, 194, 199, 206, 207, 211, 212, 222, 224	boga	93, 96, 102, 104, 114, 115, 142, 143, 153, 190, 196, 203, 210, 212, 222, 224, 226, 228, 231
apcl	93, 96, 111, 112, 186, 191, 193, 197, 206, 207, 209, 211, 212, 222, 224	borrotsch	94, 96, 101, 115, 133, 189, 190, 191, 193, 194, 202, 203, 206, 212, 224, 227, 235, 262
athe	94, 97, 103, 112, 149, 191, 206, 207, 221, 222,	breen	93, 96, 104, 115, 116, 190, 193, 194, 206, 210, 211, 216, 222, 229
atochta	94, 97, 112, 113, 162, 191, 199, 207, 213, 219, 224,		

broe	93, 96, 101, 102, 104, 116, 142, 158, 186, 190, 193, 205, 208, 212, 222, 224, 228, 231		189, 190, 192, 193, 196, 198, 205, 210, 212, 222, 224, 226, 231
bruder	93, 96, 102, 103, 105, 110, 116, 119, 124, 142, 143, 158, 186, 187, 189, 190, 193, 196, 198, 205, 209, 210, 211, 222, 224, 230,	handa	93, 96, 103, 104, 125, 192, 193, 206, 211-213, 222
		hazer	94, 97, 125, 146, 150, 169, 192, 194, 201, 206, 207, 209, 211, 221, 223
brunna	93, 96, 114, 117, 124, 133, 142, 189, 190, 193, 203, 205, 206, 210, 213, 222	hocf	93, 96, 101, 103, 104, 126, 142, 186, 192, 198, 200, 205, 212, 222, 245
		hus	39, 93, 96, 103, 111, 126, 192, 199, 205, 210, 222, 228, 231
cadariou	56, 94, 96, 102, 104, 117, 190, 191, 196, 197, 205, 206-208, 211, 212, 223, 224, 260, 262, 272		
criten	93, 96, 101, 118, 119, 186, 191, 193, 194-197, 205, 206, 210, 216, 222	ich	94, 97, 101-103, 127, 135, 187, 192, 197, 199, 205, 209, 220, 222, 226
		iel	94, 96, 102, 104, 127, 129, 132, 158, 159, 193, 201, 204, 205, 212, 219, 222
criten,	см. criten	ieltsch	94, 96, 104, 127-129, 189, 193, 202, 219, 222
fers	94, 96, 119, 120, 134, 151, 154, 192-194, 202, 206, 209, 211, 219, 222, 226, 261	ics	94, 97, 102, 104, 129, 130, 131, 161, 193, 204, 205, 212, 220, 222, 226, 232, 235
fisct	93, 96, 101, 120, 192, 205	ita	94, 97, 130, 131, 191, 205, 207, 209, 221, 222, 232
furdeithien	94, 97, 121, 157, 190-192, 194, 196, 205, 221		
fyder	94, 97, 121, 122, 149, 190, 192, 194, 196, 209, 221, 222	kilemschkop	94, 96, 131, 191, 193, 194, 205, 206, 208, 212, 224, 232, 263
fyuf	94, 97, 101, 122, 192, 205, 209, 221, 222	knaunen	93, 96, 104, 133, 155, 191, 192, 194, 197, 206, 219, 220, 222, 230, 232, 235
gadeltha	94, 97, 117, 122, 123, 190, 191, 193, 194, 196, 206, 207, 211, 213, 219, 222, 226	kommen	93, 96, 103, 120, 133, 134, 191, 193, 197, 198, 203, 206, 211, 212, 216, 217, 222, 230, 231
geen	93, 96, 104, 115, 123, 137, 190, 194, 196, 206, 211, 214, 216-218, 222, 226, 230-232, 234	kor	93, 96, 103, 134, 191, 193, 197, 203, 205, 212, 222, 224, 244
goltz	93, 96, 103, 104, 110, 114, 124, 142, 143, 159, 186,		

lachen	93, 96, 103, 134, 187, 192–194, 199, 204, 206, 216, 222	rinck	93, 96, 103, 135, 143, 193, 203, 205, 209, 218, 223, 224, 227, 228
lista	94, 96, 135, 191, 193, 201, 205, 207, 209, 213, 221, 222, 226, 229, 232, 234, 235	ringo	93, 96, 103, 143, 193, 203, 205, 206, 209, 211, 212, 218, 223, 224, 227, 228
malthata	94, 97, 101, 102, 110, 127, 135, 137, 162, 191, 193, 194, 207, 213, 215–217, 220, 222, 226, 228	rintsch	94, 97, 144, 163, 189, 191, 193, 194, 202, 205, 209, 223, 228, 230, 232, 235
marzus	94, 96, 103, 137, 138, 192–194, 201, 205, 207, 211, 223, 224, 272	sada	94, 97, 144, 145, 150, 169, 190, 193, 197, 207, 221, 223
menus	94, 96, 101, 139, 151, 193, 194, 206, 211, 223, 224, 227	salt	93, 96, 103, 145, 191–193, 195, 206, 212, 223, 224
micra	93, 96, 104, 139, 140, 186, 193, 205, 206, 210, 212, 213, 223, 231	schediit	94, 97, 104, 145, 190, 191, 193, 197, 202, 205, 206, 208, 211, 223
mine	93, 96, 100, 104, 115, 135, 140, 141, 146, 193, 206, 210, 211, 218, 223, 225, 234	schieten	92, 93, 96, 104, 121, 140, 141, 146, 186, 191, 191–193, 195, 203, 206, 212, 213, 216, 223, 224, 228
mycha	94, 97, 127, 140, 141, 162, 192, 193, 197, 199, 205, 207, 210, 213, 218, 223–225,	schlipen	93, 96, 103, 135, 146, 150, 187, 191–193, 197, 203, 205, 206, 210, 211, 214, 216, 223, 225, 233, 234
nyne	94, 97, 141, 149, 194, 205, 206, 209, 221, 223	schuos,	см. schnos
oeghenc	93, 96, 100, 103, 104, 141, 142, 158, 190, 193, 206, 208, 211, 212, 218, 223, 226	schuualth	93, 96, 110, 145, 147, 191–194, 202, 207, 212, 215, 223, 228
plut	93, 96, 105, 116, 124, 142, 158, 189, 191, 193, 195, 197, 198, 205, 210, 223, 234,	schuuester	93, 96, 103, 145, 147, 187, 192, 193, 202, 205, 209, 211, 223, 224, 226
reghen	93, 96, 43, 147, 190, 193, 205, 208–211, 223, 226	seis	94, 97, 104, 112, 148, 193, 205, 212, 221, 223
		seucne	94, 97, 148, 149, 192–194, 200, 206, 209, 211, 221
		siluir	93, 96, 149, 192–194, 200, 205, 208, 209, 223, 224
		singhen	93, 96, 103, 150, 193, 203, 205, 206, 209, 216, 223

stap	94, 96, 150, 151, 191, 193, 197, 203, 207, 223, 224, 272	thunctua,	см. thiinetua
statz	94, 96, 103, 110, 151, 152, 186, 191-193, 198, 202, 207, 212, 223, 228, 242	thurn	93, 96, 101, 158, 191, 193, 195, 197, 205, 210, 223
stega	94, 97, 104, 152, 153, 190, 191, 193, 207, 221, 223, 229, 235	treithyen	94, 97, 104, 157, 191, 194, 205, 221
stein,	см. stern	tria	94, 97, 121, 130, 158, 159, 191, 194, 196, 198, 205, 207, 209, 221, 223
stern	93, 96, 100, 101, 103, 104, 153, 154, 192, 193, 202, 205, 209, 211, 223, 231, 232	tua	94, 97, 130, 159, 190, 192, 194, 207, 221, 223,
stul	93, 96, 103, 105, 154, 155, 191-193, 205, 210, 219, 223	tzo	94, 97, 102, 103, 110, 124, 137, 143, 159, 161, 186, 189, 192, 198, 200, 206, 210, 220, 223, 232
sunc	93, 96, 100, 114, 124, 154, 192, 193, 205, 210, 211, 223	uburt	94, 96, 102, 127, 129, 158-160, 162, 190, 191, 193, 194, 196, 198, 201, 205, 209, 210, 215, 216, 223, 226, 227, 243
tag	93, 96, 103, 119, 133, 151, 155, 187, 191, 195, 206, 212, 219, 220, 222, 223, 230, 235	vburt,	см. uburt
telich	94, 96, 155, 169, 191-195, 199, 205, 206, 208, 211, 219, 223	waghen	93, 96, 160, 186, 190, 192-194, 206-209, 212, 223, 224, 228
thiine	94, 97, 104, 149, 156, 157, 191, 194, 205, 206, 208, 209, 221, 223	warthata	94, 97, 102, 112, 113, 137, 161, 162, 188, 191, 192, 194, 207, 213, 215, 216, 220, 223, 226, 232,
thiinetria	94, 97, 101, 157, 191, 194, 221, 223	wichtgata	94, 97, 101, 120, 162, 190-192, 194, 198, 199, 205, 207, 209, 213, 219, 223, 224, 226
thiinetua	94, 97, 101, 157, 191, 221, 223	wingart	93, 96, 103, 104, 110, 162, 163, 186, 188, 190-195, 201, 205, 209, 223, 224, 243
thiinita	94, 97, 104, 157, 158, 191, 221	wintch	93, 96, 101, 139, 163, 188, 189, 191-194, 201, 205, 209, 219, 223
tho	93, 96, 156, 220, 223, 225, 259	wintsch,	см. wintch
the	93, 96, 156, 220, 223, 225, 259		
thunetria,	см. thiinetria		

Словоформы «кантилены» (тюркские языки, турецкий)

dorbiza	94, 97, 164, 167, 168	ingdolou	94, 97, 104, 164, 167, 168
ca	94, 97, 164, 167, 168	scu	94, 97, 164, 167, 168
galtzou (galizou)	92, 94, 97, 104, 164, 165, 167, 168	tc	94, 97, 164, 167, 168
gira	94, 97, 164, 167, 168	wara	94, 97, 167, 168
hœmisclep	94, 97, 104, 164, 167, 168		

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Ансамбль женских украшений крымских готов. Суук-Су. Вторая половина VI–VII в. Государственный Эрмитаж. По: [Эпоха Меровингов... 2007; Рис. 21]. Ср. Рис. 7.
- Рис. 2. Орлиноголовая пряжка. Керчь. Склеп 163/1904. Первая половина VI в. Государственный Эрмитаж. По: [Эпоха Меровингов... 2007, 12; Рис. 17]. Ср. Рис. 4, 3
- Рис. 3. Орлиноголовая пряжка. Керчь. Первая половина VI в. Государственный Эрмитаж. По: [Эпоха Меровингов... 2007, 12; Рис. 17]. Ср. Рис. 6, 1
- Рис. 4. Привозные германские (остроготские и гепидские) пряжки. Керчь. По: [Айбабин 1999, 101; Рис. 36 с дальнейшими ссылками]. 3 — Ср. Рис. 2
- Рис. 5. Украшения и детали германского женского костюма и красполаковая миска LR-C формы 3F. Керчь. 1, 2 — плитовая могила 1/1905; 3-5, 7 — земляная могила 19/1904, женское захоронение в северном подбос; 6 — склеп 163/1904, женское захоронение напротив левой лежанки. По: [Айбабин 1999, 102; Рис. 37 с дальнейшими ссылками]
- Рис. 6. Находки из Керчи. 1, 3, 4, 7 — из слоя земли на полу склепа 152/1904; 5, 6 — верхнее захоронение в склепе 152/1904; 2 — плитовая могила, открытая в 1977 г. По: [Айбабин 1999, 103; Рис. 38]. 1 — Ср. Рис. 3
- Рис. 7. Суук-Су: 5 — склеп 56, план женского захоронения 5; 1-4, 6, 7 — найденные в захоронении украшения и детали германского костюма. По: [Айбабин 1999, 108; Рис. 40 с дальнейшими ссылками]. 3, 6, 7 — Ср. Рис. 1
- Рис. 8. Лучистое. Склеп 74. 1 — план женского захоронения 2; 2, 4-9 — находки из захоронения (2 — наконечник ремня, 4-7 — бусы, 8 — браслет, 9 — орлиноголовая пряжка I варианта); 3 — серьга из склепа 102, погребения 9. 2 — бронза, 3, 8, 9 — серебро, 4 — синее стекло, 5 — янтарь, 6 — известняк, 7 — халцедон. По: [Айбабин 1999, 109; Рис. 41]
- Рис. 9. Орлиноголовая пряжка I варианта. Лучистое, склеп 102, погребение 9. По: [Айбабин 1999, 110; Рис. 42]
- Рис. 10. Лучистое, склеп 77 1 — план женского захоронения 1; 2-6 — украшения и детали германского костюма из захоронения. По: [Айбабин 1999, 112; Рис. 43].
- Рис. 11. Детали геральдического поясного набора второй половины VI в. Лучистое, склеп 74, захоронение 1. По: [Айбабин 1999, 113; Рис. 44]
- Рис. 12. Большие пряжки с прямоугольным щитком. Скалистое. 1 — вариант 3, склеп 683; 2 — вариант 1-3, склеп 138. По: [Айбабин 1999, 122; Рис. 49]
- Рис. 13. Большие пряжки с прямоугольным щитком из Крыма. 1 — вариант 5-1, Херсонес, склеп 62; 2 — вариант 5-2, Скалистое, подбойная могила 433; 3 — вариант 2, Херсонес; 4 — вариант 6, лучистое, склеп 10, захоронение 14. По: [Айбабин 1999, 131; Рис. 53]

- Рис. 14. Орлиноголовая пряжка II варианта. Лучистос, склеп 38, захоронение 17. По: [Айбабин 1999, 151; Рис. 60]
- Рис. 15. Фибулы VII в. 1 — двуластинчатая фибула варианта Пв-3, Суук-Су, склеп 169, захоронение 1; 2 — днепровская пальчатая фибула I типа, Лучистос, склеп 54, захоронение 13. По: [Айбабин 1999, 151; Рис. 61]
- Рис. 16. Днепровские фибулы. Лучистос, склеп 46а, захоронение 4. По: [Айбабин 1999, 152; Рис. 62]
- Рис. 17. Орлиноголовая пряжка 4 варианта и фибулы типа Керчь 2 варианта. Лучистос, склеп 54, захоронение 12. По: [Айбабин 1999, 153; Рис. 63]
- Рис. 18. Пряжки с ромбовидным щитком. 1 — Скалистое, склеп 288; 2 — Аромат, склеп 2. По: [Айбабин 1999, 154; Рис. 64]
- Рис. 19. Фибулы VII в. 1, 4, 6 — Лучистос (1, 6 — склеп 10, захоронение 4; 4 — склеп 54, захоронение 20); 2 — Эски-Кермен, склеп 257, захоронение 5; 3 — Баштановка; 5 — Херсонес. По: [Айбабин 1999, 159; Рис. 68]
- Рис. 20. Лучистос. План захоронения 20 в склепе 54. По: [Айбабин 1999, 160; Рис. 69 с дальнейшими ссылками]
- Рис. 21. Реконструкция женского остроготского костюма. Лучистое, склеп 10, захоронение 5. Реконструкция Э. А. Хайрединовой. По: [Айбабин 1999, 155; Рис. 65]
- Рис. 22. Реконструкция женского остроготского костюма. Лучистое, склеп 54, захоронение 12. Реконструкция Э. А. Хайрединовой. По: [Айбабин 1999, 156; Рис. 66]
- Рис. 23. Реконструкция женского остроготского костюма. Лучистое, склеп 43, захоронение 4. Реконструкция Э. А. Хайрединовой. По: [Айбабин 1999, 157; Рис. 67]
- Рис. 24. Рунический камень с горы Опук: подлинный или поддельный артефакт? По: [Хлевов 2001].
- Рис. 25. Св. прп. Иоанн Готский
- Рис. 26. Мемориальный комплекс св. Иоанна Готского. Партенит, Крым
- Рис. 27. Мангуп. Фото А. В. Попова (<http://www.psi-photo.com>)
- Рис. 28. Мангуп. Руины укреплений. Фото С. Сорокина (<http://www.mt.crimea.com>)
- Рис. 29. Руины Сюреньской крепости (Scivarin у Бусбека). Фото С. Сорокина (<http://www.mt.crimea.com>)
- Рис. 30. Эски-Кермен. Фото С. Сорокина (<http://www.mt.crimea.com>)
- Рис. 31. Ожье Гислен де Бусбек. Подпись: «Ожье де Бусбека, Священной Римской Империи военного советника и при турецком султана посла, Мельхиор Лорк из Голыптейна изобразил. Константинополь, сентябрь - начало октября, 1557. Богу Хранителю и Вождю» (пер. с лат. П. А. Ганиной).
- Рис. 32. Мельхиор Лорк. Вид на крыши Константинополя. 1555-1559
- Рис. 33. Юст Липсий. Эпитафия Ожье Гислену де Бусбеку. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Лейпциг, 1689. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото П. А. Ганиной. Пер. см. в разделе 3.1.

- Рис. 34. О. Г. де Бусбек. Путешествие в Константинополь и Амасью. Антверпен, 1582 г. Титульный лист. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 35. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Изд. 1-е. Париж, 1589. Титульный лист. По: [Stearns 1978, pl. I].
- Рис. 36. Список крымско-готских слов в первом издании «Турецких писем». Париж, 1589 г. С. 136 (л.). По: [Stearns 1978, pl. IV].
- Рис. 37. Список крымско-готских слов в первом издании «Турецких писем». Париж, 1589 г. С. 136 (об.). По: [Stearns 1978, pl. V].
- Рис. 38. Экземпляр «Турецких писем» О. Г. де Бусбека. Изд. 2-е. Франкфурт, 1595. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 39. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Изд. 2-е. Франкфурт, 1595. Титульный лист. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 40. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 257. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 41. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 258. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 42. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 259. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 43. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 260. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 44. О. Г. де Бусбек. Турецкие письма. Франкфурт, 1595. С. 261. Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, ОРКиР. Москва. Фото Н. А. Ганиной.
- Рис. 45. Грамота императрицы Екатерины II об определении положения греков в России (1779 г). По: «Вестник Кипра».
- Рис. 46. Потомок мариупольских греков в конце XX в. на плато Чуфут-Кале (во второй половине VI-VII вв. --- городище). Фото Н. А. Ганиной.

Ein neues Buch über das Krimgotische ist aus verschiedenen Gründen nötig. Das krimgotische Problem hat viele Aspekte, und die Verhältnisse gestalteten sich derart, dass in Russland die historisch-archäologische Seite besser erforscht und bekannt ist, während es im Westen ausführliche sprachliche Forschungen gibt. Aber die Spezifik des krimgotischen Problems beschränkt sich darauf nicht.

Am Ende des 20. Jahrhunderts, als der Autor dieses Buch vorhatte, konnte man eine gewisse Distanz zwischen den Quellen, die von Goten auf der Krim berichteten, und der archäologischen Angaben. Die zahlreichen Quellenzeugnisse wurden in allgemeinen Arbeiten dargestellt (vgl. [Vasiliev 1936]), die Ergebnisse der Ausgrabungen und die Meinungen der Archäologen erschienen in einzelnen Studien, die nachfolgende Beurteilung der Spezialisten verlangten. Heute verfügen wir über eine Reihe von allgemeinen Arbeiten [Ajbabin 1999, Charitonov 2004, Ščukin 2005], die den modernen Stand der krimgotischen Archäologie zusammenfassen. Aber der Abstand zwischen dem historisch-archäologischen und dem philologischen Gebiet ist noch nicht überwunden. Die Historiker wenden sich an die Analyse des Krimgotischen nicht ---- vgl. umfangreiche Werke von H.-F. Baier und M. B. Ščukin [Baier 2001, Ščukin 2005], wo die linguistische Probleme aus verständlichen Gründen unbetrachtet geblieben sind. Aber ohne das Krimgotische würden unsere Kenntnisse über die Goten auf der Krim immer unvollständig. Im Gegenteil, haben die Philologen, die das Krimgotische erforschen, nur vage Vorstellungen von modernen Leistungen der krimgotischen Archäologie. Das vorliegende Buch bietet eine Übersicht der archäologischen Situation auf der Krim vom 3. Jahrhundert bis zum Ausgang des Mittelalters (Kapitel 1). Die Quellenzeugnisse werden laut dem modernen Forschungszustand dargestellt und interpretiert (1.2- 2). Das herulische Problem und ein neuer Fund ungeklärter Herkunft aus Kerč' (der so genannte Runenstein vom Berg Opuk) werden auch zum Gegenstand einer Diskussion (1.1.3, 1.1.4).

Die Aspekte des krimgotischen Problems, die im Grenzgebiet von Geschichte, Linguistik und Landeskunde liegen, sind auch wenig erforscht. Sogar in jüngsten grundlegenden Werken über das Krimgotische [Stearns 1978, Grønvik 1983] bleibt die Frage der Anwesenheit oder Abwesenheit der germanischen sprachlichen Reste in Orts- und Eigennamen auf der Krim ungelöst (z.z. haben wir einige Studien von O. N. Trubačev zum Problem, darunter eine Besprechung der Arbeit von G. Neumann und K. Düwel [Trubačev 1989, Trubačev 1999, Neumann, Düwel 1985]).

Die linguistische Interpretation des Krimgotischen bedarf auch neuer Besprechung. Nach dem Werk von M. Stearns [Stearns 1978, vgl. auch Stearns 1989] erschien eine Reihe neuer Auffassungen ---- von neuen Etymologien (vgl.

[Trubačev 2004]) bis auf das strittige Werk von O. Grønvik [Grønvik 1983]. Da viele Probleme der krimgotischen Etymologie und Phonetik ohne Lösung bleiben, werden neue Interpretationen in der vorliegenden Arbeit vorgebracht. Unter diesen sind: Das Problem des Krim- und Mariupolgriechischen (6.2.2.), die Möglichkeit eines krimtatarischen Einflusses (6.2.3, eine phonetische Übersicht --- 6.2.3.2), die Besprechung der von M. Stearns ausgeführten krimgotischen phonetischen Rekonstruktion und weitere Wege der Stoffbeschreibung (6.3.), eine neue etymologische Fassung der Angaben und eine Reihe neuer Etymologien (krimgot. *atochta*, *cadariou*, *marzus*, *stap*), die «cantilena» neu besprochen (5.3. --- mit verschiedenen ethnokulturellen Parallelen zu der Situation), die Frage von Orts- und Eigennamen germanischer Herkunft auf der Krim (9.1., 9.2). Es ist dabei wichtig, dass es in Russland noch keine ausführliche Analyse des Krimgotischen gegeben hat. Also hat das Buch zum Ziel sowohl diesen Mangel, als auch andere Lücken auszufüllen.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Историко-культурная ситуация в Крыму эпохи Великого переселения народов и средневековья	9
1.1. Археологические данные	9
1.1.1. Проблемы археологии Крымской Готии	9
1.1.2. Проникновение германцев в Крым и Приазовье	11
1.1.3. Герульская проблема	13
1.1.4. Рунический камень с горы Опук: проблема артефакта	18
1.1.5. Трупосожжения как свидетельства пребывания германцев в Крыму	20
1.1.6. Контакты германцев с другими племенами и смешение традиций	23
1.1.7. Готы на Боспоре	26
1.1.8. Германцы на черноморском побережье Кавказа	30
1.1.9. Крымские готы до вторжения хазар (конец V — середина VII в.)	31
1.1.10. Хазарская экспансия (вторая половина VII в.—VIII в.)	35
1.1.11. Крымская Готия в VIII—XV вв.	37
1.2. Сообщения источников о крымских готах	39
1.2.1. Оценка источников	39
1.2.2. Позднесантичные и раннесредневековые источники	41
1.2.3. Средневековые источники	62
Глава 2. Крымские готы как предмет внимания путешественников и исследователей эпохи Возрождения и нового времени	77
2.1. Сообщения путешественников и упоминания о готах в традиции до Бусбека	77
События XIV—XV вв.	77
2.2. Ученые в поисках крымских готов: начало истории вопроса (XVI в.)	81
События XVII—XVIII в. в Крыму	81
Глава 3. Ожье Гислен де Бусбек и его информанты	88
3.1. Личность и деятельность Бусбека	88
3.2. Сообщение Бусбека о крымских готах: латинский текст и перевод	91
3.3. Информанты Бусбека	97

Глава 4. Проблема письменной фиксации крымско-готских данных....	100
4.1. «Четвертое турецкое письмо»: критика текста.....	100
4.2. Орфография Бусбека.....	102
Глава 5. Этимологический анализ крымско-готской лексики.	106
5.1 Обоснование словарного принципа.....	106
5.2. Этимологический словарь.....	107
5.2.1. Предварительные замечания.....	107
5.2.2. Словарь.....	108
5.3. «Кангилена».....	164
Глава 6. Крымско-готская фонетика.....	174
6.1. Постановка проблемы.....	174
6.2. Языки и диалекты — источники возможного влияния на крымско-готский материал.....	176
6.2.1. Вводные замечания.....	176
6.2.2. Мариупольский греческий диалект как потомок крымско-греческого.....	177
6.2.3. Крымско-гагарский язык: основные особенности.....	182
6.2.3.1 Генетическая и диалектная характеристика.....	182
6.2.4. Лингвистическое сознание Бусбека как посетителя западногерманского языка.....	185
6.3. Крымско-готская фонетика.....	187
6.3.1. Основания и принципы реконструкции.....	187
6.3.2. Эмпирическое описание материала.....	190
6.3.2.2 Гласные.....	204
Глава 7. Крымско-готская морфология.....	214
7.1. Глагол.....	214
7.2. Имя существительное.....	218
7.3. Имя прилагательное.....	219
7.4. Местоимение.....	220
7.5. Наречие.....	220
7.6. Числительные.....	221
7.7. Лексика.....	222
7.7.1 Исконная германская лексика.....	222
7.7.2. Заимствования.....	223

7.7.3. Слова неясной этимологии.	224
7.7.4. Предметный фон.	224
Глава 8. Диалектное и ареальное соотношение крымско-готских данных.	225
8.1. Крымско-готский и восточногерманский.	225
8.1.1. Фонетика.	225
8.1.2. Морфология.	226
8.1.3. Лексика.	227
8.2. Крымско-готский и скандинавский.	229
8.2.1. Постановка проблемы.	229
8.2.2. Фонетика.	231
8.2.3. Морфология.	231
8.2.4. Лексика.	232
8.3. Крымско-готский и западногерманский.	233
8.3.1. Постановка проблемы.	233
8.3.2. Фонетика.	234
8.3.3. Морфология.	234
8.3.4. Лексика.	235
8.4. Выводы.	235
Глава 9. Вопрос о расширении круга крымско-готских данных.	237
9.1. Топонимика.	237
9.2. Ономастика.	246
Заключение.	250
Литература.	252
Источники.	252
Словари.	253
Научная литература.	254
Список сокращений.	265
Указатель исследованных слов и основ.	268
Список иллюстраций.	278
Zusammenfassung.	281

Наталья Александровна Ганина
Крымско-готский язык

Главный редактор издательства *И. Л. Савкин*
Дизайн обложки *И. П. Граве*
Оригинал-макет *И. Р. Поздняков*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совнаденис».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 21.12.2010. Формат 60х88 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 18. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 11-76

В монографии представлен всесторонний анализ бытования, письменной фиксации и структурных уровней одного из германских реликтовых языков – крымско-готского. Этот язык совершил уникальный исторический путь от проникновения германцев в Северное Причерноморье в конце III в. до письменной фиксации стараниями О. Г. де Бусбека во второй половине XVI в. Пребывание готов в Крыму – обширная проблема, до сих пор не получившая должного междисциплинарного освещения. В данном исследовании обобщаются как историко-археологические, так и лингвистические аспекты крымско-готской проблемы, а также решаются вопросы, являющиеся смежными для истории, лингвистики и краеведения.

